Струве П.
БК
15
С87
Крепостное хозяйство...
1913

К
15
С87
БК
15
С87

Петръ Струве.

КРѢПОСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

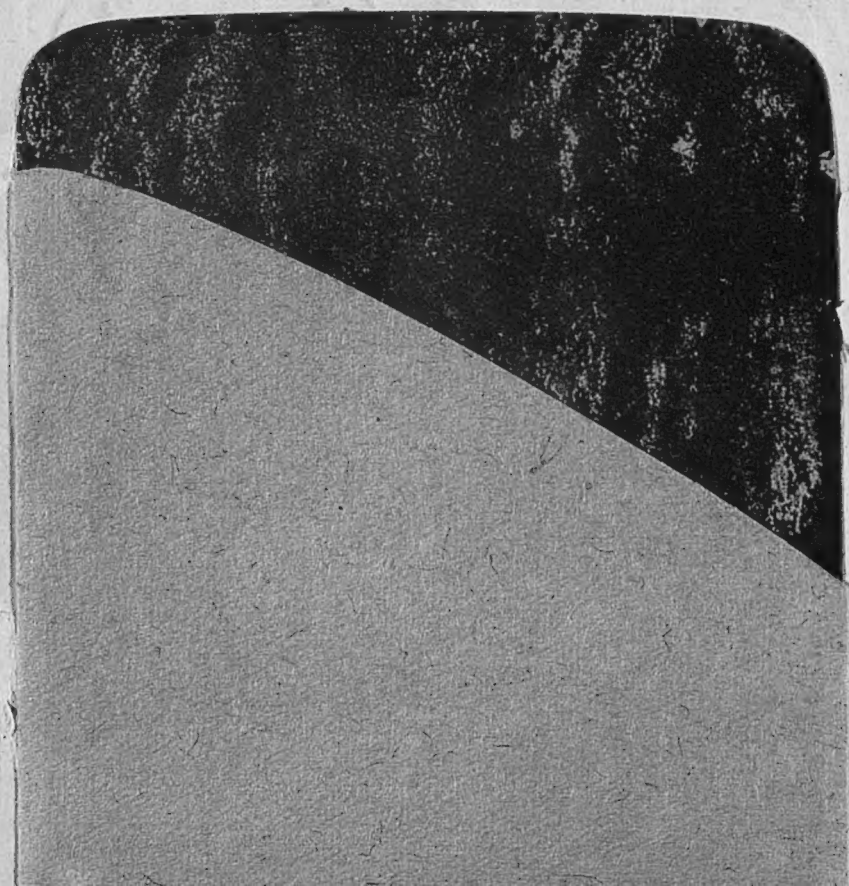
ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ РОССІИ ВЪ XVIII и XIX вв.

839

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.
1913.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА



ообщенія
Фонтанка, 117.

839
ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
182554

Посвящается

дорогой памяти

отошедшихъ друзей:

Константина Константиновича

Бауера

и Василія Семеновича

Голубева.

СОДЕРЖАНІЕ.

стран.

Предисловіе . . . . . VII—IX

Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в. I. Постановка вопроса.—Необходимость изученія крѣпостного хозяйства. II. Эволюція крѣпостного хозяйства съ XV по XVII вѣкъ.—Смѣна вольно-договорныхъ формъ оброка и барщины принудительно-крѣпостными.—Развитіе и укрѣпленіе барщиннаго режима; основная причина этого факта.—Барщина и задолженность крестьянъ.—Теорія кн. *Н. С. Волконскаго.* III. Развитіе денежно-оброчной системы XVIII в.—Причины этого явленія и его смыслъ. Декламаціи писателей XVIII в. противъ оброка и отхода.—Барщина XVIII в.—Крѣпостная фабрика, какъ первая форма помѣщичьяго предпріятія. Крѣпостное ремесло. IV. Соціальное господство дворянства во второй половинѣ XVIII вѣка.—Отраженіе этого факта въ экономической политикѣ.—Развитіе дворянской монополіи винокуренія. Преимущественное право дворянства на снабженіе войска провіантомъ.—Переломъ въ жизни и хозяйственномъ значеніи русскаго дворянства со второй половины XVIII в. V. Развитіе крѣпостного хозяйства въ XIX в. въ направленіи сельско-хозяйственнаго предпринимательства.—Свидѣтельства современниковъ. VI. Повышеніе оброковъ и переходъ отъ оброка къ барщинѣ.—Успѣхи крѣпостной агрономіи. Два ея направленія.—Развитіе сельско-хозяйственныхъ обществъ.—Литературная иллюстрація. VII. Прогрессъ сельскаго хозяйства въ первую половину XIX в.—Развитіе машиностроенія.—Свеклосахарное производство.—Тонкорунное овцеводство.—На чемъ основывались успѣхи сель-

стран.

скаго хозяйства? VIII. Почему барщина была выгоднѣе оброка?—Несостоятельность оброка въ земледѣліи. IX. Сравненіе статистическихъ данныхъ о барщинѣ и оброкѣ въ XVIII и XIX вв. X. Былъ ли вольнонаемный трудъ выгоднѣе барщиннаго? XI. Взглядъ на русскій сельскохозяйственный рынокъ въ XIX в. до освобожденія крестьянъ. XII. Нѣсколько заключительныхъ замѣчаній. Приложеніе I. Подворныя описи крестьянъ съ указаніемъ рода и размѣра повинностей (3 таблицы). Приложеніе II. Къ характеристикѣ барщины и ея интенсификаціи . . . . . 1—170

Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ. 171—212

Крѣпостная статистика . . . . . 213—250

Изъ исторіи идеи крестьянскаго землеустройства . . . 251—287

Первая попытка возбужденія крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра II. На основаніи архивныхъ данныхъ . . . . . 288—308

Маклеръ слугъ и рабочихъ людей. Историческая справка съ приложеніемъ документовъ крѣпостного хозяйства. 309—316

Два отзыва: 1) о книгѣ *В. Г. Бажаева*, 2) о книгѣ *И. И. Игнатовича* . . . . . 317—341

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ предлагаемомъ сборникѣ соединены мои работы по исторіи крѣпостного хозяйства, разбросанныя въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и ставшія теперь уже малодоступными.

Первая и основная статья, въ которой дается общій очеркъ развитія крѣпостного хозяйства, появляется теперь въ сильно дополненномъ видѣ. Въ концѣ 1890-хъ гг. я задался намѣреніемъ написать цѣльную исторію нашего крѣпостного хозяйства и занялся подборомъ матеріаловъ для этой работы. Первымъ абрисомъ ея и была статья, перепечатываемая на первомъ мѣстѣ въ настоящемъ сборникѣ. Въ томъ видѣ, въ какомъ она, послѣ прочтенія въ формѣ доклада въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ, появилась въ свое время въ журналѣ «Міръ Божій», она не заключала ни конкретныхъ иллюстрацій, извлеченныхъ мною въ 1901 году изъ Тверского Архива, ни той характеристики положенія сельскохозяйственнаго рынка въ первой половинѣ XIX в., для которой я использовалъ рѣдкую литературу той эпохи и отчасти Архивъ Императорскаго Вольнаго-Экономическаго Общества, ни разсужденій о причинахъ реформы 19-го февраля 1861 г. Всѣ эти части теперь впервые печатаются. При

этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что предлагаемыя здѣсь разсужденія о причинахъ паденія крѣпостного права почти буквально воспроизводятъ тѣ наброски, которыми я пользовался въ 1899 г. при чтеніи моего доклада. Имѣя въ то время въ виду обработать и развить эти соображенія въ спеціальный этюдъ, я ихъ отдѣлилъ отъ «Основныхъ Моментовъ», о чемъ, однако, мнѣ вскорѣ пришлось пожалѣть, такъ какъ о моихъ взглядахъ на причины паденія крѣпостного права возникли недоразумѣнія, отразившіяся, между прочимъ, въ полемикѣ по этому вопросу между гг. *Рожковымъ* и *Семевскимъ*. *)

Однако и въ дополненномъ видѣ «Основные Моменты» опираются всецѣло на собранный мною болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, но еще не использованный матеріалъ первоисточниковъ, — сверхъ этого матеріала я вообще могъ ввести въ предлагаемыя изслѣдованія лишь мало новаго, сохраняя прежнія рамки своихъ напечатанныхъ работъ.

Планъ большой и связной исторіи русскаго крѣпостного хозяйства въ XVIII и XIX вв., планъ, надъ выполненіемъ котораго я началъ работать въ 1900—1901 гг., мнѣ пришлось отложить, такъ какъ на цѣлый рядъ лѣтъ я отдался исключительно публицистически-политической дѣятельности. Настоящее изданіе фрагментовъ этого обширнаго плана означаетъ, однако, не отказъ отъ дальнѣйшей работы въ указанномъ направленіи, а, я надѣюсь, наоборотъ—возвращеніе къ этой работѣ, быть можетъ, въ нѣсколько иной обрисовкѣ. Нѣкоторыя стороны задуманной мною когда то работы, а именно кри-

*) „Міръ Божій“ 1902 г. № 2 и „Русская Мысль“ 1902 г. № 4.

тическая обработка матеріаловъ статистическихъ приложеній къ трудамъ редакціонныхъ комиссій, находятся теперь въ вѣрныхъ рукахъ такого превосходнаго статистика, какъ *Л. Н. Маресса*, и отъ появленія его работы, я думаю, слѣдуетъ ждать самыхъ обильныхъ плодовъ для познанія условій развитія крѣпостного хозяйства.

Съ другой стороны, съ тѣхъ поръ, что я вернулся къ научной работѣ, я пристально занялся исторіей хозяйственнаго быта въ сравнительно-исторической перспективѣ и въ тѣснѣйшей связи съ теоретическими изслѣдованіями, которымъ посвященъ рядъ моихъ другихъ работъ. Поэтому, теперь задача исторіи русскаго крѣпостного хозяйства окончательно вдвигается для меня въ рамки сравнительно-историческаго изученія всей экономической эволюціи Россіи въ XVIII и XIX вв.

Считаю своимъ долгомъ выразить признательность достопочтенному *В. И. Колосову*, благодаря которому я въ свое время смогъ воспользоваться матеріалами Тверского Архива, и *Н. И. Шиловой*, которая оказала мнѣ большія услуги при печатаніи предлагаемаго сборника.

Октябрь 1913 г.

П. С.

Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в. *).

I.

Постановка вопроса.—Необходимость изученія крѣпостного хозяйства.

Русской экономической исторіи XIX вѣка до сихъ поръ не очень посчастливилось. Историки-спеціалисты какъ-то чуждались этой свѣжей, живой и, во всякомъ случаѣ, полуживой исторіи. Экономисты, повидимому, всецѣло ушли въ созиданіе картины экономической современности, и притомъ рисовали ее — что болѣе чѣмъ понятно, въ младенческій періодъ экономической мысли съ характеризующимъ его сліяніемъ теоретическихъ проблемъ и практическихъ вопросовъ—въ значительной мѣрѣ руководимые опредѣленными идеалами экономической политики: изобразители экономической дѣйствительности всего чаще писали подъ диктовку эко-

*) Настоящій этюдъ представляетъ переработку доклада, читаннаго авторомъ въ декабрѣ 1899 г. въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ. Первоначально напечатанъ въ журналѣ „Міръ Божій“ за 1900 г. №№ 10, 11 и 12.

номической политики. Какъ бы то ни было, славный памятникъ русской мысли—земская статистика—и истолкованіе этого памятника поглощали почти все вниманіе экономистовъ, и исторія хозяйственаго быта Россіи въ истекающемъ столѣтіи оставалась въ загонѣ.

Такъ случилось, что экономическая наука, объясняя современность на основаніи формально самыхъ точныхъ и цѣнныхъ данныхъ (земская статистика!), исторически отправлялась отъ какого-то пустого мѣста. Но «природа боится пустоты»! Неудивительно, что пустое мѣсто скоро оказалось занятымъ легендой или, по меньшей мѣрѣ, нереалистическими представленіями, свидѣтельствовавшими о какихъ-то порокахъ или обманахъ историческаго зрѣнія.

Насъ увѣряли, что до водворенія капитализма—а оно относилось къ 1861 г.—въ русской хозяйственной жизни царило какое-то «народное производство». Это «народное производство» было, если можно такъ выразиться, розовымъ пятномъ, которымъ замѣнялись отсутствовавшія реальныя и реалистическія представленія объ экономической дѣйствительности. Съ другой стороны, насъ завѣряли, и на этотъ разъ мы всѣ, къ сожалѣнію, знали справедливость такихъ завѣреній, что въ прошломъ русской жизни, отдѣленномъ отъ насъ 1861 годомъ, было черное пятно—крѣпостное право. Объ этомъ пятнѣ мы знали больше, гораздо больше, чѣмъ о розовомъ. По правдѣ сказать, о розовомъ мы *ничего не знали*. Но мы оставались въ недоумѣніи: каково же отношеніе розоваго пятна къ черному, какъ они уживались между собой, и что такое во-

обще была эта черноземная дѣйствительность? До сихъ поръ мы пребываемъ въ этомъ недоумѣніи.

Единственнымъ выходомъ изъ того положенія, при которомъ мелькаютъ въ глазахъ какія-то пятна, но нѣтъ ясныхъ очертаній и нѣтъ того богатства красокъ и оттѣнковъ, которыми почти всегда даритъ насъ истинная дѣйствительность, является историческое изученіе, изощреніе историческаго взора.

До сихъ поръ, при изслѣдованіи исторіи крестьянъ и т. н. крестьянскаго вопроса за послѣдніе два вѣка, преимущественное вниманіе обращалось на слѣдующіе пункты: какъ росла, развивалась и крѣпла идея освобожденія крестьянъ (*В. Семевскій*), какъ произведена была крестьянская реформа (*Ивановъ*, *Семеновъ*), каковъ балансъ ея хорошихъ и дурныхъ сторонъ для крестьянскаго населенія (*Янсонъ*); наконецъ, даже въ отношеніи реальныхъ условій прошлаго интересъ изслѣдователей, главнымъ образомъ, направлялся на то, какъ жилось крестьянину при крѣпостномъ режимѣ (*Семевскій*, «Крестьяне при Екатеринѣ»). Интересъ этихъ вопросовъ безспоренъ, и научное выясненіе ихъ было и остается чрезвычайно важнымъ. Но ихъ разработкой не можетъ и не должно ограничиваться изслѣдованіе цѣлаго строя аграрныхъ отношеній. Этотъ строй означалъ не только извѣстный правопорядокъ, которымъ обусловливалось положеніе порабощенныхъ крестьянъ, но и извѣстную организацію производства или, еще шире, хозяйства. И даже независимо отъ какого-либо пристрастія къ т. н. «матеріалистическимъ» или, по просту говоря, экономическимъ объясненіямъ исторіи,—для пониманія происхожденія, жизни и развитія крѣ-

постного строя необходимо предположить извѣстное соотвѣтствіе между его юридической формой—крѣпостнымъ правопорядкомъ и его экономическимъ содержаніемъ — крѣпостнымъ хозяйствомъ. Форма существовала ради своего содержанія. Какова же была жизнь этого содержанія, какъ развивалось оно и къ чему приводило это развитіе?

Поставить этотъ вопросъ, значитъ ввести въ изслѣдованіе исторіи крестьянства недостающій основной членъ — крѣпостное хозяйство. Только изслѣдовавъ крѣпостное хозяйство, мы будемъ въ состояніи сказать, чѣмъ же опредѣлялось существованіе крѣпостного строя и почему онъ палъ.

Только въ самое послѣднее время историческая литература обогатилась работой, сознательно поставившей себѣ задачу—изслѣдовать крѣпостное хозяйство и пролить свѣтъ на его эволюцію. Я имѣю въ виду небольшую, но чрезвычайно цѣнную брошюру *князя Н. Волконскаго* «Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ». (Оттискъ изъ «Трудовъ Рязанской архивной комиссіи», Рязань, 1898). Значеніе этой работы обусловливается тѣмъ, что авторъ (самъ, повидимому, помнящій крѣпостное время) сознательно и съ большимъ искусствомъ прилагаетъ къ крѣпостному хозяйству эволюціонную точку зрѣнія. Благодаря этому, онъ, оперируя надъ ограниченнымъ, но типичнымъ матеріаломъ, пришелъ къ выводамъ, которые, какъ я покажу дальше, подтверждаются болѣе обширнымъ матеріаломъ и, какъ мнѣ кажется, весьма хорошо укладываются въ цѣльную и стройную картину жизни и развитія крѣпостного хозяйства *). Даже

*) Я сошелся въ нѣкоторыхъ выводахъ съ *кн. Волконскимъ*, совершенно независимо отъ него и до знакомства съ его трудомъ.

самыя ошибки *кн. Волконскаго* чрезвычайно поучительны: онѣ вытекаютъ изъ въ высшей степени присущаго этому изслѣдователю плодотворнаго стремленія дать научное объясненіе интересующихъ его явленій.

II.

Эволюція крѣпостного хозяйства съ XV по XVII вѣкъ.—Смѣна вольно-договорныхъ формъ оброка и барщины принудительно-крѣпостными.—Развитіе и укрѣпленіе барщиннаго режима; основная причина этого факта.—Барщина и задолженность крестьянъ.—Теорія кн. Н. С. Волконскаго.

Принимаясь за изображеніе эволюціи крѣпостного хозяйства въ XIX вѣкѣ, мы могли бы, пожалуй, съ грѣхомъ пополамъ отправляться отъ положенія вещей въ XVШ в., взявъ его за данное и не задаваясь вопросомъ, какъ и почему оно возникло. Но этому препятствуетъ одно, очень существенное обстоятельство: писатели XVШ в. въ значительной мѣрѣ разсматривали, какъ мы увидимъ дальше, нѣкоторыя типичныя формы крѣпостного режима своего времени, какъ нѣчто новое. Они сами, такимъ образомъ, отсылаютъ насъ къ прошлому, и намъ поневолѣ приходится заняться историческими прецедентами новѣйшаго крѣпостного хозяйства. Мы должны попытаться, хотя бы схематически, возсоздать процессъ развитія крѣпостного хозяйства.

Поскольку у насъ имѣются указанія источниковъ, мы можемъ сказать, что русскіе крестьяне никогда не сидѣли на своей землѣ *). Ни крестьяне

*) Исключеніе представляютъ новгородскіе „своеземцы".

кіевской Руси, ни крестьяне московской Руси не были землевладѣльцами: они обрабатывали чужую, частновладѣльческую или княжескую, землю.

На частновладѣльческой землѣ крестьяне сидѣли первоначально, какъ настоящіе, болѣе или менѣе, вольные арендаторы. Какой характеръ имѣла эта аренда? Первоначально, повидимому, это была натуральная аренда или, точнѣе, аренда изъ доли продукта in natura. Таковы были «изорники» Псковской Судной Грамоты, нормально платившіе, по общепринятому мнѣнію, $^1/_4$ урожая землевладѣльцу (ст. 42 и 63 П. С. Гр.). «По новогородскимъ писцовымъ книгамъ 1495 и 1550 гг. обработка земли изъ извѣстной доли продукта была повсемѣстнымъ и почти единственнымъ видомъ пользованія землею въ имѣніяхъ всѣхъ названій. Половничество было также обыкновенно въ Тверскомъ княжествѣ... и до XV—XVI вѣка, вѣроятно, во всей Россіи...» (*П. А. Соколовскій*, «Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ». Спб. 1878, стр. 33). Тотъ же изслѣдователь указалъ, что «въ XVI вѣкѣ въ области московскаго государства половничество повсюду исчезаетъ, громадное большинство крестьянъ платитъ землевладѣльцамъ опредѣленный оброкъ въ началѣ столѣтія преимущественно хлѣбомъ, къ концу — по большей части деньгами» (l. c., стр. 33).

Такимъ образомъ, съ XV по XVII вѣкъ крестьянско-помѣщичьи отношенія эволюціонировали такъ: издольная натуральная аренда смѣнилась натуральной же арендой въ заранѣе опредѣленномъ размѣрѣ, которая, въ свою очередь, уступила мѣсто арендѣ

денежной. Такъ представляетъ дѣло и одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей *), который на основаніи этой схемы даже приходитъ къ выводу, что «тяжесть владѣльческихъ поборовъ уменьшилась въ XVI вѣкѣ сравнительно съ предшествующимъ временемъ» (*Н. Рожковъ*, l. c.). Авторъ самъ при-

*) „Аренда владѣльческой земли изъ натуральнаго оброка хронологически предшествовала арендѣ за денежную плату; это подтверждается и фактами: наблюденія надъ новгородскими писцовыми книгами убѣдительно свидѣтельствуютъ, что въ новгородскихъ пятинахъ въ концѣ XV вѣка преобладало половничество, тогда какъ по мѣрѣ углубленія въ XVI вѣкъ денежная аренда пріобрѣтала все болѣе и болѣе господствующее положеніе... По извѣстной переписной окладной книгѣ 1500 года, въ помѣстьяхъ и монастырскихъ земляхъ землевладѣльцы обыкновенно получали съ крестьянъ доходъ долею продукта—чаще всего встрѣчается норма „изъ хлѣба треть“; въ 1568 году такой порядокъ уплаты натуральнаго оброка крестьянами встрѣчается въ Вотской пятинѣ уже не такъ часто, рѣже, чѣмъ въ концѣ XV вѣка; онъ замѣняется теперь или взносомъ хлѣба „посполь“, т. е., въ точно опредѣленныхъ размѣрахъ, не зависящихъ отъ урожая, напримѣръ, съ каждой обжи платятъ по 1 коробкѣ ржи, 1 четверткѣ жита (=ячменя), 1 четверткѣ пшеницы, $^1/_2$ коробкѣ овса, не считая издѣлья и небольшого денежнаго сбора, или прямо денежнымъ оброкомъ, обычный размѣръ котораго, по книгѣ, 1 р. съ обжи. Еще ближе, къ концу XVI в., въ 90-хъ годахъ, нѣтъ уже совершенно слѣдовъ половничества. Есть признаки и того, что въ центральной Руси, въ XVI вѣкѣ уже не знавшей половничества, раньше существовала эта довольно примитивная форма отношеній между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ. До насъ дошла одна правая грамота по земельному спору между Троице-Сергіевымъ монастыремъ и крестьянами черныхъ волостей Залѣсья и Березовца, Костромского уѣзда. Это было въ 1522—1523 году. Одинъ изъ свидѣтелей-старожильцевъ, по словамъ грамоты, далъ слѣдущее показаніе: „Отецъ мой, господине, пришолъ въ ту землю Оглоблинскую, а якъ со своимъ отцомъ, на того Степанково отца мѣсто на Понафидино п о л о в н и ч е с т в о; а ужъ тому полпятидесятъ лѣтъ, а п о л о в н и ч а ю, господине, на монастырь“. Писцовая книга Торопецкаго уѣзда, относящаяся къ началу 40-хъ го-

знаетъ свой выводъ «страннымъ» *), и намъ кажется, что въ основу его легло дѣйствительно странное забвеніе того факта, что денежный оброкъ въ общемъ въ разсматриваемую эпоху сочетается съ оброкомъ натуральнымъ и съ барщиной, которая именно въ это время начинаетъ развиваться, и безъ появленія и упроченія которой самый процессъ стихійнаго прикрѣпленія къ землѣ и закрѣпощенія крестьянъ былъ бы непонятенъ.

довъ XVI вѣка, также содержитъ въ себѣ указанія на половниковъ, но рѣдкія: очевидно, это были пережившіе, случайно уцѣлѣвшіе остатки предыдущей эпохи: въ Стрежинской переварѣ въ д. Головковѣ, напримѣръ, жилъ „Сидарко Кузминъ половникъ“. Еще дольше сохранилось половничество въ Хлыновскомъ (Вятскомъ) уѣздѣ: въ двухъ деревняхъ Успенскаго монастыря еще въ 1590 г. жили половники“. (*Н. Рожковъ,* рецензія на книгу *М. Дьяконова,* Журн. М-ва Нар. Просвѣщенія 1899 г., январь, стр. 237—238).

*) Выводъ *г. Рожкова* противорѣчитъ всему тому, что намъ было до сихъ поръ извѣстно. (См. *Бѣляевъ,* „Крестьяне на Руси“. Изд. 1879, стр. 88 и слѣд., *Милюковъ,* „Очерки по исторіи русской культуры“, I (изд. 3-е. Спб. 1898), стр. 197 и слѣд., *Платоновъ,* „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вв.“. Спб. 1899, стр. 160 и слѣд. Опорой для мнѣнія г. Рожкова,—помимо чисто цифровыхъ доказательствъ, намъ неизвѣстныхъ,—могло бы служить указаніе на „землевладѣльческій кризисъ“ XVI в., вслѣдствіе отлива населенія изъ центра и съ сѣвера на югъ и востокъ,—кризисъ, выражавшійся въ усиленной погонѣ землевладѣльцевъ за рабочей силой. Но этотъ кризисъ самъ, въ свою очередь, не могъ не быть вызванъ чрезмѣрной эксплуатаціей крестьянскаго населенія. Мы имѣемъ, кромѣ того, положительныя указанія на то, что „половникамъ“ жилось лучше, чѣмъ рядовымъ оброчнымъ крестьянамъ. „Крестьяне тянутъ сообща и отвѣчаютъ другъ за друга въ исправности платежа. Такая отвѣтственность, конечно, была весьма тяжела. Приходилось платить не только за себя, но и за неисправныхъ членовъ общества, а нерѣдко и за пустые участки, за пустую братню или зятню долю и т. д. Такой порядокъ

Мало разработанный вопросъ о первоначальной исторіи русской земледѣльческой барщины породилъ разныя мнѣнія. *Владимірскій-Будановъ* утверждаетъ, что «уже въ древнѣйшихъ письменныхъ свидѣтельствахъ Московскаго государства находимъ, что всѣ (курсивъ автора) крестьяне были обязаны барщиной» и что «нельзя видѣть большого преувеличенія въ словахъ *Герберштейна* о началѣ XVI в., что поселяне работаютъ на своего господина 6 (sic!) дней въ недѣлю, седьмой же день предоставленъ имъ на собственную работу» («Обзоръ исторіи русскаго права», 2-е изд., стр. 136). Съ другой стороны, *Соколовскій* говоритъ, что передъ крѣпостнымъ правомъ «барщина составляетъ еще весьма рѣдкое исключеніе; развитіе ея принадлежитъ слѣдующему періоду» (l. c., стр. 34), а г. *Лаппо* на основаніи изученнаго имъ матеріала по Тверскому уѣзду указываетъ, что «извѣстія о барщинѣ въ XVI в. немногочисленны». Мнѣніе г. *Владимірскаго-Буданова* и лежащее въ основѣ его невѣроятное показаніе *Герберштейна* несомнѣнно преувеличиваютъ значеніе барщины въ XV и XVI в., но, съ другой стороны, врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, что уже въ XVI вѣкѣ барщинный режимъ представляетъ

вызвалъ появленіе, такъ называемыхъ, „опричныхъ“ тяглецовъ, которые расчищали пашню сами собой и платили совершенно самостоятельно, независимо отъ круговой, общинной поруки. Конечно, такой способъ веденія своего хозяйства требовалъ извѣстной доли благосостоянія отъ того, кто его велъ. Болѣе состоятельные же крестьяне нерѣдко рядились „исполу“, обрабатывая землю и платя за нее половину сбора владѣльцу, а половину оставляя себѣ. Эти крестьяне назывались половниками“. (*И. И. Лаппо*. „Тверской уѣздъ въ XVI в. Его населеніе и виды земельнаго надѣла“. М. 1894. стр. 51).

прочный и немаловажный элементъ русскаго аграрнего строя. «Уже въ самыхъ древнихъ *) изъ извѣстныхъ порядныхъ къ условію объ арендѣ участка земли присоединяются обязательства, кромѣ уплаты государственныхъ сборовъ и доходовъ въ пользу землевладѣльца, дѣлать на послѣдняго всякое дѣло, т. е. нести въ его пользу барщинныя повинности, которыя иногда замѣнялись оброкомъ. Въ порядной мы имѣемъ какъ бы соединеніе двухъ договоровъ: аренды участка земли (locatio conductio rei) и найма личныхъ услугъ (locatio conductio operarum). Къ этимъ двумъ основнымъ сдѣлкамъ могли присоединяться и присоединялись другія побочныя условія: о льготѣ, о подмогѣ, о поручительствѣ» (*М. Дьяконовъ.* «Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (XVI—XVII в.)» Спб. 1898, стр. 132).

Вотъ образецъ условія: „Впредь намъ Ортемью и Семену жити за государемъ своимъ за Иваномъ въ крестьянствѣ, гдѣ онъ насъ посадилъ въ своей деревнѣ на пустомъ жеребью или на пустоши и, живучи, хоромы поставить и пашня пахати, поля огородити, пожни и луги расчищати, какъ у прочихъ жилецкихъ крестьянъ, и съ живущие пашни государевы всякое волостныя подати платити и помѣщицкое всякое дѣло дѣлати и пашню на него пахати и денежный оброкъ, чѣмъ онъ изоброчитъ, платити и со всякаго хлѣба изо ржи и изъ яри пятина давати ежегода...“ (Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Вып. I Крестьянскія порядныя, Юрьевъ, 1895,

*) Онѣ относятся къ половинѣ XVI в. П. С.

№ 5). Тутъ мы видимъ сочетаніе всѣхъ трехъ главныхъ видовъ крестьянскихъ повинностей въ пользу помѣщика: натуральнаго (издольнаго) оброка — пятины, оброка денежнаго и барщины, которая ни въ одной изъ собранныхъ *г. Дьяконовымъ* порядныхъ не является опредѣленной по своимъ размѣрамъ. Барщина въ этихъ документахъ именуется «дѣло», „издѣлье", „работа", „работное дѣло". Иногда пахота—„пашня пахати" выдѣляется особо („и на нихъ властей своихъ пашня пахать и всякое здѣлье дѣлать" № 78, „пашня на него пахать и сѣно косить и всякое здѣлье дѣлать" № 74, тоже № 64, и „здѣлье дѣлать и пашню на монастырь пахати" № 54). Когда порядная заключается съ помѣщикомъ, то „дѣло" называется „помѣщицкимъ", „помѣщиковымъ", „боярскимъ", „дворовымъ боярскимъ" или просто „дворовымъ". Новопорядчики обязуются «дѣло» дѣлать «съ крестьянами» или «сусѣдями» или «съ товарищи»; это значитъ, конечно, что и старожильцы несли барщину, что о барщинѣ, такимъ образомъ, въ порядныхъ говорится, какъ о чемъ-то обычномъ, установившемся, какъ бы общеобязательномъ.

Слово «издѣлье» настолько ясно обозначаетъ во всѣхъ порядныхъ барщинную работу, что какъ-то странно отмѣчать разногласія ученыхъ въ толкованіи термина «издѣльное серебро». Онъ объясненъ уже въ 50-хъ годахъ *Б. Н. Чичеринымъ*. «Ссуды, которыя давались въ виду будущей работы, назывались серебромъ издѣльнымъ и сами крестьяне назывались издѣльниками» *).

*) „Опыты по исторіи русскаго права", М. 1858, стр. 201. *В. И. Сергѣевичъ* пустилъ въ ходъ совершенно невѣроятное объясненіе терминовъ серебро „издѣльное" и серебро „въ пашнѣ" въ

Итакъ барщина, а съ нею вмѣстѣ и крѣпостное хозяйство на Руси довольно стараго происхожденія. Но это не значитъ, чтобы барщина стояла все время на одномъ мѣстѣ и чтобы у нея не было въ русскомъ аграрномъ строѣ историческаго прецедента, въ взаимодѣйствіи съ которымъ она развивалась.

смыслѣ обозначенія просроченнаго и превратившагося въ недоимку денежнаго оброка („Русскія юридическія древности", т. I. Спб. 1890, стр. 203—204). Онъ, а вслѣдъ за нимъ и осторожный *г. Дьяконовъ*, который, впрочемъ, не склоняется ни къ какому опредѣленному рѣшенію, указываютъ въ подкрѣпленіе такого толкованія на духовную кн. Андрея Васильевича, на которую ссылался и *Чичеринъ*. Въ этомъ документѣ говорится о „серебрѣ издѣльномъ и ростовомъ" и о „житѣ заемномъ и оброчномъ". *Г. Дьяконовъ* замѣчаетъ, что „въ первомъ случаѣ противополагается серебро ростовое издѣльному, во второмъ жито заемное оброчному" (l. c., стр. 81). Противоположеній тутъ, строго говоря, никакихъ нѣтъ, а потому для заключенія, что, такъ какъ понятія „ростовое" и „заемное", „конечно тождественны", то „ихъ противоположенія" „издѣльное" и „оброчное" „могли быть тождественны"—нѣтъ основаній. Это разсужденіе логически дефектно, и, по существу, совершенно неправильно. Жито „заемное" есть ссуда на сѣмена или на пропитаніе, жито „оброчное" есть невыплаченный натуральный оброкъ. „Издѣльное" и „оброчное" „не могли быть тождественны", потому что и з д ѣ л ь е и о б р о к ъ в с е г д а р а з л и ч а л и с ь, никогда не смѣшивались и не отождествлялись: слово издѣлье, начиная съ XV в., имѣло и сохранило до нашихъ дней значеніе работы на помѣщика. „Пашня" есть видъ издѣлья, самый главный его видъ. „Мнѣ Ѳеткѣ съ своево крестьянсково участка съ своими товарищи, а съ его крестьяны, вмѣсте дѣло ево помѣщицкое пашенное и гуменное и дворовое дѣлати и оброкъ его платити" (Акты изд. *Дьяконовымъ*, № 51). Терминъ „пашня" въ смыслѣ пахотной работы на помѣщика, такъ же какъ и слово „издѣлье", сохранился съ XV в. (а, можетъ быть, и съ болѣе ранняго времени) до XIX в. „Серебро въ пашнѣ" и „серебро издѣльное"—выраженія тождественныя и имѣютъ именно тотъ смыслъ, который приписываетъ имъ *Б. Н. Чичеринъ*.

Мы имѣемъ въ виду трудъ на землевладѣльцевъ земледѣльческихъ холоповъ. Заслуга указанія значенія этого фактора въ исторіи русской хозяйственной жизни принадлежитъ *В. О. Ключевскому*. Крестьянской работѣ на землевладѣльца предшествовала холопская работа, и результатомъ сближенія этихъ двухъ видовъ эксплуатаціи труда и двухъ разрядовъ земледѣльческихъ рабочихъ явился настоящій крѣпостной строй съ характеризующей его принудительной барщиной надѣленныхъ землей земледѣльцевъ. Наблюденіе, видящее въ сближеніи юридическаго положенія крестьянъ и холоповъ тотъ путь, которымъ создалось крѣпостное право, одинаково вѣрно и въ приложеніи къ крѣпостному хозяйству. Въ сущности, оно и не могло быть иначе, такъ какъ хозяйственныя функціи крѣпостного права были несомнѣнно важнѣйшимъ его содержаніемъ.

Обратимся къ фактамъ. Уже къ началу XI вѣка въ составѣ несвободнаго населенія появилась «челядь, жившая по селамъ», т. е. рабы-земледѣльцы. *Ключевскій* предполагаетъ даже, что въ XI и XII вв. эти холопы, исполнявшіе земледѣльческій трудъ, составляли самое многочисленное, если не единственное, рабочее населеніе частныхъ земельныхъ имуществъ, какъ боярскихъ, такъ и княжескихъ. «Переходъ къ сельско-хозяйственной утилизаціи холопьяго труда, прежде употреблявшагося только на домашнія или торговыя услуги, былъ, безъ сомнѣнія, большимъ шагомъ впередъ для русскаго народнаго хозяйства. Но этому экономическому успѣху можно придавать и важное юридическое значеніе: онъ долженъ былъ оказать разительное вліяніе и на развитіе самаго права зе-

мельной собственности... Хлѣбопашество холопскими руками, повидимому, не было первичнымъ способомъ эксплоатаціи частной земельной собственности на Руси: холопу-земледѣльцу предшествовалъ холопъ-пастухъ».

Путемъ перевода земледѣльческихъ холоповъ изъ барскаго двора въ положеніе надѣленныхъ земельнымъ участкомъ, т. е. собственнымъ хозяйствомъ, земледѣльцевъ, возникъ классъ т.-н. «холоповъ-страдниковъ», или «пахотныхъ холоповъ». Иниціатива въ созданіи этого промежуточнаго между крестьянами-арендаторами и живущею въ барскомъ дворѣ челядью класса, повидимому, принадлежала церкви. Въ вотчинахъ свѣтскихъ владѣльцевъ переходъ къ новому порядку вещей начался, по мнѣнію *Ключевскаго*, не прямо переводомъ сельскаго дворового холопа на особый земельный участокъ, а раздачей участковъ свободнымъ поселенцамъ-крестьянамъ на условіяхъ зависимости, близкой къ холопству. Въ XV в. «пахотные холопы-страдники уже являются въ составѣ сельскаго населенія старинным и значительнымъ классомъ, хозяйственный и юридическій бытъ котораго успѣлъ прочно установиться» *).

Итакъ, первичной формой барщины былъ трудъ холоповъ на владѣльческой пашнѣ. Но широкое примѣненіе рабскаго недомашняго труда въ эпоху преобладанія натуральнаго хозяйства является экономической и психологической невозможностью. Трудъ рабовъ есть едва ли не первая въ исторіи

*) *В. Ключевскій.* „Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи“ въ „Русской Мысли“ за 1886 г.

форма концентраціи рабочихъ силъ и ихъ организаціи въ крупное производство на рынокъ. Между тѣмъ данныхъ для крупнаго производства на сбытъ не существуетъ въ такія преимущественно натурально-хозяйственныя эпохи, какъ та, съ которой мы имѣемъ дѣло. Организація рабскаго труда въ широкомъ размѣрѣ требуетъ предпринимателя и недоступна представителю хозяйственнаго цѣлаго, производящаго продукты прежде всего для потребленія. Для русскаго землевладѣльца XV и послѣдующихъ вѣковъ она, кромѣ того, становилась все менѣе и менѣе возможной, по мѣрѣ того какъ государство все болѣе и болѣе запрягало этого землевладѣльца въ свое тягло, т. е. по мѣрѣ того, какъ землевладѣльческій классъ становился служилымъ и въ силу этого неизбѣжно подпадалъ абсентеизму и невозможности энергичнаго веденія хозяйства и даже наблюденія за нимъ. Съ другой стороны, то же самое положеніе служилаго класса, въ которое окончательно попали землевладѣльцы, несомнѣнно увеличивало и количественно, и качественно ихъ потребности. Они должны были стремиться къ повышенію эксплоатаціи труда землевладѣльцевъ. Будучи экономически и тѣмъ самымъ психологически неспособны сдѣлать это въ той формѣ, въ которой это нѣкогда сдѣлали рабовладѣльцы-сельскіе хозяева позднѣйшей римской республики, они не могли создать ничего другого, кромѣ опирающагося на барщину крѣпостного хозяйства съ его необходимой юридической формой—крѣпостнымъ правомъ. Натуральная аренда была невыгодна для землевладѣльцевъ—она давала слишкомъ незначительный прибавочный продуктъ; денежная аренда была невозможна

для земледѣльцевъ—они не были въ состояніи, при преобладаніи въ странѣ натуральнаго хозяйства, реализовать въ деньгахъ такую сумму, которая могла бы быть достаточна для землевладѣльца. Такъ, естественно слагался строй хозяйства, въ которомъ крѣпостной земледѣлецъ, сидѣвшій на владѣльческой землѣ, платилъ за нее своимъ трудомъ, продуктомъ и деньгами. Но значеніе этихъ трехъ формъ присвоенія землевладѣльцемъ прибавочнаго продукта было неодинаково въ XVI и XVII вв. Мы имѣемъ основаніе думать, что тенденція, характеризующая развитіе аграрнаго строя въ эту эпоху, состоитъ въ томъ, что наибольшій экономическій вѣсъ постепенно пріобрѣтаетъ барщина, тогда какъ натуральный оброкъ все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ.

Мы сказали, что крѣпостной строй былъ результатомъ стремленія землевладѣльцевъ къ повышенію степени эксплоатаціи земледѣльцевъ. Это ясно видно изъ слѣдующаго сопоставленія. Въ XVIII в. крестьяне уже нерѣдко обрабатывали на себя и на помѣщика землю поровну *), что соотвѣтствуетъ нормѣ арендной платы при арендѣ за отработки 70-хъ гг. XIX вѣка (по даннымъ Валуевской комиссіи). По расчету *Соколовскаго* (1. с., 40) новѣйшая отработочная

*) По авторитетному свидѣтельству *Болотова*, относящемуся, правда, по всей вѣроятности, только къ губерніямъ, лежавшимъ на югъ отъ Москвы, „по большей части почитается за правило, чтобы крестьянинъ столько же земли пахалъ на господина, сколько онъ для себя вспахать можетъ или сколько подъ собою имѣетъ...“ („Наказъ управителю или приказчику, какимъ образомъ ему править деревнями въ небытность своего господина“ въ „Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества“, часть XVI, Спб. 1770 г., стр. 183).

аренда въ 4 или 5 разъ превосходитъ барщину въ XVI в. Даже, если принять, согласно выводу *г. Семевскаго* («Крестьяне при Екатеринѣ», стр. 35 и 65), что въ среднемъ въ XVIII в. при барщинѣ крестьянская запашка относилась къ господской, какъ 2 : 1, то все-таки, беря для сравненія данныя *Соколовскаго*, мы вынуждены будемъ констатировать за два столѣтія повышеніе вдвое уровня эксплоатаціи. Этотъ выводъ не только не долженъ насъ удивлять, но, наоборотъ, лишь онъ объясняетъ намъ, ради чего совершилось закрѣпощеніе крестьянъ. Оно совершилось ради расширенія области прибавочнаго труда насчетъ области труда необходимаго.

Такимъ образомъ, перестройка аграрныхъ отношеній, превращеніе ихъ изъ вольно-договорныхъ въ принудительно-крѣпостныя означало собой коренное юридическое и хозяйственное измѣненіе оброка и барщины. Оброкъ изъ арендной платы превратился въ односторонне назначаемую владѣльческую подать, повышеніе которой могло быть теоретически безграничнымъ; барщина изъ легкихъ отработковъ сдѣлалась тяжелой повинностью. Первоначально она состояла въ обязанности отработать извѣстное пространство земли за право пользованія уступленнымъ землевладѣльцемъ участкомъ, другими словами, крестьянская барщина на первыхъ порахъ представляла отработочную аренду, какъ оброкъ — натуральную и денежную аренду, какъ половничество—аренду издольную. Теперь она превратилась въ поднадзорный принудительный трудъ, въ отбываніе барщинныхъ дней. Послѣ того, какъ оброкъ и барщина окон-

чательно получили принудительно-крѣпостной характеръ, дальнѣйшее повышеніе эксплоатаціи крестьянскаго труда въ рамкахъ этихъ формъ составляло лишь вопросъ голаго хозяйственнаго факта. Какъ совершалось это повышеніе, мы прослѣдимъ ниже.

Конечно, въ закрѣпощеніи крестьянъ свою роль сыграла и борьба противъ отлива крестьянъ, породившаго землевладѣльческій кризисъ конца XVI в., но и помимо отлива населенія, землевладѣльцы ростомъ своихъ потребностей были бы вынуждены стянуть крестьянство крѣпостными узами, чтобы обезпечить себѣ наивыгоднѣйшую эксплоатацію его труда. Наилучшимъ способомъ для это была организація крѣпостного хозяйства на основѣ барщины. Съ этимъ вполнѣ согласуется тотъ фактъ, что растущей соціально-экономической силой въ XVI вѣкѣ было монастырское землевладѣніе и монастырское хозяйство, которое какъ разъ располагало всѣми средствами для наилучшей организаціи земельнаго хозяйства и которое, соотвѣтственно этому, явилось главнымъ носителемъ барщиннаго режима.

Монастырь московской Руси «былъ самымъ чистымъ типомъ землевладѣльца и капиталиста» (*С. В. Рождественскій*, «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка». Спб. 1897, стр. 87). «Въ монастырскихъ вотчинахъ хозяйскіе рука и глазъ не отрывались отъ своего дѣла посторонними обязанностями и заботами, какъ это бывало на служилыхъ земляхъ, отъ которыхъ служба государева постоянно отрывала хозяина. Эти выгоды въ экономическомъ положеніи мона-

стыря выступаютъ особенно ясно, если ихъ сопоставить съ положеніемъ служилаго класса, подвергавшагося всѣмъ тягостямъ безденежья и недостатка служилыхъ рукъ, военной службы, отрывавшей его отъ хозяйственной дѣятельности» (ibidem).

Установленіе и укрѣпленіе барщиннаго режима находитъ себѣ, какъ мы указывали выше, общее объясненіе въ томъ, что этотъ режимъ обезпечивалъ наивысшій доходъ землевладѣльцамъ. Водвореніе барщиннаго режима облегчалось еще тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находилось большинство земледѣльцевъ въ разсматриваемую эпоху. Послѣдніе были въ долговой кабалѣ у первыхъ. «Вольный и перехожій арендаторъ-крестьянинъ приходилъ на чужую землю съ пустыми руками, т. е. безъ капитала, безъ земледѣльческаго инвентаря; селясь на чужой землѣ, онъ, обыкновенно, нуждался въ ссудѣ, въ подмогѣ со стороны землевладѣльца» (*Ключевскій*). Въ этой подмогѣ *Ключевскій* видитъ главный источникъ барщины. Оброкъ и барщина, говоритъ онъ, «выходили изъ разныхъ источниковъ: денежный и хлѣбный оброкъ въ древней Руси былъ собственно рентой, платой за пользованіе чужою землей. «Издѣліе» имѣло совсѣмъ другое происхожденіе. Крестьянинъ, садясь на чужой землѣ, обыкновенно бралъ у хозяина ссуду или «подмогу». За это, вмѣсто платежа процентовъ, крестьянинъ обязывался работать на хозяина, чаще всего пахать извѣстное количество земли. Итакъ, барщина вышла изъ соединенія поземельнаго найма съ денежнымъ или другимъ (т.-е. натуральнымъ? П. С.) займомъ». Это объясненіе барщины односторонне и недостаточно, но оно,

конечно, совершенно правильно выдвигаетъ одинъ изъ факторовъ развитія и укрѣпленія барщиннаго режима. Оно недостаточно, во-1-хъ, потому, что барщина надѣленныхъ землей хлѣбопашцевъ имѣла и другой источникъ, указанный самимъ *Ключевскимъ* — сажаніе холоповъ на землю; во-2-хъ, потому, что, повторяемъ, при преобладаніи натуральнаго хозяйства, барщина была вообще самымъ выгоднымъ способомъ эксплоатаціи земли и земледѣльческаго труда. Съ этими оговорками, указаніе на задолженность крестьянъ, какъ на крупный факторъ установленія барщиннаго режима *), слѣдуетъ признать совершенно правильнымъ. Задолженность и, общѣе, маломочность крестьянъ дѣлала ихъ совершенно неспособными стать въ положеніе денежныхъ арендаторовъ: они не имѣли для того ни капитала, ни рынка, а даже, если бы у нихъ и былъ рынокъ, то они были бы на немъ совершенно безсильны. Но самое главное это то, что принудительный трудъ подъ надзоромъ въ ту эпоху былъ несомнѣнно болѣе производителенъ, чѣмъ свободный. Онъ являлся болѣе производительнымъ и объективно—по абсолютной массѣ продукта—и въ особенности съ точки зрѣнія получателей прибавочнаго продукта, такъ какъ онъ гарантировалъ имъ большее количество послѣдняго **).

Князь Н. С. Волконскій въ указанномъ изслѣдованіи выставилъ оригинальную теорію происхо-

*) Указаніе это еще до *В. О. Ключевскаго* сдѣлано было *И. Д. Бѣляевымъ* см. „Крестьяне на Руси, изд. 1879 г. стр. 39.

**) Это положеніе мы докажемъ подробно для болѣе поздней эпохи. По отношенію къ XVI—XVII в. оно тогда окажется вѣрнымъ уже a fortiori.

жденія барщины, на которой намъ нельзя не остановиться. Переходъ къ барщинѣ отъ натуральнаго оброка-аренды онъ ставитъ въ связь съ расхожденіемъ потребностей собственника земли и его домочадцевъ съ потребностями самихъ арендаторовъ. «Такой способъ хозяйства (натуральная аренда)—говоритъ онъ (l. c. 9),—могъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока потребности собственника земли и его домочадцевъ не расходились сильно съ потребностями жизни самихъ арендаторовъ, пока эти потребности могли удовлетворяться тѣми же самыми произведеніями, которыя получались въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Но съ той минуты, когда это условіе переставало существовать, какъ скоро потребности собственниковъ земли становились настолько отличными отъ потребностей крестьянъ-арендаторовъ, что ихъ уже не могли удовлетворить произведенія крестьянскаго хозяйства, становилось необходимымъ измѣнить самый способъ полученія дохода съ земли. Возникновеніе дворни, которая переработала бы произведенія крестьянскаго хозяйства въ предметы барскаго потребленія, должно было быть самымъ прямымъ, естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія. Этимъ путемъ вопросъ рѣшался всего проще, не сходя съ почвы натуральнаго хозяйства. Но вмѣстѣ съ возникновеніемъ такой дворни измѣнялся и спросъ на родъ произведеній крестьянскаго труда; вмѣсто вполнѣ готовыхъ произведеній, отъ нихъ потребовалось теперь только сырье, только матеріалъ, который могъ бы быть переработанъ дворней въ нужные для хозяина предметы. На приготовленіе этого сырья, притомъ того именно качества, какое требо-

валось, явилась надобность отдѣлить часть земли для запашки на барина, и крѣпостной трудъ сталъ прилагаться къ этой землѣ уже по указанію собственника земли. Если потребность въ такого рода запашкѣ чувствовалась подчасъ и раньше..., то теперь это станетъ правиломъ. Притомъ наличность крѣпостной зависимости рабочихъ отъ барина отольетъ этотъ способъ приложенія крестьянскаго труда въ другія формы; явится возможность для возникновенія формальной барщины».

Эта теорія, при всей своей подкупающей стройности и простотѣ, не выдерживаетъ критики. Она, очевидно, навѣяна даннымъ въ статьѣ *Забѣлина* «Большой бояринъ» («Вѣстникъ Европы» 1871 г. январь и февраль) изображеніемъ крупнаго вотчиннаго хозяйства боярина Морозова. *Кн. Волконскій* упускаетъ изъ виду самое главное: онъ забываетъ, что натуральный оброкъ—беря развитіе схематически—смѣнился не барщиной, а оброкомъ денежнымъ, рядомъ съ которымъ или послѣ котораго явилась барщина. Такимъ образомъ, барщина въ гораздо большей мѣрѣ есть результатъ эволюціи денежнаго оброка, чѣмъ оброка натуральнаго. Съ точки зрѣнія помѣщика она—элементъ денежнаго хозяйства, средство полученія денежнаго дохода. Это вѣрно, конечно, не абсолютно, но это, несомнѣнно, общее правило. Барщина, если не создалась, то, во всякомъ случаѣ укрѣпилась благодаря своему денежно-хозяйственному значенію для землевладѣльческаго класса. «Перерабатывающая дворня» въ среднемъ помѣщичьемъ хозяйствѣ никогда, даже въ XIX в., крупной роли не играла. И что бы она могла перерабатывать? Переработка волокнистыхъ

веществъ въ XVII, XVIII и въ XIX вв. въ гораздо большей мѣрѣ составляла одну изъ формъ натуральной повинности крестьянъ, являясь, такъ сказать, домашней барщиной крестьянскаго женскаго населенія, чѣмъ сферой примѣненія рабочихъ силъ дворни. И даже то сырье, которое «перерабатывалось» дворней, производилось не только на господской землѣ, но и на крестьянской, представляя изъ себя часть того натуральнаго оброка, который наше крестьянство не переставало уплачивать вплоть до своего освобожденія, хотя онъ все болѣе и болѣе терялъ свою хозяйственную raison d'etre и свою привлекательность для помѣщиковъ. Такимъ образомъ, для того, чтобы перерабатывающая дворня была занята, вовсе не было надобности въ сколько-нибудь значительномъ расширеніи барской запашки и барщиннаго труда. Это не все. Развитіе «перерабатывающей дворни», какъ массовое явленіе, если и можно предположить, то, во всякомъ случаѣ, только въ XVIII в., который характеризуется привлеченіемъ въ Россію въ значительномъ числѣ иностранныхъ ремесленниковъ, возникновеніемъ, въ связи съ этимъ, городского ремесла и развитіемъ, подъ его вліяніемъ, ремесла крѣпостного. Однако и тутъ главная роль принадлежитъ не классу дворовыхъ, а классу оброчныхъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, теорія *кн. Волконскаго* не можетъ быть принята, но, дѣйствительно, XVII в., какъ мы уже указывали выше, характеризуется расширеніемъ и укрѣпленіемъ барщиннаго режима, преслѣдующаго денежно-хозяйственную эксплоатацію крестьянскаго труда. Эта характеристика сама собой наводитъ на мысль о связи такого развитія

крѣпостного хозяйства съ опредѣленной эволюціей хлѣбныхъ цѣнъ.

Въ самомъ дѣлѣ, «хлѣбъ въ началѣ XVII в. стоилъ въ пять разъ дороже, чѣмъ былъ во второй половинѣ XVI в. Если эти выводы заслуживаютъ довѣрія, то они очень выразительно обозначаютъ силу народно-хозяйственнаго потрясенія, испытаннаго московскою землею въ смутное время» (*Ключевскій*, «Русскій рубль», М. 1884 г. стр. 51). Конечно, это повышеніе цѣнъ было послѣдствіемъ хозяйственнаго запустѣнія страны, но оно не могло не дать толчка къ повышенной эксплоатаціи земледѣльческаго труда съ цѣлью извлеченія денежнаго дохода *). Если паденіе общей массы сельскохозяйственнаго производства вызвало, вслѣдствіе «московскаго разоренія», сильный подъемъ цѣнъ, то естественно, что усиленная эксплоатація земледѣльческаго труда послѣ смутнаго времени должна была создать противоположное движеніе цѣнъ. И мы видимъ, что въ теченіе XVII в. цѣны падаютъ—очевидно, производство постепенно расширялось и расширялось быстрѣе, чѣмъ росло населеніе и повышался спросъ на пищевыя средства **). Тѣмъ не

*) Совершенно аналогичный процессъ совершался въ XVII в. въ сѣверо-восточной Германіи (Ostelbien): здѣсь за разореніемъ отъ 30-лѣтней войны послѣдовало развитіе барщиннаго режима, связанное съ растущимъ угнетеніемъ крестьянъ и умаленіемъ ихъ правъ.

**) Опять-таки значительная аналогія съ движеніемъ цѣнъ въ эпоху 30-лѣтней войны и послѣ нея. „Sein (des dreissigjährigen Krieges) Einfluss reicht über seine zeitliche Ausdehnung hinaus; solange er währte, hat er preissteigernd gewirkt; nachdem wieder Friede war, fielen die Preise rapid herab und waren niedriger als zu Beginn des Jahrhunderts“. (Dr. *Georg Wiebe*, Zur Geschichte der Preisrevolution der XVI und XVI Jahrh. Leipzig. 1895. S. 215).

менѣе, во второй половинѣ XVII в. хлѣбъ былъ еще въ $3^1/_2$ раза дороже, чѣмъ во второй половинѣ XVI вѣка.

Время послѣ смуты было эпохой энергичнаго развитія земледѣльческой культуры на основѣ барщиннаго режима, эпохой усиленія сельскохозяйственной энергіи и землевладѣльческаго аппетита помѣщичьяго класса. О развитіи земледѣльческой культуры свидѣтельствуютъ цифровыя данныя о запашкахъ помѣщиковъ (или вотчинниковъ) въ 1615 и 1627—1628 *); о немъ достаточно ясно говоритъ содержаніе XVI и XVII главъ «Уложенія» 1649 г., вынужденныхъ считаться съ новыми распашками помѣщиковъ и вотчинниковъ и съ вполнѣ понятной почтительной бережностью относящихся къ «прибылому вотчинному строенію»; весьма характернымъ показателемъ сельскохозяйственнаго оживленія XVII в. является также примѣненіе въ земледѣліи вольнонаемнаго труда, который, несомнѣнно, не укладывался въ общую экономію эпохи—его примѣненіе тѣмъ выразительнѣе свидѣтельствуетъ о расширеніи сельскохозяйственнаго производства **). О ростѣ землевладѣльческаго аппе-

*) См. *А. Лаппо-Данилевскій*, „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій". Спб. 1890 Стр. 259 и приложеніе X, стр. 539—542.

**) Т. н. „дѣловые люди" (см. о нихъ *Дьяконовъ*, l. c. 287 и сл.) были иногда просто вольнонаемные рабочіе люди, на что не обратилъ вниманія г. *Дьяконовъ*. „Государю Борису Ивановичу бьютъ челомъ и плачутся бѣдные и безпомощные сироты твои разныхъ помѣщиковъ, наемные дѣловые людишки"—писали наемные рабочіе боярину Морозову (*Забѣлинъ* l. c.). Повидимому, эти вольнонаемные рабочіе люди могли быть и крѣпостными другихъ владѣльцевъ (такими были, кажется, жаловавшіеся Морозову

тита свидѣтельствуетъ прямая и самочинная колонизаторская дѣятельность землевладѣльцевъ, въ которой одинаково участвуютъ и большой бояринъ Морозовъ, и мелкіе служилые люди; эта колонизація залѣчивала хозяйственныя раны смутнаго времени и создавала въ то же время новую сельскохозяйственную культуру. Конецъ XVII и начало XVIII в. принесли Россіи крупное потрясеніе всей народной жизни: петровскую реформу. Это потрясеніе не могло пройти безслѣдно и для крѣпостного хозяйства.

III.

Развитіе денежнооброчной системы XVIII вѣка.—Причины этого явленія и его смыслъ.—Декламаціи писателей XVIII в. противъ оброка и отхода.—Барщина XVIII в.—Крѣпостная фабрика какъ первая форма помѣщичьяго предпріятія.—Крѣпостное ремесло.

Потрясеніе, испытанное Россіей благодаря петровской реформѣ, мы не можемъ охарактеризовать лучше, чѣмъ слѣдующими словами одного извѣстнаго историка:

„разныхъ помѣщиковъ наемные дѣловые людишки"), и свободными. Но „дѣловыми" они назывались по своей хозяйственной функціи. У „дѣловыхъ" людей былъ чисто отрицательный юридическій признакъ, все болѣе и болѣе терявшій свое реальное значеніе. Они—некрестьяне. Положительный же хозяйственный признакъ, отъ котораго они заимствовали свое названіе, состоялъ въ томъ, что они работали на помѣщика (или вотчинника), исполняли „дѣло" того или другого рода. „Дѣловые люди", такимъ образомъ, это помѣщичьи „рабочіе" - некрестьяне. Юридическое положеніе ихъ и, въ частности, ихъ юридическое отношеніе къ работодателю могло быть самымъ различнымъ.

«Новыя задачи внѣшней политики свалились на русское населеніе въ такой моментъ, когда оно не обладало еще достаточными средствами для ихъ выполненія. Политическій ростъ государства опять опередилъ его экономическое развитіе. Утроеніе податныхъ тягостей (съ 25 на 75 милліоновъ на наши деньги) и одновременная убыль населенія, по крайней мѣрѣ, на 20%—это такіе факты, которые, сами по себѣ, доказываютъ выставленное положеніе краснорѣчивѣе всякихъ деталей. Цѣной разоренія страны Россія возведена была въ рангъ европейской державы» *).

Такимъ образомъ, реформа создала или обострила гипертрофію государственнаго хозяйства, тянувшаго послѣдніе соки изъ народнаго хозяйства. «Огромное количество народнаго труда было отвлечено отъ земледѣлія въ арміи, на фабрики и заводы, къ разнымъ казеннымъ работамъ» **). *П. Н. Милюковъ* въ своей работѣ приводитъ любопытныя цифровыя данныя объ «убыли» населенія между 1678 и 1710 г. и о причинахъ этого явленія. Оказывается, что изъ 19.376 «убылыхъ» дворовъ, судьбу которыхъ могъ прослѣдить изслѣдователь, для 3.959, т. е. для 20,4%, причиной «убыли» является вліяніе правительственной дѣятельности, т. е., какъ поясняетъ авторъ, эти 20,4% «взяты въ солдаты и на работы» (1. с., стр. 244—290). Но «разореніе населенія» петровской реформой произошло на совершенно опредѣленной экономиче-

*) *П. Н. Милюковъ.* „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго". С.-Петербургъ, 1892 г., стр. 735.

**) *В. О. Ключевскій.* „Русскій рубль", стр. 65—66.

ской почвѣ. Государство своей милитарной, административной и фискальной политикой дало сильный толчекъ развитію денежнаго хозяйства, главнѣйшимъ носителемъ котораго являлось оно само. Изыскивая всяческіе способы къ увеличенію своихъ доходовъ, оно пришло въ концѣ петровскаго царствованія къ установленію подушной подати, чувствительно повысившей податныя тягости населенія. Создавъ въ городахъ значительный спросъ на всякаго рода наемный трудъ, новые государственные порядки дали и помѣщичьему классу возможность взимать со своихъ подданныхъ болѣе крупные денежные сборы. Заставивъ представителей господствующаго класса жить въ городахъ (и преимущественно, конечно, въ то время—въ столицахъ) и могущественно повліявъ на повышеніе и преобразованіе потребностей землевладѣльцевъ, эти порядки вынуждали ихъ стремиться къ присвоенію прибавочнаго продукта непосредственно въ денежной формѣ. Такимъ образомъ, отхожій крестьянинъ *) получилъ возможность добывать деньги для служилаго дворянина, а послѣдній сталъ усиленно нуждаться въ деньгахъ. Такова, какъ намъ кажется, естественная и сама собой понятная генетическая связь денежно-оброчной системы XVIII вѣка съ политической и финансовой реформой Петра Великаго.

---

*) Исторія крестьянскаго отхода еще не написана. См. любопытныя данныя, относящіяся къ XXII в. у *Горчакова* „О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ патріарховъ и Св. Синода“ Спб. 1871, стр. 425—426. Объ отходѣ въ. концѣ XVIII и началѣ XIX в. цѣнныя данныя собраны *Туганомъ-Барановскимъ* „Русская фабрика“. Спб. 1898, стр. 43—46.

Связь эта подмѣчена уже давно—однимъ изъ умнѣйшихъ русскихъ людей XVIII в., княземъ *М. М. Щербатовымъ*. «Сіе кажется есть коренное зло въ Россіи,—писалъ онъ,—что во многихъ ея областяхъ великое число крестьянъ, оставя земледѣліе, ударилось въ другіе промыслы, но какъ нѣтъ никакого добра и зла, которое не имѣло бы причины своего начала, то кажется, должно о семъ нѣкоторое разсмотрѣніе учинить. Прежде нежели Петръ Великій наложеніемъ подати принудилъ крестьянъ стараться другими ремеслами пріобрѣтать себѣ на пропитаніе и на заплату податей, крестьяне всѣ принадлежали къ землепашеству, были сыты, но бѣдны, и хлѣбъ столь дешевъ былъ, что, не взирая на великое плодородіе, никогда не могъ заплатить трудовъ земледѣльца; но какъ стали крестьяне податьми нѣсколько отягчены, тогда помѣщики узнали многія спокойствія жизни, кои до того имъ невѣдомы были, для пріобрѣтенія оныхъ стали на крестьянъ новыя подати накладывать; тогда крестьяне для удовлетворенія податьми государя и помѣщика, оставя земледѣліе, стали ходить въ другія работы, и дѣйствительно они стали богатѣе деньгами, но земледѣліе упало и государство отъ того претерпѣваетъ. Вотъ первая причина политическая уменьшенія земледѣлія и дороговизны хлѣба». (*Кн. М. М. Щербатовъ*, «Статистика въ разсужденіи Россіи (1776—1797)». Сочиненія кн. М. М. Щ. т. 1, Спб. 1896, стр. 491) *).

*) Того противорѣчія между взглядами *Щербатова* на отходъ высказанными въ Екатерининской комиссіи, и его же взглядами, проводимыми въ сочиненіяхъ, на которое указываетъ *Туганъ-Барановскій* (1. с. 46), въ дѣйствительности не существовало. Какъ

Фактъ развитія въ XVIII в. денежнооброчной системы не можетъ подлежать сомнѣнію. Недаромъ писатели этого времени считали эту систему новшествомъ, которому они приписывали вредное вліяніе на сельское хозяйство. Такъ, *Елагинъ* въ своемъ извѣстномъ проектѣ 1766 г. **) писалъ: «Въ прежнія времена, когда поголовныхъ оброковъ еще не знали, при селахъ и волостяхъ государственныхъ казенныя, при монастыряхъ монастырскія, при помѣщитскихъ жилищахъ помѣщицкія земли, хотя и не великіе по худому домостроительству и незнанію домостроителей прибытки приносили, но великимъ количествомъ хлѣба изобиловали. Были запасныя житницы, преисполненныя на время нужное и лѣто неплодородное разнымъ, какъ на семена, такъ и на пищу хлѣбомъ; ибо того собственная обывателей польза требовала. Нынѣ же всѣ споспѣшествовавшіе къ тому земледѣльцы, какъ-то государственные монастырскіе и большею частью помѣщитскіе, принуждены ставъ платить оброкъ, который они, какъ выше объявлено, безъ великаго труда разными способами доставать могутъ, не имѣютъ и нужды къ претрудному прилежать земледѣлію». («Журналъ землевладѣльцевъ» № 21.

истый экономическій консерваторъ, *Щербатовъ* и въ комиссіи и въ сочиненіяхъ отстаивалъ крестьянскіе промыслы и торгъ съ точки зрѣнія утопіи „соединенія земледѣлія и промышленности“, въ то же время и съ той же точки зрѣнія рѣшительно возставая противъ чисто городскихъ занятій крестьянъ.

**) См. объ этомъ проектѣ у *В. И. Семевскаго*. „Крестьянскій вопросъ въ XVIII и въ первой половинѣ XIX-го вѣка“. Спб. 1888, т. I, стр. 29—30, и болѣе подробно въ его статьѣ „Крестьяне дворцоваго вѣдомства при Екатеринѣ“. Вѣстникъ Европы 1878 г., №№ 5—6.

Москва 1859, стр. 25, а также «Истор. Сбор. кн. М. А. Оболенскаго», № 12).

Екатерина II въ своемъ «Наказѣ» называетъ оброкъ «новозаведеннымъ способомъ отъ помѣщиковъ собирать свои доходы». Какъ извѣстно, многіе писатели XVIII-го в. считали эту форму крѣпостного хозяйства безусловно преобладавшей въ ихъ время. Благодаря тщательному изслѣдованію В. И. *Семевскаго* *) мы знаемъ теперь, что это мнѣніе было ошибочнымъ. Оно объясняется не только преимущественнымъ знакомствомъ лицъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ, съ хозяйственной практикой крупныхъ владѣльцевъ **) и притомъ въ близкихъ къ столицамъ неплодородныхъ губерніяхъ. Мнѣ кажется, что его слѣдуетъ объяснять также тѣмъ, что размѣры явленія преувеличивались именно потому, что оно было относительно ново и въ то же время въ глазахъ людей второй половины XVIII в. представляло—точно такъ же, какъ и тѣсно связанные съ нимъ отхожіе промыслы—несомнѣнное и крупное зло. Это послѣднее обстоятельство—

*) „Крестьяне при Екатеринѣ II", стр. 47—48 и стр. 492—493. Оброчные крестьяне составляли во второй половинѣ XVIII-го в., въ губерніяхъ: Олонецкой 66, Петербургской 51, Псковской 21, Новгородской 49, Смоленской 30, Тверской 46, Ярославской 78, Костромской 85, Вологодской 83, Владимирской 50, Московской 36, Калужской 58, Нижегородской 82, въ нечерноземныхъ губерніяхъ въ среднемъ 55% общаго числа крѣпостныхъ крестьянъ; въ губерніяхъ черноземныхъ оброчныхъ было въ Орловской 34, Тульской 8, Рязанской 19, Пензенской 52, Тамбовской 22, Курской 8, Воронежской 64, въ среднемъ по всѣмъ черноземнымъ губерніямъ 26%. Средній процентъ оброчныхъ во всѣхъ перечисленныхъ губерніяхъ составлялъ 44.

**) *Семевскій*, l. c., стр., 45—46.

отрицательное отношеніе представителей командующаго класса къ оброчной системѣ и къ крестьянскому отходу указываетъ на то, что и въ самой жизни подготовлялась и даже уже обнаруживалась реакція противъ этихъ явленій. Съ этой точки зрѣнія моралистическія декламаціи писателей XVIII в. противъ крестьянскаго отхода получаютъ свое реальное истолкованіе. Правда, мы встрѣчаемъ такія декламаціи до самой ликвидаціи крѣпостного права, но въ разное время и въ примѣненіи къ различнымъ мѣстностямъ онѣ имѣютъ совершенно неодинаковый реальный смыслъ. Во второй половинѣ XVIII в. и въ первой четверти XIX в. эти декламаціи крѣпостныхъ моралистовъ, сочетаясь съ той исторіей сословнаго раздѣленія занятій въ полицейскомъ государствѣ, которая была такъ отчетливо формулирована въ «Наказѣ» Екатерины II, и съ болѣе свѣжимъ физіократическимъ преклоненіемъ предъ земледѣліемъ *) служатъ въ то же время идеологическимъ выраженіемъ подготовляющейся въ средѣ дворянскаго класса сознательной р е а к ц і и в ъ п о л ь з у б а р щ и н н а г о р е ж и м а.

Развитіе денежнооброчной системы заключало въ себѣ два момента. Съ одной стороны оно являлось простымъ оттѣсненіемъ собственнаго хозяйства помѣщиковъ въ пользу хозяйства ихъ оброчныхъ крѣпостныхъ и вызывалось не общими условіями

---

*) Былъ еще третій мотивъ, настраивавшій писателей XVIII в. противъ крестьянскаго отхода. Мотивъ этотъ п о п у л я ц і о н и с т и ч е с к і й. Въ XVIII-мъ вѣкѣ съ неменьшей силой, чѣмъ теперь у *Зола*, господствовало убѣжденіе въ необходимости всячески содѣйствовать размноженію населенія. Между тѣмъ, отходъ сельскаго населенія

развитія народнаго хозяйства, а временными причинами: отвлеченіемъ дворянства на обязательную службу, рѣзкимъ повышеніемъ денежныхъ сборовъ въ пользу государства и т. д. Съ другой стороны, успѣхи оброчной системы были выраженіемъ прогресса въ томъ географическомъ или, точнѣе, естественно-экономическомъ раздѣленіи національнаго труда, которое создало уже и раньше двѣ хозяйственныя Россіи: одну—сѣверную неземледѣльческую или промысловую и другую — центральную и южную земледѣльческую. Обѣ эти области составляли рынокъ одна для другой, и развитіе помѣщичьяго сельскаго хозяйства въ центральной и южной Россіи могло опираться лишь на успѣхи неземледѣльческаго производства въ сѣверной Россіи. Дворянскіе публицисты XVIII в. не вполнѣ ясно понимали экономическую необходимость и выгод-

---

въ города имѣетъ естественную тенденцію понижать естественный приростъ населенія. Это было ясно и писателямъ того времени, какъ показываетъ слѣдующее сужденіе *Елагина* въ его проектѣ: „отлученіе съ паспортами на многія лѣта отъ домовъ и потому разлученіе съ женами есть самое вреднѣйшее неустройство; ибо оно, препятствуя умноженію народа, главное къ благополучію цѣлаго государства средство отымаетъ". *Елагинъ* ссылается далѣе на результаты подушной переписи, изъ которой „усмотрѣть можно, что приращеніе народа гораздо меньше въ тѣхъ провинціяхъ, изъ которыхъ болѣе разныхъ работниковъ, промышленниковъ, разнощиковъ и извощиковъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ находится, и гдѣ болѣе крестьянъ оброчныхъ... нежели въ тѣхъ, гдѣ помѣщики не вовсе еще сельское домостроительство презирая, содержатъ при землепашествѣ своихъ земледѣльцевъ" („Журналъ землевладѣльцевъ" 1859 г. № 21, стр. 22). Та же тенденція отхожихъ промысловъ была указана извѣстнымъ статистикомъ *К. Германомъ* въ его „Статистическомъ описаніи Ярославской губерніи". (Спб. 1808 г.).

ность для помѣщиковъ этого національнаго раздѣленія труда, но ихъ представители, напр., въ Екатерининской комиссіи, когда заходила рѣчь о крестьянскихъ промыслахъ и о крестьянскомъ торгѣ, о правѣ дворянъ заводить и содержать фабрики въ своихъ деревняхъ, обнаруживали удивительно тонкое чутье помѣщичьихъ интересовъ, связанныхъ съ развитіемъ промысловаго неземледѣльческаго труда крестьянъ. И потому-то денежно-оброчная система, поскольку она опиралась на этотъ народно-хозяйственный процессъ, энергично развивалась во все продолженіе XVIII в., несмотря на декламаціи моралистовъ и публицистовъ изъ дворянъ. Въ «Разсужденіи о нынѣшнемъ въ 1778 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи» *Щербатовъ*, со свойственной ему силой, обличая сильный ростъ потребностей во всѣхъ классахъ общества («вкравшееся сластолюбіе во всѣ чины государственные даже и до крестьянъ»), въ этомъ фактѣ видитъ причину совершающихся насчетъ земледѣлія успѣховъ промысловаго труда. «По мѣрѣ размноженія сластолюбія,—писалъ онъ,—пріумножились всѣ мастерства, рукодѣлія и промыслы, и самыя хотя нужныя государственныя строенія въ губернскихъ и другихъ городахъ, представляя великое обильство для промысловъ, отвлекли отъ земледѣлія многія тысячи человѣкъ. Если мы возьмемъ въ примѣръ одну Москву, и разсмотримъ разныхъ мастеровыхъ, живущихъ и приходящихъ въ оную, то ясно увидимъ, коль число ихъ пріумножилось. Двадцати лѣтъ тому не прошло, весь каретной рядъ помѣщался за Петровскими воротами по Земляной огородѣ, по большой улицѣ, а нынѣ не токмо уже

многія лавки распростерлись внутрь Бѣлаго города, и взаворотъ въ обѣ стороны по Земляному городу, но и въ другихъ улицахъ множество есть такихъ сараевъ для продажи каретъ, не считая, сколько нѣмцевъ каретниковъ въ Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ кареты дѣлаютъ и продаютъ. Хлѣбники были весьма рѣдки; нынѣ почти на всякой улицѣ вывѣски хлѣбниковъ видны. Кирпичу въ годъ врядъ до 5 милліоновъ дѣлалось, нынѣ дѣлается до 10 милліоновъ; строеньи были рѣдки и много какъ въ Москвѣ прежде когда 20 домовъ строилось, а нынѣ нѣтъ почти улицы, гдѣ бы строеніе не производилось. Всѣ таковые промыслы требуютъ людей, или навсегда пребывающихъ или приходящихъ на время лѣтнее, яко кирпишниковъ, каменщиковъ, штекатуровъ, плотниковъ, столяровъ и прочее; а всѣ сіи люди, удвоившіися или утроившіися на лѣтнее время, оставляютъ свои домы и земледѣліе, чтобы, не способствуя къ произрастанію пропитанія, быть истребителями съѣстныхъ припасовъ. Приложимъ еще, сколько такихъ мастеровыхъ употреблены во всѣхъ намѣстничествахъ, огромные всенародные и приватныхъ людей зданія, въ малое число лѣтъ якобы волшебствомъ какимъ произведенные, повсюду пышность и великолѣпіе взирающему на внѣшность человѣку представляютъ, но колико въ самомъ дѣлѣ отвращеніемъ отъ земледѣлія, а потому убавкою произведенія нужнѣйшихъ къ жизни вещей Россію ослабляютъ!» (Сочиненія, т. I, стр. 633—634). Такъ пессимистически кн. *Щербатовъ* характеризовалъ экономическій процессъ, который означалъ не болѣе, не менѣе, какъ образованіе крупнаго внутренняго рынка для сельскаго хозяйства

центральной Россіи. Этотъ внутренній рынокъ составлялъ основу крѣпостного земледѣлія, которое развивалось, опираясь на него *).

Барщина никогда не переставала занимать въ крѣпостномъ хозяйствѣ XVIII столѣтія крупное мѣсто, и въ этотъ вѣкъ она съ полною ясностью выступаетъ передъ нами, какъ способъ извлеченія денежнаго дохода. Являясь натуральной формой присвоенія прибавочнаго труда (помѣщикъ платилъ крестьянину землей и даже нерѣдко вносилъ за него подати), она была съ точки зрѣнія помѣщика главнѣйшей основой его денежнаго хозяйства. Помѣщикъ выносилъ продукты барщиннаго труда на рынокъ. Натуральный оброкъ въ XVIII в. встрѣчается намъ исключительно въ видѣ добавочной къ денежному оброку или барщинѣ повинности, имѣющей для помѣщиковъ, преимущественно, потребительное значеніе. Правда, не всегда: и тутъ замѣчается тенденція въ направленіи къ денежному преобразованію и использованію натуральныхъ повинностей при сохраненіи ихъ формы. Разсмотрѣніе цѣлаго ряда подлинныхъ записей крѣпостныхъ хозяйствъ конца XVIII и начала XIX в. привело меня къ выводу, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ натуральные поборы: 1) имѣли крупное экономическое значеніе для помѣщика; 2) что они тщательно регистрировались; 3) что значеніе ихъ было не только натурально-потребительное: они въ значительной мѣрѣ отчуждались на сторону и составляли, такимъ образомъ, элементъ денежнаго дохода; 4) что по

*) Мы вернемся еще къ вопросу о сельскохозяйственномъ рынкѣ, когда будемъ говорять о XIX в.

желанію крестьянъ они могли быть замѣняемы опредѣленными денежными взносами, и крестьяне въ довольно широкихъ размѣрахъ пользовались этимъ правомъ, причемъ денежные эквиваленты натуральныхъ поборовъ были, повидимому, ниже ихъ рыночныхъ цѣнъ. И всетаки денежный оброкъ XVIII и XIX вв. нельзя считать за переложенный на деньги натуральный оброкъ предшествующей эпохи. Даже по отношенію къ денежному оброку до-петровской Руси, «поголовные оброки» XVIII в., формально являясь его продолженіемъ, по существу были новизной, въ значительной мѣрѣ возникшей въ результатѣ вытѣсненія барщины, и, какъ уже было указано, подъ вліяніемъ подушной подати.

Значеніе барщины въ крѣпостномъ хозяйствѣ XVIII в. опредѣляется тѣмъ, что она была въ это время господствующей формой эксплоатаціи крестьянскаго земледѣльческаго труда. Прочность и распространенность денежно-хозяйственной барщины въ XVIII в. указываетъ, на нашъ взглядъ, на то, что корни этого явленія слѣдуетъ искать въ XVII в. Косвеннымъ образомъ, этотъ фактъ, стало быть, подтверждаетъ данную нами выше характеристику основной тенденціи развитія крѣпостного хозяйства въ XVII в.

«Опредѣляютъ помѣщики крестьянъ своихъ въ работу или на оброкъ, какъ имъ покажется для себя прибыльнѣе, сообразуясь съ обстоятельствами. Ежели помѣщикъ самъ живетъ въ деревнѣ или надежнаго имѣетъ у себя прикащика и земли къ пашнѣ удобной довольно, въ такомъ случаѣ гораздо

прибыльнѣе оставить крестьянъ на пашнѣ; если же самъ находится въ отсутствіи, прикащика надежнаго не имѣетъ, или земли въ дачахъ недостаточно, то прибыльнѣе положить ихъ на оброкъ. Пахотныхъ крестьянъ повинность состоитъ работать на помѣщика въ каждой недѣлѣ три дня черезъ весь годъ. Таковая работа признается отъ крестьянъ умѣренной, и жалобъ и роптаній на такового помѣщика не бываетъ... Сверхъ работы собираются съ крестьянъ нѣкоторые мелочные поборы, яко съ каждаго тягла по гусю или по индѣйкѣ, по курицѣ, по нѣскольку яицъ, по нѣскольку аршинъ холста, сермяжкаго сукна и прочее. Съ пахотныхъ крестьянъ при хорошемъ смотрѣніи и распоряженіи получаютъ помѣщики отъ 5—10 р. съ написанныя въ перепись мужескаго пола души, по удобности и по довольству земли и по способности къ отвозу хлѣба на продажу. Съ оброчныхъ отъ 3—5 руб. съ души, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, лежащихъ по близости столицъ и судоходныхъ рѣкъ, и по 10 рублей; но такихъ деревень немного, какъ равнымъ образомъ и такихъ, кои бы меньше трехъ рублей съ души платили».

Такова та общая характеристика русскаго крѣпостного хозяйства, которую далъ извѣстный *Болтинъ* («Примѣчанія на исторіи древнія и нынѣшнія Россіи г-на *Л. Леклерка*, сочиненныя генералъ-маіоромъ *Иваномъ Болтинымъ*». 1788, т. II, стр. 216 и слѣдующія). Эта характеристика оставалась вѣрной вплоть до ликвидаціи крѣпостного права.

Тѣмъ не менѣе, было бы ошибочно думать, что степень интенсивности основныхъ явленій

крѣпостного хозяйства оставалась одинаковой въ теченіе цѣлаго столѣтія. Наоборотъ, мы знаемъ, что иностранныхъ наблюдателей XVII в. поражало слабое развитіе помѣщичьяго хозяйства и связанной съ нимъ сельскохозяйственной эксплуатаціи крестьянъ. Такъ, извѣстный *Георги* весьма сильно подчеркиваетъ различіе въ этомъ отношеніи между крѣпостнымъ хозяйствомъ русскимъ и нѣмецкимъ.

«Способъ пользованія земельными владѣніями, существующій въ Россіи,—говоритъ *Георги*,—существенно отличается отъ принятаго въ Лифляндіи и Германіи. Нѣмецкое дворянство считаетъ свои имѣнія съ полями, лѣсами, рыбными ловлями и прочими угодьями за свой капиталъ, а своихъ подданныхъ—за орудія для того, чтобы проценты съ этого капитала довести до высшаго размѣра. Въ Россіи крѣпостные люди составляютъ цѣнность имѣній, которыя служатъ лишь для того, чтобы доставлять пропитаніе крѣпостнымъ. Эти послѣдніе пропитываютъ себя какъ умѣютъ и выплачиваютъ государственной казнѣ обычныя подушныя деньги, а кромѣ того, своимъ господамъ ежегодную дань (оброкъ) наличными деньгами, которая весьма мѣняется, сообразно доступности заработковъ, добротѣ и строгости господина, его благосостоянію и его потребностямъ, но въ большинствѣ случаевъ держится въ предѣлахъ отъ 1—5 рублей на душу, такъ какъ состоятельные крестьяне должны платить за маломощныхъ. Такъ какъ владѣльцы имѣній не имѣютъ ни земледѣлія, ни сѣнокосовъ, ни молочнаго хозяйства, ни овцеводства и вообще не ведутъ никакого хозяйства, а потому не нуждаются ни въ ра-

бочихъ, ни въ экономической прислугѣ, то и простой слуга, который умѣетъ лишь писать и читать, будучи трезвымъ и честнымъ, можетъ очень хорошо управлять весьма значительными имѣніями и даже при всемъ своемъ желаніи не въ состояніи очень надувать хозяина. Поэтому, обыкновенные приказчики и состоятъ изъ крестьянъ или бывшихъ дворовыхъ. Нѣкоторые хозяйственные господа устраиваютъ въ своихъ имѣніяхъ большія или маленькія мануфактуры, заводы, бумажныя фабрики и проч., или насаждаютъ среди своихъ крѣпостныхъ промыслы и торговлю, чѣмъ приносятъ своимъ людямъ большую пользу и въ такомъ случаѣ пожинаютъ обильные плоды своихъ благихъ намѣреній. Въ такихъ промыслахъ заключается источникъ весьма значительнаго богатства нѣкоторыхъ владѣльческихъ крестьянъ» *).

Эта характеристика, конечно, была невѣрна, поскольку она исходила изъ весьма распространеннаго въ то время неправильнаго представленія, что всѣ русскіе крестьяне или, по крайней мѣрѣ, подавляющее большинство ихъ было на оброкѣ. Какъ мы уже указывали, неправильность этого представленія статистически доказана г. *Семевскимъ*. Но въ основѣ этого неправильнаго представленія лежалъ несомнѣнный жизненный фактъ огромной важности: въ коренной Россіи XVIII в. землевладѣльческій классъ былъ въ значительной мѣрѣ чуждъ сельскохозяйственнаго предпринимательства, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе чуждъ, чѣмъ дворянство нѣмецкое и остзейское.

---

*) *Georgi.* Bemerkungen einer Reise im Russischen Reiche in den Jahren 1773 und 1774 II. St.-Petersburg. 1775, S. 796.

Соотвѣтственно этому, нѣкоторые иностранцы, наблюдавшіе Россію во второй половинѣ XVIII в., мѣтко подсмотрѣли, что русскому крестьянину того времени жилось лучше и вольготнѣе, чѣмъ крестьянину нѣмецкому и остзейскому.

Такъ, *Бернгарди* указываетъ на болѣе легкое положеніе русскихъ крѣпостныхъ сравнительно съ остзейскими и нѣмецкими и съ замѣчательной проницательностью усматриваетъ причины этого явленія въ слабомъ развитіи въ Россіи производства сельскозяйственныхъ продуктовъ на сбытъ. Ставя вопросъ, почему русскіе крѣпостные, юридически—настоящіе рабы, не изнываютъ подъ такимъ же гнетомъ, какъ негры въ американскихъ колоніяхъ, *Бернгарди* говоритъ: «Слѣдуетъ принять въ соображеніе, что существуетъ большая разница между продуктами, производимыми этими двумя классами людей. Если бы на Вестъ-Индскихъ островахъ, вмѣсто сахара, воздѣлывали хлѣбъ, и къ тому же, сбытъ его представлялъ трудности и давалъ умѣренную прибыль, какъ это часто бываетъ въ Россіи, то я не могу себѣ представить, что, при всемъ жестокосердіи колонистовъ, рабы подвергались бы ужаснымъ мученіямъ и въ то же время не кормились бы до сыта. Вообще русскіе помѣщики меньше, чѣмъ лифляндскіе, спекулируютъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Большинство русскихъ помѣщиковъ служатъ въ арміи или въ гражданскихъ должностяхъ, или, во всякомъ случаѣ, мало бываютъ въ деревнѣ и заботятся не столько о томъ доходѣ, который она можетъ давать, сколько о томъ, который

она даетъ въ дѣйствительности» *). *Бернгарди* остроумно прибавляетъ: «Вслѣдствіе этого и отпадаютъ многія мучительства, которыя такъ часто составляютъ послѣдствіе хорошаго хозяйства. Избави Боже всякаго человѣка отъ такого хозяйства!».

Барщина XVIII в. была для помѣщиковъ средствомъ извлеченія денежнаго дохода, но это не значитъ, чтобы барщинное хозяйство этого времени было организовано по типу предпріятія, т. е. съ цѣлью извлеченія наивысшаго дохода. Значительная часть и барщинныхъ имѣній принадлежала отсутствовавшимъ помѣщикамъ и находилась въ завѣдываніи приказчиковъ или старостъ. Въ строѣ такихъ хозяйствъ господствовала рутина и отсутствовалъ хозяйскій присмотръ. Порвать съ этой рутиной было трудно и во многихъ случаяхъ ненужно: доходъ получался и безъ того.

Въ характеристикѣ крѣпостного хозяйства, данной *Георги,* вѣрно подмѣчено, что первой формой настоящаго предпріятія, на которую сознательно направилась хозяйственная мысль русскаго помѣщичьяго класса, была фабрика. Какъ настоящій предприниматель, русскій помѣщикъ выступаетъ сперва въ качествѣ фабриканта и заводчика. Это не случайное явленіе, потому что изъ всѣхъ родовъ экономической дѣятельности земледѣліе (въ европейскихъ странахъ) всего позже охватывается

*) Ambrosius Bethmann *Bernhardi* (род. 1756, † 1801). Züge zu einem Gemälde des Russischen Reiches unter der Regierung von Catharina II, gesammelt bei einem vieljährigen Aufenthalte in demselben in vertrauten Briefen. Zweite Sammlung 1799, S. 158—159. Сочиненіе это вышло анонимно и въ свое время было запрещено въ Россіи и въ Австріи.

предпринимательскимъ духомъ и всего дольше живетъ въ формахъ и традиціяхъ натуральнаго хозяйства. Оно продолжаетъ хранить ихъ и тогда, когда для прибавочнаго продукта уже образовался рынокъ, т. е. когда оно уже отчасти попало въ сферу вліянія денежнаго хозяйства. Продукты земледѣлія громоздки и малоцѣнны, и сбытъ ихъ при отсутствіи новѣйшихъ искусственныхъ средствъ транспорта сравнительно ограниченъ. Естественно, поэтому, что предпринимательскій духъ помѣщичьяго класса обратился прежде всего на промышленный трудъ. XVIII вѣкъ есть эпоха возникновенія и процвѣтанія крѣпостной фабрики и крѣпостного ремесла. При слабомъ развитіи машинной техники, техническая граница между фабрикой (или, точнѣе, мануфактурой въ смыслѣ Маркса) и ремесломъ не была въ то время столь рѣзкой, какъ теперь. Но тогда какъ крѣпостная фабрика возникла изъ стремленія къ повышенію денежнаго дохода, крѣпостное ремесло служило первоначально потребительнымъ цѣлямъ. Технически оно опиралось на импортированное изъ-за границы городское ремесло: городскіе и свободные ремесленники-иностранцы были учителями туземныхъ сельскихъ и крѣпостныхъ ремесленниковъ. Возникнувъ на почвѣ натуральнаго хозяйства и потребительныхъ нуждъ помѣщиковъ, крѣпостное ремесло, по мѣрѣ связаннаго съ развитіемъ денежно-оброчной системы и городской жизни роста національнаго раздѣленія труда, все болѣе и болѣе отрѣшалось отъ своей натурально-хозяйственной основы и становилось обильнымъ источникомъ денежнаго дохода для помѣщиковъ. Иниціатива и

интересы помѣщиковъ сыграли крупную роль въ развитіи нашей крестьянской, такъ называемой кустарной, промышленности: послѣдняя выросла въ значительной мѣрѣ и технически, и экономически изъ крѣпостной фабрики и изъ крѣпостного ремесла. Любопытную характеристику крѣпостного ремесла далъ извѣстный англійскій путешественникъ *Коксъ* въ книгѣ, первое изданіе которой вышло въ 1784 г.: «Способъ, примѣняемый многими (русскими) землевладѣльцами къ ихъ крестьянамъ, напоминаетъ мнѣ практику древнихъ римлянъ. Мы знаемъ, что Аттикъ, заставилъ многихъ изъ своихъ рабовъ научиться искусству переписки рукописей, которыя онъ продавалъ по весьма высокой цѣнѣ, и которыми, такимъ образомъ, онъ составилъ себѣ весьма значительное состояніе. На сходныхъ началахъ (on similar principles) нѣкоторые русскіе дворяне посылаютъ своихъ крѣпостныхъ въ Москву или Петербургъ съ цѣлью обученія ихъ различнымъ ремесламъ и потомъ или пользуются ихъ услугами въ своихъ собственныхъ хозяйствахъ, или отдаютъ ихъ въ наймы на сторону, или продаютъ ихъ по повышенной цѣнѣ, или за извѣстную годовую плату позволяютъ имъ заниматься своимъ ремесломъ за ихъ собственный счетъ» *).

*) William *Coxe*. Travels in Poland, Russia etc. 5 edit. 1802. Vol. III, p. 154.

IV.

Соціальное господство дворянства во второй половинѣ XVIII в.—Отраженіе этого факта въ экономической политикѣ.—Развитіе дворянской монополіи винокуренія.—Преимущественное право дворянства на снабженіе войска провіантомъ.—Переломъ въ жизни и хозяйственномъ значеніи русскаго дворянства со второй половины XVIII в.

Вторая половина XVIII в. была дворянской эрой: она характеризуется соціальнымъ господствомъ дворянства*), въ значительной мѣрѣ опиравшимся на хозяйственный подъемъ этого класса. Успѣхи промысловаго труда среди оброчныхъ крестьянъ и ростъ крестьянской торговли несомнѣнно шли на пользу владѣльцевъ оброчныхъ промышленниковъ и торговцевъ. Поощряя крестьянскую предпріимчивость и крестьянскій трудъ, душевладѣльцы снимали съ нихъ пѣнки. Заводя фабрики, на которыхъ работали крѣпостные, и вытѣсняя изъ промышленно-

*) Ср. *Туганъ-Барановскій* I. c., 40—41. Оттѣсняя малочисленную и слабосильную буржуазію XVIII в., купечество,—помѣщичій классъ выводилъ въ свѣтъ болѣе многочисленную и экономически болѣе крѣпкую буржуазію изъ оброчныхъ крестьянъ, которая уже и тогда заслоняла передъ иностранными наблюдателями купечество. Въ Россіи, писалъ *Шереръ* „il n'y a ni tiers état, ni bourgeois, ni marchands proprement dits; á l'exception du clergé, de la noblesse et de l'état militaire, tout est muschik, c'est à dire serf“ (*Jean Benoit Scherer*, „Histoire raisonnée du commerce de la Russie. Paris 1788, t. I, p. 104—105). Отомъ, какъ экономическій подъемъ оброчныхъ крестьянъ подымалъ и ихъ личность, свидѣтельствуетъ слѣдующій характерный фактъ: графъ В. Г. Орловъ въ „Уложеніи“, составленномъ для его имѣнія Порѣчье Ярославской губ., предписывалъ избѣгать тѣлеснаго наказанія богатыхъ крестьянъ, дабы не подрывать ихъ „торга“ („Ярославскія Губ. Вѣдомости“ 1853, № 42, стр. 433).

сти неблагородныхъ «фабрикантовъ» *), они обрѣли себѣ новый источникъ соціальнаго вліянія и экономической силы. Законодательство Елизаветы, Петра III и Екатерины II, не только въ области промышленности, но и въ области земледѣлія служитъ яркимъ выраженіемъ этого роста соціальной силы дворянства.

Крѣпостное право отлилось въ эту эпоху въ свою окончательную форму, и тогда же и крѣпостное хозяйство начинаетъ выходить на широкій путь настоящаго предпринимательства.

«Либеральная» экономическая политика Екатерины II, прецедентами которой являлись нѣкоторыя мѣры Елизаветы и Петра III, получаетъ свое естественное и вполнѣ достаточное объясненіе, если разсматривать ее, какъ средство служенія интересамъ дворянства и помѣщичьяго хозяйства. Въ 1753 г. отмѣнены внутреннія таможенныя пошлины; въ 1762 г. провозглашена свобода хлѣбной торговли, неоднократно подтверждавшаяся позднѣйшими указами.

Рядомъ съ этими «либеральными» мѣрами идутъ прекрасно дополняющія ихъ мѣры иного характера, обезпечивающія за дворянствомъ, какъ цѣлымъ сословіемъ, весьма цѣнныя хозяйственныя привилегіи и монополіи. Купечество лишается права пріобрѣтать подъ фабрики населенныя имѣнія, владѣніе которыми провозглашается исключительнымъ правомъ благороднаго сословія (1762 г.). Съ чрезвычайной послѣдовательностью законодательство XVIII в. развиваетъ исключительное право дворянства на винокуреніе и на винные под-

*) *Туганъ-Барановскій* l. c., 27—28.

ряды. Петровское законодательство (законъ 1716 г. П. П. С. З. № 2990) установило или, точнѣе, подтвердило право людямъ всѣхъ званій курить вино «про себя и на подрядъ казнѣ». Но уже въ 1728 г. сенатскій указъ (№ 5342), подъ маской толкованія закона 1716 г., отмѣняетъ эту свободу винокуренія, которое впредь дозволяется однимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ; единственное изъятіе изъ этой сословной монополіи дѣлается для винныхъ подрядчиковъ. Сенатскій указъ 1754 г. (№ 10.261) идетъ дальше и допускаетъ лишь временно существованіе купеческаго винокуренія, «доколѣ помѣщики-вотчинники винокуренные свои заводы (не) размножатъ», при чемъ указывается, что это снисхожденіе дѣлается только для тѣхъ купцовъ, «которые имѣютъ... винокуренные заводы отъ Москвы въ отдаленныхъ мѣстахъ». На основаніи этого указа позднѣйшій указъ того же года sans phrases предписываетъ всѣ купеческіе винокуренные заводы, расположенные около Гжатской хлѣбной пристани, «уничтожить». Наконецъ, «Уставъ о винокуреніи» 9-го августа 1765 г. въ п. 1-мъ своей 1-й главы торжественно провозглашаетъ: «Вино курить дозволяется всѣмъ дворянамъ и ихъ фамиліямъ, а прочимъ никому». Позднѣйшее разъясненіе 1784 г. устанавливаетъ, что право винокуренія принадлежитъ дворянамъ лишь какъ собственникамъ населенныхъ имѣній, и потому имъ не пользуются однодворцы, дослужившіеся до оберъ-офицерскаго званія, хотя послѣднее и давало дворянство. Право винокуренія имѣло огромную хозяйственную цѣну. Достаточно сказать, что идущее во главѣ русскаго сельскаго

хозяйства помѣщичье хозяйство остзейскихъ провинцій развилось, опираясь на винокуреніе. Въ концѣ XVIII вѣка не только весь производимый въ Лифляндіи и Эстляндіи хлѣбъ выкуривался на вино, но для этой цѣли туда еще привозилось зерно изъ русскихъ губерній. Вывозную свою торговлю Лифляндія въ это время вела хлѣбомъ, который привозился съ верховьевъ Сѣверной Двины*). Но и въ настоящей Россіи винокуреніе играло крупную роль. Въ этомъ отношеніи южная Россія съ ея экстензивнымъ хозяйствомъ и съ ея дешевымъ хлѣбомъ, котораго часто некуда было дѣвать, и который, поэтому, въ буквальномъ смыслѣ слова не имѣлъ цѣны**), сходилась съ передовымъ остзейскимъ краемъ ***). Въ южной Россіи винокуреніе, (не вездѣ, впрочемъ, составлявшее здѣсь исключительную привилегію дворянства) было главнымъ источникомъ дохода для сельскихъ хозяевъ. Но и въ другихъ сколько-нибудь хлѣбородныхъ мѣстностяхъ оно играло крупную роль****), и *Щербатовъ* не да-

*) *Storch.* Historisch-statistiches Gemälde des russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts. III Theil. Leipzig, 1799, SS. 267—268.

**) „Въ Украйнѣ хлѣбъ, если тамъ не стоятъ войска, потребляющія его, не цѣнится ни во что. Крестьянинъ оставляетъ его цѣлыми кучами лежать на полѣ и обмолачиваетъ лишь столько, сколько самъ потребляетъ“ (*A. W. Hupel*, Nordische Miscellaneen. 1 Stück Riga, 1781. «Ueber die Bevölkerung des russischen Reichs S. 128).

***) *Storch* l. c. 269—270.

****) *Шторхъ* называетъ въ числѣ заинтересованныхъ въ винокуреніи областей губерніи: Лифляндскую, Харьковскую, Малороссію, Бѣлоруссію, губерніи Воронежскую, Орловскую, Курскую, Калужскую, Тверскую, Тульскую, Казанскую, Нижегородскую, Симбирскую и прибавляетъ: „и многія другія“.

ромъ указываетъ, что «не токмо души, но и великіе капиталы употреблены въ сіи (т. е. винокуренные) заводы» («Разсужденіе» о голодѣ 1778. Сочиненія т. I, стр. 669).

Рядомъ съ весьма цѣнной въ хозяйственномъ отношеніи сословной монополіей винокуренія стояло немаловажное преимущественное право дворянства на снабженіе войскъ провіантомъ и фуражемъ. Военный спросъ игралъ на сельскохозяйственномъ рынкѣ XVIII и XIX в., несомнѣнно, крупную роль. Въ какой мѣрѣ помѣщикамъ удавалось использовать этотъ спросъ не только въ качествѣ производителей сельскохозяйственныхъ продуктовъ, но и въ качествѣ ихъ продавцевъ, т. е. устранять посредничество купцовъ и вообще перепродавцевъ— это, конечно, другой вопросъ. Мы хорошо знаемъ только, что государство шло весьма далеко навстрѣчу этой потребности помѣщичьяго класса. Основной законъ, регулировавшій это дѣло, „Провіантскія регулы для учрежденной при обсерваціонномъ корпусѣ комиссіи генералъ-провіантмейстера-лейтенанта» 1758 г., предписывалъ «стараніе имѣть сколько и гдѣ возможно подрядовъ... отъ купцовъ... миновать, а пользоваться поставкой отъ шляхетства и поселянъ, дабы подданные, которые о распространеніи земледѣлія сами трудятся и съ коихъ на таковыя приготовленія и въ прочемъ на содержаніе арміи подушной окладъ сбирается, тѣми жъ деньгами интересоваться могли". При подрядахъ же, въ случаяхъ одинаково выгодныхъ для казны условій, предписывалось „шляхетству и прочимъ уѣзднымъ предъ купецкими людьми того города... давать преимущество". Эти постановленія

создавали для „шляхетства“, которому „поселяне“, конечно, не могли составлять серьезной конкурренціи, совершенно исключительное положеніе по отношенію къ военному спросу. Не довольствуясь этимъ, законодательство шло дальше: „сдѣлано подлинно нѣкоторое хлѣбопашеству одобреніе, когда на армію нашу, внѣ границъ находящуюся, запрещено было въ тамошнихъ мѣстахъ хлѣбъ покупать, какъ бы оный дешевъ ни былъ, а велѣно было возить оный отсюда, какъ бы дорого ни становился“, говорится въ упомянутомъ уже указѣ Петра III о свободѣ хлѣбной торговли 1762 г.

Государственно-правовыя и административныя реформы второй половины XVIII в., если не создали, то, во всякомъ случаѣ, въ очень сильной степени оживили и подвинули впередъ русскую провинцію и русскій городъ. Отмѣна обязательной службы дворянства (1762 г.) и учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. содѣйствовали осѣданію дворянства въ провинціи, сблизили съ ней дворянство и увеличили значеніе городовъ, какъ рынковъ сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ то же время вторая половина XVIII в. характеризуется чрезвычайно выгодной для сельскаго хозяйства коньюнктурой: начиная приблизительно съ 1765 г., это—эпоха высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, которыя держатся и еще растутъ въ первыя два десятилѣтія XIX в. Мы думаемъ, что это явленіе было—помимо случайныхъ причинъ (неурожаевъ, войнъ и т. п.)—обусловлено чрезвычайно быстрымъ развитіемъ внутренняго рынка для сельскаго хозяйства*). Въ этомъ процессѣ выража-

*) Вотъ любопытное свидѣтельство современника, основанное на статистическихъ данныхъ: «По прилагаемой въ концѣ этой

лись успѣхи національнаго раздѣленія труда, прогрессъ неземледѣльческаго производства.

Неудивительно, поэтому, что въ XVIII и вполнѣ явственно съ первой четверти XIX вѣка стала обозначаться крупная перемѣна въ соціально-экономическомъ положеніи русскаго помѣстнаго класса: послѣдній началъ осѣдать на землю и постепенно преобразовываться изъ служилаго въ земельное дворянство, сталъ пріучаться къ сельскохозяйственному предпринимательству. Процессъ этотъ совершался вплоть до освобожденія крестьянъ и и былъ насильственно прерванъ актомъ 19-го февраля, хотя внутренно еще далеко не закончился.

Въ 1765 г. основывается Вольное Экономическое общество и около этого времени зарождается русская агрономическая литература и печать, быстро развивающаяся (*А. Т. Болотовъ, В. А. Левшинъ*). Еще раньше, благодаря личнымъ столкновеніямъ и впечатлѣніямъ, остзейское хозяйство, ближайшій въ Россіи образецъ болѣе раціональнаго крѣпостного

книги ежегоднымъ 42-лѣтней цѣнамъ хлѣбу и другимъ для жизни потребностямъ таблицѣ подъ № 9 видимо, что въ 1760-мъ году цѣны вещамъ возвысились болѣе нежели въ пять лѣтъ. Причиной того не суть неурожаи, но умножившіеся расходы, досужество и промыслы—что подлежитъ до чрезвычайной перемѣны въ цѣнахъ хлѣбныхъ въ одномъ и томъ же году, какъ то видно на прим. въ сказанной таблицѣ, что въ 1794-мъ году высокая цѣна ржи была за четверть 6 руб., а низкая 2 рубля 5 копѣекъ; подобно и въ другихъ нѣкоторыхъ годахъ. Сіе надлежитъ разумѣть такъ, что самыя высокія цѣны послѣ неурожайнаго года бываютъ въ слѣдующую весну; но къ исходу того же года, по воспослѣдовавшей благословенной жатвѣ спадаютъ въ половину цѣны и ниже». Топографическое описаніе Тульской губерніи, сочиненное *Василіемъ Левшинымъ* 1805 г. (Рукопись Арх. Вольно-Экономич. Общ. № 494).

хозяйства, начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе русскихъ помѣщиковъ. Въ книжномъ ящикѣ, который знаменитый впослѣдствіи основатель русской крѣпостной агрономіи Андрей Тимоѳеевичъ Болотовъ разбиралъ послѣ смерти своего отца, нашелся рукописный переводъ „Лифляндской экономіи". „Если она дѣйствительно переведена самимъ полковникомъ (Болотовымъ), — говоритъ *Е. Н. Щепкина*,—то переводъ этотъ сдѣланъ имъ не случайно и не имъ однимъ. Въ русскомъ обществѣ 30-хъ и 40-хъ гг. прошлаго (XVIII) вѣка... появился интересъ къ нѣмецкому сельскому хозяйству" *). Въ Румянцевскомъ музеѣ хранятся два рукописныхъ экземпляра „Лифляндской экономіи". На заглавномъ листѣ одного изъ нихъ значится, что онъ сдѣланъ „химіи профессоромъ *Ломоносовымъ*"**). Остзейское сельское хозяйство глубоко отличалась отъ русскаго тѣмъ, что оно уже прочно сложилось по типу настоящаго предпріятія. При всей своей экстенсивности, оно уже характеризовалось экономической раціональностью. Уже въ XVIII в. остзейское земледѣліе испытало капиталистическое оживленіе и кризисъ ***). Значительно отставая отъ остзейскаго образца и въ совершенно другой исторической обстановкѣ, и русское крѣпостное хозяйство подъ вліяніемъ указанныхъ выше моментовъ начинало преобразовываться по тому же типу.

---

*) Старинные помѣщики на службѣ и дома. Изъ семейной хроники (1578—1762). Спб. 1890, стр. 61—62.

**) Тамъ же.

***) *A. W. Hupel.* Nord. Misc. I. Stück Vom jetzigen Creditwesen und Wohlstand in Esthland, въ особ. SS. 181—187.

V.

Развитіе крѣпостного хозяйства въ XIX в. въ направленіи сельскохозяйственнаго предпринимательства.—Свидѣтельства современниковъ.

Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ нашего дореформеннаго хозяйственнаго быта, извѣстный *баронъ Гакстгаузенъ* констатируетъ интересующій насъ процессъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, довольно поверхностно, впрочемъ, связывая его съ событіями 1812 года *):

«До 1812 года та часть дворянства, которая не служила въ войскѣ или не состояла на гражданской службѣ, (въ каковомъ случаѣ семья, конечно, жила въ мѣстѣ служенія главы ея), проживала либо въ столицахъ, либо въ деревнѣ. Прежде богатые люди, собственно говоря, никогда не жили въ деревнѣ. Они разъ въ лѣто на короткое время посѣщали свои владѣнія, которыя, однако, почти нигдѣ не были устроены съ тѣмъ комфортомъ, къ коему ихъ пріучалъ европейскій лоскъ и изнѣженность, но постоянно жили въ Петербургѣ въ качествѣ придворнаго дворянства или въ Москвѣ въ качествѣ фрондеровъ. Тѣ, у кого недостаточно было состоянія для того, чтобы круглый годъ жить въ этихъ городахъ, жили тамъ, по крайней мѣрѣ, зиму или только извѣстную ея часть, когда имъ удавалось собрать столько денегъ, чтобы имѣть возможность прожить нѣкоторое время въ столицѣ, и затѣмъ на

*) *August Freiherr von Haxthausen.* Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. 2-ter Theil. Hannover 1847, S. 118—119.

остальное время забирались въ какое-нибудь деревенское захолустье, чтобы снова копить. Мелкое или бѣдное дворянство, прежде не очень многочисленное, грубое, часто не болѣе образованное, чѣмъ его крестьяне, жило совершенно вмѣстѣ съ послѣдними и было вполнѣ окрестьянившимся.

«Катастрофа 1812 года составила поворотный пунктъ въ этомъ процессѣ. Та часть богатаго или средняго дворянства, которая жила въ Москвѣ, потеряла свои дворцы и дома, свою движимость и даже значительныя части своего состоянія. На первые годы ему недоставало средствъ снова тамъ поселиться. Оно, на половину вынужденное, сѣло на землю или же больше, чѣмъ когда-либо, пошло на государственную службу, которая, чѣмъ болѣе она европеизировалась, тѣмъ болѣе требовала чиновниковъ; такимъ образомъ, дворянство было разсѣяно по всему пространству огромнаго государства. Всѣ, кто, благодаря войнамъ, побывали въ Западной Европѣ, узнали тамошнюю жизнь и стремились пересадить ее къ себѣ на родину. Благодаря этому, многіе обѣднѣли въ конецъ и ихъ мѣсто заняли parvenus изъ чиновниковъ. Затѣмъ наступила эпоха необыкновеннаго развитія промышленности, которое въ значительной мѣрѣ исходило изъ дворянства, такъ какъ большая часть фабрикъ была основана имъ. Фабричное же дѣло требовало больше дѣятельности, прилежанія, осмотрительности, знаній, больше личнаго присутствія и личнаго надзора на мѣстахъ, гдѣ расположены были фабрики, чѣмъ мы до сихъ поръ привыкли видѣть у русскаго дворянства. Такимъ образомъ, постепенно произошелъ большой переворотъ въ соціальномъ положеніи

русскаго дворянства. Оно теперь гораздо больше, чѣмъ прежде, живетъ на землѣ, конечно, еще далеко недостаточно для того, чтобы можно было его назвать земельнымъ дворянствомъ; но оно, все-таки, посѣщаетъ свои имѣнія и даже занимается ихъ хозяйственнымъ управленіемъ,—это видно изъ того, что все больше и больше крестьянъ переводится на барщину, т. е., что часть земли у крестьянъ отобрана и превращена въ господское поле, которое крестьяне должны обрабатывать барщиннымъ трудомъ, между тѣмъ какъ платежъ оброка, прежде господствующая крестьянская повинность по всей Великоруссіи, устраненъ. Дворянство не можетъ теперь уже больше удаляться такъ далеко отъ своихъ фабрикъ и экономій, какъ прежде. Сама Москва сдѣлалась фабричнымъ городомъ. Отсюда произошло то, что дворянство не живетъ больше въ Москвѣ, какъ прежде; но такъ какъ оно по всей своей природѣ, своему образу жизни и воспитанію не можетъ отказаться отъ общественной жизни новѣйшаго времени и отъ жизни въ городѣ, то оно отправляется въ сосѣдніе провинціальные города, и послѣдніе съ тѣхъ поръ пріобрѣли новыя городскія части, и въ нихъ образовался новый элементъ общительной жизни, который составляется изъ многочисленныхъ чиновниковъ, военныхъ и ихъ семействъ и изъ губернскаго дворянства. Мы считаемъ это значительнымъ шагомъ впередъ культуры и народной жизни. Благодаря этому, зарождается культурная провинціальная жизнь, которая прежде совершенно отсутствовала въ Россіи, и современемъ можетъ развиться и буржуазія, хотя

зародыши ея до сихъ поръ еще очень незначительны» *).

Въ этихъ словахъ *Гакстгаузена* съ полной ясностью отмѣчены два кардинальные и тѣсно связанные между собой процесса въ развитіи крѣпостного хозяйства въ XIX вѣкѣ. Русскій дворянинъ осѣдаетъ на землю и, становясь сельскохозяйственнымъ предпринимателемъ, въ значительной мѣрѣ вмѣстѣ съ собою осаждаетъ и крестьянъ.

Авторъ «Описанія Тверской губ. въ сельскохозяйственномъ отношеніи», удостоеннаго Уч. Ком. М-ра Государств. Имуществъ золотой медали, Василій *Преображенскій* (Спб. 1854) тоже отмѣчаетъ этотъ процессъ:

«Умственное движеніе въ улучшеніи сельскаго хозяйства съ каждымъ годомъ становится замѣтнѣе, но только между помѣщиками. Все лучшее дворянство лѣтъ за 30 готовило себя къ военной или дипломатической службѣ, а низшее, т. е. бѣднѣйшее, сидѣло дома, числясь, большею частью, на службѣ въ какомъ-нибудь уѣздномъ или губернскомъ мѣстѣ, или дѣйствительно служило... Но о томъ, какъ узнавать составныя части и свойства почвы, гдѣ какіе употреблять способы удобренія, какъ воспитывать хозяйственныя растенія, никому и въ голову не приходило. Да о чемъ и заботиться: не стало денегъ, такъ призвать старосту, приказать продать хлѣбъ—и дѣло съ концомъ. Но какъ пришлось

*) Любопытно сопоставить съ этими указаніями *Гакстгаузена* жалобы *Елагина* на „пустоту въ имперіи, которая нынѣ путешествующему не дозволяетъ иногда на сто верстахъ увидѣть одного дворянина“. („Журн. Землевл.“ 1859, № 22, стр. 182).

выйти въ отставку, пріѣхать въ помѣстья, подѣлить ихъ на части между нѣсколькими братьями и сестрами, да вступить въ управленіе имѣніемъ своимъ, съ одной литературой и политикой въ головѣ, то поневолѣ старосты и прикащики попали въ учителя своихъ господъ новымъ познаніямъ практическимъ, принятымъ однажды навсегда безъ всякой критики и потому часто неумѣстнымъ и даже вреднымъ хозяйству» (стр. 549—550).

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ указываетъ, что новое поколѣніе тверскихъ помѣщиковъ, «принадлежа къ вѣку благоразумно-расчетливому, хочетъ имѣть больше рабочихъ рукъ и учреждать фабрики и заводы».

Изъ другихъ свидѣтельствъ современниковъ крѣпостного хозяйства особеннаго вниманія заслуживаютъ обстоятельныя указанія *Ю. Ѳ. Самарина*. Пока мы приведемъ изъ указаній *Самарина* лишь то, что непосредственно относится къ занимающему насъ теперь процессу.

Въ своей законченной въ 1856 году «Запискѣ о крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ» (Сочиненія, т. II, Москва 1878 г., стр. 17 и слѣд.) *Самаринъ* замѣчаетъ:

«При тѣсной связи экономическихъ условій сельскаго хозяйства у насъ въ Россіи съ юридическими отношеніями дворянскаго сословія къ крѣпостному, всякая перемѣна къ лучшему или худшему въ системѣ помѣщичьяго хозяйства должна, естественно, отзываться болѣе или менѣе крутымъ переломомъ не только въ хозяйствѣ, но и въ цѣломъ быту поселянъ. Послѣдовательность этихъ явленій представляетъ много поучительнаго и указываетъ намъ,

какую будущность готовитъ крѣпостному сословію развитіе раціональнаго хозяйства, основаннаго на крѣпостномъ правѣ.

«Лѣтъ 70 назадъ, владѣльцы значительныхъ имѣній мало занимались сельскимъ хозяйствомъ и по большей части довольствовались умѣреннымъ оброкомъ, собирая, сверхъ того, натурою разные припасы для своихъ домашнихъ потребностей. Они управляли своими вотчинами издали, поверхностно, сильно налегая на свою дворню и оставляя въ покоѣ крестьянъ. Только въ случаѣ неисправности въ платежахъ или крупныхъ безпорядковъ, принимаемы были въ отношеніи къ послѣднимъ единовременныя мѣры строгости. Лучше ли, хуже ли, чѣмъ теперь, жили въ то время крестьяне—объ этомъ судятъ различно; но то несомнѣнно, что они жили своимъ умомъ и отдавая помѣщику часть произведеній своего труда, располагали свободно всѣмъ своимъ временемъ и всѣми своими рабочими силами.

«Этотъ порядокъ вещей измѣнился постепенно отъ совокупнаго дѣйствія многихъ причинъ. Имѣнія быстро дробились и съ каждымъ новымъ раздѣломъ средства владѣльцевъ уменьшались, а потребности ихъ, какъ существенныя, такъ и искусственныя, порожденныя непомѣрнымъ развитіемъ роскоши, не только не ограничивались, но возрастали въ изумительной прогрессіи. Между тѣмъ крестьяне, обѣднѣвшіе во многихъ мѣстахъ отъ истощенія земель, отъ ряда неурожайныхъ годовъ, отъ прекращенія нѣкоторыхъ промысловъ, отчасти отъ той же прихотливой роскоши, которая и ихъ коснулась, не только не выносили увеличенія оброковъ,

но даже въ платежѣ прежнихъ денежныхъ повинностей становились неисправными. Тогда дворяне почувствовали необходимость пристальнѣе заняться своими дѣлами, увеличить свои доходы, обезпечить на будущее время вѣрное ихъ поступленіе и, для достиженія этихъ цѣлей, естественно избрали самое сподручное и дешевое средство: заведеніе барщины. Крестьяне еще оставались полными хозяевами въ своихъ домашнихъ занятіяхъ и въ своемъ быту, но половину ихъ времени и рабочихъ силъ помѣщики взяли въ свое распоряженіе». (Стр. 49—50).

Далѣе *Самаринъ* упоминаетъ о томъ, что одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ агрономовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ *Вилькинсъ* «очень строгимъ и добросовѣстнымъ расчетомъ» доказалъ, «что для помѣщика выгоднѣе держать крестьянъ на барщинѣ, чѣмъ на оброкѣ, а было бы еще выгоднѣе взять ихъ на свое содержаніе, завести собственную упряжь и орудія и цѣлый годъ заставлять крестьянъ работать, разумѣется, ничего не платя имъ за труды». «Но этотъ выводъ, при всей его вѣроятности въ хозяйственномъ отношеніи, самому Вилькинсу показался страшнымъ», и онъ выразилъ убѣжденіе, что «рѣдкій помѣщикъ» согласится добровольно приступить къ такой системѣ хозяйства. Съ тѣхъ поръ (1833 годъ), замѣчаетъ *Самаринъ*, какъ вѣрность экономическаго вывода *Вилькинса*, такъ и ошибочность его личнаго убѣжденія доказана фактически постепеннымъ размноженіемъ мѣсячниковъ, т. е. крестьянъ по занятію и образу жизни, но переведенныхъ на положеніе дворовыхъ. «Не имѣя ни собственныхъ избъ, ни земли, ни хозяйства, они полу-

чаютъ отъ своего помѣщика помѣщеніе, обыкновенно въ нарочно выстроенныхъ флигеляхъ или казармахъ, по нѣсколько семействъ въ одной избѣ, получаютъ опредѣленное продовольствіе, одежду и за то круглый годъ работаютъ на него цѣлою семьею. Мѣсячники, кажется, появились прежде всего въ Малороссіи и Бѣлоруссіи. Теперь же они попадаются во многихъ губерніяхъ, даже и въ многоземельныхъ, какъ, напримѣръ, Оренбургской и Симбирской, причемъ всегда въ самыхъ мелкихъ помѣстьяхъ». «Этотъ классъ въ общей массѣ крѣпостного сословія теперь еще незначителенъ по своей числительности, но — справедливо подчеркиваетъ *Самаринъ* — онъ обращаетъ на себя вниманіе по самой недавности его происхожденія, какъ классъ новѣйшаго образованія. Въ его лицѣ передъ нами является послѣднее произведеніе крѣпостного права и грозный намекъ на дальнѣйшій путь его развитія».

Дѣйствительно, развиваясь въ направленіи сельскохозяйственнаго предпринимательства, русское крѣпостное хозяйство несомнѣнно должно было кульминировать въ полномъ или частичномъ обезземеленіи крестьянъ и въ созданіи класса свободныхъ отъ средствъ производства, слабо связанныхъ съ землею, сельскихъ рабочихъ. До этого дѣло, какъ извѣстно, не дошло, но насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ не возможный конецъ пути, а его реальное начало. Самаринскій прогнозъ для насъ цѣненъ здѣсь, какъ историческій діагнозъ, какъ свидѣтельство проницательнаго современника о реальной тенденціи развитія. Въ этомъ кардинальномъ вопросѣ исторіи нашего дореформеннаго аграрнаго строя мы вынуж-

дены довольствоваться такими свидѣтельствами и, взвѣшивая ихъ удѣльный вѣсъ, по нимъ строить картину процесса. Ибо статистическихъ данныхъ, рисующихъ самое развитіе крѣпостного хозяйства, у насъ почти нѣтъ *).

Переходъ къ барщинному режиму въ земледѣліи отмѣчается и авторомъ примѣчаній къ русскому переводу *Тэра Н. Муравьевымъ*. *Муравьевъ* приписываетъ расширенію помѣщичьихъ запашекъ сильное повышеніе хлѣбнаго производства и приводитъ въ доказательство этого примѣръ своей мѣстности (Можайскій уѣздъ). На радіусѣ въ 35 верстъ около его имѣнія вновь прибавилось пашни около 1.500 десятинъ въ каждомъ полѣ. Характерно, что *Муравьевъ* этимъ процессомъ расширенія барщинныхъ запашекъ объясняетъ сельскохозяйственный кризисъ и упадокъ цѣнъ 20-хъ гг. и, такимъ образомъ, приписываетъ этому явленію тотъ же товарнокапиталистическій характеръ, который оно несомнѣнно имѣло въ Германіи 20-хъ гг. **).

Тотъ же самый *Муравьевъ* выразилъ основную идею и экономическое существо новаго прогрессивнаго помѣщичьяго хозяйства въ слѣдующихъ словахъ: «Чѣмъ мы должны почитать въ Россіи сельское хозяйство? По мнѣнію моему, фабрикою, на которой, вмѣсто сукна или другихъ издѣлій, производятъ хлѣбъ. Слѣдовательно, оно подчиняется

*) О статистикѣ крѣпостного хозяйства въ XIX в. и о сравненіи данныхъ этого вѣка съ данными XVIII в. мы скажемъ ниже.

**) *А. Тэ(е)ръ*. Основанія раціональнаго сельскаго хозяйства съ примѣчаніями *Н. Н. Муравьева и Е. Крюда*. Переводъ *С. А. Маслова*. Часть I. Москва 1830 г. Предисловіе сочинителя примѣчаній (*Муравьева*), стр. XIII.

тѣмъ же правиламъ, коими руководствуются въ прочихъ родахъ промышленности» *).

VI.

Повышеніе оброковъ и переходъ отъ оброка къ барщинѣ. — Успѣхи крѣпостной агрономіи. — Два ея направленія. — Развитіе сельскохозяйственныхъ обществъ. — Литературная иллюстрація.

Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ,
И рабъ судьбу благословилъ.
Зато въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разсчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

Сосѣди Онѣгина были, какъ мы видѣли, правы: для помѣщичьяго хозяйства отпускъ земледѣльческихъ крестьянъ на оброкъ грозилъ крупнымъ ущербомъ; менѣе мрачный сосѣдъ Евгенія, отозвавшійся на его нововведеніе лукавой улыбкой, хорошо зналъ, что новаторъ поплатится своими же доходами за ту дань, которую онъ отдавалъ либеральнымъ идеямъ вѣка. И, въ самомъ дѣлѣ, помѣщичій классъ въ его цѣломъ поступалъ—поскольку рѣчь шла о земледѣльческомъ хозяйствѣ—въ смыслѣ, прямо противоположномъ образу дѣйствій Онѣгина: оброчные крестьяне сажались на барщину.

*) То же соч. Часть III. Москва 1833 г. Предисловіе *Муравьева*, стр. XXX—XXXI.

Въ моихъ рукахъ имѣется цѣлый рядъ подлинныхъ записей помѣщичьяго хозяйства *), иллюстрирующихъ этотъ переломъ или, вѣрнѣе цѣлый переворотъ въ крѣпостной экономіи значительныхъ частей Россіи. Въ тѣхъ деревняхъ Осташковскаго уѣзда Тверской, Торопецкаго и Холмскаго уѣздовъ Псковской губерній, къ которымъ относятся наши записи **), преобладающей формой крестьянскихъ повинностей въ 80-хъ годахъ XVIII в. было сочетаніе оброка съ нерегулярной и легкой барщиной («оброкъ съ поработками»).

Въ 1793 году мы находимъ совершенно другую картину. Всѣ крестьяне переведены на оброкъ. Оброкъ этотъ не душевой, а поземельный или, вѣрнѣе, поземельно-тягловой — поимущественный «съ земли и съ сѣнныхъ, отданныхъ отъ господъ сѣнныхъ покосовъ» ***).

---

*) Онѣ же послужили основнымъ матеріаломъ и для моего изслѣдованія „Крѣпостная статистика“. См. позади текста подлинныя таблицы, въ которыя сведена часть этого матеріала.

**) Ниже я привожу данныя, относящіяся только къ одной группѣ деревень Осташковскаго уѣзда д. Хвостова—№ 9306, д. Гребенкина=д. Гребнево—№ 9307, д. Ключевая—№ 9308, д. Рысина—№ 9302, д. Кочергина—№ 9303, д. Церковище—№ 9305, д. Большая Вдовина—№ 9309, д. Малая Вдовина—№ 9310, д. Башева—№ 9312, д. Заболотье—№ 931, (№№ эти суть номера „Списка населенныхъ мѣстъ Тверской губ.“)

***) Вотъ заглавіе цитируемаго документа: „1793 года октября (число не проставлено) окладная села Андреяполь, сколь платить дубенскимъ и хвостовскимъ крестьянамъ по нынѣшнему положенію съ земли и съ сѣнныхъ, отданныхъ отъ господъ сѣнныхъ покосовъ, обкошенныхъ денегъ и кому, сколько придется, по земли платить оброку: значитъ ниже сего: а именно“ (№ 1033 Тверск. Музея).

Въ деревнѣ Хвостовой 5 дворовъ платятъ съ 2-хъ шестовъ по 53 р. 89 коп., 1 дворъ съ 2-хъ шестовъ же—56 р. 89 коп. («по имуществу»). Въ деревнѣ Гребенкиной 2 двора платятъ съ 3-хъ шестовъ по 80 р. 75 к., 1 дворъ съ 2-хъ шестовъ—53 р. 89 к. и 1 дворъ съ 4-хъ шестовъ 107 р. 9 к. Въ деревнѣ Ключевой 2 двора платятъ съ 3 шестовъ по 80 р. 75 к., 1 дворъ съ 2-хъ шестовъ—53 р. 89 к., 1 дворъ съ 4-хъ шестовъ—107 р. 9 к. Въ деревнѣ Рысиной 2 двора съ 3-хъ шестовъ по 80 р. 75 к., 1 дворъ съ 3-хъ же—107 р. 9 коп. Въ деревнѣ Кочергиной—1 дворъ съ 3-хъ шестовъ платитъ 54 р. 55 к. («по неимуществу сбавлено»), 1 дворъ съ 3-хъ шестовъ платитъ 83 р. 75 к. («по имуществу»), третій съ 6 шестовъ—120 р. («скидка съ него потому, что не въ силу»). Въ деревнѣ Церковищѣ 1 дворъ съ $3^1/_4$ шестовъ платитъ 85 руб. 75 к., 1 дворъ съ $2^1/_5$—56 р. 89 коп. Въ деревнѣ Большой Вдовиной 1 дворъ съ $2^1/_4$ шестовъ платитъ 56 р. 89 к., 1 дворъ съ $3^1/_2$ шестовъ 86 руб. Въ деревнѣ Малой Вдовиной 1 дворъ съ 1 шеста платитъ оброку 26 р., 2 двора съ 2 шестовъ—по 53 р. 89 к. Въ деревнѣ Башевой 1 дворъ платитъ съ 2 шестовъ 55 р. («по имуществу»), 1 дворъ съ 2 же шестовъ—60 руб., («по имуществу»), 1 дворъ съ 3 шестовъ 85 р. 75 к. Въ деревнѣ Заболотовѣ 1 дворъ съ $2^1/_4$ шестовъ платитъ 55 р. 89 к., 1 дворъ съ $3^1/_2$ шестовъ платитъ 83 р. 75 к.

Эти оброки поражаютъ своими огромными размѣрами: въ среднемъ на 1 работника обоего пола приходится 14,2 р. оброка, а на вѣнецъ 28,4 руб. Между тѣмъ по Генеральному Соображенію 1783—

1784 г. оброчные въ Осташковскомъ уѣздѣ платили отъ 5 до 10 руб. съ вѣнца *).

Насколько повышенъ былъ оброкъ съ 1788 г., явствуетъ изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ этомъ году крестьянинъ деревни Гребенкиной Осипъ Лученокъ платилъ чистаго оброка 34 руб. (и одну куницу), въ 1793 году онъ платилъ уже 107 р. 9 к.; крестьянинъ деревни Церковище Егоръ Михайловъ платилъ (чистаго оброка)—22 р. 50 к. (и одну куницу) въ 1788 году, а въ 1793 году—56 р. 89 к. и это—несмотря на то, что рабочая сила его двора съ 2-хъ душъ мужскаго пола и 2-хъ душъ женскаго пола упала до 1 души мужскаго полл и 1 души женскаго пола; крестьянинъ деревни Большой Вдовиной Денисъ Ѳоминъ платилъ (чистаго оброка) 34 р. (и одну куницу); въ 1793 году онъ платитъ уже 86 р.

Такое повышеніе отнюдь не можетъ объясняться обезцѣненіемъ денегъ, потому что въ 1793 году ассигнаціонный рубль упалъ только до 74 коп. серебромъ **). Въ 1814 году вся эта группа деревень состоитъ почти исключительно изъ чистыхъ барщинниковъ (см. таблицу): очевидно, опытъ взиманія высокаго оброка далъ самые плачевные результаты и, такимъ образомъ, стремленіе къ наивысшему доходу черезъ повышеніе оброка привело къ установленію барщины.

*) „Генеральное Соображеніе по Тверской губерніи, извлеченное изъ подробнаго топографическаго и камеральнаго по городамъ и уѣздамъ описанія 1783—1784 г.“. Изданіе Тверской Губернской Земской Управы подъ редакціей *В. И. Покровскаго*. Тверь 1893 г., стр. III.

**) См. таблицу *Шторха* въ его „Политической Экономіи“. Пользуемся нѣмецкимъ переводомъ Rau. Hamburg. 1820 г., т. III, табл. V.

Этотъ же періодъ характеризуется огромнымъ ростомъ денежнаго оброка и тамъ, гдѣ онъ удерживается. У меня есть данныя объ оброкѣ, который уплачивала деревня Черкасово Зубцовскаго уѣзда, съ 1757 по 1828 г.:

Въ 1757 году— 4 руб. со двора (очевидно тяглу или вѣнцу)
» 1785 » — 6 » съ вѣнца
» 1790 » — 8 » » и, кромѣ того, со всѣхъ 15 вѣнцовъ 2 пуда постромокъ *).
» 1792 » —13 руб. съ вѣнца отправлять въ Москву подводы.
» 1797 » —15 » »
» 1801 » —25 » »
» 1803 » —30 » »
» 1828 » —75 » »

Въ соотвѣтствіи съ ростомъ денежнаго оброка за это же время наблюдается и увеличеніе размѣра выводныхъ денегъ: въ 1773 году онѣ составляли—2 р., въ 1796 году—5 р., въ 1798 году—уже 10 р., а въ 1802 году—35 руб.

Постепенное превращеніе русскаго дворянина въ сельскохозяйственнаго предпринимателя, стремящагося къ извлеченію наивысшаго денежнаго дохода, выразилось въ широкомъ развитіи русской агрономіи и сельскохозяйственной экономіи. Создалась русская агрономическая школа, школа крѣпостной агрономіи, пожалуй, даже цѣлыхъ двѣ школы или,

*) Записи о полученіи двухъ пудовъ постромокъ имѣются за 1800 и 1801 годы. Очевидно, это былъ постоянный натуральный сборъ. Кромѣ того, зубцовскіе крестьяне отправляли подводы въ Москву.

вѣрнѣе, два направленія. Одно изъ нихъ главными выразителями своими имѣло *Д. М. Полторацкаго*, калужскаго помѣщика, начало дѣятельности котораго относится еще къ XVIII вѣку, и *Д. П. Щелехова*, тверского помѣщика и автора многихъ сельскохозяйственныхъ книгъ и статей. Ихъ взоры были направлены, главнымъ образомъ, въ сторону технической раціональности: названные два дѣятеля были главнѣйшими агитаторами въ пользу плодоперемѣннаго хозяйства. Такой характеръ ихъ агрономической агитаціи не былъ, впрочемъ, вовсе случаенъ: введеніе «плодоперемѣннаго хозяйства» въ той или другой формѣ несомнѣнно ставилось на очередь самой жизнью въ нечерноземной Россіи и въ дореформенное время. Для извѣстныхъ мѣстностей, такимъ образомъ, щелеховская проповѣдь технической раціональности не противорѣчила и раціональности экономической *).

Наиболѣе яркими выразителями другого направленія, подчеркивавшаго экономическую нераціональность радикальныхъ техническихъ реформъ въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, были два душевладѣльца центральной Россіи: «болховскій помѣщикъ» *И. В. Лавровъ* **) и «пензенскій земледѣлецъ» *И. В.*

---

*) Я не называю знаменитаго шеллингіанца профессора Московскаго Университета *М. Г. Павлова* († 1840), потому что его агрономическая дѣятельность и проповѣдь носила отвлеченно-теоретическій характеръ и во всякомъ случаѣ гораздо дальше отстояла отъ жизни, чѣмъ дѣятельность и проповѣдь *Полторацкаго* и *Щелехова*.

**) Авторъ напечатаннго въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 40-хъ гг. „Отчета, за одиннадцать лѣтъ, о ходѣ и произведеніяхъ болховскаго хозяйства“ и другихъ сельскохозяйственыхъ сочиненій.

Сабуровъ **). Ихъ предшественникомъ можно считать *графа Ростопчина*, автора остроумной анонимной брошюры «Плугъ и соха» ***).

Среднее положеніе между «техническимъ» и «экономическимъ» направленіемъ въ русской крѣпостной агрономіи занималъ знаменитый, уже цитированный нами, авторъ примѣчаній къ Тэру *Н. Н. Муравьевъ*.

Если такой замѣчательный агрономическій дѣятель, какъ *Полторацкій*, увлекаясь технической раціональностью, «терпѣлъ большіе убытки», т. е. велъ экономически нераціональное хозяйство, то у дюжинныхъ и малосвѣдущихъ людей это стремленіе къ «улучшенному» хозяйству принимало смѣшныя, прямо каррикатурныя формы. Но это была пѣна на поверхности прогрессивнаго агрономическаго движенія, захватившаго русскій помѣщичій классъ и въ ширь, и въ глубь. Пѣна эта бросалась въ глаза, и мы встрѣчаемъ въ дореформенной литературѣ XIX в. не мало описаній смѣшныхъ сторонъ занимающаго насъ движенія. Приведемъ на выдержку одно, довольно колоритное:

«Проходили годы за годами, а молодые наши—иноземные политикоэкономы и агрономы, все мечтали, строили воздушніе замки и дожидали времени счастливой независимости и полной свободы. А вотъ и это времячко наступило. Старички захирѣли, слегли въ постель, и отдали душу Богу. Сынки

**) Авторъ „Записокъ Пензенскаго Земледѣльца", напечатанныхъ въ 40-хъ гг. въ „Отечественныхъ Запискахъ" и другихъ агрономическихъ сочиненій.

***) Москва, 1806. Съ эпиграфомъ „Отцы наши не глупѣй насъ были".

честно ихъ похоронили и выпили за упокой ихъ душъ по бокальчику шампанскаго, во-первыхъ, потому, что они за-границею другого вина не пили; во-вторыхъ, потому, что это вино въ модѣ и безъ него не не обходится ни одна честная компанія; въ-третьихъ, потому, что это вино прогоняетъ грусть и скуку, а плакать и грустить нынѣ тоже не въ модѣ, и не идетъ къ лицу благороднымъ людямъ.

«Теперь молодымъ баринамъ своя воля; время не терпитъ, надо поспѣшать, торопиться, и вотъ прямо приступаютъ къ выполненію заблаговременно обдуманнаго плана преобразованія въ хозяйствѣ.

«Кабинеты становятся тѣсны, въ залахъ раскидываются огромные столы и на нихъ раскладываются по порядку иностранные книги и чертежи. Сами экономопреобразователи въ турецкихъ, шитыхъ золотомъ туфляхъ, въ подбитыхъ и опушенныхъ чернымъ соболемъ халатахъ, съ небрежно вокругъ шеи обмотанною шалью, съ унизанною жемчугомъ и украшенною дорогими каменьями ермолкою на головѣ, съ французскою папироскою въ зубахъ, съ серебрянымъ циркулемъ въ рукахъ, то медленнымъ шагомъ прохаживаются по заламъ приложивши указательный палецъ ко лбу, то стремглавъ подбѣгаютъ къ столу, заглядываютъ въ книги и циркулемъ размѣриваютъ чертежи, записывая что-то карандашемъ въ памятной книжкѣ. Но геніи долго не думаютъ; у нихъ въ одинъ моментъ рѣшается: съ чего начать, какъ продолжать и чѣмъ кончить. Вотъ и пошла катавасія; дѣятельность необыкновенная; одно ломается, другое строится; фруктовые сады и огороды исчезаютъ, и на мѣстѣ ихъ являются пруды, цвѣтники, бесѣдки, портики

и великолѣпныя аллеи; вновь размежевываются поля на 7, на 9, а гдѣ и на 12 полосъ; начинается травосѣяніе, выписываются лучшія лошади и лучшій скотъ; словомъ, ничего не опущается изъ виду и все, кажется, на первый разъ идетъ скоро и въ порядкѣ. Старички, благодаря Бога, экономили исправно; денегъ пока хватаетъ на все, но если бъ не хватило, то бѣда еще не велика. Банки открыты, на случай можно заложить и имѣніе. Расчеты сдѣланы вѣрно; барыши будутъ огромные и отъ того, и отъ другого, и отъ третьяго; надобно только немножко подождать, повременить. Но вотъ проходитъ годъ за годомъ, посмотришь, съ полдюжины лѣтъ какъ не бывало; крестьяне охаютъ, ахаютъ, бѣднѣютъ, просятъ уже хлѣба, имѣнія закладываются и перезакладываются, а толку въ преобразованіяхъ не видно, и о барышахъ нѣтъ и помина.

«Что за чудо, думаютъ наши преобразователи, Кажется, все дѣлается по правиламъ и по руководствамъ лучшихъ иностранныхъ экономовъ; вѣрно мужики стакнулись съ управителями и насъ обманываютъ. Но стачки никакой не было, всѣ приказанія господъ исполнялись исправно, и мужики работали, сколько есть мочи. Отчего же происходятъ во всемъ и вездѣ неудачи?

«Благоразумные сосѣди тотчасъ рѣшили задачу; они даже напередъ предсказывали, что успѣха не будетъ, потому что все дѣлалось на манеръ иностраннаго» *).

*) *С. Николаевъ.* „Принесутъ ли ожидаемую пользу хорошія заводскія лошади въ теперешнемъ крестьянскомъ быту, и въ состояніи ли наши крестьяне содержать такихъ лошадей?“ „Москвитянинъ“, 1848 г., ч. II, стр. 48—50.

Но эти увлеченія, повторяемъ, были лишь карикатурнымъ выраженіемъ глубокаго движенія въ помѣщичьей средѣ. Цѣлый рядъ сельскохозяйственныхъ обществъ открылся въ эту эпоху: въ 1808 г.—«Эстляндское экономическое общество», въ 1819 г.—«Московское общество сельскаго хозяйства», въ 1824 году—«Бѣлорусское вольное экономичкое общество», въ 1828 г.—«Общество сельскаго хозяйства Южной Россіи», въ 1832 г.—«Главное московсковское общество улучшеннаго овцеводства», въ 1833 г.—«Закавказское общество поощренія сельской и мануфактурной промышленности», въ 1839 г.—Казанское, Курляндское и Гольдингенское экономическія общества; въ 1842 г.—Ярославское общество с. х., въ 1844 г.—Лифляндское общество поощренія сельскаго хозяйства и промышленности; въ 1845 и 1846 гг., по ходатайству Лифляндскаго экономическаго общества,—вспомогательныя для него общества: Перново-Феллинское и Аренсбургское; въ 1847 г.—Лебедянское общество с. х.; въ 1848 г.—Общество с. х. Юговосточной Россіи въ Пензѣ и третье вспомогательное для Лифляндскаго Венденъ-Вольмаръ-Валкское; въ 1850 г.—Кавказское общество с. х.; въ 1854 г.—Юрьевское общество с. х., въ Юрьевѣ-Польскомъ Владимірской губ. *). Въ этихъ обществахъ и ихъ изданіяхъ обсуждались и выяснялись крупные и мелкіе вопросы техники и экономіи крѣпостного хозяйства. И—въ противоположность поверхностнымъ, выше колоритно охарактеризованнымъ, увлеченіямъ западно-европей-

**) *Ср. С. Пахманъ.* „О значеніи и постепенномъ учрежденіи сельскохозяйственныхъ обществъ въ Россіи". Казань. 1855 г.

ской агрономіей,—доминирующей, задающей тонъ нотою этого движенія было подчеркиванье не технической, а э к о н о м и ч е с к о й раціональности: прогрессивный въ сельско-хозяйственномъ отношеніи русскій помѣщикъ дореформенной эпохи—по общему правилу, послѣдовательный крѣпостникъ—хорошо понималъ разъясненную графомъ *Ростопчинымъ* истину, что въ Россіи англійское сельское хозяйство «украшаетъ пейзажъ», а русское не мудрствующее, но основанное на правильномъ экономическомъ расчетѣ крѣпостное хозяйство «обогащаетъ». И онъ желалъ обогащаться.

Классическое, хотя и каррикатурное для одной фигуры, слащавое для другой, изображеніе нелѣпаго реформатора и разумнаго хозяина крѣпостной эпохи даетъ намъ вторая часть «Мертвыхъ душъ». Кто не помнитъ фигуръ полковника Кошкарева, въ которомъ «отражаются каррикатурно и виднѣй глупости всѣхъ нашихъ умниковъ», и Константина Ѳедоровича Костанжогло, у котораго Чичиковъ хотѣлъ научиться «мудрости управлять труднымъ кормиломъ сельскаго хозяйства, мудрости извлекать доходы вѣрные, пріобрѣсть имущество не мечтательное, а существенное»? Любопытно, что *Гоголь* рисуетъ Костанжогло противникомъ фабричнаго предпринимательства помѣщиковъ и фабрикъ вообще. Для помѣщиковъ этотъ идеальный крѣпостной хозяинъ признаетъ желательнымъ заведеніе только такихъ фабрикъ, которыя примыкаютъ къ основному земледѣльческому хозяйству и не отрываютъ крестьянъ отъ земли. Подобно кн. *Щербатову*, онъ сторонникъ соединенія земледѣлія съ промышленностью. «Вотъ каковы помѣ-

щики теперь наступили: завели и конторы, и мануфактуры, и школы, и комиссію, и чортъ ихъ знаетъ, чего не завели! Вотъ каковы эти умники,—говоритъ Костанжогло. Помѣщикъ—этакое званіе почтенное—въ мануфактуристы, фабриканты! Прядильныя машины... кисеи шлюхамъ городскимъ дѣвкамъ».—«Да вѣдь и у тебя же есть фабрики», замѣчаетъ ему зять.—«А кто ихъ заводилъ? Сами завелись: накопилось шерсти, сбыть некуда—я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя, по дешевой цѣнѣ ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбираютъ, мужику надобныя, моему мужику. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берегъ въ продолженіе шести лѣтъ сряду промышленники; ну куда ее дѣвать! Я началъ изъ нея варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня все такъ».

«Экой чортъ!» думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза: «загребистая какая лапа!...»

Но Костанжогло былъ не только хорошимъ хозяиномъ, устами этого «положительнаго» гоголевскаго типа говоритъ самъ *Гоголь*, въ то время несомнѣнный романтическій реакціонеръ.

«Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ доходливѣе заниматься?»—спросилъ Чичиковъ.

«Законнѣе, а не то, что доходнѣе. Воздѣлывай почву въ потѣ лица своего, сказано. Тутъ нечего мудрить. Это ужъ опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ нравственнѣе, чище, благороднѣй, выше. Не говорю—не заниматься другимъ, но чтобы въ основаніе легло хлѣбопашество—вотъ что! Фабрики заведутся сами собой, да, заведутся законныя фабрики,—того, что нужно здѣсь, подъ рукой человѣку на мѣстѣ, а не

эти всякія потребности, разслабившія теперешнихъ людей. Не эти фабрики, что потомъ, для поддержки и для сбыту, употребляютъ всѣ искусныя мѣры, развращаютъ, растлѣваютъ несчастный народъ. Да вотъ же не заведу у себя, какъ ты тамъ ни говори въ .ихъ пользу, никакихъ этихъ внушающихъ высшія потребности производствъ, ни табака, ни сахара, хоть бы потерялъ милліонъ. Пусть же, если входитъ развратъ въ міръ, такъ не черезъ мои руки. Пусть я буду передъ Богомъ правъ... Я двадцать лѣтъ живу съ народомъ; я знаю, какія отъ этого слѣдствія».

Подобно кн. *Щербатову* въ XVIII в., Костанжогло-Гоголь въ XIX в. не видѣлъ, что для процвѣтанія экономически прочнаго земледѣльческаго хозяйства помѣщиковъ необходимо широкое развитіе промышленности вообще и, въ частности, фабрикъ, «которыя развращаютъ, растлѣваютъ несчастный народъ». Какъ всѣ романтики, онъ смотрѣлъ больше назадъ, чѣмъ впередъ. Не даромъ онъ обличалъ «Донъ-Кишотовъ» «просвѣщенія», заводящихъ такія школы, изъ которыхъ выходятъ люди, никуда не годящіеся, «ни въ деревню, ни въ городъ, только что пьяница да чувствуетъ свое достоинство».

VII.

Прогрессъ сельскаго хозяйства въ первую половину XIX в.—Развитіе машиностроенія.—Свеклосахарное производство.—Тонкорунное овцеводство.—На чемъ основывались успѣхи сельскаго хозяйства?

Прогрессъ русскаго сельскаго хозяйства въ первую половину XIX в. отмѣчался многими внима-

тельными наблюдателями. «Стремленіе къ улучшенію нашего хозяйства»,—писалъ извѣстный ученый, впослѣдствіи академикъ *К. С. Веселовскій*,—есть событіе, не подлежащее сомнѣнію» *). Львиная доля этихъ успѣховъ, по словамъ этого автора, приходилась на помѣщичье крѣпостное хозяйство. Это указаніе тѣмъ знаменательнѣе, что оно было сдѣлано рѣшительнымъ противникомъ крѣпостного права въ органѣ, который не уставалъ указывать на сельскохозяйственную несостоятельность барщины. Другіе авторы еще рѣзче указывали, что земледѣліе прогрессируетъ только въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Дѣйствительно, крѣпостное хозяйство дѣлало успѣхи, развиваясь въ разныхъ направленіяхъ и замѣтно усложняясь. Прежде всего расширеніе и укрѣпленіе барщиннаго режима означало прогрессъ въ организаціи хозяйства и въ самой обработкѣ, безразлично, какова бы ни была ея техника. Кромѣ того, обработка улучшалась благодаря введенію усовершенствованныхъ орудій: подъ эгидой московскаго общества сельскаго хозяйства возникло въ 1831 г. машиностроительное заведеніе бр. Бутеноповъ, которое съ 1833 года по 1846 г., изготовило различныхъ машинъ, земледѣльческихъ орудій и снарядовъ на $3^1/_2$ милл. рублей ассигн. или на 1 милл. руб. серебромъ, въ томъ числѣ 1.100 молотилокъ, 6.060 вѣялокъ, 1.600 плуговъ, 125 экстирпаторовъ, 1.200 боронъ, 550 соломорѣзокъ и т. д. Позже основались другія машиностроительныя заведенія

*) „Обозрѣніе успѣховъ науки сельскаго хозяйства въ Россіи въ трехлѣтіе 1838—1840". Журналъ М-ва Госуд. Имущ. за 1842 г. стр. 44.

(Кандибы въ Конотопскомъ уѣздѣ, Потемкина близъ Кременчуга, Шумана въ Лугани), и возникъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ рядъ т. н. «домашнихъ заведеній», изготовлявшихъ сельскохозяйственныя орудія и машины для сосѣдей. Въ 1853 г. Департаменту сельскаго хозяйства извѣстны были 19 заведеній, занимавшихся сельскохозяйственнымъ машиностроеніемъ. «Несмотря на столь значительное число механическихъ заведеній, они съ трудомъ успѣваютъ удовлетворять заказы, что служитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ сильнаго требованія на улучшенныя орудія и машины» *). Въ изобрѣтеніи машинъ и орудій выдающуюся роль играли сами сельскіе хозяева. Особенное значеніе для помѣщичьяго хозяйства черноземной Россіи имѣло распространеніе машинной молотьбы: ручная молотьба занимала очень много рабочихъ рукъ въ то время, когда онѣ были нужны для вывоза хлѣба на рынокъ, и замедляла самую операцію вывоза.

Къ характеризуемой нами эпохѣ относится далѣе другой крупный успѣхъ помѣщичьяго хозяйства въ нѣкоторой части черноземной Россіи. Мы имѣемъ въ виду разведеніе свекловицы и основанное на немъ свеклосахарное производство. Органомъ этой промышленности явился учрежденный въ 1831 г. при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства комитетъ сахароваровъ. Съ этого, приблизительно, времени началось поступательное движеніе русскаго свеклосахарнаго производства, причемъ оно постепенно изъ центра Россіи (губ. Москов-

*) „Обзоръ дѣйствій Департамента сельскаго хозяйства и очеркъ состоянія главныхъ отраслей сельской промышленности въ Россіи съ 1844 по 1854 годъ". Спб. 1855, стр. 252—253.

ская, Тульская и др.) перемѣстилось въ наиболѣе благопріятный для него въ климатическомъ отношеніи районъ—въ югозападный край. «Сельское хозяйство наше подвинулось впередъ съ успѣхами свеклосахарнаго производства. Воздѣлываніе свекловицы было причиною введенія разныхъ орудій, о которыхъ прежде и не думали и которыя нынѣ употребляются при разведеніи зерновыхъ хлѣбовъ, не только въ помѣщичьихъ, но и во многихъ крестьянскихъ хозяйствахъ. Лучшая обработка земли позволила ввести плодоперемѣненіе въ различныхъ видахъ, сообразное съ мѣстностью» **).

Если сахарная свекла являлась символомъ успѣховъ интенсивнаго хозяйства, то прогрессъ экстенсивнаго хозяйства символизировался... мериносами.

Въ 1803 г., по мысли министра внутреннихъ дѣлъ князя В. П. Кочубея, правительство выписало изъ Испаніи стадо во сто барановъ лучшей породы. Затѣмъ, въ это дѣло были вложены крупные капиталы разныхъ предпріимчивыхъ знатныхъ и незнатныхъ лицъ, русскихъ и иностранцевъ. Въ результатѣ, въ 1853 г. вмѣсто ста головъ мериносовъ въ Россіи было уже 8.700.000. Усиленное развитіе тонкоруннаго овцеводства въ Россіи—въ связи съ австралійской конкурренціей—привело къ длительному кризису въ этой отрасли: въ 1825 г. тонкая шесть продавалась отъ 26 до 60 р. асс. немытой, съ 1830 до 1840 г. цѣны держались отъ 18 до 35 р.; въ 1843 г.—отъ 12 до 20 р.; до 1850 г. онѣ продолжали падать, но съ этого времени началось обрат-

**) „Обзоръ и т. д. сельской промышленности съ 1844 по 1854 годъ". Спб., 1855 г., стр. 121.

ное движеніе. Несмотря на низкія цѣны на шерсть, тонкорунное овцеводство составляло во второй четверти нашего вѣка «главную статью дохода для новороссійскихъ помѣщиковъ».

Но самую важную роль въ прогрессѣ сельскохозяйственнаго производства въ первой половинѣ XIX в. сыграло его расширеніе на существующемъ техническомъ базисѣ, главнымъ образомъ, увеличеніе площади запашекъ и повышеніе эксплуатаціи крестьянскаго труда путемъ организаціи и интенсификаціи барщиннаго труда *). Одинъ изъ самыхъ выдающихся практическихъ агрономовъ николаевскаго времени, уже упомянутый выше *Сабуровъ*, далъ слѣдующую восторженную характеристику успѣховъ крѣпостного хозяйства:

«Нельзя исчислить всего, что сдѣлали и усовершенствовали помѣщики—дворяне русскіе въ народномъ хозяйствѣ. Довольно сказать, что по всѣмъ частямъ сельскаго хозяйства въ послѣднія 20 лѣтъ капиталы помѣщиковъ сильно увеличивались, и безъ всякаго противорѣчія, гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Германіи, Бельгіи и Франціи въ это же время, чему служитъ фактомъ возвышеніе доходовъ. Чѣмъ же эти небывалые доходы, слѣдовательно, и капиталы сотворились, какъ не искусствомъ, т. е. тѣмъ невещественнымъ капиталомъ, которымъ Провидѣніе надѣляетъ человѣка, твердо и разумно стремящагося къ цѣли, указанной ему желаніемъ, прихотью, надобностью или пристрастіемъ» **)?

---

*) Ср. ниже въ приложеніи извлеченныя изъ агрономической литературы указанія на интенсификацію борщины.

**) *Ив. Сабуровъ.* „Записки пензенскаго земледѣльца о теоріи и практикѣ сельскаго хозяйства". „Отеч. Зап." 1843 г. Т. XXVI, стр. 30.

При всемъ своемъ диѳирамбическомъ характерѣ, эти слова выражали несомнѣнный и очень крупный по своему значенію жизненный фактъ.

Въ основѣ этихъ успѣховъ сельскаго хозяйства лежало расширеніе внутренняго и внѣшняго рынка для его продуктовъ. Первая половина XIX в. была періодомъ энергичнаго развитія русской промышленности во всѣхъ ея формахъ, за исключеніемъ помѣщичьей фабрики. Въ области фабричной промышленности помѣщики съ крѣпостнымъ трудомъ потерпѣли фіаско, хотя именно въ первой трети XIX столѣтія они съ особенною ретивостью бросились на этотъ способъ извлеченія доходовъ. Обрабатывающая промышленность уже выросла изъ крѣпостныхъ рамокъ и ускользала изъ рукъ помѣщиковъ. Какъ бы то ни было, національная промышленность въ фабрично-капиталистической и кустарно-капиталистической формѣ росла энергично за это время, и это развитіе означало именно расширеніе рынка для продуктовъ сельскаго хозяйства. Старинное національное раздѣленіе труда между промышленной (сѣверной и сѣверо-центральной) и земледѣльческой (южной, юго-восточной и южно-центральной) Россіи развивалось все болѣе и болѣе и обрисовывалось все рѣзче и рѣзче. Русскій капиталистъ-промышленникъ являлся въ то время любезнымъ для центрально-черноземнаго помѣщика-хозяина воплощеніемъ его рынка. И въ то же время—характерное отличіе отъ позднѣйшей эпохи: сѣверно-центральная промышленность въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ позже, являлось рынкомъ для сѣвернаго земледѣлія. Отсюда—замѣчательное явленіе: барщинное хозяйство развивалось

не только на центральномъ юго-восточномъ и южномъ черноземѣ, но и въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ, и развивалось оно тамъ именно потому, что—при данныхъ условіяхъ транспорта — конкурренція черноземной Россіи не имѣла еще тогда того уничтожающаго для сѣвернаго зернового хозяйства характера, какое она получила впослѣдствіи. Поэтому то мы видимъ, что сравненіе данныхъ *В. И. Семевскаго* XVIII в. съ данными редакціонныхъ комиссій, относящимися къ концу 50-хъ гг., показываетъ увеличеніе числа барщинныхъ крестьянъ въ губерніяхъ Новгородской и Тверской, и это объясняется выгодными для нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстностей условіями почвы и—рынка. Правда хлѣбородный центръ очень чувствительно напоминалъ подмосковному помѣщику о своей конкуренціи и въ то же время самъ страдалъ отъ конкуренціи юга. Недаромъ, помѣщики хлѣбороднаго центра и подмосковные убѣждали одни другихъ въ необходимости заняться сахароваренiемъ. И той, и другой сторонѣ хотѣлось, чтобы конкурентъ по производству зерновыхъ хлѣбовъ былъ отвлеченъ въ сторону сахароваренія и очистилъ мѣсто на московскомъ хлѣбномъ рынкѣ. Естественныя условія рѣшили иначе: сахароваренiе не досталось ни подмосковнымъ губерніямъ, ни хлѣбородному центру, а процвѣло на юго-западѣ. Недаромъ далѣе «пензенскій земледѣлецъ», который, навѣрное, обрушился бы теперь на «вредную книгу» о низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, потому что онъ былъ фанатикомъ цѣнъ высокихъ, недаромъ онъ мечталъ о наложеніи на южный хлѣбъ пошлины въ интересахъ земледѣльческаго центра. Vivat московскій ситецъ; дай Богъ здоровья москов-

скимъ фабрикантамъ, но pereat нашъ конкурентъ—южный хлѣбъ! Положенія сельскохозяйственнаго рынка XIX в. предъ освобожденіемъ крестьянъ мы коснемся ниже, а теперь займемся вопросомъ объ организаціи крѣпостного хозяйства, т. е. о причинахъ успѣховъ барщиннаго режима.

VIII.

Почему барщина была выгоднѣе оброка?—Несостоятельность оброка въ земледѣліи.

Поскольку крѣпостное хозяйство, какъ мы это показали выше, все явственнѣе и явственнѣе выливалось въ форму предпріятія, становилось, по выраженію *Муравьева*, «фабрикой», постольку оно развивалось въ унисонъ съ промышленностью. Но промышленность въ это время все болѣе и болѣе переходила отъ крѣпостного труда къ вольнонаемному, тогда какъ помѣщичье земледѣліе все крѣпче и крѣпче затягивало узелъ барщиннаго труда.

Эта противоположность въ развитіи промышленности, съ одной стороны, земледѣлія, съ другой—представляетъ въ высшей степени интересную экономическую проблему, затрагивающую основныя условія существованія и организаціи земледѣльческаго производства. Для того, чтобы объяснить фактъ развитія барщины въ крѣпостномъ хозяйствѣ, какъ организаціи земледѣльческаго производства, необходимо прежде всего правильно поставить и разъяснить вопросъ. Какія хозяйственныя системы могли конкурировать съ барщиной? Очевидно, рѣчь могла итти только о двухъ формахъ

эксплуатаціи господской земли: о сдачѣ ея крестьянамъ за оброкъ и обработкѣ ея вольнонаемнымъ трудомъ.

Отдача господской земли за оброкъ крестьянамъ предполагала крестьянъ въ роли арендаторовъ. Если эта аренда была бы арендой натуральной, то наличность и размѣры арендной платы стояли бы въ зависимости отъ урожая. Не имѣя никакого реальнаго вліянія на техническую и экономическую организацію производства, помѣщикъ въ то же время въ качествѣ получателя дохода находился бы отъ нея въ полной зависимости. Очевидно, что при такихъ условіяхъ его доходъ не могъ бы не оставаться низкимъ и по абсолютной своей величинѣ, и какъ доля всего продукта. Кромѣ того, такъ какъ помѣщикъ нуждался, если не исключительно, то, во всякомъ случаѣ, преимущественно въ денежномъ доходѣ, то съ большимъ количествомъ продукта въ натурѣ ему непосредственно нечего было дѣлать. «Натуру» необходимо было вынести на рынокъ и превратить въ деньги. Но если такъ, то почему же не взять въ свои руки самое производство, организуя и направляя рабочія силы въ цѣляхъ полученія наивысшаго дохода? Ясно, что натуральный оброкъ не только не представлялъ бы никакихъ преимуществъ, но, наоборотъ, заключалъ бы въ себѣ очень крупныя неудобства—съ точки зрѣнія извлеченія денежнаго дохода. Поэтому-то онъ и былъ вытѣсненъ или, по крайней мѣрѣ, оттѣсненъ на задній планъ, лишь только денежный доходъ сталъ опредѣляющей цѣлью и движущимъ мотивомъ крѣпостного хозяйства, и въ XIX в. имѣетъ уже весьма малое значеніе.

Если натуральный оброкъ предполагаетъ крестьянъ въ роли не только рабочихъ силъ, но и отвѣтственныхъ въ извѣстномъ смыслѣ производителей всего продукта, опредѣленная доля котораго отдается владѣльцамъ крѣпостныхъ крестьянъ и обрабатываемой ими земли, то оброкъ денежный ставитъ этихъ крестьянъ въ положеніе не только производителей, но и продавцовъ прибавочнаго продукта. Оброчные крестьяне, уплачивающіе денежный оброкъ, должны имѣть дѣло съ рынкомъ, въ качествѣ продавцовъ того или другого товара.

Тутъ передъ нами снова выступаетъ та же самая противоположность между промышленностью и земледѣліемъ. Поскольку рѣчь идетъ о продажѣ продуктовъ промышленности и о продажѣ рабочей силы, постольку денежный оброкъ оказывается не только состоятельной, но и несомнѣнно лучшей системой полученія прибавочнаго продукта, лучшей въ томъ смыслѣ, что онъ обезпечиваетъ наивысшій денежный доходъ. Но поскольку дѣло идетъ о производствѣ земледѣльческихъ продуктовъ, денежнооброчная система оказывается никуда негодной.

Причины ея несостоятельности, при всемъ своемъ видимомъ разнообразіи, могутъ быть сведены къ одному кардинальному моменту: русскій крестьянинъ-земледѣлецъ—плохой сельскохозяйственный предприниматель *). Онъ производитъ мало

*) „Мы слишкомъ рѣдко видимъ крестьянъ, разбогатѣвшихъ отъ одного хлѣбопашества. Вообще, нашъ крестьянинъ не совсѣмъ, склоненъ къ земледѣлію; если онъ мало-мальски имѣетъ средства то обращаетъ ихъ въ торгъ, а не на усиленіе своего земледѣлія потому именно, что трудъ воздѣлыванія земли тяжелѣе и мало, а иногда и совсѣмъ не оплачивается. По этой причинѣ видимъ мы,

продукта, и это малое количество онъ не въ силахъ реализовать на рынкѣ по высшимъ возможнымъ цѣнамъ. Поэтому, онъ не годится въ денежные арендаторы для помѣщика хлѣбородныхъ губерній, и помѣщикъ, стремясь къ наивысшему доходу, долженъ организовать свое хозяйство на началахъ барщины.

Необходимо анализировать болѣе детально, что же дѣлало русскаго крѣпостного земледѣльца плохимъ предпринимателемъ.

Прежде всего, онъ, какъ представитель натурально-хозяйственнаго режима, лишенъ—по общему правилу—того стремленія къ наивысшей прибыли, которое одушевляетъ всякаго предпринимателя. Потребности его низки и удовлетворяются почти исключительно натуральнымъ трудомъ. Деньги онъ добываетъ только для государства и для помѣщика, самъ онъ къ нимъ равнодушенъ **). Техника земледѣлія, вообще довольно косная, въ его хозяйствѣ

что слишкомъ мало поступаетъ въ продажу хлѣба отъ крестьянъ, а все почти количество хлѣба, потребнаго на продовольствіе городовъ, войскъ и винокуреніе, производится въ имѣніяхъ владѣльческихъ... Крестьянинъ нашъ неприхотливъ, и потому, когда у него родится достаточно хлѣба на его годовое продовольствіе, подать и нѣсколько въ запасъ, онъ ни за что не примется за работу. Казалось бы, въ урожайные годы, когда хлѣбъ дешевъ, работники также должны бы быть дешевы; но, напротивъ того, не только они дороже, и даже трудно ихъ имѣть. Это испытываютъ всѣ заводчики и купцы, имѣющіе свои земли. (*Н. П. Шишковъ.* „Оброкъ и барщина" „Записки Лебедянскаго Общества Сельск. Хоз. за 1857 г.". Ч. I, стр. 263—265).

**) „Крестьянская природа хладнокровнѣе къ деньгамъ, чѣмъ другіе промышленники",—справедливо отмѣчалъ въ началѣ XIX в, *Михайло Швитковъ* въ „Трудахъ Вольн. Экон. Общества" за 1810 г. (т. 62, стр. 118—119).

вдвойнѣ косна. Такъ какъ прибавочнаго продукта получается столь мало, что его приходится цѣликомъ или почти цѣликомъ отдавать государству и помѣщику, то не происходитъ никакого накопленія въ широкихъ размѣрахъ. Поэтому, капиталъ въ хозяйствѣ почти отсутствуетъ. Являясь на рынокъ, производитель-земледѣлецъ оказывается на немъ совершенно безсильнымъ передъ торговымъ капиталомъ, который самовластно строитъ цѣны. Хотя въ производство затрачивается очень мало капиталовъ, или, скорѣе, именно по этой причинѣ, капиталъ ростовщическій пользуется широчайшимъ просторомъ. Соотвѣтственно этому, денежнооброчная система въ примѣненіи къ земледѣльческому труду не создаетъ широкаго слоя деревенской буржуазіи, но, выдвигая немногихъ богатѣевъ, въ качествѣ ростовщиковъ, нивеллируетъ крестьянскую массу до крайне низкаго имущественнаго уровня. При этихъ условіяхъ та дифференціація, которую развивалъ земледѣльческій оброкъ, не представляла для помѣщиковъ никакихъ выгодъ, и они очень хорошо знали ей цѣну. Дореформенные агрономы изъ помѣщиковъ гораздо раньше земскихъ статистиковъ и гораздо раньше «марксистовъ» открыли крестьянскую дифференціацію. Они знали, что ея гнѣздилищами были селенія с в о б о д н ы х ъ государственныхъ и оброчныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Одинъ изъ современниковъ картинно сравнивалъ оброчное селеніе съ мелкой порослью, надъ которой высится большой густолиственный дубъ—богатый крестьянинъ, эксплоатирующій своихъ собратьевъ—мелкую сошку. Правда, и государственные и оброчные крестьяне—по собственной иниціативѣ, а чаще по при-

казанію свыше—производили у себя равненіе, но земельное равненіе было, конечно, слабымъ средствомъ противъ дифференціаціи, выросшей на почвѣ торговой и ростовщической эксплоатаціи.

Такимъ образомъ, денежнооброчная система въ примѣненіи къ земледѣлію была явно несостоятельна. Это было однимъ изъ самыхъ безспорныхъ положеній крѣпостной экономіи. «Я полагаю,—писалъ *Акиновъ Жуковъ*, что самое худшее положеніе имѣнія—оброчное. Никогда не обезпечиваетъ доходовъ владѣльца; всегда болѣе или менѣе накопляются недоимки. Крестьяне вообще безпечны, частью есть изъ нихъ хорошіе хозяева, которые запасаются на случай неурожая; но если неурожай постигаетъ все имѣніе, то бѣднѣйшіе не въ состояніи бываютъ заплатить всего оброка, а за ними и исправные не желаютъ противъ нихъ лишняго переплатить; въ самые счастливые годы сверхъ оклада никто не внесетъ. А пожаръ или скотный падежъ бываетъ причиною, что крестьяне не только не платятъ оброка, но и просятъ отъ помѣщика значительнаго вспомоществованія. Основная цѣнность имѣнія безразсудно уничтожена: нови распаханы, земли коекакъ удобрены, луга въ безпорядкѣ и частью распаханы, лѣса сколь возможно истреблены; самое состояніе крестьянъ разстроено. Почти всегда и для владѣльца оброкъ невыгоденъ и для крестьянъ вообще отяготителенъ» *). «Оброчные крестьяне неисправно платятъ оброкъ; доходы помѣщика отъ оброчныхъ крестьянъ менѣе доходовъ, получаемыхъ

*) *А. Жуковъ.* „Руководство отчетливо, успѣшно и выгодно заниматься русскимъ сельскимъ хозяйствомъ“. 1848 г., стр. 141.

съ издѣльныхъ... Земли помѣщика, обыкновенно при оброчныхъ крестьянахъ предоставленныя ихъ произволу, естественно не доставляютъ имъ самимъ тѣхъ выгодъ, которыхъ бы ожидать было возможно при правильномъ употребленіи тѣхъ земель, и отъ того требованія помѣщиковъ во взиманіи съ крестьянъ оброка должны быть ограничены. Въ оброчныхъ помѣстьяхъ, въ которыхъ обыкновенно нѣтъ помѣщичьяго земледѣлія и нѣтъ самихъ владѣльцевъ, земли сами по себѣ получаютъ уже, такъ сказать, укоризненный видъ: лѣсъ находится обезглавленнымъ, луга заросшими и изрыты свиньями, пахотная земля исковырена—въ ней нѣтъ слѣдовъ пріятной правильной формы десятинъ; клочковатая смѣсь заросшей таковой же обработанной землей дѣлаетъ поля угрюмыми и вся дача уподобляется мужику съ нечесаной головой, въ волосахъ котораго репье, пелева и проч. и проч. и проч. безобразятъ его высокое природное назначеніе и заставляютъ невольно отъ него отворачиваться»... *) Это писалъ одинъ изъ самыхъ энергичныхъ противниковъ традиціонной барщины, весьма выразительно рисовавшій непроизводительность барщиннаго труда. Подобно многимъ другимъ крѣпостнымъ хозяевамъ, *Поздюнинъ* прямо указываетъ, что денежнооброчная система приводитъ къ сельскозяйственному хищничеству и запустѣнію. Поэтому денежнооброчная система встрѣчается при слѣдующихъ условіяхъ

*) *П. Поздюнинъ.* Объ оброчныхъ работникахъ или совершенно новомъ способѣ взиманія помѣщичьихъ повинностей съ крестьянъ. Москва. 1845. Авторъ самъ подъ именемъ оброка рекомендовалъ усовершенствованную барщину.

въ крѣпостномъ земледѣліи. Во-первыхъ, мы ее видимъ тамъ, гдѣ абсолютная величина дохода дѣлала практически нечувствительнымъ его относительно низкій уровень: во владѣніяхъ очень крупныхъ помѣщиковъ. Въ этихъ владѣніяхъ, къ тому же, организація барщины встрѣчала очень крупныя препятствія, главнымъ образомъ, вслѣдствіе затруднительности того неусыпнаго контроля надъ крестьянами и вмѣшательства въ ихъ жизнь, который требовался барщиннымъ режимомъ и составлялъ его существо. Во-вторыхъ, денежнооброчная система была абсолютно необходима въ малоземельныхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщичьей земли хватало только на крестьянскую запашку—обезземеленіе крестьянъ и превращеніе ихъ въ мѣсячниковъ было характернымъ симптомомъ, но въ то же время и исключительнымъ явленіемъ. Проводить его возможно было только мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ. Съ малоземельемъ помѣщики центральной земледѣльческой Россіи боролись, прежде всего оставляя извѣстное число рабочихъ силъ «за тягломъ», т. е., не надѣляя ихъ землею и не привлекая ихъ къ барщинѣ. Но эта мѣра такъ же, какъ и превращеніе крестьянъ въ мѣсячниковъ, была примѣнима только къ незначительному меньшинству. Тамъ, гдѣ малоземелье было очень велико, приходилось отказываться отъ господской запашки и отпускать крестьянъ на оброкъ. Такія малоземельныя земледѣльческія имѣнія составляли переходъ отъ типа земледѣльческаго къ промысловому. Поскольку въ нихъ было уже избыточное для данной земледѣльческой площади населеніе, оно должно было искать себѣ сторонніхъ заработковъ. Отчасти оно обращалось къ мѣст-

нымъ неземледѣльческимъ промысламъ, главнымъ же образомъ поставляло контингентъ для отхожихъ промысловъ, и притомъ земледѣльческихъ. Эти промыслы существовали уже въ довольно широкихъ размѣрахъ въ дореформенной Россіи: благодаря имъ въ значительной мѣрѣ становилась возможной сельскохозяйственная эксплуатація рѣдко населеной южной и юговосточной Россіи.

Болѣе желательнымъ и болѣе выгоднымъ для помѣщиковъ способомъ борьбы съ малоземельемъ были переселеніе крестьянъ на свободныя земли въ южныхъ и юговосточныхъ степяхъ. Помѣщичья колонизація была въ XVIII и въ XIX вв. крупнымъ явленіемъ нашей хозяйственной жизни.

Все вышесказанное неприложимо къ денежно-оброчной системѣ, какъ формѣ извлеченія дохода съ того крѣпостного населенія, въ экономіи котораго крупную роль играли неземледѣльческія занятія. Поскольку эти занятія развивались, развивался и распространялся и оброкъ, вытѣсняя собой барщину.

Для того, чтобы денежнооброчная система была наиболѣе выгодной системой извлеченія дохода изъ земле-и душевладѣнія, необходима была наличность слѣдующихъ условій: прибыльные промысловые заработки крестьянъ и, въ связи съ этимъ, значительное накопленіе капиталовъ и далеко ушедшая имущественная дифференціація среди крестьянъ. Наиболѣе выгоденъ былъ оброкъ тамъ, гдѣ онъ по существу представлялъ изъ себя поголовную подать, сочетающуюся съ подоходнымъ или имущественнымъ налогомъ. Поголовную подать въ такихъ случаяхъ платила крѣпостная бѣднота; подо-

ходный или имущественный налогъ падалъ на крѣпостную буржуазію. Такъ, въ знаменитомъ своимъ кожевеннымъ производствомъ селѣ Богородскомъ (Нижегородской губ.) «всѣ крестьяне состояли на оброкѣ. Минимумъ оброчнаго оклада было 25 руб. серебромъ съ души: меньше этой суммы никто не платилъ въ селѣ, большинство же платило гораздо больше, а съ нѣкоторыхъ Шереметевымъ собирались такіе оброки, какихъ не собиралъ средней руки помѣщикъ со всего своего помѣстья. Вотъ общія цифры окладовъ, взятыя изъ окладной книги села Богородскаго за 1858 годъ: 9 человѣкъ платили въ годъ оброка отъ 500 до 1.530 руб., всего 7.550 рублей, 24 человѣка отъ 200 до 375 руб., всего 5.707 руб., 53 человѣка отъ 100 до 195 руб., всего 6.971 руб., 75 человѣкъ—отъ 50 до 95 руб., всего 5.126 руб. и т. д. Оброкъ собирался съ крестьянъ по третямъ, и недоимщики платили за каждый мѣсяцъ штрафъ въ размѣрѣ 4 коп. съ рубля» *).

Другой примѣръ такой организаціи оброка представляетъ село Мстера Владимірской губ. «Общая сумма оброка раскладывается не по душамъ и не по тягламъ, а по состоянію каждаго домохозяина, несмотря на составъ его семейства. Для опредѣленія состоянія приняты, въ видѣ балловъ, рубли и доходъ. Съ каждаго рубля положено платить 60 руб.; слѣдовательно, съ 10 копѣекъ 6 рублей, съ

*) „Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ“, томъ III. Нижній-Новгородъ, 1898. Статья *В. И. Снѣжневскаго*: „Крѣпостные крестьяне и помѣщики Нижегородской губерніи наканунѣ реформы 19 февраля и первые годы послѣ нея“, стр. 69.

копѣйки 60 коп. Баллотировка посредствомъ этихъ рублей предоставляется выбираемымъ самими крестьянами 8-ми повѣреннымъ или добросовѣстнымъ» *). Здѣсь мы тоже видимъ подоходное обложеніе въ формѣ имущественнаго налога.

Еще въ началѣ этого столѣтія (1809 г.). Вольное Экономическое Общество предложило «задачу» о сравнительной выгодности оброчнаго и барщиннаго хозяйства. Изъ поступившихъ на эту тему сочиненій три были удостоены награды, и всѣ они высказались безоговорочно въ томъ смыслѣ, что въ области сельскохозяйственной эксплуатаціи барщина выгоднѣе оброка. Указанные отвѣты на задачи Вольнаго Экономическаго Общества представляются для экономиста не «плохими измышленіями» **), а цѣнными показаніями компетентныхъ современниковъ. Такія показанія на пространствѣ 60—80 лѣтъ представляютъ наилучшій матеріалъ для сужденія объ основномъ характерѣ и типическихъ чертахъ русскаго крѣпостного хозяйства.

Одинъ изъ премированныхъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ авторовъ вычислилъ для Орловской губерніи, что издѣльное или барщинное тягло давало 106 рублей дохода, а оброчное въ той же мѣстности не могло бы дать больше 30 рублей,

*) *Я. Соловьевъ.* „Обзоръ хозяйства и промышленности Владимірской губ.“ „Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ“ 1854, ч. LI, стр. 27—28.

**) Выраженіе г. *Семевскаго.* „Крестьянскій вопросъ“, т. I, стр. 318.

т. е. барщина была выгоднѣе оброка въ $3^1/_2$ раза *). Въ 1856 году Лебедянское общество сельскаго хозяйства поставило опять вопросъ о сравнительной выгодности барщиннаго и оброчнаго хозяйства, и голосъ хозяевъ снова высказался въ пользу барщины. «Доходы барщиннаго имѣнія,—писалъ членъ этого общества Е. П. Мочалкинъ,—всегда гораздо выше дохода оброчнаго. У меня 57 рабочихъ тяголъ, и я получаю 3.000 рублей серебромъ однѣми деньгами, кромѣ продовольствія и содержанія себя, лошадей, прислуги и многочисленной дворни, что составитъ болѣе 80 рублей серебромъ на тягло. Такого огромнаго оброка никакое тягло не въ состояніи выплатить. У меня одно имѣніе было на оброкѣ, другое на барщинѣ; оброчные не выплачивали по 40 руб. ассигнац. на тягло, находя въ невозможности уплаты какія-либо оговорки, которыя у нихъ всегда имѣются въ запасѣ. Этого мало. Пришла весна, просятъ хлѣба и сѣмянъ: отсрочилъ оброкъ, далъ хлѣба и сѣмянъ. На другой годъ повторилось то же. Но я уже не сдѣлалъ снисхожденія, снялъ съ оброка, посадилъ на пашню, получилъ противъ оброка вдвое болѣе дохода, а крестьяне не приходили ко мнѣ уже за хлѣбомъ и сѣменами, ибо за присмотромъ хлѣба для ихъ продовольствія и овса на обсѣменѣніе было у нихъ достаточно» **).

Для Костромской губерніи мы имѣемъ аналогичный расчетъ, тоже относящійся ко времени,

---

***) *Погодинъ.* Второй отвѣтъ на задачу 1809 года о способѣ владѣть деревнями. „Труды В. Эк. Общ.“ за 1810 г. Т. 62, стр. 170 и 176.

*) „Записки Лебедянск. общ. сельск. хоз.“ за 1857 г., I, стр. 242—243.

близкому къ освобожденію: имъ констатируется, что издѣльное тягло доставляетъ въ среднемъ 150 рублей денежнаго дохода, а оброчное лишь 50—60 рублей, т. е. и тутъ барщина выгоднѣе оброка, приблизительно, въ три раза *). Такимъ образомъ, и въ нечерноземной Россіи были мѣстности, въ которыхъ помѣщикамъ было—въ силу условій почвы и рынка—еще выгодно заниматься земледѣліемъ. Для общаго строя крѣпостного хозяйства весьма характеренъ относящійся къ 1834 г. приказъ одного костромского хозяина, рисующій отношенія между помѣщикомъ и его крѣпостными и точно также бросающій свѣтъ на значеніе барщины.

Приказъ **) обращенъ къ заглазно управляемымъ оброчнымъ крестьянамъ. «Вы всѣ для меня, крестьяне, равны. За что же другіе платятъ болѣе (т. е. болѣе тѣхъ крестьянъ, къ которымъ обращенъ приказъ), гдѣ я живу, по 70 рублей ассигнаціями... У насъ,—говоритъ далѣе помѣщикъ о своей мѣстности,—если два тягла на оброкѣ—одинъ отходитъ въ Петербургъ или въ работники, другой остается дома и всѣ исправляетъ работы, свои и барскія, и во время убирается, не имѣя лишняго въ домѣ. А вы лѣтнее все время все семейство остаетесь дома, отзываетесь вы, что во время лѣта валяете валенки—вздоръ, я какъ въ пріѣздъ мой узналъ, немногіе домы въ запасѣ имѣютъ шерсти.

*) *С. Дмитріевъ*, членъ В. Эк. Общ. Опытъ практическихъ замѣчаній кинешемскаго земледѣльца о сельскомъ хозяйствѣ Костромской губ. Часть IV. Прибавленія. Изданіе 2-е. Москва, 1855 г., стр. 23—24.

**) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній *Н. Калачева*. кн. III. Спб., 1862.

Итакъ, за лучшее вамъ скажу, чѣмъ лѣто лежать всѣмъ дома, да и самая выгода ничтожная отъ продажи лѣса и слишкомъ трудна, не лучше ли вамъ, хотя и кажется (трудно) по глупости вашей, медвѣдямъ, отойтить, гдѣ есть семейны, въ дальнюю работу; на первый годъ, точно, можетъ вы не получите большихъ денегъ, зато сыскавши работу и привыкнувши, тогда хорошій человѣкъ, а не лѣнтяй, можетъ получать деньги большія, изъ которыхъ не только заплатитъ барину оброкъ бездоимочно и себѣ останется довольно; остальной же въ домѣ съ бабами можетъ легко управиться... Если вы ручаетесь платить оброкъ, лежавши на печи по привычкѣ, исправно, то не перемѣняю вашего обычая, но ежели запущеніе будетъ оброка, то я обязанъ взять свои мѣры и поступить съ вами, какъ съ тунеядцами — на которыхъ много останется оброку не доплачено, будутъ переведены на издѣлье ко мнѣ, потому что у меня есть въ деревнѣ Ѳедорковѣ, въ Ивашинцевѣ и въ Сорокинѣ впустѣ на 14 тяголъ земли, еще отъ меня въ 30 верстахъ въ сельцѣ Ногахъ на 6 тяголъ; а когда расчистить тамъ, то и болѣе найдется, то я и не потеряю ничего; всякое тягло, переведенное сюда на издѣлье, дастъ 250 руб. доходу въ годъ мнѣ... Вы не работаете на барское

Въ этомъ приказѣ характерна роль помѣщика, ради своихъ интересовъ наталкивающаго крестьянъ на отхожіе промыслы. Угроза барщиной, какъ наказаніемъ, типична для крѣпостной Россіи. Бар-какъ мои тамъ... Я отъ того вамъ предписываю, чтобы вы другъ за дружкой смотрѣли за нерадивыми: если который отобьется отъ рукъ—доносили всѣмъ міромъ мнѣ» (стр. 21—22).

щина была, несомнѣнно, столь тягостна и, главное, морально тягостна для крестьянъ, что ее считали напастью и всячески стремились отъ нея избавиться. Расширеніе и упрощеніе барщиннаго режима, такимъ образомъ, означало не только повышеніе степени эксплоатаціи крестьянскаго труда, но и увеличеніе крѣпостного гнета.

«При полномъ произволѣ въ опредѣленіи своихъ отношеній къ крѣпостнымъ,—говоритъ князь Волконскій,—хозяину невозможно было удержаться отъ нарушенія ихъ интересовъ то въ томъ, то въ другомъ случаѣ, какъ скоро экономическій ихъ антагонизмъ достаточно выразился, какъ это теперь (т. е. передъ освобожденіемъ. *П. С.*) случилось. Въ общемъ, крѣпостному населенію должно было житься хуже прежняго. Можетъ быть, поэтому крестьяне инстинктивно бывали недовольны всякими перемѣнами стараго хозяйственнаго строя на болѣе новый.

«Новое направленіе и обусловленныя имъ отношенія къ крѣпостнымъ не могли не вызывать и неудовольствія въ средѣ послѣднихъ. Мнѣ кажется, что случаи появленія такого неудовольствія должны были сдѣлаться много чаще въ послѣднее время передъ реформой, чѣмъ въ прежнее время, какъ со стороны крестьянъ, такъ и со стороны дворовыхъ, не говоря уже о томъ времени, когда слухъ о волѣ прошелъ, и мысль о возможности быть вольными должна была заставить крѣпостныхъ еще сильнѣе почувствовать тягость своего положенія. Нападенія крѣпостныхъ на своихъ помѣщиковъ, доходившія до суда лишь въ тѣхъ относительно рѣдкихъ случаяхъ, когда дѣйствительно происхо-

дило замышлявшееся преступленіе, всего же чаще остававшіеся скрытыми, безъ огласки, стали за эти годы явленіями довольно заурядными. Когда по поводу одного изъ такихъ нападеній моимъ отцомъ, княземъ Сергѣемъ Васильевичемъ Волконскимъ, были однажды приглашены для обсужденія этого вопроса нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ во второй уже половинѣ 50-хъ годовъ, то изъ объясненія съѣхавшихся оказалось, что изъ собравшихся рѣдко кто избѣжалъ нападенія со стороны крестьянъ или дворовыхъ, а на нѣкоторыхъ такія покушенія прямо на жизнь были произведены даже не одинъ разъ, но большинство считало нужнымъ молчать, видя въ оглашеніи такихъ случаевъ не только что-то позорящее для того, на кого оно было произведено, но и опасное для сохраненія помѣщичьяго авторитета. Зная такой взглядъ помѣщиковъ, крѣпостные, въ особенности дворовые, иногда нападали даже безъ цѣли убить, а просто, чтобы путемъ побоевъ вынудить себѣ вольную, въ увѣренности, что ихъ дѣйствія огласки не получатъ. Разумѣется, такой способъ добычи вольной былъ сопряженъ съ рискомъ» *).

Самаринъ въ цитированной запискѣ (l. c., стр. 66) тоже указалъ на такой ходъ развитія отношеній между помѣщиками и крестьянами: «По частнымъ, но достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ губерніяхъ, Тульской, Рязанской, Тверской, крестьяне стали довольно часто подвергать своихъ помѣщиковъ

*) *Кн. Н. Волконскій.* Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. Рязань. 1898 г., стр. 41—42.

тѣлеснымъ исправительнымъ наказаніямъ, чего прежде не бывало. Едва ли это не самый вѣрный признакъ паденія нравственнаго авторитета помѣщичьей власти» (подчеркнуто авторомъ).

Но это не значило вовсе, что крѣпостное право, какъ таковое, обострялось. Ничуть не бывало. «Въ развитіи взаимныхъ отношеній крѣпостного сословія къ помѣщикамъ усматриваются единовременно два противоположныя стремленія, какъ бы двѣ струи. Съ одной стороны, крѣпостное право, какъ право лица на другое лицо, подрывается смягченіемъ нравовъ, и еще болѣе—безсвязнымъ, но тѣмъ не менѣе многозначительнымъ ропотомъ крестьянъ; съ другой — систематически исчерпываются примѣненія крѣпостного права къ хозяйственнымъ цѣлямъ. Личный, безцѣльный произволъ убываетъ; постоянное отчетливое давленіе на народъ усиливается». (*Самаринъ*, l. c., курсивъ автора).

Развивалось и ширилось не крѣпостное право, а крѣпостное хозяйство. Суть дѣла была въ томъ, что «рабочія силы, состоящія въ распоряженіи помѣщиковъ, напрягаются до нельзя, повинности крестьянъ, особенно подводная, въ имѣніяхъ надѣльныхъ, увеличиваются и взыскиваются, хотя правильнѣе прежняго, но зато строже; крестьянскія поля уменьшаются до послѣдней возможности, и лучшія земли отходятъ отъ нихъ подъ господскую пашню». (*Самаринъ*, l. c., стр. 60).

Итакъ, оброкъ въ сферѣ земледѣлія, безспорно,

пасовалъ передъ барщиной *). При этомъ несомнѣнно также, что барщинный трудъ самъ по себѣ былъ весьма непроизводителенъ. Барщина, такимъ образомъ, побѣждала оброкъ въ силу того, что она представляла экономически болѣе стройную и потому болѣе выгодную организацію хозяйства. Выражаясь точнѣе: барщинное хозяйство было выше оброчнаго въ силу общихъ и извѣстныхъ преимуществъ крупнаго хозяйства надъ мелкимъ въ сферѣ производства и сбыта продуктовъ и, кромѣ того, въ силу исторической неподготовленности русскаго крестьянина-земледѣльца къ товарному производству.

Я остановлюсь еще на одномъ любопытномъ соціальномъ различіи между барщиной и оброкомъ. Барщина нивеллировала крестьянъ **), но не дифференцировала ихъ. Она нуждалась въ кооперації равносильныхъ хозяйственныхъ единицъ: очень богатые крестьяне были ей ненужны, очень бѣдные были прямо въ ущербъ; ихъ нужно было содержать, а что было взять съ безлошаднаго крестьянина-земледѣльца? Оброчная система въ земледѣліи, при которой крестьяне были предоставлены самимъ себѣ и конкуренціи между собой, какъ мы уже указывали выше, не только нивеллировала крестьянъ, но и дифференцировала ихъ.

---

*) Этотъ фактъ признавали такіе рѣшительные противники крѣпостного права, какъ *Шторхъ* и *Заблоцкій*. Первый далъ поистинѣ классическую сравнительно-экономическую оцѣнку оброка и барщины. (Historisch-statistiches Gemälde des Russischen Reiches am Ende des XVIII Jahrh. Zweiter Theil. Riga 1797, S. 361—391).

**) См. ниже этюдъ „Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ“.

X.

Сравненіе статистическихъ данныхъ о барщинѣ и оброкѣ въ XVIII и XIX вв.

Мы уже упоминали о статистикѣ барщиннаго и оброчнаго режима въ XVIII вѣкѣ, которой наука обязана г. *Семевскому,* разработавшему «экономическія примѣчанія» генеральнаго межеванія. Къ сожалѣнію, данныя послѣднихъ въ разработкѣ г. *Семевскаго* пріурочены къ слишкомъ крупной единицѣ—губерніи, въ которой сливаются и складываются многія важныя мѣстныя различія. Съ другой стороны, у насъ имѣются данныя, собранныя губернскими комитетами для редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу и относящіяся къ концу 50-хъ г. Данныя эти имѣются собственно въ двухъ видахъ: въ погубернскихъ и поуѣздныхъ сводкахъ и въ видѣ совершенно несведеннаго матеріала «извлеченій изъ описаній» помѣщичьихъ имѣній свыше 100 душъ (6 томовъ). Погубернскія и поуѣздныя сводки неполны и не вполнѣ достовѣрны; описанія же помѣщичьихъ имѣній представляютъ сырой матеріалъ, почти совсѣмъ еще не подвергшійся разработкѣ *) и всероссійской сводкѣ **). Поэтому, пока мы располагаемъ только данными сводокъ редакціонныхъ комиссій; изъ этихъ сводокъ въ погубернскія вкрались грубыя ошибки, получившіяся вслѣдствіе неправильнаго суммированія

*) Для Рязанской губерніи онъ получилъ частичную обработку въ изслѣдованіи кн. *Волконскаго.*

**) Этотъ матеріалъ тоже отнюдь не отличается полнотой.

поуѣздныхъ данныхъ, и потому поуѣзднымъ должно быть отдано предпочтеніе.

Сравненіе данныхъ для послѣдней четверти XVIII в. съ данными редакціонныхъ комиссій можетъ быть, согласно г. *Семевскому,* распространено на 8 нечерноземныхъ и 5 черноземныхъ губерній *). Въ нечерноземномъ пространствѣ число оброчныхъ уменьшилось, какъ мы упоминали выше, въ двухъ губерніяхъ: въ Тверской съ 46 до 41,11%, въ Новгородской съ 49 до 45,67%; въ Вологодской оно увеличилось съ 83 до 84%, въ Костромской съ 85 до 87,6%, въ Ярославской съ 78 до 89,44%, въ Псковской съ 21 до 23%, въ Владимирской съ 50 до 69,88% и въ Московской съ 36 до 67,89%. Такимъ образомъ, мы видимъ въ чисто промышленныхъ губерніяхъ рѣзкое увеличеніе процента оброчныхъ крестьянъ, что и соотвѣтствуетъ прогрессивному вытѣсненію земледѣлія промысловыми занятіями. Для черноземной полосы у насъ получается такая картина: въ двухъ изъ губерній этой полосы число оброчныхъ увеличилось: въ Тульской съ 8 до 25,39%, въ Курской съ 8 до 24,53%; въ остальныхъ трехъ губерніяхъ число оброчныхъ уменьшилось: въ Воронежской съ 64 до 44,82%, въ Орловской съ 34 до 26,63%, въ Пензенской съ 52 до 24,75%. Для всей черноземной полосы отношеніе числа оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ съ конца XVIII в. до 50-хъ г. XIX в. не измѣнилось (29% оброчныхъ и 71% барщинныхъ).

---

*) Мои цифры для XIX в. нѣсколько отличаются отъ цифръ г. *Семевскаго,* такъ какъ въ основу моего вычисленія положены поуѣздныя сводки.

Этотъ статистическій фактъ, повидимому, противорѣчитъ основному поддерживаемому нами положенію о прогрессѣ барщиннаго режима въ земледѣльческой Россіи въ теченіе XIX в. Но противорѣчіе это только видимое.

Мы уже указывали,что тенденція къ развитію барщины наталкивалась на развивавшееся малоземеліе, и это, конечно, вполнѣ приложимо именно къ такимъ губерніямъ, какъ Курская и Тульская. Съ другой стороны, данныя г. *Семевскаго* о XVIII в., относящіяся къ черноземной полосѣ, гораздо ниже по своему статистическому достоинству тѣхъ же данныхъ о нечерноземной полосѣ: для первой данныя объемлютъ собой 79%, для второй только 62% общаго числа крѣпостныхъ крестьянъ по ближайшей ревизіи. Цифра эта для отдѣльныхъ губерній значительно ниже средней: для Пензенской она составляетъ 55%, а для Курской только 39,8% *).

*) Мы ограничились въ текстѣ тѣми нечерноземными и черноземными губерніями, которыми ограничился г. *Семевскій*, повидимому, не знавшій, что въ „Трудахъ редакціонныхъ комиссій“ есть данныя о числѣ оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ для гораздо большаго числа губерній. (Данныя эти находятся въ III и VI томахъ „Трудовъ редакціонныхъ комиссій“). Не ручаясь даже за чисто-топографическую сравнимость этихъ данныхъ съ данными г. *Семевскаго*, мы приводимъ ихъ здѣсь въ дополненіе къ сдѣланному имъ сравненію.

ГУБЕРНІИ.	XVIII в.		Время освобожденія.	
	% барщ.	% оборчн.	% барщ.	% оброчн.
Калужская	42	58	45	55
Нижегородская	18	82	32	68
Рязанская (для XIX в. по вычисленію кн. *Волконскаго*)	81	19	52	48
Тамбовская	78	22	78	22

Кто можетъ поручиться, что эти 39,8% въ своемъ распаденіи на оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ воспроизводили составъ всего крѣпостного крестьянства губерніи? Статистическая недостаточность данныхъ г. *Семевскаго* относительно черноземныхъ губерній, данныхъ, значительно уступающихъ въ этомъ отношеніи цифрамъ XIX в., не позволяетъ считать ихъ сколько-нибудь прочнымъ фундаментомъ для выводовъ. Вопреки этимъ неполнымъ даннымъ, мы имѣемъ основаніе думать, что относительно число барщинныхъ крестьянъ въ черноземныхъ губерніяхъ съ конца XVIII в. до освобожденія крестьянъ не упало, а скорѣе возросло.

Правда, съ одной стороны, земельное утѣсненіе благопріятствовало оброку, но зато, съ другой стороны, барщинѣ благопріятствовала разрѣжавшая населеніе помѣщичья колонизація и постепенное дробленіе крупныхъ имѣній вслѣдствіе перехода ихъ по наслѣдству. Наконецъ въ XIX в. было широко распространено соединеніе оброка съ барщиной: часть крестьянъ имѣнія платила оброкъ, другая—отбывала барщину. Эта комбинація въ XVIII в., если не вполнѣ отсутствовала, то, повидимому, была менѣе распространена, чѣмъ въ XIX в. *).

За исключеніемъ Рязанской губ., эти данныя говорятъ скорѣе о расширеніи барщины, чѣмъ объ ея умаленіи. Слѣдуетъ замѣтить что данныя XVIII в. для Рязанской губ. объемлютъ собою только 68,8 (68,8%) общаго числа крѣпостныхъ по ближайшей ревизіи. Съ другой стороны, число оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ, которое по извлеченіямъ изъ описанія имѣній свыше 100 вычислилъ кн. *Волконскій*, для разныхъ уѣздовъ губерніи на 10—30% меньше общаго числа крѣпостныхъ крестьянъ, причемъ, вслѣдствіе того, что мелкія имѣнія не вошли въ счетъ, число барщинныхъ крестьянъ не могло не понизиться.

*) *Ср. Семевскій.* „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II", стр. 33—34.

XI.

Былъ ли вольнонаемный трудъ выгоднѣе барщиннаго?

Положеніе объ экономическомъ превосходствѣ барщиннаго хозяйства надъ оброчнымъ не устраняетъ другого вопроса: не было ли хозяйство, которое основывалось бы на вольнонаемномъ трудѣ, выгоднѣе хозяйства барщиннаго?

Мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что этотъ вопросъ для многихъ представляется и весьма простымъ, и давно уже окончательно рѣшеннымъ. На самомъ же дѣлѣ вопросъ вовсе не простъ и вовсе не рѣшенъ.

Спрашивая: былъ ли вольнонаемный трудъ выгоднѣе для помѣщиковъ барщиннаго?—мы ставимъ не просто вопросъ о сравнительной выгодности свободнаго и несвободнаго труда, односторонне назначаемой повинности и свободно-договорныхъ отношеній, но и вопросъ о томъ, созрѣлъ ли крѣпостной строй въ силу внутреннихъ причинъ къ ликвидаціи связи крестьянъ съ землей.

Только въ этомъ случаѣ можно было бы говорить о большей выгодности для помѣщичьяго класса вольнонаемнаго труда сравнительно съ принудительнымъ, барщиннымъ. Для помѣщиковъ выгоднѣе было бы работать вольнонаемнымъ трудомъ только въ томъ случаѣ, если бы для нихъ было бы выгодно замѣнить крѣпкихъ землѣ крестьянъ болѣе или менѣе вольными рабочими. Этого на самомъ дѣлѣ нигдѣ въ Россіи, кромѣ Западнаго края съ его своебразными экономическими и юридическими отношеніями, да пожалуй еще

въ нѣкоторыхъ малороссійскихъ мѣстностей, не наблюдалось. Въ относительно густо населенномъ черноземномъ центрѣ Россіи мы не видимъ у помѣщика стремленія отвязаться отъ своихъ крѣпостныхъ работниковъ. На слабо населенныхъ южныхъ и юго-восточныхъ степныхъ окраинахъ помѣщики стремятся путемъ колонизаціи создать крѣпостное земледѣльческое населеніе, такъ какъ тамъ вольнонаемный трудъ былъ дорогъ и, кромѣ того, нерѣдко нельзя было его достать и за высокую цѣну. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что для крупнаго сельскохозяйственнаго производства—даже при самомъ высокомъ развитіи денежнаго хозяйства—извѣстная прикрѣпленность рабочаго населенія къ землѣ представляется желательной и выгодной, а крѣпостной строй и означалъ собой полное прикрѣпленіе рабочихъ къ землѣ, въ ту эпоху скорѣе недостатка, чѣмъ избытка рабочихъ рукъ не только удобное, но даже прямо необходимое для помѣщиковъ.

Существуетъ въ дореформенной агрономической и экономической литературѣ цѣлый рядъ расчетовъ сравнительной выгодности барщиннаго и вольнонаемнаго труда для разныхъ мѣстностей Россіи. Однако, эти расчеты вовсе не могутъ дать основу для рѣшенія вопроса. Тамъ, гдѣ вольнонаемный трудъ игралъ малую роль въ хозяйствѣ,—на него былъ незначительный спросъ, и онъ былъ дешевъ: при этихъ условіяхъ онъ могъ казаться соблазнительно выгоднымъ сравнительно съ оплачиваемой дорогимъ земельнымъ надѣломъ барщиной *).

*) Ср. по этому вопросу любопытную полемику въ „Земледѣльческой Газетѣ“ за 1847 и 1848 годы. Тамъ одинъ изъ авто-

Дѣло въ томъ, что вольнонаемный трудъ былъ дешевъ именно тамъ, гдѣ земля была дорога: въ густо населенныхъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ. Онъ былъ дешевъ, между прочимъ, потому, что абсолютный спросъ на него при господствѣ крѣпостного труда

ровъ *Хр. Козловъ* въ статьѣ „Мысли и замѣтки по случаю мнѣній о русскомъ хозяйствѣ одного англійскаго фермера (Земл. Газ. 1847, № 36 стр. 283—284), очевидно, на основаніи фактическихъ соображеній, заимствованныхъ изъ практики тамбовскаго хозяина, говоритъ: „если расчесть, чѣмъ пользуется тягловый крестьянинъ, то выйдетъ на повѣрку, что онъ меньше принесетъ пользы, нежели наемникъ. Тягло имѣетъ въ каждомъ полѣ по 2 десятины и по 1 десят. сѣнокоса; съ этихъ 4 десятинъ, въ урожайный годъ, получится дохода (можетъ) до 60 руб. сер., да сѣна на 7 руб. сер., итого 67 руб. сер. или 240 р. асс.; годовой же работникъ стоитъ здѣсь отъ 15 до 20 р. сер. и работница отъ 7 до 9 р. Слѣд. выйдетъ на наемку до 100 р. асс.; тогда какъ полугодовой раб. крестьянинъ съ женою получаетъ на 200 слишкомъ руб. асс., кромѣ другихъ угодій, которыми онъ пользуется на усадьбѣ отъ помѣщика, но это можно отнести къ расходамъ на содержаніе работниковъ. Если же полевыя работы производятся наемкою людей повременно, т. е., весною нанять для посѣва, лѣтомъ для полотья, косить сѣно, и потомъ на уборку хлѣба, на молотьбу и пр., однимъ словомъ только для необходимыхъ услугъ имѣть собственныхъ дворовыхъ людей, и всѣ хозяйственныя работы въ полѣ и на гумнѣ отправлять временно наемными людьми, какъ что потребуется. Расчитаемъ расходы на десятину: посѣять весною берутъ до 4 р. асс., прополоть 2 р., убрать отъ 4 до 8 р., свозить на гумно и скласть въ скирды отъ 1 до 2 р. асс., итого: отъ 14 до 18 р. асс.; нѣкоторый хлѣбъ, какъ горохъ, гречу и просо молотятъ въ полѣ съ постати, а другой складывается на гумны, окончательная обработка обойдется не дороже 3 р., а съ вывозкою до Моршанска до 20 р. итого до самой продажи хлѣба издержать прійдется не болѣе 40 р. асс.; и доходъ отъ цѣннаго хлѣба бываетъ иногда до 150 р. съ десятины, стало быть чистой прибыли получится болѣе 100 руб. асс.—Доставлять хлѣбъ на рынки, и при крѣпостныхъ крестьянахъ, многіе помѣщики нанимаютъ постороннихъ

былъ слабъ и тамъ, гдѣ было много оброчныхъ и

возчиковъ. Такъ, по всѣмъ вычисленіямъ, владѣлецъ меньше беретъ дохода при имѣніи собственныхъ рабочихъ, нежели бы сколько могъ получать съ наемными людьми, а потому не будемъ входить въ подробные расчеты и выкладки; всякій можетъ это сдѣлать самъ. Крѣпостные люди не могутъ столько обрабатывать земли, сколько наемные, по числу дней; на барщину достается не болѣе 150 дней въ году, а прочіе отдаются крестьянамъ на себя и для праздниковъ, которые они любятъ справлять по привязанности къ разгулью, водкѣ и бражничеству. Слѣдовательно, наемщиковъ нужно вдвое менѣе противъ своихъ, такъ какъ тогда всѣ дни будутъ принадлежать хозяину, кромѣ главныхъ, уважаемыхъ празднествъ".

А другой помѣщикъ *Мясоѣдовъ* ему возражаетъ (Землед. Газ. 1848, № 8): „почитаю себя въ правѣ выставить ошибочные расчеты означенной статьи, которые ежели бы и шли для имѣнія ее писавшаго, имѣнія, мѣстность котораго не означена, кромѣ сбыта хлѣба въ Моршу. Но сколько верстъ это торговое мѣсто отстоитъ отъ него? Какъ заселенъ край, въ которомъ оно находится? Какого рода введено хозяйство? Какова почва, и какіе способы употребляются для улучшенія земли? Всего этого въ статьѣ не означено. А безъ сего, опытный хозяинъ никакого заключенія дѣлать не можетъ), то нейдутъ съ большей части имѣній въ Россіи".

Чрезвычайно интересно категорическое мнѣніе одного изъ крѣпнѣйшихъ авторитетовъ русской агрономической литературы той эпохи *И. Сабурова*: „Въ средней и сѣверной полосахъ Россіи никакое сельское хозяйство, при обыкновенныхъ цѣнахъ на хлѣбъ, не нееетъ за собою выгоды, если всѣ работы въ немъ исправляются наемными работниками, которые обходятся намъ несравненно дороже, нежели иностранцамъ, если мы будемъ оцѣнивать ихъ наемъ равно стоющимъ количествомъ произведенія; тѣмъ болѣе, что вообще у насъ менѣе рабочихъ дней въ году и больше праздниковъ; а для тѣхъ полевыхъ работъ, которыя несутъ за собою увеличенныя выгоды, или увеличиваютъ произведеніе, у насъ, какъ уже сказано, вполовину меньше времени. Этотъ разсчетъ относящійся до наемныхъ людей тѣмъ у насъ сильнѣе, что произведенія сельскаго хозяйства въ обыкновенные годы стоятъ въ цѣнахъ несравненно низшихъ, нежели въ Западной Европѣ". (*И. Сабуровъ*. Записки Пензенскаго Земледѣльца. Отечественныя Записки, 1842, т. XXIII, стр. 26, прим.).

государственныхъ крестьянъ, оставался значительно позади предложенія. Но полная отмѣна барщины и переходъ къ свободному труду въ этомъ отношеніи кореннымъ образомъ измѣнили бы положеніе вещей на рабочемъ рынкѣ, они создали бы абсолютно громадный спросъ на вольнонаемный трудъ и—что весьма возможно — подняли бы его цѣну. Кромѣ того, нельзя забывать, что взять у барщинныхъ крестьянъ ту землю, которою они пользовались, значило бы выбросить на рынокъ еще новое количество хлѣбнаго товара, т. е. увеличить предложеніе его, и это не могло бы не понизить—при данныхъ условіяхъ рынка—цѣны хлѣба.

Съ другой стороны, тамъ, гдѣ земли было много, а населенія мало, вольнонаемный трудъ былъ дорогъ и представлялъ лишь неизбѣжное зло*). Здѣсь

*) Съ этой точки зрѣнія весьма любопытны указанія *Шостака* (статья „Работа барщиною“ въ „Запискахъ Императорскаго Общества сельскаго хозяйства южной Россіи“ за 1848 г. стр. 288—296). „Херсонскую губернію относительно способовъ обработки земель (барщиною или наемнымъ трудомъ) можно раздѣлить на нѣсколько участковъ: уѣздъ одесскій, южная часть ананьевскаго и тираспольскаго, херсонскій почти весь, южная часть бобринецкаго, обрабатываютъ обширныя пустоши болѣе наемнымъ трудомъ, нежели барщиною своего незначительнаго населенія; сѣверная часть ананьевскаго, бобринецкаго, сѣверо-западная тираспольскаго и почти весь александрійскій, ведутъ хозяйство барщинное.— Разумѣется, это говорится вообще, но безъ исключеній быть не можетъ.

Имѣній, работающихъ одною барщиною, много въ сѣверной части губерніи, въ южной хозяйство употребляетъ тотъ и другой способъ съ перевѣсомъ къ вольному труду. Значительныхъ хозяйствъ, основанныхъ на одномъ чистомъ вольномъ трудѣ, вовсе безъ барщины, мало; но есть, и одно изъ лучшихъ, имѣніе подъ фирмой Пиктета, управляемое господиномъ Бомономъ, близъ казен-

и теоретически и практически было выгоднѣе отдавать часть земли крѣпостнымъ и руками этихъ

наго селенія Сичавки (Александровка): тамъ—десять или двѣнадцать тысячъ десятинъ и ни одной души крестьянъ; все огромное хозяйство движется помощію вольнаго труда.

„Лѣтъ 20 или 25 назадъ почти всѣ хозяйства южнаго края дѣйствовали наймомъ; легіоны рабочихъ, не заботясь о паспортахъ, свободно разгуливали по степямъ южнаго края и нанимались тамъ, гдѣ работа дороже, и главное, водка дешевле.—Эти времена минули безвозвратно, и теперь подольская и кіевская губерніи снабжаютъ насъ иногда работниками; но это—капля въ морѣ и ихъ едва стаетъ для тѣхъ хозяйствъ, которыя, по неимѣнію рукъ, должны платить огромныя цѣны, несообразныя ни съ цѣной продуктовъ, ни съ производительною силою земли“.

„Осѣдлыхъ земледѣльческихъ поденщиковъ у насъ нѣтъ и быть не можетъ, по невысокой платѣ за землю: всякому земледѣльцу лучше платить невысокую картаму (к а р т а м а — плата за наемъ земли), обрабатывать участокъ земли для себя, нежели жить поденной работою, на которую въ земледѣльческой промышленности требованіе временное и непостоянное“ (стр. 288—9).

„При недостаткѣ захожихъ работниковъ, при совершенномъ отсутствіи постоянныхъ земледѣльческихъ поденщиковъ, одно средство остается тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые занимаются хозяйствомъ оборотнымъ (сверхъ пропорціи посѣва на собственныхъ крестьянъ): это—наемъ государственныхъ крестьянъ для уборки хлѣбовъ“ (стр. 289).

„Слѣдовательно, чистый доходъ барщиннаго хозяйства въ средній годъ будетъ 2.408 руб., оборотнаго 408. Надо замѣтить, что для полученія средняго дохода, я уменьшилъ выручку отъ хлѣбопашества, не уменьшая дохода отъ сѣна и скота; а ежели и тамъ убавить малую толику? При такихъ барышахъ оборотному хозяину еще можно кое-какъ существовать, ежели онъ имѣетъ стремленіе къ умерщвленію плоти; но запастись на черный годъ трудновато; а ежели ихъ въ 10 лѣтъ придетъ два (пропорція очень умѣренная), то по необходимоети придется продать землю и взять поссессію, потомъ при удачѣ поссессію сдать и искать должности управителя, чѣмъ многіе изъ знакомыхъ мнѣ коммерческихъ земледѣльцевъ и кончили свое поприще“ (стр. 296).

прикрѣпленныхъ и несвободныхъ работниковъ обработывать остальную часть *). Поэтому мы находимъ въ дореформенной литературѣ вполнѣ, повидимому, убѣдительные расчеты, доказывающіе, что въ Тамбовской губ. хозяйство, основанное на вольнонаемномъ трудѣ, было бы выгоднѣе барщиннаго, и не менѣе убѣдительные расчеты, доказывающіе противоположное—для Херсонской губ. Это не значитъ, чтобы вольнонаемное хозяйство въ Тамбовской губ. было дѣйствительно выгоднѣе барщины, ибо вольнонаемный трудъ въ Тамбовской губ. былъ спорадическимъ явленіемъ, и превращеніе его въ общее правило кореннымъ образомъ измѣнило бы хозяйственныя условія этой мѣстности и, между прочимъ, измѣнило бы и хозяйственное значеніе самого свободнаго труда.

Вопросъ, очевидно, не можетъ быть рѣшенъ ни отдѣльными расчетами, въ основѣ которыхъ лежатъ условія отдѣльныхъ мѣстностей и притомъ условія, не могущія считаться величинами постоянными, а, наоборотъ, по существу своему весьма измѣнчивыя, ни общими соображеніями о свойствахъ свободнаго и подневольнаго труда. Рѣшеніе вопроса лежитъ въ общемъ анализѣ условій существованія русскаго крѣпостного сельскаго хозяйства въ разсматриваемую эпоху. Вездѣ, гдѣ юридически про-

*) Отсюда,—какъ мы уже указали,—помѣщичья колонизація. „Заволжскій и Новороссійскій край... населены въ недавнее время переводомъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній. Самое ихъ населеніе было спекуляціею помѣщиковъ, и крестьяне съ минуты ихъ водворенія посажены на барщину. Оброчная система въ этихъ краяхъ существуетъ почти исключительно въ казенныхъ удѣльныхъ имѣніяхъ". (Ю. Ѳ. *Самаринъ* l. c. стр. 49—50).

исходило обезземеленіе или экспропріація земледѣльцевъ, въ основѣ его лежалъ приближавшійся къ своему завершенію экономическій процесъ открѣпленія крестьянъ отъ земли.

Подобнаго процесса, какъ массоваго явленія, въ дореформенной Россіи не замѣчалось. «Освободить» же крестьянъ отъ земли простымъ велѣніемъ закона было невозможно; такое освобожденіе во всякомъ случаѣ измѣнило бы экономическія отношенія между крестьянами и помѣщиками только по формѣ, а не по существу. Это значило бы—на мѣсто надѣленія землей крѣпостныхъ рабочихъ силъ поставить отработочную аренду: бывшіе крѣпостные стали бы у прежнихъ господъ брать свои прежніе надѣлы и платить за нихъ по прежнему своимъ трудомъ, отнынѣ, по формѣ, «свободнымъ». Экономическое существо отношеній, несмотря на измѣненіе юридической формы, осталось бы прежнимъ. Вопросъ о томъ, выгоднѣе ли было бы пользоваться такимъ «вольнонаемнымъ» трудомъ, чѣмъ прежнимъ «крѣпостнымъ», сводился къ тому: выгодно ли было въ сельскохозяйственномъ производствѣ простую принудительную власть вотчинника замѣнить свободнымъ договоромъ землевладѣльца съ неимѣющимъ земли арендаторомъ-рабочимъ, выгоднѣе ли было прямое принужденіе замѣнить косвеннымъ, экономическимъ. Этотъ вопросъ намъ кажется, долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ для той ступени хозяйственнаго развитія, на которой находилась землевладѣльческая Россія передъ освобожденіемъ крестьянъ. Мы думаемъ, что—при прочихъ равныхъ условіяхъ—отмѣна принудительнаго труда привела бы къ

уменьшенію и прибавочнаго продукта и общаго количества сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ Россіи. Если этого не случилось, то потому, что одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ произошелъ не менѣе крупный переворотъ въ русскомъ народномъ хозяйствѣ: благодаря проведенію желѣзныхъ дорогъ, денежное хозяйство получило огромный толчекъ, имѣвшій крупныя и для различныхъ областей Россіи самыя различныя послѣдствія, означая всюду нарушеніе прежняго хозяйственнаго равновѣсія.

Русскіе аболиціонисты, съ *А. Заблоцкимъ-Десятовскимъ* во главѣ, полагали, что крѣпостной трудъ «обязательная рента», не давая возможности точно расчесть издержки производства, лишалъ крѣпостное хозяйство основы правильнаго экономическаго расчета. Это было не вѣрно фактически. «Крѣпостной трудъ», съ экономической точки зрѣнія, точно такъ же «оплачивался», какъ оплачивался бы и вольнонаемный, и крѣпостная экономія, какъ это доказываютъ безчисленные примѣры, умѣла очень хорошо вести счетъ ему и отдаваемому за него эквиваленту въ видѣ земельнаго надѣла. Въ основѣ знаменитой экономичеекой критики крѣпостного права у *Заблоцкаго - Десятовскаго* лежало не констатированіе факта, а либеральная естественно-правовая идея, что единственно только свободно-договорныя отношенія экономически разумны и выгодны для обѣихъ сторонъ *). На этомъ естественно-

*) Мы имѣемъ въ виду статью: «Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи», помѣщенную въ №№ 5 и 6 «Отечественныхъ Записокъ» за 1847 г. Любопытно, что г. *Семевскій*, подробно оста-

правовомъ предразсудкѣ либеральной политической экономіи зиждилась критика «обязательной ренты» у *Заблоцкаго,* и безъ него она совершенно падала. Мало того, безъ этого исходнаго предположенія она совершенно не понятна. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, тотъ фактъ, въ которомъ Заблоцкій видѣлъ основную причину неустойчивости или, какъ онъ выражался, «колеблемости» хлѣбныхъ цѣнъ,—натуральная оплата принудительнаго труда,—не только не являлся зломъ для помѣщичьяго хозяйства, но, наоборотъ, при данныхъ общихъ условіяхъ народнаго хозяйства страны и въ особенности при данныхъ условіяхъ хлѣбнаго рынка былъ однимъ изъ важнѣйшихъ экономическихъ преимуществъ крѣпостныхъ владѣльцевъ.

XII.

Взглядъ на русскій сельскохозяйственный рынокъ въ XIX в. до освобожденія крестьянъ.

Для того, чтобы понять это, намъ необходимо обратиться къ сельскохозяйственному рынку въ дореформенной Россіи XIX в. и уяснить себѣ его положеніе и развитіе въ концѣ XVIII и первое пятидесятилѣтіе прошлаго столѣтія.

Для сужденія о состояніи всероссійскаго рынка мы беремъ прежде всего Москву.

Въ послѣднюю треть XVIII вѣка раздавались

новившійся на этой статьѣ въ своей книгѣ «Крестьянскій вопросъ», совсѣмъ не замѣтилъ, или, по крайней мѣрѣ, не отмѣтилъ, что критика *Заблоцкаго* всецѣло строилась на естественномъ правѣ буржуазнаго экономическаго либерализма.

жалобы на дороговизну хлѣба (Щербатовъ), и цѣны дѣйствительно шли вверхъ: это повышательное движеніе продолжалось въ первые три года XIX вѣка. Общественное мнѣніе, поскольку оно существовало тогда въ Россіи, въ лицѣ своего выразителя Вольнаго Экономическаго Общества обратило вниманіе на дороговизну. Общество объявило въ 1803 году конкурсъ на представленіе сочиненія о причинахъ дороговизны и мѣрахъ борьбы съ нею *).

*) „Труды“ т. 56, стр. 378—прим.

Задача была формулирована такъ:

„Открытымъ и яснымъ примѣромъ утвердить причину возрастающей время отъ времени въ городахъ и селеніяхъ дороговизны на съѣстные припасы, исключая чужестранныя произведенія, и изыскать ближайшее средство, отчего могутъ цѣны на тѣ или иные припасы постепенно уменьшиться“. Премированный отвѣтъ на эту задачу Михаила *Швиткова* помѣщенъ въ томѣ 57 „Трудовъ“ стр. 111—142. Остальные отвѣты остались ненапечатанными, хотя нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно гораздо выше *Швитковскаго*. Любопытенъ отвѣтъ, въ которомъ сказалось антииндустріальное направленіе и настроеніе. Авторъ декламируетъ противъ винокуренныхъ и желѣзныхъ заводовъ.

По мнѣнію добрыхъ земледѣльцевъ главныя причины возрастающей дороговизны на съѣстные припасы суть слѣдующія:

I.

Умножились винокуренные заводы въ теченіе 20 лѣтъ до очевиднаго излишества: которые въ цѣломъ государствѣ, истребляя каждогодно милліоны пудъ хлѣба, сугубятъ во оном продуктѣ недостатокъ и высятъ цѣну его къ народной тягости, какъ и произведеніемъ вина, бѣдственнаго напитка, безчисленные пороки и вредъ множатъ въ человѣчествѣ. Кто не замѣтитъ, что сіи заводы съ того паче времени возникли, когда пошлинные сборы стали отдаваться на откупы партикулярнымъ людямъ, у коихъ въ предметѣ одна только корысть, а не благо общее—возсоболѣзнуетъ ли откупщикъ, видя погибающаго отъ вина человѣка. Никогда

Но уже съ 1803 года дороговизна въ Москвѣ стала спадать. Впрочемъ, въ первое и второе десятилѣтіе, какъ видно на прилагаемой діаграммѣ **), цѣна 1 куля ржаной муки въ Москвѣ колебалась между 3 и 5 рублями серебромъ, не опускаясь сколько-нибудь значительно ниже 3 рублей и неподымаясь выше 5 рублей. Дойдя въ 1821 году до максимума, достигнутаго за все предшествующее 20-ти-лѣтіе лишь въ 1803 году, цѣна стала падать и въ общемъ до 1832 года стояла ниже,

---

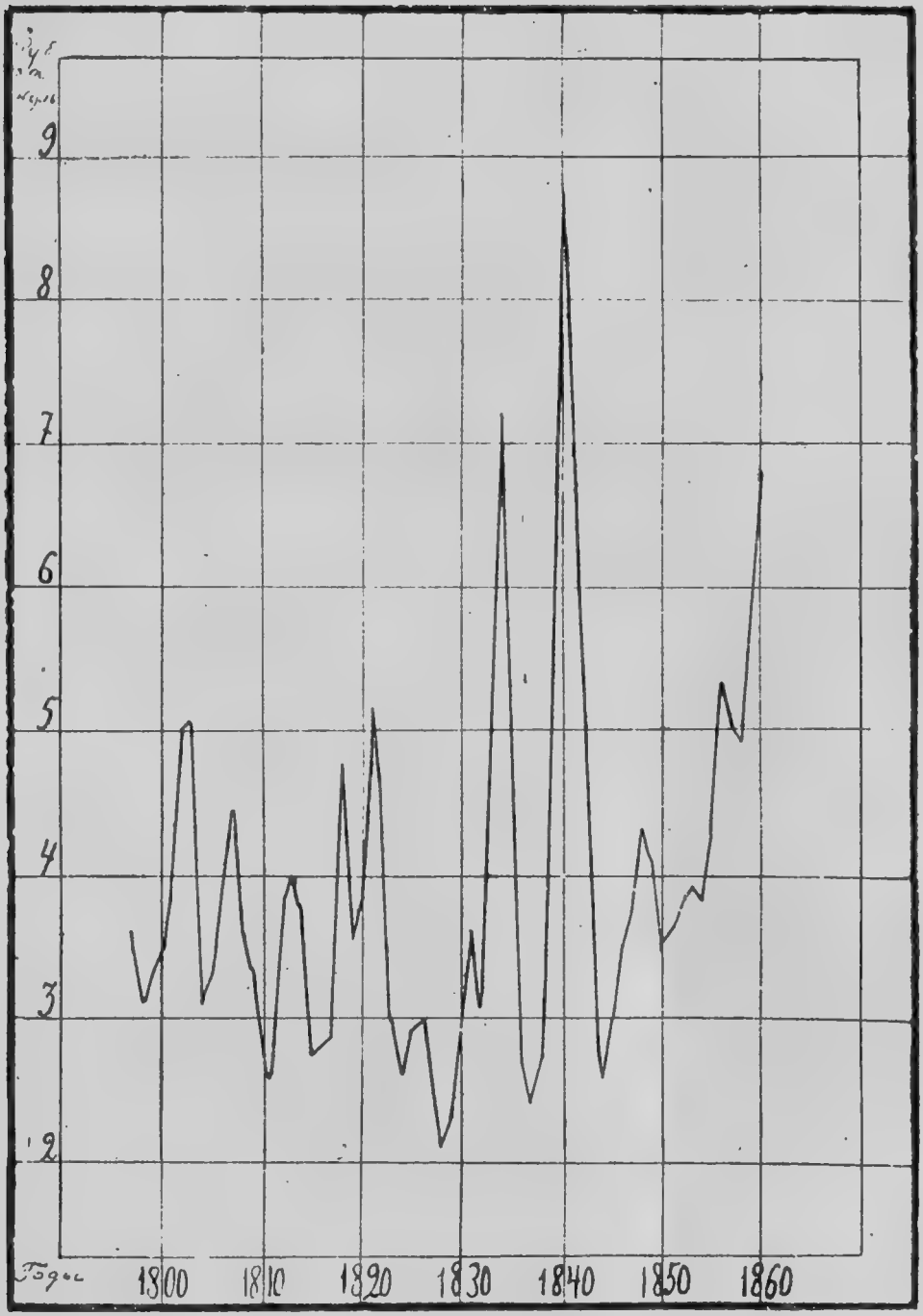
онъ не вздохнетъ и тутъ, гдѣ цѣлое селеніе во время празднованій гибнетъ въ кровавыхъ дракахъ, въ пожарахъ и болѣзняхъ; онъ осклабляется насчетъ сей гибели, дѣлая счетъ барышамъ своимъ; слухъ его занятъ звонкимъ стукомъ золота: нищета, голодъ несчастныхъ семействъ, отъ вина разорившихся, его не трогаютъ.—Между тѣмъ отечество лишается каждогодно многихъ тысячъ добрыхъ своихъ земледѣльцевъ; страсть къ вину между ими множится, и они кидая свои пашни, свои домы, мечутся въ услуги къ откупщикамъ, раболѣпствуютъ у нихъ, не требуя и не взимая платы, чтобы быть только ближе къ вину, пріемлются въ продавцы вина по питѣйнымъ домамъ, гдѣ разслабѣвъ вовсе отъ невоздержанія и бывъ брошены, идутъ на опаснѣйшія злодѣянія. Престарѣлые отцы, несчастные жены, дѣти ихъ сиротствуютъ; Тутъ земледѣліе наготово забыто—и толпы нищихъ, невоздерженныхъ бродягъ, тяготятъ время отъ времени паче селеніи добрыхъ земледѣльцевъ, поедая плоды трудовъ ихъ.

II.

Умножались такъ же Горные Заводы, паче желѣзные, самые тягостнѣйшіе для народа и хищные для лѣсовъ; къ которымъ обращены все силы крестьянъ нѣкоторыхъ господъ, такъ, что земледѣліе и скотоводство ихъ противъ прежняго, въ половину уменьшилось, а хлѣбоѣдовъ умножилось,—сихъ двухъ причинъ послѣдствія важны! Открыты оные во всей подробности, потребенъ духъ великій, мощный!

(Отвѣтъ на задачу „о причинахъ возрастающей время отъ времени въ городахъ и селахъ дороговизны на съѣстные припасы“ Сельскаго жителя неученаго). Архивъ Имп. В. Ок. Общ. № 440 стр. 111.

**) Діаграмма заимствована изъ изд. Стат. отд. Моск. Гор. Управы Хлѣбопекарный промыселъ и такса на хлѣбъ въ Москвѣ“ стр. 71.



Цѣна одного куля ржаной муки въ Москвѣ съ 1797 г. по 1860 г.

чѣмъ въ предшествующее десятилѣтіе. Затѣмъ, въ неурожайные 1833 и 1834 годы она страшно поднялась для того, чтобы въ 1836 году опуститься ниже 3 рублей. Въ 1839 году она стала подниматься и въ голодный 1840 г. почти дошла до 9 рублей.

Послѣ этого энергичнаго подъема началось весьма стремительное паденіе цѣны, приведшее ее въ 1844 г. науровень ниже 3 рублей. Затѣмъ, въ пятилѣтіе 1845—1850 годы цѣна 1 куля ржаной муки только въ 1848 году и первую половину 1849 г., т. е. въ эпоху, непосредственно послѣдовавшую за западно-европейскимъ и русскимъ неурожаями, стояла выше 4 рублей, въ остальное же время колебалась между 3 и 4 рублями.

Подобно тому какъ послѣдняя треть XVIII в. и первые годы XIX в. наполнены жалобами на высокія хлѣбныя цѣны, на дороговизну съѣстныхъ припасовъ—20-ые, 30-ые и 40-ые годы полны жалобами на низкія цѣны хлѣба, на невыгодную для хозяевъ дешевизну земледѣльческихъ продуктовъ. Въ чисто-статистическомъ смыслѣ эти жалобы слѣдуетъ признать неосновательными: среднія цѣны 30-ти-лѣтія 1820—1850 годовъ не ниже, а выше цѣнъ двадцатилѣтія 1800—1820 годовъ (см. діаграмму), и ихъ давно призналъ таковыми извѣстный ученый *К. С. Веселовскій*, изслѣдованіе котораго было продолжено *Платономъ Шторхомъ* *).

Веселовскій остроумно расположилъ среднія цѣны въ портахъ вывоза, начиная съ 1824 года, слѣдующимъ образомъ:

---

*) *Веселовскій.* О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи. Журналъ Мин. Гос. Им. 1845 г., т. XV, стр. 75—76.

Platon Storeh. Der Bauernstand in Russland. St.-Petersbourg. 1850, s. 200. Цѣны на ассигнаціи, приводимыя Веселовскимъ, перечислены Шторхомъ на серебро.

Таблица I.

	1824/1833	1825/1834	1826/1835	1827/1836	1828/1837	1829/1838	1830/1839	1831/1840	1832/1841	1833/1842	1834/1843	1835/1844	1836/1845	1837/1846	1838/1847
Цѣна 1 четверти пшеницы въ коп. серебр.	434	460	460	480	494	501	521	529	523	531	529	510	514	526	549
Цѣна 1 четверти ржи въ коп. серебромъ.	303	317	327	318	312	321	331	341	373	373	371	337	332	358	394

Тотъ же пріемъ *Веселовскій* примѣнилъ и къ записямъ цѣнъ отдѣльныхъ хозяевъ: *Бунина, Клепацкаго* и другихъ, и констатировалъ, что въ общемъ съ начала столѣтія по 40-ые годы замѣчалось не паденіе, а повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ.

Ту же самую картину движенія хлѣбныхъ цѣнъ—общаго ихъ повышенія, сравнительно низкаго стоянія въ 1836—1837 годы и рѣзкаго скачка вверхъ въ 1840 году мы видимъ на Моршанскомъ хлѣбномъ рынкѣ за 1832—1841 годъ *).

Таблица II.

	1832	1833	1834	1835	1836	1837	1838	1839	1840	1841
Цѣна одной четверти пшеницы.	15	21	26	17	12	10	12	18	27	24
Цѣна 1 куля (9 п.) ржаной муки.	888	1550	1840	975	615	465	670	1030	2450	1847

*) Журналъ Мин. Г. Им. т. VII (1843), стр. 7 (таблица II).

При обсужденіи движенія цѣнъ въ первую четверть этого столѣтія необходимо принять во вниманіе, что это была эпоха падающей цѣнности денежныхъ знаковъ, вслѣдствіе постоянно возрастающаго количества ассигнацій, поступавшихъ въ народное обращеніе. Слѣдующая таблица даетъ понятіе о приростѣ количества ассигнацій и о паденіи ихъ курса *).

Таблица III.

Годы.	Количество ассигнацій въ обращеніи въ тыс. руб.	Курс. металл. рубля въ асс. копѣйкахъ.	Годы.	Количество ассигнацій въ обращеніи въ тыс. руб.	Курс. металл. рубля въ асс. копѣйкахъ.
1800	212.689,3	153	1823	595.776,3	373
1801	221.488,3	151	1824	„	374
1802	230.464,4	138	1825	„	372
1803	250.000,0	125	1826	„	372
1804	260.658,6	126	1827	„	373
1805	292.199,1	130	1828	„	371
1806	319.240,0	134	1829	„	369
1807	382.329,5	149	1830	„	369
1808	477.368,6	187	1831	„	372
1809	583.201,3	225	1832	„	366
1810	579.373,9	324	1833	„	361
1811	581.394,4	394	1834	„	359
1812	645.894,4	388	1835	„	358
1813	749.334,4	397	1836	„	357
1814	798.125,9	396	1837	„	355
1815	825.823,7	421	1838	„	354
1816	831.423,7	404	1839	„	350
1817	836.000,0	384	1840	„	350
1818	797.976,1	379			
1819	719.325,6	372			
1820	685.172,5	374			
1821	651.685,1	378			
1822	606.776,9	375			

*) Заимствована у *Бржескаго*. Государственные долги Россіи. Историко-статистическое изслѣдованіе. Спб. 1884, табл. III.

Обезцѣненіе ассигнацій было постольку выгодно производителямъ хлѣба, поскольку повышеніе цѣны хлѣба, обусловливаемое паденіемъ цѣнности денежныхъ знаковъ, шло быстрѣе повышенія цѣнъ всѣхъ остальныхъ товаровъ. Это несоотвѣтствіе представляло для сельскихъ хозяевъ тѣмъ болѣе чувствительную выгоду, чѣмъ больше они продавали на внѣшнемъ рынкѣ и покупали на внутреннемъ, ибо цѣны на экспортные товары гораздо быстрѣе приспособляются къ измѣненіямъ цѣнности денегъ, чѣмъ цѣны на товары внутренняго рынка и внутренняго потребленія. Поэтому въ эпоху 1800 — 1824 годы извѣстная часть производителей хлѣба, несомнѣнно, должна была выигрывать отъ обезцѣненія денегъ. Такимъ образомъ повышеніе реальной цѣны хлѣба съ 1811—1821 годы должно было быть выше, чѣмъ показываетъ діаграмма, въ которой мы имѣемъ дѣло съ цѣнами перечисленными на серебро.

На прилагаемой діаграммѣ хорошо изображается низкій уровень цѣнъ съ 1822—1832 гг., эпохи, когда вся восточная Европа со включеніемъ значительной части Германіи, дѣйствительно страдала отъ низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ и переживала аграрный кризисъ *).

Явленіе это—пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ—было и въ Россіи настолько ощутительно, что Академія Наукъ объявила въ 1826 г. конкурсъ на тему о причинахъ пониженія цѣнъ земледѣльческихъ произве-

*) См. *Conrad* статью Agrarkrisis въ Handwörterbuch d. Staatswiss Situpl. и книгу. *A. Ucke.* Die Agrarkrisis in Preussen während der 20-er Jahre dieses Jahrh., Halle. 1888.

деній. Задача была формулирована такъ: „Извѣстно, что ходячая цѣна земледѣльческихъ произведеній Россіи, постоянно возвышавшаяся съ половины 17-го столѣтія, въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ понизилась. Опредѣлить въ точности время, съ котораго началось сіе измѣненіе въ цѣнахъ каждаго изъ важнѣйшихъ произведеній, объяснивъ притомъ, какія причины сего явленія; въ какой мѣрѣ понижалась цѣна означенныхъ произведеній какъ во внутренней, такъ и внѣшней торговлѣ; вѣроятно ли, что пониженіе сіе будетъ продолжительно и, наконецъ, какое вознагражденіе ущерба, причиненнаго онымъ народному доходу, можетъ Россія обрѣсти въ произведеніяхъ земли и въ промышленности своей".

Первую премію получилъ нѣкто А. *Фоминъ*. Любопытно, что *Фоминъ* въ своей книгѣ достаточно опредѣленно высказывается противъ крѣпостного права, которое, будучи связано съ несвободой передвиженія, по его мнѣнію, задерживаетъ ростъ городского населенія и тѣмъ самымъ и ростъ внутренняго рынка или внутренняго потребленія. *Фоминъ*, который съ большой симпатіей цитируетъ Сисмонди, былъ настроенъ весьма пессимистически и относительно будущихъ судебъ русскаго сельскохозяйственнаго рынка: онъ не ожидалъ повышенія цѣнъ при наличности данныхъ экономическихъ условій:— аграрнаго протекціонизма въ другихъ странахъ и крѣпостного строя въ Россіи.

„Переходъ большого числа лицъ изъ состоянія земледѣльцевъ въ состояніе ремесленниковъ и торговцевъ—писалъ *Фоминъ*—могъ бы усилить народо-

населеніе городовъ, и черезъ умноженіе средняго состоянія, доставлять сбытъ земледѣльческимъ произведеніямъ; но города въ Россіи находятся или въ неподвижномъ состояніи, или въ упадающемъ; число купцовъ и купеческіе капиталы уменьшаются, число мѣщанъ также. Министерство Финансовъ старается о распространеніи мануфактурной промышленности, что можно видѣть изъ приложеннаго подъ № 7 обозрѣнія отпущенныхъ въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ сырыхъ и обдѣланныхъ произведеній. По представленіямъ настоящаго Господина Министра Финансовъ устранены многія препятствія и обряды и вообще облегченъ переходъ изъ состоянія крестьянъ въ мѣщанство и купечество и сихъ изъ одной губерніи въ другую; уменьшена цѣна за паспорты крестьянамъ и учрежденъ Комитетъ объ улучшеніи городовъ; но всѣ сіи мѣры вмѣстѣ съ устройствомъ казенныхъ крестьянъ будутъ имѣть медленное вліяніе: ибо относятся только на $^1/_3$, на одну треть земледѣльческаго класса, остальныя $^2/_3$ находясь подъ властью помѣщиковъ, не имѣютъ свободы къ снисканію себѣ занятій и промышленности, способностямъ ихъ соотвѣтствующихъ и болѣе для нихъ выгодныхъ; или не могутъ посвятить нужнаго времени для пріобрѣтенія навыка въ какомъ либо художественномъ производствѣ, не бывъ увѣрены, какое назначеніе захочетъ дать помѣщикъ. Политическая экономія доказываетъ, что выгоднѣйшее употребленіе способностей или капитала для обладающаго оными есть выгоднѣйшее и для общества; въ свободномъ состояніи промышленности производительныя силы всегда будутъ употреблены на тѣ предметы, которыхъ ходячая цѣна сравнительно

выше; слѣдовательно, на тѣ, которые болѣе требуются и даютъ большія прибыли. При крѣпостномъ состояніи крестьянъ, помѣщикъ назначаетъ тѣ занятія, въ которыхъ взиманіе съ работника дохода вѣрнѣе, несмотря на потерю для работающаго происходящую. Получающія изъ своихъ отдаленныхъ деревень въ столицу съѣстные запасы, считаютъ ихъ для себя ничего нестоющими; но крестьянамъ иногда издержки провоза составляютъ болѣе или тоже, чего стоитъ вещь въ мѣстопребываніи господъ. Время, проводимое крестьянами на барскихъ работахъ, конечно, они употребили бы полезнѣе на собственной работѣ, но производимыя на барщинѣ цѣнности уже есть доходъ помѣщика, матеріально взимаемый; съ крестьянъ на оброкѣ доходъ получается не столь вѣрно, и часть его всегда теряется въ недоимкахъ, тамъ же, гдѣ крестьяне ходятъ въ извозы и промыслы въ столицы и дальніе города, взиманіе дохода для помѣщика еще затруднительнѣе.

«Задержаніе естественнаго хода и распредѣленія народнаго богатства, происходящее отъ крѣпостного состоянія показано въ курсѣ Политической Экономіи господина Шторха и въ другихъ по сему предмету сочиненіяхъ; пріимемъ какъ событіе, что въ классѣ земледѣльцевъ пріобрѣтеніе капиталовъ, свѣдѣній и личныхъ способностей, нужныхъ для усиленія существующихъ, или рожденія новыхъ вѣтвей промышленности, которыя производили бы цѣнности на обмѣнъ за земледѣльческія, крайне затруднительно; и потому средній классъ въ Россіи, составляясь весьма медленно, не представляетъ надежды, чтобы внутреннее потребленіе земледѣльче-

скихъ произведеній возвысилось до равенства съ произведеніемъ оныхъ» *).

---

*) *Андрей Фоминъ*. О пониженіи цѣнъ на земледѣльческія произведенія въ Россіи. Спб. 1829 г. Стр. 15—16—17).

Какъ болѣзненно ощущались производителями низкія цѣны, свидѣтельствуетъ слѣдующее разсужденіе *Сабурова*:

„Сколь ни тяжелъ былъ 1833 годъ и начало 1834-го, сколь ни тягостные были недороды съ 1831—1834, но вмѣстѣ съ тѣмъ они повлекли за собою и безчисленныя выгоды частныя и общегосударственныя. Съ 1823 года по 1831 г., по цѣнамъ на хлѣбъ, хлѣбопашество было рѣшительно въ убытокъ невыносимый; особенно въ послѣдніе 4 года; эти убытки отразились во всѣхъ сословіяхъ; произошли рѣдкость денегъ, огромные недоборы, недоимки, остановки въ платежахъ. Это печальное положеніе еще болѣе было усилено войною, открывшеюся крамолою на западѣ и эпидеміей. Измѣнить эти обстоятельства могли только перевороты необычайные. И этотъ переворотъ совершенъ быстро возвысившеюся дороговизною на хлѣбъ.

Въ 1833 году цѣны на произведенія, отъ земли получаемыя, были таковы, что во многихъ мѣстахъ Сѣверной половины Россіи, и гдѣ недостатокъ хлѣба былъ только чувствителенъ въ классѣ самомъ бѣднѣйшемъ, онѣ едва ли не пополнили прошлыхъ недочетовъ нѣкоторыхъ земледѣльцевъ; а урожай 1834 года, конечно, многихъ съ лихвою наградилъ за всѣ потери прошедшія, и не только въ половинѣ Сѣверной, но и въ немалой части Южной. Въ этотъ годъ послѣ сильнаго урожая, многіе наши помѣщики продали по 16 руб. и дороже, гречу по 12. Въ то же время внутренняя коммерція увеличилась во всѣхъ отношеніяхъ; къ высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ народъ попривыкъ; расчеты и обороты стали производить соображаясь съ этою привычкою; цѣны на работу, скотъ почти удвоились. Капиталисты начали покупать недвижимыя имѣнія, приносившія теперь во всякомъ случаѣ болѣе 4%, земля вздорожала отъ 50—100%; деньги стали дешевы, подати легки“.

(*И. Сабуровъ*. „Взглядъ на цѣны на хлѣбъ, бывшія въ Пензенской губ. съ 1830—35 гг., и на послѣдствія сихъ цѣнъ“. Московскій Наблюдатель. 1835 г. Ч. II. Стр. 432—33).

Книга *Фомина* вышла въ 1829 году, когда кривая хлѣбныхъ цѣнъ готовилась уже сдѣлать значительный скачекъ вверхъ.

Затѣмъ, наступили тяжелые голодные годы: 1833 и 1834, и мѣсто вопроса о низкихъ цѣнахъ занялъ вопросъ о народномъ продовольствіи и о повышеніи производительности земледѣльческаго труда.

Благодаря иниціативѣ президента Вольнаго Экономическаго Общества адмирала, впослѣдствіи графа Мордвинова былъ учрежденъ въ 1833 году Комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи. Затѣмъ, наступилъ періодъ хорошихъ урожаевъ, снова понизившихъ цѣны на хлѣбъ, потомъ—опять голодные 1839, 1840 и 1841 годы, когда цѣна опять поднялась, чтобы при благопріятныхъ урожаяхъ снова опуститься.

Такъ, страна и въ особенности ея хлѣбородныя губерніи отъ голодныхъ цѣнъ переходили къ непомѣрно низкимъ, не оплачивавшимъ издержекъ производства, и все яснѣе и яснѣе обнаруживалось, что зло, отъ котораго страдало земледѣльческое производство на рынокъ, состояло не въ низкомъ уровнѣ и не въ паденіи цѣнъ, а въ рѣзкихъ ихъ колебаніяхъ.

Колебанія эти составляли прямое послѣдствіе того, что—въ силу недостаточнаго развитія обмѣна и средствъ сообщенія—процессъ уравненія цѣнъ во времени и пространствѣ встрѣчалъ сильнѣйшія препятствія. Хорошіе урожаи непомѣрно роняли цѣны, а худые давали мало продукта, который въ значительной мѣрѣ шелъ на обязательное прокормленіе крестьянъ. Въ сущности зло неустойчивости хлѣбныхъ цѣнъ сводилось къ тому, что рынокъ

для продуктовъ хлѣбороднаго центра скоро оказался слишкомъ узкимъ.

Для иллюстраціи сказаннаго необходимо привести нѣкоторые расчеты и цифры. По расчетамъ статистиковъ нашего дореформеннаго земледѣлія, обыкновенный ежегодный урожай разнаго хлѣба въ Россіи составлялъ въ 40 и 50-хъ гг. до 250 милл. четвертей. Изъ этого количества обращалось:

На продовольствіе земледѣльческаго населенія	132 милл.
» » городского населенія и	
» » войска . . .	18 »
» винокуреніе.	10 »
» обсѣмененіе.	60 »
Итого	220 милл.

Значитъ, при среднемъ урожаѣ ежегодный остатокъ могъ простираться до 30 милл. четвертей. Между тѣмъ въ 1845—1853 г. заграницу среднимъ числомъ отпускалось около $5^1/_2$ милл. четв. или только $^1/_6$ всего средняго производимаго излишка *). Такимъ образомъ, производство обогнало рынокъ. Изъ этихъ данныхъ явствуетъ также, что значеніе внутренняго рынка было во много разъ (по меньшей мѣрѣ въ $4^1/_2$—5 разъ) больше значенія внѣшняго рынка. И въ то же время внѣшній рынокъ

*) «Обзоръ... главныхъ отраслей сельской промышленности въ Россіи... съ 1884 по 1855 годъ», стр. XXI—XXII.

расширялся быстрѣе внутренняго *), а между тѣмъ для хлѣбороднаго центра первый былъ—при тогдашнихъ условіяхъ транспорта—очень мало доступенъ. Расширеніе внѣшняго рынка шло на пользу производившаго пшеницу юга **). Соотвѣтсвенно

*) Слѣдующее интересное свидѣтельство современника мы находимъ въ „Земледѣльческой Газетѣ“ за 1846 г. (ст. *Герсеванова* „Замѣчанія на статью „О хлѣбныхъ запасахъ Курской губерніи“, № 19, стр. 154—5).

„Низкія цѣны и трехлѣтніе запасы въ Курской губерніи проистекаютъ отъ недостатка сбыта, чѣмъ страждутъ постоянно Курская и смежная съ нею Полтавская и Харьковская губерніи, за исключеніемъ юго-западной части сей послѣдней, продающей свои произведенія въ Таганрогѣ. Положеніе сихъ губерній самое не выгодное; у нихъ нѣтъ ни водяныхъ, ни сухопутныхъ сообщеній, и ни какой промышленности, кромѣ хлѣбопашества“.

„Дворянство Курской губерніи давно чувствовало свое стѣсненное положеніе, продолжаетъ *Герсевановъ* и, чтобы пособить этому, лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ на собственное иждивеніе привело въ судоходное положеніе Сеймъ, важнѣйшую въ томъ краѣ рѣку. Цѣль этого предпріятія было открытіе сбыта хлѣбу не въ южную и западную Россію, не нуждающуюся въ немъ, а за границу, рѣками Десной и Днѣпромъ“. Это начинаніе не увѣнчалось успѣхомъ, ибо, вся, вообще система Десны и Днѣпра не отличалась особенно оживленнымъ характеромъ хлѣботорговыхъ сношеній: „главное препятствіе здѣсь днѣпровскіе пороги“. „Да еслибъ и не было пороговъ, пессимистически заключаетъ авторъ, то Курская губернія не могла бы отпускать своего хлѣба за границу, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда цѣны на него были бы очень высоки; несовершенство судоходства по симъ рынкамъ такъ велико, что провозъ громоздкихъ земледѣльческихъ произведеній обошелся бы слишкомъ дорого“.

*) О томъ, какъ сбытъ на отдаленные рынки вынуждалъ перестраивать крѣпостное хозяйство, вводить машины и т. п. мы можемъ привести слѣдующее свидѣтельство: „Вывозка хлѣба, въ степномъ нашемъ хозяйствѣ, статья довольно важная. На мѣстѣ у насъ хлѣба не покупаютъ, а что свезешь по больше хлѣба, то и

этому экспортъ южныхъ портовъ развивался гораздо быстрѣе экспорта портовъ балтійскихъ *).

доставишь влядѣльцу по больше дохода. По такой причинѣ на этотъ предметъ и обращено у насъ не малое вниманіе; и посредствомъ машинъ, тягольный крестьянинъ въ зимнее время освобожденъ отъ прочихъ работъ. Желательно было бы посовѣтывать нѣкоторымъ владѣльцамъ также обратить на этотъ предметъ побольше вниманія, потому что рукамъ можно найти другое дѣло. Не лучше ли собрать то 10—20 человѣками, что работаютъ 30 или 40 человѣкъ? Разумѣется, при маленькомъ хозяйствѣ имѣть всѣ заведенія начетисто, даже и нѣтъ въ томъ большой нужды; но не имѣть машинъ при 50 или 60 тяглахъ, въ степномъ мѣстѣ, при порядочной запашкѣ, можно сказать, непростительно. А между нами будь сказано, у насъ въ околоткѣ есть такихъ вдадѣльца два-три, у которыхъ при 50 и 60 тяглахъ стоитъ одна плетневая рига цѣповъ на двадцать, да черный овинъ, четвертей на 15 хлѣбной сушки. Когда случится непогода, и хлѣба на открытомъ мѣстѣ вѣять нельзя, а въ ригѣ отъ навѣйки тѣснота, тогда барщина сидитъ, поджавши руки, а время, дорогое время, летитъ своей чредой. Пройдетъ полъ-зимы, глядь, въ хозяйствѣ и половины хлѣба не перемолочено, а вывезти и третей части не вывезли; тамъ путь отъ глубокихъ снѣговъ сталъ труденъ, и вмѣсто трехъ четвертей надобно сыпать двѣ. („Письмо степного управителя къ товарищу о хозяйственныхъ дѣлахъ ввѣреннаго ему имѣнія". — „Земл. Газ.", 846 г. № 28 стр. 227—8). Еще въ 1816 году Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ спеціальной изданной имъ брошюрѣ указываетъ на необходимость введенія молотильныхъ машинъ съ цѣлью экономіи зимняго труда": Польза о введеніи молотильныхъ машинъ въ Россіи, какъ выше сказано, столь очевидна, что нѣтъ никакой нужды распространяться въ исчисленіи оной. Всякому помѣщику и хозяину извѣстно, сколькихъ трудовъ стоитъ молотьба большаго количества хлѣба и сколько людей черезъ все почти зимнее время занимаются симъ дѣломъ посредствомъ цѣповъ, утомляющихъ весьма работниковъ. (О шотландскихъ молотильныхъ машинахъ, приводимыхъ въ движеніе посредствомъ воды и лошадей. Издано по распоряженію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Санктпетербургъ 1817 г. стр. 9).

*) Съ 1824 по 1848 г. отпускная торговля черезъ „эти порты

Колебанія хлѣбныхъ цѣнъ иллюстрируются слѣдующими данными. Съ 1833 по 1841 г. среднія высшія цѣны относились къ среднимъ низшимъ:

Въ Москвѣ . . .	какъ	10:42
» Владимирѣ . .	»	10:38
» Ярославлѣ . .	»	10:26
» Костромѣ . .	»	10:25
» Новгородѣ . .	»	10:23
» С.-Петербургѣ .	»	10:22

Таковы были колебанія цѣнъ въ губерніяхъ, продовольствовавшихся привознымъ хлѣбомъ.

Въ губерніяхъ же, которыя производили хлѣбъ на сбытъ, эти колебанія были гораздо больше. Въ нихъ отношеніе цѣнъ представлялось въ такомъ видѣ:

Въ Симбирскѣ	какъ	10: 48
» Воронежѣ	»	10: 50
» Пензѣ	»	10: 57
» Екатеринославѣ	»	10: 58
« Рязани	»	10: 65
» Тамбовѣ	»	10: 67
» Саратовѣ	»	10: 67
» Курскѣ	»	10: 82

увеличилась на 444 процента, между тѣмъ какъ въ Балтійскихъ приращеніе не превышаетъ 12 процентовъ". (Обозрѣніе внѣшней торговли Россіи за послѣдніе 24 лѣтъ, *Заблоцкаго* въ 1-й книгѣ Сборника Статист. Свѣд. о Россіи, стр. 144).

Въ Тулѣ как 10:100
» Ставрополѣ » 10:111 *).

Такимъ образомъ, хозяева тѣхъ губерній, которыя были заинтересованы въ продажѣ хлѣба, страдали всего болѣе отъ колебаній въ его цѣнѣ.

Колебанія цѣнъ въ пространствѣ иллюстрируются слѣдующими данными: весной 1845 г. на пространствѣ въ 600 или 700 верстъ, отдѣляющемъ Псковскую губернію отъ Курской, разность въ цѣнахъ на рожь опредѣлялась отношеніемъ 10:1— въ Псковской губ. цѣна доходила до 14 и 15 руб. сер., въ Курскѣ же составляла 1 р. 50 к. Въ 1843 г. (съ равномѣрнымъ урожаемъ) въ Петербургской губерніи хлѣбъ былъ въ пять разъ дороже, чѣмъ въ Курской.

Колебанія хлѣбныхъ цѣнъ представляли въ дореформенной Россіи настоящее общественное бѣдствіе, отъ котораго страдали и помѣщики, и еще болѣе крестьяне **). Вопросъ объ этихъ колебаніяхъ

---

*) Цифры эти заимствованы изъ статьи *Д. С. Протопопова* «О хлѣбной торговлѣ въ Россіи». Журн. М-ва Госуд. Имущ. 1842 г.

**) „Урожайный годъ—разореніе для земледѣльца, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ сбыта; а неурожайный — гибель его: онъ обогащаетъ однихъ только хлѣбныхъ торговцевъ, подрядчиковъ, поставщиковъ, запасающихся хлѣбомъ за безцѣнокъ во время урожаевъ; для земледѣльцевъ же дорогой годъ ни мало не утѣшителенъ, а если не уродилось и столько, сколько нужно для семейнаго продовольствія, то дорогой годъ—бѣда его. Вотъ причина, отнимающая у него охоту не только къ изысканному мудреному обрабатыванію земли, но даже къ вѣковому обыкновенному рутинному невѣжественному, какъ вы изволите говорить“. *Н. Тимашевъ*, въ цитированной ниже статьѣ изъ Библіотеки для чтенія за 1844 годъ). «Чрезмѣрныя колебанія, обнаруживающія неправильность въ

породилъ цѣлое движеніе въ помѣщичьей средѣ и цѣлую литературу. Наиболѣе смѣлые аграрные умы въ крѣпостной Россіи додумались тогда до идеи, легшей въ основу «крупнаго средства» новѣйшихъ нѣмецкихъ аграріевъ, такъ называемаго «предложенія Канитца», до идеи прямого государственнаго регулированія хлѣбной торговли въ интересахъ сельскихъ хозяевъ *).

Если не считать проекта *В. Н. Каразина* объ „учрежденіи коммисіонерскихъ конторъ въ знатнѣйшихъ торговыхъ мѣстахъ“ съ цѣлью устраненія излишнихъ посредниковъ въ торговлѣ вообще, въ хлѣбной торговлѣ въ частности, изложеннаго имъ въ качествѣ правителя дѣлъ Филотехническаго Об-

---

ходѣ хлѣбной производительности, оказываютъ бѣдственное вліяніе на народное благосостояніе. Настаетъ дорогой годъ, хлѣбъ поднимается въ цѣнѣ вчетверо и впятеро дороже того, по чемъ земледѣлецъ сбылъ свои излишки въ прошломъ году; не имѣя запасовъ, крестьянинъ не имѣетъ и средствъ купить себѣ хлѣба; бѣдствіе голода поражаетъ селенія и заставляетъ земледѣльца смотрѣть съ отчаяніемъ на свой промыселъ, который не доставляетъ ему насущнаго хлѣба. Онъ получаетъ пособіе хлѣбомъ на продовольствіе; но какъ уплатитъ онъ государственныя и другія повинности, откуда добудетъ денегъ на соль и на другія домашнія надобности? Непосредственно за такимъ годомъ наступаетъ годъ урожая, годъ дешеваго хлѣба. Хлѣба много, но онъ ни-по-чемъ, и часто продажа всего урожая недостаточна крестьянину для уплаты однѣхъ повинностей, тогда какъ онъ обремененъ еще долгами и недоимками, накопившимися отъ неурожайныхъ годовъ» (*Заблоцкій*, цитир. статья въ «Отеч. Зап.» 1847 г., май, отд. IV, стр. 13).

*) См. представленное въ Вольно-Экономическое Общество при обсужденіи мальцевскихъ проектовъ мнѣніе генералъ-лейтенанта *Карнеева*.

щества въ отчетѣ 1813 года *),—первый практическій и опредѣленный проектъ мѣры желательнаго воздѣйствія на хлѣбныя цѣны принадлежалъ, насколько я могъ установить, извѣстному въ исторіи русской торговой политики коммерціи совѣтнику *Попову*, опубликовавшему его въ приложеніи къ № 43 технической и экономической газеты „Сѣверный Муравей“ за 1830 г. **). На проектъ *Попова* тотчасъ же сочувственно откликнулся извѣстный сельскій хозяинъ Тамбовской губерніи (Уманьскаго уѣзда) *Н. Бунинъ*, стяжавшій себѣ извѣстность замѣчательнымъ отчетомъ о хозяйствѣ своемъ и *И. А. Павлова*, печатавшемся въ Земледѣльческомъ журналѣ ***). Отъ проекта *Попова* идетъ цѣлый рядъ проектовъ въ томъ же духѣ, но въ общемъ гораздо болѣе

*) „Учрежденіе коммисіонерскихъ конторъ въ знатнѣйшихъ торговыхъ мѣстахъ принесетъ великія пользы всѣмъ состояніямъ, безъ исключенія. Вотъ почему оно должно быть дѣломъ рукъ вашихъ, мм. гг., произведеніемъ общества, посвятившаго себя усовершенію домоводства и промышленности! Вы установите въ государствѣ равновѣсіе цѣнъ: то отношеніе нуждъ къ средствамъ ихъ удовлетворять, которое сообразно только самой природѣ различныхъ его областей. Вы сблизите производителей и издерживателей, которые теперь неизвѣстностію цѣнъ и высокимъ числомъ посредниковъ, между ними стоящихъ, отдалены другъ отъ друга, болѣе, нежели мѣстнымъ разстояніемъ. ....Конторы филотехническаго общества должны имѣть обязанность вести всѣ предварительныя сношенія, находить покупщиковъ, условливаться о цѣнахъ и проч.“. (Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива перваго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Вып. I, Спб., 1876, стр. 455—456).

**) „О пользѣ устроенія при С.-Петербургскомъ портѣ складочныхъ для зернового хлѣба магазиновъ и пристани“.

***) „Свѣдѣнія по сельскому хозяйству въ имѣніяхъ Тамбовской губ., Уманскаго уѣзда, за 1843 годъ, и нѣкоторыя замѣчанія о земледѣльческой промышленности, помѣщика *Николая Бунина*.

радикальныхъ *). Въ центрѣ этихъ проектовъ

*) Рязанскій помѣщикъ полковникъ *Семеновъ* (въ 1837 году?) представилъ министру внутреннихъ дѣлъ, а потомъ министру госуд. имущ. графу *Киселеву* записку объ „уравненіи цѣнности хлѣба и запасовъ онаго, въ которой онъ рекомендуетъ устроить въ каждомъ городѣ каменный магазинъ, назначить отъ правительства соразмѣрную съ урожаемъ и стоимостью доставки въ каждомъ городѣ цѣну на хлѣбъ, съ вѣса, а не мѣрою, дозволить каждому земледѣльцу по этой цѣнѣ ссыпать въ магазинѣ рожь, гречу и овесъ, а деньги за нихъ получать изъ казны: цѣна хлѣба будетъ такимъ образомъ зависѣть отъ правительства, которое можетъ повышать и понижать ее, а отъ перепродажи хлѣба получать и выгоду“ (*Енуновъ*, цит. ниже статья—на основаніи архивныхъ матеріаловъ). Тамбовскій помѣщикъ *князь Шаховской* съ своей стороны рекомендовалъ министру внутреннихъ дѣлъ „опредѣлять чрезъ особые комитеты для каждой губерніи положительныя среднія цѣны на рожь, пшеницу и ячмень, со строгимъ наблюденіемъ, чтобы никто не смѣлъ продавать свой хлѣбъ и покупать чужой ниже этихъ цѣнъ“ (тамъ же). Тамбовское дворянство повергло на Высочайшее воззрѣніе особое постановленіе свое о вредныхъ послѣдствіяхъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ и о способахъ къ удержанію цѣнъ на рожь на опредѣленномъ уровнѣ; оно полагало возможнымъ достигнуть этой цѣли устройствомъ въ двухъ — трехъ центральныхъ пунктахъ губерніи магазиновъ для ссыпки ржи, покупкой ея, когда рыночная цѣна будетъ ниже опредѣленной мѣстнымъ дворянствомъ, и продажей, когда вольныя цѣны станутъ подниматься выше послѣдней (тамъ же). Князь *Оболенскій* въ 1844 году предлагалъ „устройство отъ правительства хлѣбныхъ житницъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ признаны будутъ необходимыми“. „Житницы слѣдуетъ строить преимущественно при сплавныхъ рѣкахъ и морскихъ пристаняхъ, при послѣднихъ съ тою цѣлью, чтобы отправлять хлѣбъ за границу, въ неурожайные тамъ годы, въ тѣхъ же мѣстахъ государства, гдѣ нѣтъ удобныхъ сообщеній, на средоточныхъ пунктахъ. Управленіе такихъ житницъ обязано покупать хлѣбъ по среднимъ низшимъ цѣнамъ, а продавать по высшимъ среднимъ же“. Аналогичный проектъ представилъ помѣщикъ *Мясоѣдовъ* (*Н. Варадиновъ*, Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. Часть III, книга 3. Спб., 1861 г., стр. 118 — 120). Въ 1844 году *Н. Тимашевъ* изъ Бугульмы предлагаетъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ (т. 64) „учре-

стоятъ два проекта (1841 и 1843 гг.) *С. И. Мальцева*, адъютанта принца Петра Георгіевича Ольден-

---

жденіе большой землевладѣльческой компаніи на акціяхъ для торговли хлѣбомъ". „Кто долженъ, спрашиваетъ онъ, подумать о приведеніи цѣнъ на хлѣбъ въ ровность и выгодное состояніе? Отвѣтъ: сами производители хлѣба, помѣщики-землевладѣльцы. Отчего бы всѣ русскіе помѣщики не могли составить между собою всеобщей торговой компаніи на акціяхъ, которая покрыла бы Россію сѣтью своихъ операцій, взяла въ руки продажу произведеній своихъ акціонеровъ и распредѣлила хлѣбъ нашъ поровну на всемъ пространствѣ государства. Нужна только умная голова для управленія дѣломъ: капиталы найдутся. Благодѣтельное правительство, за важныя услуги и обязанности, которыя такая компанія приняла бы на себя, охотно даровало бы ей разныя привиллегіи и льготы. Ея облигаціи принимались бы всѣми, какъ наличныя деньги, когда кредитъ компаніи утвердился бы на прочномъ основаніи, само казначейство бы не отказалось отъ уваженія къ столь вѣрнымъ векселямъ. Компанія обязалась бы продовольствовать всю Россію всегда по одинаковымъ цѣнамъ, установленнымъ по согласію съ правительствомъ на извѣстное число лѣтъ, и улучшать пути доставленія въ мѣстахъ, лишенныхъ водяныхъ и желѣзныхъ сообщеній: въ этомъ послѣднемъ условіи столь выгодномъ для государства — нужда и польза самой Компаніи. Она, по естественному ходу дѣлъ своихъ, принуждена была бы пролагать на свой счетъ дороги къ большимъ рѣкамъ, класть торговые проѣзды и желѣзные рельсы, очищать главныя теченія отъ препятствій и опасностей, чтобы быстро, удобно и дешево передвигать массы хлѣба въ тѣ мѣста, гдѣ обнаруживается неурожай, заграничное требованіе или вызовъ военныхъ начальствъ. Монсполіи тутъ быть не можетъ. Какая тутъ монополія, когда всѣ производители участвуютъ въ продажѣ своихъ собственныхъ продуктовъ черезъ свое довѣренное лицо, правленіе Компаніи?" Проектъ *Тимашева* весьма широковѣщателенъ. Онъ утверждаетъ, что его компанія „была бы не что иное, какъ взаимное, всеобщее застрахованіе урожаевъ, выгодъ и доходовъ всѣхъ земледѣльцевъ Имперіи, умѣла бы очень легко склонить въ пользу Россіи балансъ движенія хлѣба во всемірной торговлѣ" Онъ уподобляетъ проектируемую имъ кампанію

бургскаго; послѣдній былъ въ то время президентомъ Имп. Вольнаго Экономическаго Общества. Центральное положеніе этихъ проектовъ обусловливалось не столько ихъ особенными внутренними достоинствами, сколько отношеніемъ ихъ автора къ президенту Вольн. Экон. Общ. Благодаря этому отношенію, къ проектамъ Мальцева и вообще къ вопросу о хлѣбныхъ цѣнахъ было привлечено особенное вниманіе какъ высшихъ представителей правительства, начиная съ самого Императора Николая I, такъ и самыхъ вліятельныхъ представителей землевладѣльческаго класса и сельскохозяйственнаго общественнаго мнѣнія.

Королевскому Англійскому Банку („тотъ банкъ для денегъ, а этотъ былъ бы банкъ для хлѣба, для хлѣба, который наша деньга, нашъ капиталъ, голова и сердце нашихъ финансовъ"), для того чтобы отъ этого уподобленія, достаточно грандіознаго, перейти къ другому, еще болѣе грандіозному: „Если угодно, то другими словами предлагаю я, по примѣру германскаго Zollvereiн'а завести по землѣ русской Brodvereiн между землевладѣльцевъ всѣхъ губерній" Повидимому, проектъ *Тимашева* тождествененъ съ тѣмъ анонимнымъ проектомъ, который въ формѣ краткой записки, поданной въ томъ же году самому Николаю I, предлагалъ тоже „учрежденіе хлѣбной кампаніи на акціяхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій и министръ финансовъ. Вронченко, которымъ Императоръ поручилъ разсмотрѣніе записки, высказались о ней отрицательно, и проектъ не состоялся" (см. *Н. Варадиновъ*, l. c., стр. 121—123). Въ томъ же году поступило въ министерство внутреннихъ дѣлъ еще нѣсколько проектовъ „объ установленіи постоянныхъ цѣнъ на хлѣбъ, и объ удержаніи ихъ въ среднемъ размѣрѣ" (*Федосѣева*, *Офросимова* и знаменитый проектъ *Мальцева*, поступившій на разсмотрѣніе Комитета Министровъ). Въ 1845 году штабъ-ротмистръ *Студзинскій* предлагаетъ „учрежденіе кампаніи для уравненія цѣнъ на хлѣбъ» и помѣщикъ Харьковской губерніи *Римскій-Корсаковъ* проектируетъ рядъ мѣръ „для удержанія постоянныхъ цѣнъ на хлѣбъ" (*Н. Варадиновъ*, l. c., стр. 214—215). О позднѣйшихъ проектахъ см. тамъ же.

При обсужденіи этихъ проектовъ, организованномъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, совершенно явственно вскрылась природа того аграрнаго кризиса, который переживала Россія 30—40-хъ гг. Сельско-хозяйственная помѣщичья Россія вопила о низкомъ уровнѣ цѣнъ и объ убійственныхъ колебаніяхъ *), требовала энергичнаго государственнаго вмѣшательства въ процессъ образованія цѣнъ и — въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей—прямого установленія цѣнъ государствомъ. Красной нитью черезъ эти мнѣнія проходитъ также сознаніе, что русское сельское хозяйство не можетъ мириться съ плачевнымъ положеніемъ путей сообщенія **).

Въ то время на сельскохозяйственномъ рынкѣ въ качествѣ производителя господствовалъ помѣщикъ. Какъ въ пореформенной Россіи (по крайней мѣрѣ до событій 1905 и послѣдующихъ годовъ) въ среднемъ только помѣщичья земля даетъ прибавочный продуктъ, такъ въ дореформенной Россіи прибавочный продуктъ давало только помѣщичье хозяйство. Конечно, даже и тогда средній крестьянинъ представлялъ абстракцію: были крестьяне съ

*) Обсужденіе мальцевскихъ проектовъ и самые эти проекты содержатся въ конволютѣ печатныхъ записокъ, изданныхъ въ свое время по распоряженію Имп. Вольн. Экон. Общества и составляющихъ особый переплетъ in 8°, въ каталогѣ библіотеки Общества (Алфавитно-Систематическій Каталогъ Библіотеки Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, 1865 г., стр. 282) носящій названіе „Сводъ мнѣній о среднихъ цѣнахъ хлѣба въ Россіи“ (тоже на корешкѣ). Этотъ сводъ былъ уже использованъ въ любопытномъ и содержательномъ очеркѣ покойнаго *А. Н. Енунова* (*Я. Ст-къ.* Тридцатые—сороковые годы. Эпизодъ изъ исторіи нашего сельскаго хозяйства. Экономическій журналъ 1891 г., № 8—9).

**) См. ниже на стр. 149 предложеніе гр. *Ламберта*.

хлѣбными избытками, были и съ постояннымъ дефицитомъ. Тогда только это раздвоеніе крестьянина на избыточную и дефицитную группу опредѣлялось больше географическими условіями національнаго раздѣленія труда, чѣмъ чисто соціальными условіями расщепленія крестьянской массы на бѣдныхъ и богатыхъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ помѣщичьему крестьянству проявлялъ свое полное дѣйствіе могущественный нивелляторъ: барщина. Барщинное хозяйство было положительно заинтересовано въ равенствѣ среди крестьянъ, потому что оно, прежде всего, нуждалось въ кооперації равносильныхъ хозяйственныхъ единицъ. Съ другой стороны, отнимая, по общему правилу, весь прибавочный продуктъ у крестьянъ, оно въ самомъ корнѣ подрѣзывало возможность образованія капитала, какъ соціальнаго отношенія, между подчиненными барщинному режиму «душами».

Въ 50-хъ гг. извѣстный издатель «Журнала Землевладѣльцевъ» *) *Желтухинъ* вычислилъ, что на покрытіе средняго недостатка въ продовольствіи государственныхъ крестьянъ и на продовольствіе неземледѣльческихъ классовъ нужно слишкомъ 35 мил. четв. помѣщичьяго хлѣба. Еще одна черточка: помѣщикъ, какъ руководитель барщиннаго труда, доминировалъ на внутреннемъ рынкѣ, потому что барщиннымъ трудомъ производилась рожь; пшеница же была въ значительной мѣрѣ хлѣбомъ вольнымъ, производимымъ вольнонаемнымъ трудомъ въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ. Указаніе на роль помѣщичьяго хлѣба на хлѣбномъ рынкѣ

*) „Журналъ Землевладѣльцевъ“ № 24 (1859 г.).

служило у такихъ публицистовъ помѣщичьяго класса, какъ *Желтухинъ*, аргументомъ противъ слишкомъ либеральнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса. Смыслъ этого аргумента былъ таковъ: если вы освободите крестьянъ такъ, что сократятся помѣщичьи запашки, то вы этимъ уменьшите вообще хлѣбное производство страны. Это указаніе было экономически совершенно вѣрно, поскольку крестьянская реформа представлялась, какъ изолированный актъ. Какъ таковой, она несомнѣнно начала бы въ нашей исторіи періодъ натурально-хозяйственной реакціи. Но въ дѣйствительности крестьянская реформа сопровождалась другими важными хозяйственными преобразованіями, означавшими усиленный переходъ страны къ денежному хозяйству.

Отмѣченное выше развитіе помѣщичьяго хозяйства центра уперлось, какъ мы видѣли, въ стѣну низкихъ цѣнъ. Въ общемъ крѣпостное хозяйство, конечно, имѣло дѣло съ «повышающимся», а не «падающимъ» рынкомъ, но повышеніе цѣнъ шло слишкомъ неправильно и слишкомъ медленно сравнительно съ развитіемъ хозяйства. Для интересующаго насъ вопроса объ экономическомъ значеніи свободнаго труда въ дореформенной Россіи изъ указанныхъ фактовъ вытекаютъ важные выводы, дающіе, на нашъ взглядъ, совершенно опредѣленное рѣшеніе этого вопроса. При узости рынка, выражавшейся въ низкихъ цѣнахъ въ годы хорошаго урожая, сельскіе хозяева нуждались въ томъ, чтобы денежныя издержки производства были возможно ниже. Этой потребности хозяйства въ возможно низкихъ денежныхъ издержкахъ про-

изводства соотвѣтствовала натуральная оплата принудительнаго труда. Принудительность труда гарантировала абсолютно низкій уровень вознагражденія за трудъ; натуральная оплата этого труда земельнымъ надѣломъ уменьшала сумму денежныхъ издержекъ производства и, тѣмъ самымъ, уменьшала общую массу продукта, которая должна была быть выброшена на и безъ того переполненный въ годы обильныхъ урожаевъ рынокъ.

Вмѣстѣ съ *Заблоцкимъ-Десятовскимъ* можно признать, что цѣны на русскомъ хлѣбномъ рынкѣ (какъ и вездѣ, впрочемъ) опредѣлялись отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Но, благодаря развитію помѣщичьяго хозяйства, предложеніе хлѣба обогнало спросъ, и при этихъ условіяхъ послѣдній строилъ цѣны, вопреки мнѣнію *Заблоцкаго*, полагавшаго, что, наоборотъ, предложеніе, въ основѣ котораго лежало производство хлѣба крѣпостнымъ трудомъ, само роняло цѣны. Конечно, при узости рынка, крѣпостное барщинное хозяйство, не нуждавшееся въ денежномъ возмѣщеніи одной изъ самыхъ важныхъ статей издержекъ производства — оплаты рабочей силы, могло, не подрывая себя, итти дальше въ уступкахъ спросу, чѣмъ вполнѣ денежное хозяйство. Въ этомъ состояла экономическая сила, а не слабость русскаго дореформеннаго помѣщичьяго хозяйства. При очерченныхъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о большей выгодности вольнонаемнаго труда сравнительно съ принудительнымъ, поскольку дѣло шло о массѣ земледѣльческихъ рабочихъ силъ.

Въ сущности теорія хлѣбныхъ цѣнъ въ крѣпостномъ хозяйствѣ, изложенная *Заблоцкимъ*, если

освободить ее отъ естественноправовыхъ, лишенныхъ научнаго значенія, придатковъ, можетъ быть сведена къ несообразному положенію, что низкія издержки производства неизбѣжно роняютъ цѣну товара ниже своего уровня. Такая теорія не требуетъ критики. Она была плохимъ и слабымъ аргументомъ въ пользу хорошаго и сильнаго дѣла: освобожденія крестьянъ.

XIII.

Почему пало крѣпостное право?

Внутреннее развитіе самаго крѣпостного сельскаго хозяйства, такимъ образомъ, далеко еще не достигло того пункта, на которомъ его интересамъ соотвѣтствовала бы ликвидація хозяйственнаго содержанія крѣпостного права. Съ другой стороны, развитіе крѣпостного хозяйства несомнѣнно уперлось въ аграрный кризисъ, причины котораго лежали въ томъ, что рынокъ отставалъ отъ производства. Мы знаемъ также, что развитіе крѣпостного хозяйства, прогрессъ барщины и ея интенсификація означали повышеніе эксплоатаціи крестьянскаго труда и какъ это вызывало реакцію со стороны крѣпостныхъ крестьянъ.

Такъ, въ эпоху своего высшаго расцвѣта крѣпостное хозяйство въ своихъ нѣдрахъ развивало два крупныя противорѣчія, бросавшія тѣнь на его будущее.

Крѣпостной узелъ, какъ узелъ чисто-правовой, былъ разсѣченъ разомъ законодательнымъ актомъ 19 февраля 1861 года для всѣхъ частей Россіи. Это

не значитъ, что экономическое содержаніе крѣпостнаго права въ этотъ моментъ было тождественно въ различныхъ частяхъ страны.

Въ оброчной Россіи крѣпостного хозяйства, строго говоря, не существовало. Оброкъ съ промыслового крестьянства превратился въ частное обложеніе, въ приватный налогъ съ дохода мелкаго, а подчасъ и крупнаго производителя. Его хозяйственная роль и еще болѣе хозяйственная роль помѣщичьей власти вообще была здѣсь исключительно отрицательной. Власть эта эксплоатировалась, какъ право, лишенное всякаго экономическаго содержанія и оправданія.

Иначе дѣло обстояло въ барщинной Россіи. Барщина ложилась на крестьянскую личность большимъ гнетомъ, чѣмъ оброкъ, но это отрицательное культурное значеніе барщины не должно скрывать отъ насъ того ея положительнаго экономическаго значенія, что барщинное хозяйство въ моментъ своей ликвидаціи было наиболѣе производительной организаціей земледѣльческаго труда и объективно, и въ особенности съ точки зрѣнія получателей прибавочной цѣнности. Владѣніе крещеной собственностью могло тяготить русскихъ помѣщиковъ только въ перенаселенныхъ мѣстностяхъ, въ т. н. малоземельныхъ имѣніяхъ. Но мы не имѣемъ указаній на то, что бы помѣщики этихъ мѣстностей дѣйствительно настолько тяготились своими крестьянами, что бы стремиться отъ нихъ избавиться. Иначе мы видѣли бы массовый отпускъ крестьянъ на волю. Его однако не происходило. Помѣщики въ малоземельныхъ, но плодородныхъ мѣстностяхъ переходили съ барщины на оброкъ, переселяли крестьянъ на купленныя

земли, оставляли извѣстное число работниковъ за тягломъ, наконецъ—переводили ихъ въ дворовые, т. е. сажали на мѣсячину, но нигдѣ мы не видимъ у нихъ сознательнаго стремленія совсѣмъ избавиться отъ владѣнія крѣпостными, хотя послѣднее было связано съ реальной обязанностью содержать крестьянъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе—по тѣмъ или другимъ уважительнымъ причинамъ—не могли сами прокормить себя.

Такимъ образомъ,—въ области оброка органическое развитіе производительныхъ силъ превращало оброкъ въ повинность, все замѣтнѣе и замѣтнѣе ложившуюся на крестьянскую личность и не имѣвшую никакой связи съ процессомъ производства. Полученіе оброка было пріятной привилегіей, въ отмѣнѣ которой помѣщики вовсе не были заинтересованы. Помѣщики, эксплоатировавшіе крестьянъ въ формѣ барщины, тоже не были заинтересованы въ отмѣнѣ крѣпостного права; въ области барщиннаго хозяйства къ тому же крѣпостное право было еще тѣсно связано съ процессомъ производства, обезпечивая наиболѣе выгодную его организацію.

Итакъ, мы приходимъ вотъ къ какому выводу, пока еще только отрицательному:

Крѣпостное право было отмѣнено, вопреки интересамъ помѣщичьяго класса. Противное мнѣніе я считаю абсолютно не имѣющимъ никакой опоры въ фактахъ и потому не выдерживающимъ критики.

Но чѣмъ же, скажутъ мнѣ, если не интересами господствующаго класса, можно объяснить такую крупную реформу?

Развитіемъ гуманныхъ идей?

Почему однако эти идеи возымѣли, наконецъ, силу во второй половинѣ 50-хъ гг.? Этотъ фактъ самъ еще подлежитъ объясненію.

Урокомъ, даннымъ Севастопольскимъ пораженіемъ?

Я отнюдь не склоненъ отрицать огромное значеніе этого спасительнаго урока. Но онъ былъ, въ концѣ концовъ, исторической случайностью, которой въ извѣстномъ смыслѣ могло не быть, т. е. причина тутъ привзошла извнѣ. Достаточно спросить себя: неужели, если бы не было Севастопольской кампаніи, русскіе крестьяне не были освобождены въ 60-хъ годахъ? — чтобы устранить этотъ фактъ въ качествѣ основной причины.

Если мнѣ скажутъ, что Крымская война вовсе не была случайнымъ явленіемъ, что она и ея исходъ были вызваны совершенно опредѣленнымъ ходомъ внутренняго развитія нашей страны, то я отвѣчу: хорошо, займемся разсмотрѣніемъ этого внутренняго и, прежде всего, экономическаго развитія страны. Нельзя ли найти въ немъ объясненія факту паденія крѣпостного строя?

Прежде чѣмъ перейти къ выясненію того внутренняго механизма причинъ, который съ необходимостью поставилъ передъ государствомъ задачу общаго и единовременнаго освобожденія крестьянъ, я разберу два вопроса.

Совершенно ясно, что освобожденіе не только было въ интересахъ самаго крестьянства, но и вполнѣ соотвѣтствовало его желаніямъ.

Не слѣдуетъ ли, поэтому, сознательнымъ и стихійнымъ стремленіямъ самихъ крестьянъ къ свс-

бодѣ, крестьянскимъ движеніямъ и волненіямъ приписать честь освобожденія? Несомнѣнно то, что этотъ мотивъ игралъ извѣстную роль въ рѣшеніяхъ правительства, но факты не даютъ намъ право непосредственно ему приписывать освобожденіе. Было бы смѣхотворнымъ преувеличеніемъ приписывать послѣднее, главнымъ образомъ, самому крестьянству и его борьбѣ съ крѣпостнымъ правомъ. Этотъ фактъ имѣлъ значеніе скорѣе угрозы, чѣмъ реально наступившей опасности.

Прежде, чѣмъ перейти къ положительному значенію моего отрицательнаго вывода, я отведу два возможныхъ возраженія. Одно изъ нихъ есть знаменитое указаніе на «мертвящую силу» крѣпостного состоянія *).

Дѣло идетъ о той, констатируемой сравненіемъ 8-й (1833—1836) и 10-й (1857—1860) ревизій, убыли, которая произошла въ крѣпостномъ населеніи въ періодъ между тридцатыми и пятидесятыми годами прошлаго столѣтія.

Я тѣмъ болѣе чувствую потребность отвести возраженіе, заключающееся въ констатированіи этого факта; что я самъ, насколько мнѣ извѣстно,

---

*) Сочиненія *Ю. Ѳ. Самарина*, т. II стр. 13. Между разными документами и бумагами, собранными имъ по крѣпостному праву и озаглавленными „Матеріалы для исторіи мертвящей силы", находится слѣдующая замѣтка: „По свѣдѣніямъ Трубникова, въ удѣльныхъ имѣніяхъ Ардатовскаго уѣзда отъ предпослѣдней ревизіи до послѣдней, народонаселеніе возросло до 15%, въ помѣщичьихъ уменьшилось. Прибыль смертности въ послѣднихъ особенно между дѣтьми. Имѣнія не дробятся, а напротивъ совокупляются, хотя медленно, и число мелкопомѣстныхъ уменьшается; есть, впрочемъ, имѣнія, гдѣ крестьяне имѣютъ менѣе 4 аршинъ на душу—мѣсячники».

въ новѣйшей литературѣ первый подчеркнулъ его значеніе для экономическаго объясненія паденія крѣпостного строя. Теперь я лично своего прежняго взгляда въ полномъ его объемѣ поддерживать не могу. Само крѣпостное хозяйство и крѣпостное право слишкомъ, какъ я убѣдился, сложная совокупность экономическихъ отношеній, чтобы слабое увеличеніе населенія можно было бы приписать просто факту крестьянской несвободы. Необходимо расчленить явленіе, попытки къ чему я уже сдѣлалъ и въ «Критическихъ замѣткахъ» (стр. 184—194). Дѣйствительно, нѣкоторыя части Россіи и, въ частности, помѣщичьей территоріи были перенаселены. Но въ такомъ случаѣ слабый приростъ населенія въ нихъ вытекалъ именно изъ этой перенаселенности, которая непосредственно могла вліять на смертность и рождаемость, повышая смертность, понижая рождаемость. Помѣщичья же власть или крѣпостное право могло непосредственно понижающее вліяніе оказывать лишь на брачность. Намъ однако неизвѣстны факты, которые указывали бы на то, что помѣщики крѣпостной Россіи боролись противъ неосмотрительныхъ браковъ въ своихъ интересахъ. Они оказывали давленіе на брачность лишь постольку, поскольку имъ было невыгодно путемъ браковъ своихъ крестьянъ со сторонними терять рабочую силу *), и поэтому принуждали своихъ

*) „Въ чужія села и деревни никогда не отдавать дѣвокъ въ замужество“. *Карповичъ*. Хозяйственные опыты тридцатилѣтней практики или наставленіе для управленія имѣніями. Санктпетербургъ 1837 года, стр. 275.

крестьянъ заключать браки между собой *). Но это къ перенаселеннымъ мѣстностямъ не относится, потому что тамъ женской рабочей силой нечего было дорожить, а, наоборотъ, выгодно было избавиться отъ лишнихъ женскихъ ѣдоковъ.

Словомъ, если и было перенаселеніе въ земледѣльческой крѣпостной Россіи, если оно и задерживало дальнѣйшій ростъ населенія, понижая брачность и рождаемость и повышая смертность, то эти факты не стояли въ связи съ фактомъ крѣпостного права и вытекающимъ изъ него объемомъ помѣщичьей власти, а опредѣлялись факторомъ еще болѣе объективнаго и основного характера: объективнымъ недостаткомъ—при данномъ распредѣленіи землевладѣнія и данной сельско-хозяйственной техникѣ—пищевой площади. Несомнѣнно, что дѣйствіе этого объективнаго условія на помѣщичьихъ крестьянъ должно было быть особенно сильно, потому что помѣщичье крестьянство было малоземельнѣе государственнаго, ибо

*) Помѣщики были прямо заинтересованы въ увеличеніи своего крѣпостного населенія. „Вообще всѣ сельскія заведенія приносятъ значительный доходъ владѣльцу, но внимательность къ умноженію и сбереженію людей, всего необходимѣе какъ по цѣнѣ, такъ и по воспитанію оныхъ, не стоющему ни одной копѣйки помѣщику, ибо кому бы не пріятно было, имѣя за собой по 7-й ревизіи 500 душъ, по 8-й же, чтобы было ихъ на лицо въ числѣ 750-ти? Я знаю, что во многихъ имѣніяхъ почти за половину прибавилось, а въ другихъ составилось и безъ малаго вдвое". *Александръ Путята.* Опытный помѣщикъ, или вѣрнѣйшій руководитель гг. владѣльцевъ къ увеличенію доходовъ съ недвижимыхъ имѣній въ 3 и 4 раза болѣе обыкновенныхъ, нынѣ получаемыхъ и тѣмъ самымъ къ предохраненію заложенныхъ имѣній отъ публичной продажи. Санктпетербургъ. 1836, стр. 208—209.

переселенія послѣднихъ были сопряжены съ меньшими препятствіями, чѣмъ помѣщичья колонизація, всегда соединенная съ рискомъ и расходами для помѣщика, а потому и не столь легко осуществимая.

Но указанный факторъ коренился не въ крѣпостномъ правѣ и не въ крѣпостномъ хозяйствѣ, а въ распредѣленіи землевладѣнія, которое въ общихъ чертахъ сохранилось и до сихъ поръ, и въ объективныхъ условіяхъ производства, не зависѣвшихъ отъ классовыхъ отношеній. Словомъ, даже если будетъ доказано, что убыль крѣпостного населенія объясняется не только перечисленіями изъ его состава въ другія состоянія, но и болѣе слабымъ естественнымъ приростомъ населенія, то связь этого слабаго прироста именно съ крѣпостнымъ правомъ и крѣпостнымъ хозяйствомъ для сколько-нибудь обширной территоріи остается, на мой взглядъ, не только не доказанной, но и по существу весьма проблематичной.

Я считаю нужнымъ указать еще на одинъ моментъ, который въ данномъ вопросѣ не долженъ быть упущенъ изъ виду. Процентъ крѣпостного населенія былъ очень великъ именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя и тогда считались малоземельными и перенаселенными, а также въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ были широко распространены отхожіе промыслы. И перенаселенность и отхожіе промыслы не могли не понижать процентнаго отношенія крѣпостного населенія ко всему населенію. Паденіе крѣпостного процента, которое такъ изумляло аболиціонистовъ 50-хъ и 60-хъ годовъ, было, такимъ образомъ, соціальной необходимостью, но соціальной необходимостью, не стоявшей ни въ какой связи съ крѣпостнымъ строемъ, какъ таковымъ.

Вотъ общія основанія, по которымъ я полагаю, что то освѣщеніе, которое аболиціонисты 50-хъ и 60-хъ гг. давали факту убыли крѣпостного населенія и его слабому относительно естественному приросту, съ научной точки зрѣнія не выдерживаетъ критики. Опять таки тутъ передъ нами плохой аргументъ въ защиту хорошаго дѣла..

Еще одно возраженіе, которое необходимо отвести.

Существуетъ мнѣніе, что къ моменту освобожденія земельное дворянство, по уши въ долгахъ, вплотную подошло къ разоренію. Въ подтвержденіе этого мнѣнія ссылаются на тотъ фактъ, что въ 1859 году въ залогѣ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ состояло 39,5% всѣхъ имѣній и 65,5% всего крѣпостного населенія. Но этотъ фактъ самъ по себѣ ничего не говоритъ. Задолженность только тогда становится тяжелой гирей для землевладѣльцевъ, когда она сочетается съ невыгодной конъюнктурой, съ неблагопріятнымъ движеніемъ доходности. Такой характеръ имѣла, напр., задолженность дворянскаго землевладѣнія послѣдней четверти XIX вѣка, но такого характера не имѣла задолженность дореформенная.

Въ крѣпостной Россіи дѣло обстояло наоборотъ: цѣны и доходы въ общемъ повышались, и частью самая задолженность свидѣтельствовала о цвѣтущемъ состояніи хозяйства, поскольку долги дѣлались на покупку земли, приносившей доходъ и повышавшейся въ цѣнѣ, или на улучшеніе хозяйства. Во всякомъ случаѣ средняя доходность разумно управляемыхъ населенныхъ имѣній—поскольку мы можемъ судить по разбросаннымъ въ литературѣ

указаніямъ—значительно превышала платежи по банковскимъ долгамъ *).

*) Приведу весьмалюбопытное указаніе „Пензенскаго Земледѣльца“:

„У насъ, напротивъ, тѣ только хозяева на старости лѣтъ своихъ сдѣлались богатыми, которые покупали имѣнія въ средней или южной (разрядка автора. *П. С.*) полосахъ, съ большими количествами земель, войдя съ молоду по уши въ долги, не тратили большихъ денегъ на водвореніе въ этихъ имѣніяхъ дорого-стоящихъ улучшеній и заведеній, и вели хозяйство спроста. Я могу насчитать множество изъ нашихъ теперь богатыхъ—сыновей тѣхъ отцовъ, которые, накупивъ въ долгъ имѣній и платя по тогдашнему обычаю не менѣе 12% на занятыя деньги, во всю жизнь свою, какъ говорится, были въ неоплатныхъ долгахъ. Отъ чего же совершился этотъ переворотъ? Отъ стремительно возвышающихся у насъ цѣнъ на земли въ средней и южной (разрядка автора *П. С.*) полосахъ, которыя, въ свою очередь, возвысились отъ увеличившагося требованія на земныя произведенія на сѣверѣ и на югѣ: въ первой, отъ приращенія народонаселенія на сѣверѣ и преимущественно въ Петербургѣ, а на югѣ—отъ требованія иноземнаго. Конечно, много способствовалъ уменьшенію долговъ упадокъ ассигнацій; но и безъ него землямъ должно было подняться въ цѣнѣ, какъ подлинно онѣ и поднялись, особенно въ послѣднія 16, 20 лѣтъ, по случаю возвысившихся цѣнъ на хлѣбъ отъ неурожаевъ. Вотъ почему большая часть помѣщиковъ у насъ въ долгахъ, ни мало для провинціальныхъ (разрядка автора. *П. С.*) помѣщиковъ не обременительныхъ, потому что долги эти сдѣланы не для удовлетворенія роскоши, но на покупку имѣній и въ этомъ случаѣ надо отдать нашимъ помѣщикамъ справедливость: гораздо прежде, нежели о кредитѣ начали говорить и писать въ Европѣ, они ясно предвидѣли, что долгъ, сдѣланный на полезное предпріятіе, (разрядка автора. *П. С.*) не отягощая настоящаго времени, обращается впослѣдствіи въ денежное богатство и благосостояніе. Тутъ, кстати, сказать, мы видимъ отпечатокъ того инстинктивнаго чувства, которое направляетъ людей массами, по неизреченной благости Провидѣнія, къ пользѣ общей и выгодамъ частнымъ, безъ изученія системъ и теоріи, которыя, въ свою очередь, по большей части только путаютъ дѣло, потому что ни обнять, ни описать сложнаго хозяйственнаго предмета, со всѣми его отношеніями и измѣненіями, большею частью никакія системы и теоріи вполнѣ не могутъ“. *И. Сабуровъ*, „Записки Пензенскаго земледѣльца“. Отечеств. Записки 1842, т. XXIII, стр. 27—28.

Но помѣщичье хозяйство черноземнаго центра дѣйствительно, какъ мы уже указывали и подчеркивали, переживало своеобразный кризисъ, и этотъ кризисъ создалъ условія, которыя—независимо отъ всѣхъ другихъ факторовъ общественной и государственной жизни—должны были привести къ ликвидаціи крѣпостного строя.

Крѣпостное хозяйство этого района довольно широко развило свои производительныя силы, ставъ на почву товарнаго производства, и въ то же время въ его распоряженіи былъ слишкомъ узкій и, что всего важнѣе, неустойчивый въ своихъ требованіяхъ и неорганизованный рынокъ.

Единственнымъ нефантастическимъ выходомъ изъ этого положенія было улучшеніе путей сообщенія. На эту первостепенную нужду сельскаго хозяйства въ 30-хъ и 40-хъ гг. указывали, какъ сами сельскіе хозяева *), такъ и опекунъ россійскаго земледѣлія, Министръ Государственныхъ Имуществъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1846 годъ. Графъ *Киселевъ* писалъ тутъ:

«Сельское наше хозяйство далеко еще отъ того состоянія, въ которомъ оно должно быть въ Россіи, какъ государствѣ исключительно земледѣльческомъ; но нельзя сказать, чтобы оно не имѣло никакого движенія; конечно, успѣхи по сей части не могутъ быть измѣряемы краткимъ промежуткомъ времени, но они очевидны...

«При всемъ томъ должно замѣтить, что полный успѣхъ раціональнаго улучшенія нашего земледѣлія тогда только можетъ быть обезпеченъ, когда

*) См. предложеніе *гр. Ламберта* въ примѣчаніи къ стр. 149.

трудъ и употребляемый для сего капиталъ будутъ находить достаточное вознагражденіе. Доселѣ сельскіе наши хозяева не получали этого вознагражденія, жалуясь на недостатокъ требованій и невыгодность цѣнъ.

«Въ 1846 году представились и требованія и хорошія цѣны въ портахъ: но они мало имѣли вліянія на выгодный сбытъ хлѣба въ губерніяхъ, удаленныхъ отъ портовъ, по причинѣ огромныхъ разстояній, препятствующихъ скорой и дешевой доставкѣ.

«Посему предпринятыя, по Высочайшей волѣ Вашего Величества, сооруженія новыхъ путей въ настоящемъ нашемъ положеніи составляютъ предметъ величайшей важности и всякое пожертвованіе на это сооруженіе оправдывается святостью самой цѣли: возвысить матеріальное благосостояніе государства, ввѣреннаго Провидѣніемъ Вашему, Всемилостивѣйшій Государь, попеченію» *).

Такимъ образомъ, развитіе крѣпостного товарнаго хозяйства въ земледѣльческомъ центрѣ Россіи само поставило на очередь вопросъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Можно сказать, что если бы желѣзныя дороги не были уже выдуманы въ Англіи, ихъ нужно было бы изобрѣсти въ Россіи 40-хъ годовъ XIX вѣка подъ давленіемъ экономической необходимости **).

---

*) Извлеченіе изъ отчета Министра Государственныхъ Имуществъ за 1846 годъ. Санктпетербургъ 1847, стр. 107—108.

**) Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерно слѣдующее предложеніе, сдѣланное графомъ *Ламбертомъ* въ его отзывѣ Вольному Экономическому Обществу на *Мальцовскіе* проекты (см. „Сводъ мнѣній о среднихъ цѣнахъ хлѣба". Мнѣніе гр. Ламберта):

„Недостаточность нашихъ путей сообщенія представляетъ важ-

Сознаніе необходимости улучшенія путей сообщенія краснорѣчиво въ 1852 году выразилъ *Тенгоборскій* въ слѣдующихъ словахъ: tout ce que nous avons dit sur ce sujet nous confirme dans la persuasion que le sort à venir et les progrés de notre agriculture, en tant qu'ils sont dans l'ordre des choses possibles, dépendent essentiellement et avant tout de l'extension et du perfectionnement de nos voies de communication. A côté de ce grand levier de la richesse nationale, toutes les autres circonstances qui peuvent influer, dans une certaine mesure, sur le bien-être de nos cultivateurs, ne sont

---

ное препятствіе свободному движенію, которое уже одно могло бы часто предупреждать слишкомъ большія измѣненія въ цѣнахъ на хлѣбъ... Ежели бы наши способы сообщенія были лучше устроены, ежели бы они влекли за собою меньшія издержки провоза, то губерніямъ, угрожаемымъ неурожаемъ, было бы оказываемо гораздо легче пособіе, и тогда цѣны на хлѣбъ не представляли бы никогда столь разительныхъ крайностей. Что касается до необходимости улучшенія нашихъ путей сообщенія, то она слишкомъ живо ощущаема, и нѣтъ надобности останавливаться на этомъ предметѣ, который, какъ намъ доказываетъ множество полезныхъ предпріятій, обратилъ уже на себя все попеченіе правительства. Отъ недостатка въ хорошихъ дорогахъ лошадь, запряженная въ телѣгу, можетъ везти грузъ, чрезвычайно малый, и потому перевозка тягостей обходится очень дорого. Зимою, въ это столь благопріятствующее въ Россіи время года, въ губерніяхъ, въ которыхъ перевозки производятся преимущественно на волахъ, онѣ не могутъ предприниматься на большихъ разстояніяхъ, по затруднительности находить въ пути потребное количество корма. Я не осмѣливаюсь изложить здѣсь мое мнѣніе на счетъ улучшенія нашихъ путей сообщенія. Надобно превозмочь многія затрудненія, чтобъ достигнуть устройства хорошихъ шоссе тамъ, гдѣ они для насъ наиболѣе нужны. Нельзя ли было бы, гдѣ нѣтъ камня, какой нуженъ для хорощаго шоссе, замѣнить этотъ недостатокъ желѣзными дорогами, по которымъ повозки возились бы лошадьми, а въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ, замѣнять даже желѣзные рельсы деревянными"?

à nos yeux que d'une importance plus ou moins secondaire *).

Развитіе крѣпостного хозяйства въ центрѣ Россіи приводило его, такимъ образомъ, къ слѣдующему противорѣчію: съ одной стороны, это развитіе означало прогрессъ барщиннаго режима, съ другой—оно создавало потребность въ такомъ преобразованіи путей сообщенія, т. е. условій сбыта, которое не могло бы мириться не только съ крѣпостнымъ правомъ въ его полномъ объемѣ, но и съ какими бы то ни было промежуточными формами крестьянской зависимости.

Проведеніе желѣзныхъ дорогъ само по себѣ заключало въ себѣ переворотъ большей экономической важности, чѣмъ простое провозглашеніе крестьянской свободы. Оно въ огромной степени содѣйствовало водворенію денежнаго хозяйства, и на огромномъ пространствѣ революціонировало условія рынка. Всякій здравомыслящій человѣкъ долженъ былъ видѣть, что строить въ странѣ сѣть желѣзныхъ дорогъ и поддерживать въ ней крѣпостное хозяйство было невозможно. Между тѣмъ постройка желѣзныхъ дорогъ была—какъ я пытался показать выше—настоятельной потребностью самого сельскаго и, прежде всего, самого помѣщичьяго хозяйства. Нѣтъ ничего неисторичнѣе того взгляда, который не видитъ органической экономической связи между желѣзнодорожнымъ строительствомъ въ царствованіе Александра II и предшествующимъ развитіемъ нашего народнаго и, въ частности, сельскаго хозяйства.

*) *Tegoborski.* Etudes sur les forces productives de la Russie, t. I. Paris 1852, p. 404.

Таковъ хозяйственный фундаментъ крестьянской реформы. Совершенно не нужно представлять себѣ дѣло такъ, что необходимость въ улучшенномъ транспортѣ, и только она, служила сознательнымъ мотивомъ крестьянской реформы. Я хочу только сказать, что развитіе самого народнаго хозяйства создало такое положеніе, изъ котораго не было выхода внѣ ликвидаціи крѣпостного режима. Логика самой экономической эволюціи барщинно-крѣпостного центра Россіи въ 40-хъ и 50-хъ гг. сама собой, безъ потрясенія крымской кампаніи, безъ гуманныхъ идей и помимо соображеній чисто «государственныхъ», поставила бы передъ государствомъ эту задачу. И замѣчательное противорѣчіе: крѣпостное хозяйство, приближаясь къ ликвидаціи лежавшихъ въ его основѣ принудительныхъ отношеній, въ то же время и опять таки въ силу внутренней логики своего развитія, все время крѣпче и крѣпче затягивало узелъ барщинной эксплоатаціи. Такимъ образомъ, въ одно и то же время оно и удалялось отъ освобожденія и приближалось къ нему. Первая тенденція—удаленія—съ поразительной ясностью схвачена и обрисована въ цитированной мною раньше запискѣ *Самарина*, вторая тенденція—приближенія — плохо сознавалась въ Николаевскую эпоху, да и въ позднѣйшее время она скорѣе чувствовалась, чѣмъ сознавалась.

Обѣ тенденціи представляли собой двѣ стороны одного и того же явленія. И, если мы вдумаемся въ ходъ развитія крѣпостного строя въ Россіи, то мы усмотримъ въ немъ слѣдующее своеобразіе русскаго развитія.

Попытаемся на минуту расчленить понятіе крѣ-

постного права, какъ право на всю личность крестьянина, и понятіе крѣпостного права, какъ права на обязательный земледѣльческой трудъ. Крѣпостное право въ первомъ смыслѣ могло быть отмѣнено и полвѣка раньше, оно изжило себя уже и тогда. Оно удержалось такъ долго, потому что оно исторически сплелось и переплелось съ живучимъ элементомъ, съ крѣпостнымъ хозяйствомъ, котораго «отмѣнить» до 1861 г. не могла и самая благожелательная государственная власть.

Уцѣлѣвъ до 1861 г., крѣпостное право—въ силу всей экономической обстановки момента—увлекло за собой и основной элементъ крѣпостного хозяйства—обязательный трудъ. Но если бы крѣпостное право въ очерченномъ выше смыслѣ было отмѣнено раньше, это не могло бы не отразиться и на судьбахъ самого крѣпостного хозяйства. Тогда,—какъ въ нашей литературѣ было уже по крайней мѣрѣ въ видѣ намека указано г. *Милюковымъ*—извѣстная часть крестьянъ, не только дворовые, была бы обезземелена еще до ликвидаціи обязательнаго труда. Тенденція къ обезземеленію излишнихъ рабочихъ силъ была несомнѣнно въ значительной формѣ присуща барщинно-крѣпостному хозяйству центральной Россіи. Она несомнѣнно проявилась бы еще сильнѣе, если бы крѣпостныя отношенія были регулированы, если бы неограниченная власть помѣщика надъ крестьянской личностью отпала, и эти отношенія свелись исключительно къ обязательному земледѣльческому труду за пользованіе землей.

Какъ бы то ни было, въ 1861 году крѣпостное право въ своемъ паденіи не могло не увлечь за собой и обязательнаго крестьянскаго труда.

Но не даромъ барщинно-крѣпостное хозяйство было «ликвидировано» въ моментъ своего расцвѣта. Оно было въ силу этого, ликвидировано въ значительной мѣрѣ только на бумагѣ. Новѣйшее помѣщичье хозяйство на крестьянскомъ инвентарѣ есть дореформенное крѣпостное хозяйство безъ обязательнаго труда. Настоящая «лебединая пѣснь стараго процесса производства» оказалась вовсе не лебединой, какъ о ней поэтически выразился авторъ «Очерковъ нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства»: она пѣлась, да и поется до сихъ поръ на всемъ пространствѣ нашего черноземнаго центра. Пореформенный аграрный строй черноземнаго центра, представляя собой крайне цѣпкое переживаніе крѣпостного хозяйства, можетъ быть выведенъ изъ послѣдняго со всѣми своими отсталыми экономическими и общественными формами. Этотъ строй—живое и выразительное доказательство моей мысли, что крѣпостное хозяйство въ моментъ ликвидаціи обязательнаго труда находилось еще въ своемъ полномъ расцвѣтѣ.

Итакъ, я полагаю, что крѣпостное хозяйство, какъ таковое, экономически не созрѣло къ своей отмѣнѣ въ 1861 году. Значитъ ли это, что «почеркъ пера», отмѣнившій крѣпостное право, пришелъ слишкомъ рано?

Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ. Анализъ крѣпостного строя открываетъ передъ нами слѣдующій замѣчательный фактъ: въ то время, какъ крѣпостное хозяйство проявляло еще полную живучесть, значительныя части крѣпостного правопорядка окончательно обветшали и грозили рушиться. Нельзя забывать, что русское крѣпостное право бы-

ло—какъ указывалъ еще съ полной ясностью академикъ *Шторхъ* и какъ постоянно подчеркивали иностранные наблюдатели—настоящее рабство или, во всякомъ случаѣ, было гораздо ближе къ настоящему рабству, чѣмъ западно-европейское наслѣдственное подданство. Оно, какъ говорилъ по французски Шторхъ, представляло esclavage, а не servage. Рабскіе элементы крѣпостного правопорядка давно изжили свой вѣкъ, и, если почеркъ пера уничтожилъ ихъ только въ 1861 году, то только потому, что исторія тѣсно сплела и переплела ихъ съ живучими элементами крѣпостного хозяйства.

Но почеркъ пера и по отношенію къ самому крѣпостному хозяйству пришелъ не слишкомъ рано. Внутреннія соціальныя отношенія въ самомъ земледѣліи не подготовили отмѣны несвободнаго труда, но это не значитъ, чтобы ликвидація крѣпостного хозяйства не была экономической необходимостью. Въ человѣческихъ дѣлахъ есть не только необходимость прошлаго и настоящаго, но и необходимость будущаго. Экономическое будущее въ 50-хъ и 60-хъ гг. бросало свою исполинскую тѣнь на крѣпостное хозяйство и дѣлало его, несмотря на его полный расцвѣтъ—несостоятельнымъ. На Россію надвинулась западно-европейская техника во всѣхъ ея формахъ: въ формѣ техники промышленной и, въ особенности, въ формѣ техники транспортной и милитарной. Россія, прорѣзанная и перерѣзанная желѣзными дорогами, проведеніе которыхъ означало цѣлую революцію и въ экономическихъ условіяхъ, не могла бы вынести узъ несвободнаго труда. Реформа 19 февраля по своему экономическому смыслу и содержанію, такимъ образомъ, не

столько подвела итоги прошлаго и настоящаго, сколько учла будущее, правда, будущее очень близкое, отъ котораго нельзя было уйти ни въ какую дверь.

Выводъ, къ которому я пришелъ, гласитъ: не внутреннее развитіе самого крѣпостного хозяйства привело къ его ликвидаціи.

Если этотъ выводъ вѣренъ, онъ можетъ служить ключемъ къ объясненію всего нашего пореформеннаго аграрнаго строя.

Тѣ, кто въ 1861 году полагали, что экономически Россія совлекла съ себя ветхаго Адама крѣпостного хозяйства, въ значительной мѣрѣ ошиблись. Дѣло въ томъ, что Адамъ былъ вовсе не ветхимъ; онъ потерпѣлъ сильное пораженіе, но оказался весьма живучимъ. Отсюда—тотъ фактъ, что вся аграрная экономика пореформенной Россіи носитъ на себѣ черты крѣпостного хозяйства. Что такое помѣщичье хозяйство съ крестьянскимъ инвентаремъ, что такое всѣ эти формы крестьянской аренды: за отработки, за отрѣзки, да и за чистыя деньги, которыя не доставляютъ арендатору ни атома прибыли и вторгаются въ область минимальной заработной платы, что это, какъ не наслѣдіе крѣпостного хозяйства? Насъ увѣряютъ съ разныхъ сторонъ, что это капитализмъ. Но мы чуемъ тутъ крѣпостной духъ и убѣждаемся, что это все тотъ же Адамъ, котораго нѣкоторые мнили ветхимъ и который—увы!—оказался достаточно живучимъ.

Многимъ, быть можетъ еще памятна полемика, которую вели *Г. Кнаппъ* и *Н. А. Каблуковъ*; послѣдній указывалъ, что освобожденіе крестьянъ въ Россіи тѣмъ отличается въ свою пользу отъ прусскаго и вообще западно-европейскаго, что оно

не создало класса безземельныхъ сельскихъ рабочихъ. Я не буду давать здѣсь оцѣнки этой стороны русскаго освобожденія съ точки зрѣнія моихъ собственныхъ идеаловъ экономической политики. Для меня важно тутъ лишь констатировать тотъ фактъ, что русская реформа *не могла* создать класса безземельныхъ рабочихъ, потому что само *крѣпостное хозяйство не успѣло еще создать этого класса.*

Реформа—какъ прямо съ блестящимъ для иностранца пониманіемъ дѣла указалъ *Кнаппъ* — возложила бремя созданія этого класса на стихійную экономическую эволюцію послѣ реформы.

Такимъ образомъ, и тѣ черты реформы, которыя справедливо или нѣтъ, принято считать ея преимуществами, всецѣло объясняются той ступенью развитія, на которой реформа застала крѣпостное хозяйство.

Мимоходомъ замѣчу, что эта точка зрѣнія можетъ быть на мой взглядъ всецѣло приложена и къ крѣпостному правопорядку, который къ сожалѣнію во многихъ своихъ частяхъ оказался тоже очень живучимъ Адамомъ. Я хотѣлъ бы здѣсь еще разъ подчеркнуть одну мысль, которая представляется мнѣ исторически и соціологически существенной. Я указалъ на различную соціальную судьбу земледѣлія и промышленности въ Россіи. Въ первой чисто экономическое превосходство оказывалось на сторонѣ несвободнаго, во второй—на сторонѣ свободнаго труда. Таковъ—соціологическій выводъ. А практическое слѣдствіе изъ этого вывода то, что промысловому труду, въ нѣдрахъ котораго, хотя онъ и моложе земледѣльческаго, на Руси зародилась свободная народная личность, принадлежитъ

извѣстное право на общественное п е р в о р о д с т в о. Но всегда изъ права вытекали и вытекаютъ общественныя обязанности и общественныя задачи. Промысловая Россія уже сыграла въ развитіи русской культуры и общественности крупную роль. Однако, культурно-общественное призваніе ея еще не только не завершено, но въ большей своей части еще не сознано и не выполнено.

Будущее, впрочемъ, не подлежитъ тому историческому разсмотрѣнію, которымъ мы здѣсь сознательно ограничиваемся.

IX.

Нѣсколько заключительныхъ замѣчаній.

Намъ хотѣлось бы еще разъ подчеркнуть нѣкоторые существенные выводы, которые вытекаютъ изъ нашего изложенія.

Представленіе, согласно которому русское крѣпостное хозяйство по своему существу рѣзко отличается отъ типичнаго западно-европейскаго крѣпостного хозяйства, отъ восточно-германской Gutsherrschaft, оказывается невѣрнымъ.

Кнапповская формула: «Der Ritter wird Landwirt» (дворянинъ становится сельскимъ хозяиномъ) объемлетъ собою и развитіе русскаго сельскаго хозяйства. Развитіе это характеризуется возрастаніемъ общей массы сельскохозяйственнаго продукта и параллельнымъ увеличеніемъ продукта прибавочнаго, составляющаго нетрудовой доходъ; другими словами: производственный прогрессъ сопровождается повышеніемъ степени эксплоатаціи труда.

Съ другой стороны, наше изложеніе указываетъ

на историческую преемственную связь между русскимъ дореформеннымъ и пореформеннымъ хозяйствомъ. Крѣпостное помѣщичье хозяйство было денежно-хозяйственнымъ клиномъ, глубоко вбитымъ въ натурально-хозяйственное тѣло страны. «Производство хлѣба на продажу» вовсе не было чѣмъ-то противорѣчившимъ существу крѣпостного хозяйства, какъ думаетъ одинъ выдающійся изслѣдователь нашей новѣйшей экономической эволюціи *), а, наоборотъ, составляло его движущій мотивъ и опредѣляющую цѣль. Получивъ въ 1861 г. тяжелый ударъ извнѣ, крѣпостное хозяйство всей послѣдующей аграрной эволюціей нашей страны, къ сожалѣнію, блистательно доказало свою живучесть. Этого не было бы, если бы оно пало въ силу своего внутренняго «разложенія».

Какъ бы то ни было, но, какъ денежно-хозяйственная организація, оно непосредственно примыкаетъ къ экономическому строю пореформенной эпохи. Факты показываютъ, что тутъ не было того экономическаго разрыва, который предполагался большинствомъ нашихъ изслѣдователей пореформеннаго хозяйства. Это еще лишній разъ доказываетъ, какъ необходимо научное изученіе историческихъ прецедентовъ нашего пореформеннаго хозяйства.

---

*) *Владиміръ Ильинъ.* Развитіе капитализма въ Россіи. Процессъ образованія внутренняго рынка для крупной промышленности. Спб. 1899, стр. 128—130.

Подворныя описи крестьянъ съ указаніемъ рода и размѣра повинностей.

[1785 годъ] (край таблицы обрѣзанъ)

Названіе деревни и двора	Муж.	Жен.	Повинности
[illegible]			[illegible] куницу.
[illegible]			[illegible] куницу.
[illegible]		1	Платить 5 р. 50 к.
[illegible]		1	Платить 5 р. 50 к.
[illegible]	3	4	Платить 17 р. и одну куницу.
[illegible]		2	Платить [illegible] р. 35 к.
[illegible]	3	3	Платить 10 р. 75 к. и одну куницу.
Гордѣй Дорочкинъ	3	3	Платить 30 р.
Деревни Калочевой (Осташк. уѣз., № 9308).			
Иванъ Гавриловъ	3	—	Платить 15 р. } Одну куницу.
Архипъ Матуненковъ	3	3	Платить 25 р.
Иванъ Матушенковъ	3	2	Платить 18 р. и одну куницу
Степанъ Бобронокъ	3	3	Платить 30 р. Поборовъ съ него никакихъ не брать.
Деревни Рысиной (Осташк. уѣз. № 9302).			
Савва Иванченковъ	5	5	Платить 25 р. и одну куницу
Корнила Боровитеновъ	3	3	Платить 42 р. 50 к. и одну куницу.
Деревни Башевой (Осташк. уѣз., № 9312).			
Малис Шиповъ	2	2	Платить 10 р. } Одна куница.
Евтешка Паланеновъ	2	2	Платить 10 р.
Деревни Кочергиной (Осташк. уѣз., № 9308).			
Кузьма Шеравовъ	4	4	Платить 21 р. 22½ к. и одну куницу.
Афоня Дашковъ	4	4	Платить 21 р. 22½ к. и одну куницу.
Деревни Церковища (Осташк. уѣз. № 9305).			
Родка Капкановъ	2	2	Платить 10 р. 37½ к. } Одна куница.
Егоръ Михайловъ	2	2	Платить 10 р. 37½ к.
Деревни Сосновой (Осташк. уѣз.).			
Максимъ Квостовъ	4	3	Платить 17 р. 50 к. и одну куницу.
Назаръ Даниловъ	1	1	Платить 5 р.
Карпушка Сухаревъ	2	2	Платить 10 р. 25 к.
Деревни Большой Вдовиной (Осташк. уѣз., № 9309).			
Василій Фокинъ	2		Платить 10 р. и одну куницу
Денисъ Пряхуненовъ	3	3	Платить 16 р. и одну куницу.
Деревни Малой Вдовиной (Осташк. уѣз., № 9310).			
Харламъ Степановъ	3	3	Платить 10 р. } Одна куница.
Васка Харлановъ	2	2	Платить 10 р.
Деревни Дѣдовской			
Петраченко	2	2	Платить 10 р.
Фетка Денисковъ	3	3	Платить 16 р. и одну куницу.
Деревни Заболотья (Осташк. уѣз. № 93[illegible])			
Денисъ Любановъ	3	2	Платить 12 р. 50 к.
Астафей Любановъ	4	2	Платить 15 р. и одну куницу.

Итого 31 (число) мужеска пола, 28 женскаго. Платить [illegible] 498 р. 20 к. и 18 куницъ. Да сверхъ сего положено на Хвостовскихъ [illegible] въ годъ 2 дощана большихъ, два дощана среднихъ, [illegible] дощана малыхъ, четыре уключа(?) по четыре [illegible], большие [illegible] [illegible] [illegible] аршина, шириною [illegible] арш. глубиною [illegible] арш. [illegible] [illegible] 3 верш. шириною 6 [illegible] 600 пучковъ, да вытащить на боярскихъ лугахъ сѣно и перевезти по первому пути въ село тоже съ каждаго двора по 8 [illegible].

1787 годъ *)

Названіе деревни и двора	Муж.	Жен.	Повинности
Іосифъ Ивановъ	2	2	Платить оброку съ поработками 10 р.
Василій Өедоровъ	2	2	Платить оброку съ поработками 10 р.
Гаврила Прокофьевъ	3	3	Ходить ему на пригонъ за всю недѣлю.
Ефимъ Куриленковъ	2	2	Ему Ефиму ходить на пригонъ въ недѣлю 4 дни. Платить оброку за стоновую бабу 2 р. 50 к.
Антонъ Яковлевъ	1	1	Платить чистаго оброку 10 р.
Митрофанъ Дементьевъ	2	2	Ему, Митрофану, ходить на пригонъ въ недѣлю 4 дни. Платить оброку за стоновую бабу 2 р. 50 к.
Деревни Гребеиной (Гребенской).			
Осипъ Лукьяновъ	4	4	Ходить ему на пригонъ во всю недѣлю
Матвѣй Степановъ	1		Ходить на пригонъ въ недѣлю два дни
Кирилла Ивановъ	2	2	Платить оброку съ поработками 10 р. Не вычеркнуто, но очевидно относится къ 1786 году и не имѣетъ силы для 1787 г., вычеркнуто: „Ему же Кириллѣ ходить на пригонъ 4 дни въ недѣлю“
Михайла Гордѣевъ	3	3	Платить чистаго оброку 35 р. и 1 куницу
Иванъ Гавриловъ		3	Платить чистаго оброку 40 р.
Осипъ Архиповъ	3	3	Ходить ему на пригонъ во всю недѣлю. Платить за стоновую бабу 5 р.
Петръ Ивановъ	3	3	Платить оброку съ поработками 16 р.
Степанъ Бобровъ	3	3	Ему ходить во всю недѣлю на пригонъ съ бабою.
Тимофей Степановъ	5	5	Платить оброку съ поработками 35 р.
Корнила Ивановъ	3	3	Ему, Корнилу, ходить на пригонъ во всю недѣлю. Платить оброку за тягловую бабу 4 р. и одну куницу
Мартынъ Михайловъ	2	2	На чистый оброкъ 22 р. 50 к.
Евтифей Михайловъ	1	1	Платить чистаго оброку 11 р. 25 к.
Кузьма Өедоровъ	4	4	Платить оброку съ поработками 25 р.
Афонасій Ивановъ	4	4	Платить оброку съ поработками 25 р.
Радовъ Гавриловъ	2	2	Платить чистаго оброку 29 р. 50 к.
Егоръ Михайловъ	2	2	Платить чистаго оброку 29 р. 50 к.
Максимъ Квостовъ	4	4	Платить съ поработками оброку 20 р. и одну куницу.
Назаръ Даниловъ	1	1	Платить съ поработками 5 р.
Евстигней Карповъ	2	2	Платить чистаго оброку 22 р. 50 к.
Деревни Вдовиной (Большой).			
Василій Фокинъ	2	2	Платить оброку съ поработками 10 р. да за бабу стоновую 2 р. 50 к.
Денисъ Фокинъ	3	3	Платить чистаго оброку 35 р.
Харламъ Степановъ	2	2	Платить оброку съ поработками 10 р.
Сидоръ Васильевъ	2	2	Платить оброку съ поработками 10 р.
Яковъ Петраченковъ	2	2	Ходить ему на пригонъ въ недѣлю 4 дни.
Өедоръ Денисовъ	3	3	Платить оброку съ поработками 15 р.
Денисъ Любановъ	2	2	Платить оброку съ поработками 10 р.
Прохоръ Любановъ	3	3	Платить оброку съ поработками 15 р.

Итого (съ деревень Хвостовой, Гребневой, Ключевой, Рысиной, Кочергиной, Церковище, Сосновой, Большой Вдовиной, Малой Вдовиной, Башевой, Дѣдовской, Заболотья) въ 1787 году 26 вытей платили 4[illegible] р. 5 к. Да сверхъ оброку положено въ годъ саней 6, [illegible] 6 паръ полозъ, [illegible] дощановъ большихъ 3, [illegible] 3 [illegible] дощановъ малыхъ [illegible], поровеня(?) большихъ и малыхъ, [illegible] [illegible] 600 пучковъ, да вытащить на господскихъ лугахъ сѣно и перевезти въ село по первому пути, [illegible] съ каждой выти по 20 [illegible]. [illegible] годъ столовыхъ поборовъ съ каждой выти по 20 ф. [illegible] мяса, барану [illegible] поросенку [illegible] курицы по 50 [illegible] [illegible] 2 [illegible] [illegible] черницы 20 ф. [illegible] грибовъ сухихъ [illegible].

1788 годъ *)

Названіе деревни и двора	Муж.	Жен.	Повинности
Иванъ Ивановъ	2	2	Платить оброку съ поработками 10 руб.
Василій Өедоровъ	2	2	Платить оброку съ поработками 10 руб.
Гаврила Прокофьевъ	3	3	Итого 1 выть. Работать мужикъ, баба и лошадь во всю недѣлю. Ему жъ платить (натур. поб.— см. ниже).
Ефимъ Куриленковъ	2	2	Итого безъ трети выть. Работать мужикъ, баба и лошадь въ недѣли 4 дни. Ему жъ платить (натур. поб.— см. ниже). Да съ него же за стоновую бабу 2 р. 50 к.
Митрофанъ Дементьевъ	1	1	Платить съ поработками 6 р.
Осипъ Лукьяновъ	3	3	Платить чистаго оброку 34 р. и 1 куницу
Матвѣй Степановъ	1	1	Итого треть выти. Работать мужикъ, баба и лошадь 2 дни въ недѣли. Ему жъ платить (натур. поб.— см. ниже).
Кирилла Ивановъ		2	Платить оброку съ поработками 10 р.
Михайла Гордѣевъ	3	3	Итого 1 выть. Работать мужикъ, баба и лошадь во всю недѣлю. Ему жъ платить (натур. поб.— см. ниже).
Иванъ Гавриловъ			Платить чистаго оброку 34 р. и 1 куницу
Осипъ Архиповъ		3	Итого 1 выть. Работать мужикъ, баба и лошадь во всю недѣлю. Ему жъ платить (натур. поб.— см. ниже). Бабья чистый оброкъ 5 р.
Петръ Ивановъ	3	3	Платить оброку съ поработками 15 р.
Степанъ Бобровъ	3	3	Итого 1 выть. Работать мужикъ, баба и лошадь во всю недѣлю. Ему жъ платить (натур. поб.— см. ниже).
Тимофей Степановъ	6	6	Платить оброку съ поработками 30 р. и 1 куницу
Корнила Ивановъ	3	3	Итого 1 выть. Работать мужикъ, баба и лошадь во всю недѣлю. Ему жъ платить (натур. поб.— см. ниже).
Мартынъ Михайловъ	2	2	Платить оброку чистаго 22 р. 50 к. и 1 куницу.
Евтифей Михайловъ			Платить оброку чистаго 11 р. 25 к.
Кузьма Өедоровъ	4	4	Платить оброку съ поработками 25 р. и одну куницу.
Кирилла Ивановъ	2	2	Платить оброку съ поработками 10 р. } Одна куница
Афонасій Ивановъ	3	3	Платить оброку съ поработками 15 р.
Родіонъ Гавриловъ	2	2	Платить оброку съ поработками 10 р.
Егоръ Михайловъ	2	2	Платить оброку чистаго 29 р. 50 к. и одну куницу
Максимъ Квостовъ	4	4	Платить оброку съ поработками 20 р. и 1 куницу.
Назаръ Даниловъ	1	1	Платить оброку чистаго 7 р.
Евстигней Карповъ	2	2	Платить оброку съ поработками 10 р.
Василій Фокинъ	2	2	Платить оброку съ поработками 10 р. Съ него же за стоновую бабу 2 р. 50 к.
Денисъ Фокинъ	3	3	Платить оброку чистаго 34 р. и 1 куницу.
Харламъ Степановъ	2	2	Платить оброку съ поработками 10 р.
Сидоръ Васильевъ	2	2	Платить оброку съ поработками 10 р.
Были въ Дѣдовской, теперь въ Мал. Вдовиной. Яковъ Петраченковъ		1	Платить оброку съ поработками 5 руб.
Въ 1787 г. были въ Дѣдовской, теперь въ Башевой. Өедоръ Денисовъ	3	3	Платить оброку съ поработками 15 р. и 1 куницу.
Денисъ Любановъ	2	2	Итого безъ трети выть. Работать мужикъ, баба и лошадь въ недѣли 4 дни. Ему жъ платить (натур. поб. см. ниже).
Прохоръ Любановъ	3	3	Платить оброку съ поработками 15 р. и 1 куницу.

Итого (съ деревень Хвостовой, Гребневой, Ключевой, Рысиной, Заболотье) барщинниковъ 20 жеребьевъ. Въ нихъ безъ трети 7 вытей. Въ деревняхъ: Хвостовой, Гребневой, Ключевой, Рысиной, Кочергиной, Церковище, Сосновой, Большой Вдовиной, Малой Вдовиной, Башевой и Заболотье положено на чистомъ оброкѣ, кромѣ бабъ, 15 жеребьевъ. Въ нихъ 5 вытей. На оброкѣ же съ поработками 40 жеребьевъ. Въ нихъ 16 вытей съ третью.

Натуральныхъ поборовъ съ барщинниковъ (боярщинниковъ) было положено:

[illegible]

Съ оброчныхъ сверхъ оброку положено въ годъ саней 6-ро, дощановъ большихъ 2, дощановъ среднихъ 2, дощановъ малыхъ [illegible], уключевъ(?) [illegible], поровенокъ большихъ и малыхъ 6, ка[illegible] среднихъ и малыхъ 6, [illegible] 6, лыкъ съ оброчныхъ съ поработками съ 46 жеребьевъ по 8 пучковъ, итого 368, [illegible] съ оброчныхъ съ каждой выти по 40 [illegible], длиною отъ 2½ до 3 саж. [illegible]. Да выгладить по господскимъ лугамъ сѣно и перевезти по первому пути въ село.

Въ общемъ спискѣ натуральныхъ (сходныхъ) поборовъ значатся пропущенные въ подворномъ: [illegible] грибы сухіе по [illegible] четверика съ выти.

Сумма оброка съ 20⅓ вытей въ перечисленныхъ деревняхъ + оброкъ съ трехъ бабъ составляла 409 р. 75 к. Кромѣ того, эти оброчные платили въ совокупности 11 куницъ.

1793 годъ *)

Названіе деревни и двора	Муж.	Жен.	Вытей	Повинности
Иванъ Ивановъ	2	2	2	Платить оброку 53 р. 89 к.
Василій Өедуловичъ	3	3	2	По имуществу платить оброку 53 р. 89 к.
Гаврила Прокофьевъ	2	2	2	Платить оброку 53 р. 89 к.
Ефимъ Куриленковъ	[illegible]	2	2	Платить оброку 53 р. 89 к.
Лаврентій Антоновъ	2	2	2	Платить оброку 53 р. 89 к.
Митрофанъ Дементьевъ	3	2	2	Платить оброку 53 р. 89 к.
Осипъ Лукьяновъ	[illegible]	4		Платить оброку 107 р. [illegible] к.
Матвѣй Степановъ		2	2	Платить оброку 53 р. 89 к.
[illegible] Кирилловъ	3	2	[illegible]	Платить оброку 80 р. 75 к.
Михайла Гордѣевъ	3	2	3	Платить оброку 80 р. 75 к.
Иванъ Гавриловъ	2	2	3	Платить оброку 80 р. 75 к.
Архипъ Матвѣевъ	2	2	3	Платить оброку 53 р. 89 к.
Иванъ Матвѣевъ	4	3	3	Платить оброку 80 р. 75 к.
Степанъ Кузьминъ	3	3	4	Платить оброку 107 р. [illegible] к.
Тимофей Ивановъ	4	3	3	Платить оброку 80 р. 75 к.
Максимъ Степановъ	4	2	3	Платить оброку 107 р. [illegible] к.
Өеоктистъ Корниловъ	3	3		Платить оброку 80 р. 75 к.
Мартынъ Михайловъ	2	2	2	Платить оброку по имуществу 60 р.
Денисъ Володимеровъ	2	1	2	Платить оброку по имуществу 58 р.
Кузьма Өедоровъ	4	4	5	Платить оброку 120 р. Сбавка съ него потому, что не въ силу!
Кирилла Ивановъ	3	3	3	Платить оброку по имуществу 83 р. 75 к.
Тимофей Афонасьевъ	3	[illegible]	3	Платить оброку 54 р. 55 к. По неимуществу сбавлено.
Родіонъ Гавриловъ	3	3	3½	Платить оброку 86 р. 75 к.
Самсонъ Егоровъ	1	1	2½	Платить оброку 53 р. 89 к.
Максимъ Кузьминъ	4	4	4	Платить оброку 107 р. 9 к.
Назаръ Даниловъ	2	1	2	Платить оброку 53 р. 89 к.
Терентей Михайловъ	1	1	2	Платить оброку 53 р. 89 к.
Василій Фокинъ	3	2	2¼	Платить оброку 55 р. 69 к.
Денисъ Фокинъ	4		3¼	Платить оброку 80 р.
Харлампей Степановъ	2	2	2	Платить оброку 53 р. 89 к.
Сидоръ Васильевъ	[illegible]	2	2	Платить оброку 53 р. 89 к.
Яковъ Ивановъ	2	1	1	Платить оброку 26
Өедоръ Денисовъ. Теперь въ дер. Башевой.	3	3	3	Платить оброку по имуществу 86 р. 75 к.
Власъ Денисовъ	2	—	2½	Платить оброку 55 р. 89 к.
Евстафій Мартыновъ	3	2	2½	Платить оброку 63 р. 75 к.

Итого съ Хвостовскихъ оброку 2472 р. [illegible] к.

1814 годъ *)

Названіе деревни и двора	Муж.	Жен.	Повинности	Мастерство
Дер. Хвостовой.				
Филиппъ Кузьминъ	1	1		Посудникъ и пильщикъ
Иванъ Васильевъ	3	3		Пильщикъ. [illegible] посудникъ.
Иванъ Гавриловъ. Сынъ Трифонъ.	3	3		Шерстобитъ. Пильщикъ.
Василій Антоновъ	1	1	На оброкѣ, посудникъ.	Плотникъ и посудникъ
Даніилъ Семеновъ	2	2		
Дер. Гребенниной.				
Василій Тимофеевъ	3	4		Сынъ Владиміръ пильщикъ. Самъ посудникъ.
Петръ Матвѣевъ		1		Посудникъ.
Василій Кирилловъ	1	1		Посудникъ.
Агапъ Михайловъ	1	1		Посудникъ
Дер. Ключевой.				
Иванъ Ивановъ	3			Посудникъ. Сынъ Степанъ плотникъ.
Семенъ Петровъ	3	2		Пильщикъ.
Алексѣй Осиповъ	2	1		Посудникъ
Исай Степановъ	2	1		Посудникъ
Дер. Рысиной.				
Тимофей Степановъ	2			[illegible] Сергѣй печникъ и [illegible]
Петръ Ивановъ	3			Посудникъ
Василій Корниловъ (Кирилловъ ?)	3			Посудникъ
Дер. Башевой.				
Иванъ Михайловъ	3	3		Колесникъ
Денисъ Володимеровъ	2			Колесникъ
Дер. Кочергиной.				
Агѣй Ивановъ	2			
Матвѣй Семеновъ		[illegible]		
Іона Афанасьевъ				Посудникъ.
Дер. Церковище.				
Иванъ Никифоровъ	1			Плотникъ.
Евдокимъ Ивановъ	1			
Леонъ Семеновъ	1			Дощаны дѣлаетъ.
Дер. Сосновой.				
Вдова Пелагея Иванова	—			
Назаръ Даниловъ	3			Сыновья Дементій и Өома Назаровы плотникъ и пильщикъ.
Вдова (Терентія) Өедосья Гаврилова				
Дер. Бол. Вдовиной.				
Максимъ Васильевъ	2			Посудникъ.
Еремѣй Денисовъ	4			Посудникъ
Дер. Мал. Вдовиной				
Вдова (Харлама) Анисья Петрова				
Өедотъ Семеновъ	2			Посудникъ
Филатъ Ульяновъ	1			Посудникъ
Дер. Башевой.				
Андрей Өедотовъ	2			Колесникъ и дощаны дѣлаетъ
Дер. Заболотье.				
Власъ Денисовъ	2			Дощаны дѣлаетъ
Евстафій Мартыновъ	2			Дощаны и колеса дѣлаетъ, но отъ трудовъ слабъ
Прохоръ Мартыновъ	1		На оброкѣ.	Колесникъ и сани работаетъ.

*) 1785 года Апрѣля 24 дня реестръ, по которымъ селамъ и деревнямъ, сколько въ которомъ дворѣ крестьянъ мужеска и женска пола душъ и почему въ каждый годъ платить оброчныхъ денегъ, о томъ значитъ ниже сего. Тверской Музей № 1028.

*) 1787 года Апрѣля 1-го дня вѣдомость Хвостовскимъ, Береговскимъ, Любушскимъ крестьянамъ, сколько и кому въ каждый годъ платить оброчныхъ денегъ значитъ ниже сего. Тверской Музей. № 1029.

*) 1788 года Генваря 25 дня окладъ крестьянамъ, почему кому съ выти поборовъ сходительныхъ платить и поскольку дней работать (Тверской Музей, № 1029). 1788 года Генваря 20 дня окладъ оброчнымъ крестьянамъ, кому сколько въ годъ платить денежнаго окладу и проч. (Тверской Музей. № 1029).

*) 1793 года Октября (число пропущено) окладъ села Андреяполь. Сколько платить Дубинскимъ и Хвостовскимъ крестьянамъ по нынѣшнему положенію съ земли и съ [illegible] отъ господъ [illegible] оброчныхъ денегъ и кому сколько придется по земли платить оброку значитъ ниже сего. А именно“ (Тверской Музей, № 1033).

*) Подворная опись крестьянъ разныхъ деревень безъ заглавія подъ № 8, 1814 года. Тверской Музей № [illegible].

1785 годъ.

Названіе деревни и двора	Число душъ муж.	Число душъ жен.	Повинности
Береговскіе. Деревня Шейткова (Тотемскаго уѣз. № 1214)			
Иванъ Кочновъ	[illegible]	2	Платить 12 р. 50 к.
2 Тимоѳей Елисѣевъ	2	2	Платить 10 р.
3. Тарасъ Алексѣевъ	3	2	Платить 2 р. 50 к.
4. [illegible] Тарасовъ		1	Платить 5 р.
5 Иванъ Спиченковъ	2	2	Платить 10 р.
6 Василій Гришинъ	2	1	Платить 7 р. 50 к.
7 Родко Трошковъ	[illegible]	2	Платить 6 р.
8. Митка Карасевъ	2	1	Платить 7 р. 50 к.
9. Васька Будановъ	[illegible]	1	Платить 5 р.
Гришка Куровъ	3	2	Платить 2 р. 50 к.

1786 или 1787 годъ.

№	Число душъ муж.	Число душъ жен.	Повинности
1	4	2	Платить съ поработками 10 р.
2	2		Дмитрій Тимоѳеевъ. Платить оброку съ поработками 10 р.
3	3	1	Платить съ поработками 12 р. 50 к.
4	[illegible]	1	Платить оброку съ поработками 5 р.
5	2	2	Михаилъ Ивановъ. Платить съ поработками 10 р.
6			
7		1	Платить оброку съ поработками 5 р.
8	2	1	Дмитрій Михайловъ. Платить оброку съ поработками 10 р.
9			
10	3	3	Платить оброку съ поработками 5 р.

180. годъ.

Названіе деревни и двора	Число душъ муж.	Число душъ жен.	Повинности
Деревня та же.			
Вдова Авдотья Васильева Кочнова	[illegible]	3	Земли у него 3 шеста. Итого вытъ три мужика и три бабы; ходить на господскую работу мужику и бабѣ во всю недѣлю съ лошадью.
2 Петръ Дмитріевъ Зысѣенковъ	2	[illegible]	Итого два вѣнца. Мужику ходить на господскую работу въ недѣлю на четыре дня съ лошадью, а бабѣ въ недѣлю 2 дня. Земли у нихъ два шеста.
3 Кирилла Тарасовъ	2	2	Итого 2 вѣнца. Ходить мужику и бабѣ съ лошадью въ недѣлю по 4 дня. Земли подъ ними два шеста.
4 Лаврентій и Михѣй Дмитріевы Тарасовы	3	2	Итого три мужика и двѣ бабы. Ходить на господскую работу мужику по всю недѣлю съ лошадью, а бабы четыре дни въ недѣлю. Земли три шеста.
5 Василій Петровъ Долгоненковъ (у него жена Варвара Михайлова)	1	2	Ходить на господскую работу мужику въ недѣлю два дни, а бабы четыре дни и [illegible] съ лошадью. Земли три шеста.
6 Степанъ и Никифоръ Васильевы	2	2	Итого два вѣнца. Ходить на господскую работу мужику и бабы съ лошадью въ недѣлю четыре дни. Земли два шеста.
7 Авдотья Иванова Курнова		3	Ходить на господскую работу въ недѣлю мужику два дни съ лошадью, а бабы четыре дни. Земли два шеста.
8. Кириллъ Осиповъ	2	2	Итого два вѣнца. Ходить мужику и бабѣ съ лошадью въ недѣлю по 4 дни.
9 Степанъ Алексѣевъ Хавроненковъ	3	2	Земли три шеста. Итого мужеска вытъ [illegible], а баба двѣ. Ходить мужику во всю недѣлю съ лошадью, а бабы четыре дни въ недѣлю.

1808 годъ.

Названіе деревни и двора	Число душъ муж.	Число душъ жен.	Повинности
Деревня та же			
Яковъ Ѳедоровъ	2	2	Два вѣнца, три шеста. Работать ему на господской работѣ мужикъ и баба съ лошадью [illegible] съ двухъ вѣнцовъ.
2 Петръ Дмитріевъ	2	3	Работать ему съ двухъ вѣнцовъ на господской работѣ. Мужикъ и баба несходно. Два вѣнца, два шеста.
3 Кириллъ Тарасовъ	3	3	Работать ему съ трехъ вѣнцовъ на господской работѣ мужики и баба съ лошадью во всю недѣлю, а другому выходить на [illegible] дня съ лошадью. Три вѣнца, три шеста.
4 Лаврентій и Михѣй Дмитріевы	3	2	Работать ему съ трехъ вѣнцовъ на господской работѣ мужикъ и баба съ лошадью во всю недѣлю несходно, а другому выходить на три дня.
Василій Петровъ	2	2	Работать ему съ двухъ вѣнцовъ на господской работѣ [illegible], а баба и съ лошадью [illegible]. Три вѣнца, три шеста.
6. Степанъ и Никифоръ Васильевы	2	2	Работать ему на господской работѣ съ двухъ вѣнцовъ, мужикъ и баба съ лошадью несходно во всю недѣлю. 3 вѣнца, два шеста.
Авдотья Иванова	1	3	Работать ему съ двухъ вѣнцовъ, мужику три дня съ лошадью, а двумъ бабамъ по два дня. Два вѣнца, два шеста.
8 Кириллъ Осиповъ	2	2	Работать ему съ двухъ вѣнцовъ, мужикъ и баба съ лошадью во всю недѣлю. Два вѣнца, два шеста.
9 Степанъ Алексѣевъ	2	3	Работать ему съ двухъ вѣнцовъ на господской работѣ мужикъ и баба съ лошадью всю недѣлю несходно. Два вѣнца, два шеста.

1814 годъ.

Названіе деревни и двора	Число душъ муж.	Число душъ жен.	Повинности	Мастерство
Деревня та же.			(Размѣры повинностей не указаны)	
1 Павелъ Никифоровъ		1		Горшель.
2 Петръ Дмитріевъ	2	2		Горшель.
3. Кириллъ Тарасовъ	3	[illegible]		Перстобой. Его братъ Иванъ Тарасовъ, винокуръ.
4. Акимъ Лаврентьевъ	3			
5 Григорій Михайловъ	1			Горшель.
6. Ефросинья Ѳедорова				
7 Родіонъ Ивановъ	1			Горшель.
8. Андрей Тарасовъ	1	1		
9. Евдокимъ Васильевъ		1		Горшель.

1785 годъ *)

Названіе деревни и двора	Число душъ Муж.	Число душъ Жен.	Повинности
Деревни Рогово [Осташк. уѣз., № 9298].			
Максимъ Матушенокъ	3	3	Итого 1 выть. Работать 1 мужикъ, 1 женка, 1 лошадь во всю недѣлю. Имъ же платить [Нат. поб. см. ниже].
Карпушка Зазаснокъ	4	4	Итого двѣ выти. Работать 2 мужика 2 бабы, 2 лошади во всю недѣлю. Имъ же платить [Нат. поб. см. ниже].
Да деревни Роженки Андрюсенокъ	2	2	
	2 выти.		
Евдокимъ Слоиковъ	3	3	Итого выть. Работать 1 мужикъ, 1 женка, 1 лошадь во всю недѣлю. Имъ же платить [Нат. поб. см. ниже].
Деревни Роженки, Осташк. уѣз. № 9299 (Роженка).			
Ѳетка Колесниковъ	3	3	Итого 1 выть. Работать 1 мужикъ, 1 женка, 1 лошадь во всю недѣлю. Имъ же платить. [Нат. поб. см. ниже].
Данилка Колесниковъ	3	3	Итого 1 выть. Работать 1 мужикъ, 1 женка, 1 лошадь во всю недѣлю. Имъ же платить. [Нат. поб. см. ниже].
Мишка Колесниковъ	2	2	Итого двѣ выти. Работать 2 мужика 2 бабы, 2 лошади во всю недѣлю. Имъ же платить [Нат. поб. см. ниже].
Да той же деревни Кузьма Матушинка		2	Въ 1786 или 1787 г. Иванъ Матушенокъ 2 мужика 2 ... платить оброкъ за стонового мужика и лошадь 8 руб.
Васка Галуха	2	2	
Илья Колесниковъ	3	2	Итого выть. Работать 1 мужику, 1 бабѣ, 1 лошади во всю недѣлю. Имъ же платить. [Нат. поб. см. ниже].
Да въ подмогу ему Мишки Колесникова одна баба	—	1	
Переведенный изъ села Яншина Афонька Кожевниковъ	3	3	Итого 1 выть. Работать 1 мужикъ, 1 женка, 1 лошадь во всю недѣлю. Имъ же платить. [Нат. поб. см. ниже].
Переведенный изъ Заручья ... Волчонковъ	4	4	Итого 1 выть съ третью выти. Работать ему 1 мужикъ, 1 женка, 1 лошадь во всю недѣлю, а еще съ трети выти работать 1 мужикъ, 1 женка, 1 лошадь въ недѣли 2 дни. Имъ же платить. [Нат. поб. см. ниже].
Иванъ Алексенокъ	3	2	Итого 1 выть. Работать ему 1 мужикъ, 1 женка, 1 лошадь во всю недѣлю. Ему же платить [Нат. поб. см. ниже].
Да въ подмогу ему дер. той же изъ семьи Кузьмы Михайлова женка		1	
Дор. Карабановой, [Осташк. уѣз., № 9300].			
Корнилъ Ѳомеонокъ	2	3	Итого 2 выти. Работать два мужика, 2 женки, 2 лошади во всю недѣлю. Имъ же платить [Нат. поб. см. ниже]
Ванка Ястребенокъ	2	2	
Да Савка Михайловъ	2	2	
Дор. Демьяновой			
Белозяковы	2	2	Итого 1 выть. Работать 1 женка, 1 мужикъ, 1 лошадь во всю недѣлю. Имъ же платить. [Нат. поб. см. ниже]
Ванька Сережиковъ	1	1	

Столовые поборы.

	Свин. мяс.	Бар.	Порос.	Кур.	Яицъ	Кор. масл.	За сыръ	Мак.	Черн.	Хмѣль	[illegible]	[illegible]	[illegible]
Съ выти	20	1	1	2	60	15 ковш.	2 к.	20 ф.	20 ф.	1 ч.	10 с.	6 п.	2
Съ выти съ третью	26²/₃	1¹/₃	1¹/₃	2²/₃	80	20 „	2²/₃ к.	26²/₃ ф.	26²/₃ ф.	1¹/₃ ч.	13 с.	8 п.	3

*) „1785 года апрѣля 24 дня вѣдомость въ которыхъ селахъ и деревень состоитъ крестьянъ мужеска и женска пола и сколько вытей и по скольку съ выти работать на боярщину и по чему платить въ годъ разныхъ поборовъ“ (Тверской Музей, № 1029).

1793 годъ *)

Названіе деревни и двора	Число душъ Муж.	Число душъ Жен.	Шесты	Повинности
Деревни Рогово				
Максимъ Матвѣевъ	3	2	3	Платить оброку 80 руб. 75 коп.
Карпъ Дмитріевъ	4	2	3	Платить оброку 80 руб. 75 коп.
Сила Гордѣевъ	3	2	3	Оному должно платить съ 3-хъ шестовъ земли, но по переводѣ его ... Хвостова сбавлено съ него и положено съ двухъ шестовъ платить оброку 53 руб. 89 коп.
Деревни Роженка				
Ѳедоръ Ивановъ	3	2	3	Платить оброку 80 руб. 75 коп.
Данила Степановъ	3	3	3	Платить оброку 80 руб. 75 коп.
Михаилъ Ивановъ	3	2	3	Платить оброку 80 руб. 75 коп.
Иванъ Кузьминъ	3	3	3	Платить оброку 85 руб. 75 коп. Ему прибавка 5 рублей по имуществу его.
Иванъ Голуханокъ женатъ. Данъ ему Корвль (?).	1	1	1	Платить оброку 20 рублей
Илья Михайловъ	3	2	3	Платить оброку 80 руб. 75 коп.
Афонасій Кожевникъ	3	3	3	Платить оброку 80 руб. 75 коп.
Максимъ Ѳедоровъ	3	3	4	Платить оброку 107 руб. [illegible] коп.
Иванъ Алексѣевъ и далъ ему Абрамъ съ женою	2	2	2	Платить оброку 53 р. 89 коп.
Дер. Карабановой				
Михайла Ефимовъ	2	2	3	Платить оброку 80 руб. 75 коп.
Гаврила Кононовъ	2	2	3	Платить оброку 80 руб. 75 коп.
Родіонъ Михайловъ	4	2	3	Платить оброку по имуществу 90 руб.
Ѳилиппъ Шерапиповъ (въ 1785 г. въ деревни Кожуховой).	3	2	3	Платить оброку 80 руб. 75 коп.

*) „1793 года октября (число пропущено) дня окладная села Андреполя сколько платить Дубенскимъ и Хвостовскимъ крестьянамъ по нынѣшнему положенію съ земель ... отданныхъ отъ господъ ... покосовъ оброчныхъ денегъ и кому сколько придется по землѣ платить оброку значитъ ниже сего, а именно“ (Тверской Музей № 1025).

1814 годъ *)

Названіе деревни и двора	Число душъ Муж.	Число душъ Жен.	Повинности	Мастерства
Деревни Рогово.			[illegible]	
Евдокимъ Максимовъ	3	3		Сынъ его Ѳедоръ плотникъ. Фролъ шерстобой. Евгеній щекатуръ
Василій Карповъ	2	2		Сынъ его Леонтій плотникъ
Андрей Филиповъ	2	2		Самъ онъ плотникъ
Деревни Роженки				
Гаврила Степановъ	1	1		Самъ плотникъ.
Алексѣй Даниловъ	3	3		Сынъ его Степанъ щекатуръ
Иванъ Кузьминъ		2		
Ѳома Михайловъ	1	1		Самъ Филиппъ съ витеекъ
Глѣбъ Ильинъ	2	3		У него братъ Кириллъ пильщикъ
Ульянъ Афонасовъ	1	2		
Максимъ Ѳедоровъ		2		
Никита Ефимовъ	1	1		
Дер. Карабановой.				
Григорій Осиповъ	2	2		Кирпичникъ.
Ѳедоръ Кононовъ	2	3		
Илья Михайловъ	2	1		
Евстигней Ефимовъ	1	3		

* „Подворная опись разныхъ деревень 1814 года подъ № 9“ (Тверской Музей № 108).

Приложеніе II.

Къ характеристикѣ барщины и ея интенсификаціи.

Въ дополненіе къ тому, что сказано въ текстѣ, мы, для дальнѣйшей характеристики барщины и тенденцій ея развитія въ XIX в., считаемъ полезнымъ привести извлеченія изъ дореформенной агрономической литературы. Они носятъ частью фактическій характеръ, рисуя какъ развивались дѣйствительныя отношенія, частью указываютъ, въ какомъ направленіи работала помѣщичья мысль и какія задачи она себѣ ставила.

1. Барщина на свеклосахарныхъ заводахъ.

О вліяніи свеклосахарныхъ заводовъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, на благосостояніе крестьянъ. Членъ Комитета г. Сахароваровъ, докторъ *Георгій Эвеніусъ* (Журналъ Сельскаго Хозяйства 1844 г., № 4. Стр. 100—106):

«Сколько мнѣ извѣстно, заводы существуютъ у насъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Крестьяне сѣютъ свекловицу на своихъ огородахъ и конопляникахъ въ видѣ о б р о к а, то есть: ставятъ взращенную ими свекловицу на заводъ по опредѣленной помѣщикомъ цѣнѣ, которая зачитается имъ въ оброкъ. Равнымъ образомъ и сами крестьяне работаютъ на заводѣ, во время производства, и з ъ о б р о к а, то есть: заработанныя ими деньги зачитаются помѣщикомъ въ оброкъ.

2. Крестьяне сѣютъ свекловицу на господской землѣ и работаютъ на заводѣ изъ б а р щ и н ы, то есть: труды ихъ зачитаются въ число тѣхъ дней, которые они, по закону, обязаны работать на помѣщика.

3. Крестьяне возращаютъ свекловицу на своихъ огородахъ и конопляникахъ и ставятъ ее на заводъ, по опредѣленной цѣнѣ з а н а л и ч н ы я д е н ь г и; или обрабатываютъ ее на господской землѣ, и работаютъ сами на заводѣ, на правѣ в о л ь н о н а е м-

ныхъ, то есть: за обработку свекловицы на господской землѣ и за работу на заводѣ получаютъ наличныя деньги [100].

1-й способъ. Онъ представляетъ равную выгоду какъ помѣщику, такъ и крестьянамъ, особенно въ имѣніяхъ малоземельныхъ, въ коихъ, если крестьяне не имѣютъ особенной промышленности, полученіе оброка, иногда и легкаго, сопряжено съ затрудненіями, а часто и невозможно. Для расчета возьмемъ въ примѣръ оброчное имѣніе, въ коемъ на тягло приходится земли по одной десятинѣ въ полѣ, а такихъ имѣній много, и посмотримъ: сколько одно тягло можетъ выручить продажею однихъ своихъ сельскихъ произведеній и сколько оно выручитъ при существованіи въ этомъ имѣніи свеклосахарнаго завода [101].

2-й способъ. Этотъ способъ, доставляя выгоду помѣщику, вовсе невыгоденъ для крестьянъ. Выгода помѣщика заключается въ томъ, что ему не нужно платить денегъ за обработку свекловицы и за работу на заводѣ; но эти выгоды много теряютъ своей цѣны отъ того, что крестьяне, какъ обыкновенно случается на барщинѣ, работаютъ неохотно, лѣниво и небрежно, а присмотръ за ними, при значительныхъ посѣвахъ, невозможенъ, и потому нельзя ожидать тщательной обработки — необходимаго условія для полученія изобильнаго урожая. Кромѣ этого, между крестьянами рождается ропотъ, работа кажется имъ тягостною, они проклинаютъ заводъ и нерѣдко покушаются на злонамѣренныя дѣйствія. Само собою разумѣется, что крестьяне, работая безплатно, не имѣютъ никакихъ выгодъ [104].

3-й способъ. Этотъ способъ есть лучшій: ибо представляетъ для обѣихъ сторонъ существенныя выгоды: крестьяне, поощряемые наличною исправною платою, тщательно, охотно и усердно обрабатываютъ свекловицу на своей землѣ, для полученія большаго урожая, который весь обращается въ ихъ пользу. На заводѣ, нанимаясь безъ принужденія, по собственной охотѣ, работаютъ весело, что и обнаруживается обыкновеннымъ изліяніемъ веселаго духа — пѣснями. Помѣщикъ имѣетъ при этомъ ту важную выгоду, что работа идетъ успѣшно, а крестьяне его получаютъ деньги, не покидая своего дома, и не принуждены искать работы на сторонѣ, нерѣдко въ дальнемъ отъ дому разстояніи, гдѣ она бываетъ безвыгодна, а иногда и вовсе ея не находятъ; иногда же подвергаются болѣзнямъ, или, возвращаясь, заносятъ ее домой. Нельзя оставить безъ вниманія и того, что крестьяне, живя на чужой сторонѣ, обыкновенно развращаются въ нравахъ [105].

Два неурожайные года сряду разстроили моихъ крестьянъ, до сего времени очень исправныхъ. Я принужденъ былъ дѣлать имъ пособіе: платилъ за нихъ подушныя, давалъ имъ хлѣбъ на посѣвъ и для прокормленія. При обыкновенномъ положеніи нашихъ имѣній, этотъ долгъ, возросшій до значительной суммы, сдѣлался бы для крестьянъ неоплатнымъ, но, благодаря существованію моего завода, крестьяне, въ 2 года, не только весь долгъ сполна заплатили, но еще, изъ слѣдуемой имъ за свекловицу и разныя работы суммы, по собственному ихъ желанію, заплачены подушныя за годъ впередъ» [106].

2. Продолжительность рабочаго дня при барщинѣ.

А. Заблоцкій и *К. Домонтовичъ*. Вспомогательная для сельскихъ хозяевъ книжка на 1857 годъ. Санктпетербургъ. 1857, стр. 13:

„Продолжительность рабочаго дня различается по времени года. Для сѣверной и средней полосы Россіи можно принять, что крестьянинъ работаетъ въ теченіе сутокъ:

	пѣшій.	съ лошадью.
Весною около	12 часовъ	11 часовъ
Лѣтомъ	13 „	12 „
Осенью	9 „	8 „
Зимою	7 до 10 „	6 до 9 „

Если же осенью производится молотьба хлѣба по ночамъ, то и въ это время года въ рабочемъ днѣ можно считать 12 часовъ“. Здѣсь авторы дѣлаютъ любопытное примѣчаніе: «Въ Арасѣ и Тарасконѣ рабочій день равняется 8 часамъ съ часовымъ отдыхомъ. Работникъ въ эти 7 часовъ дѣлаетъ, по свидѣтельству графа Гаспарена, столько же, сколько въ сосѣднихъ провинціяхъ въ 12 часовъ, ибо, занимаясь меньшее число часовъ, онъ работаетъ съ большею энергіею. Попытки увеличить рабочій день не принесли пользы: количество дневной работы осталось то же».

Авторъ, занимавшійся вопросомъ „о средствахъ къ водворенію) грамотности между крестьянами“ (Землед. Газ. 1846, стр. 51, № 7 и считавшій, что водворить достатокъ, а вмѣстѣ съ нею и грамотность „было бы возможно, если бы владѣльцы не выпускали въ свободное состояніе лучшихъ людей“ (!) предлагалъ ограничить рабочее время барщинныхъ крестьянъ: „если бы.... 8) приняли въ

имѣніи за правило, чтобы каждое крестьянское лицо не работало на помѣщика болѣе 25 лѣтъ, и начинало работу съ того времени, когда установлено вступать въ бракъ, а не отъ отрочества до могилы, 9) опредѣлили, чтобы крестьяне не работали въ день болѣе 12 часовъ".

3. Интенсификація барщины и повышеніе эксплуатаціи труда.

Система уроковъ.

О барщинѣ—*Харламовъ*. „Журн. Мин. Гос. Им.", 1857, № 10. Стр. 10—13, 22—24:

«Въ имѣніяхъ, въ которыхъ стараются не изнурять крестьянъ, по большей части для пахоты, бороньбы и прочихъ работъ съ лошадьми выходятъ на работу около 5 часовъ утра, работаютъ часовъ до 10, т. е. 5 часовъ, потомъ обѣдаютъ, кормятъ лошадей и отдыхаютъ, на что употребляется до трехъ часовъ; затѣмъ въ часъ пополудни снова начинаютъ работать и работаютъ часовъ до 6 вечера, такъ что въ продолженіе дня на работу употребляется до 10 часовъ. Во время сѣнокоса выходятъ на работу около половины 5 часа утра, работаютъ часовъ до 7, завтракаютъ, и отдыхаютъ до 10 часовъ, работаютъ часовъ до 12, на обѣдъ употребляютъ 1 часъ и потомъ работаютъ часовъ до $6^1/_2$ или до 7 вечера, такъ что число рабочихъ часовъ выходитъ отъ 10 до $10^1/_2$. Но изъ этого нельзя вывести заключенія, что на полезную работу употреблено дѣйствительно 10 или $10^1/_2$ часовъ, потому что и во время рабочихъ часовъ крестьяне отдыхаютъ—или при поворотѣ съ одной стороны на другую, во время пахоты или бороньбы, или точа и поправляя косу, во время косьбы и проч. т. п. Это необходимо бываетъ потому, что, какъ бы силенъ и свѣжъ работникъ ни былъ, онъ не можетъ проработать и часа безъ всякаго отдыха, что извѣстно изъ опытовъ; и, кромѣ того, изъ опытовъ же мы знаемъ, что средняя, чисто полезная, работа каменщика и плотника полагается въ сутки до 8 часовъ; но при этомъ надобно взять въ расчетъ, что наемные каменщики и плотники почти постоянно получаютъ мясную пищу, что, какъ извѣстно, придаетъ много силъ, тогда какъ барщинные крестьяне, и у самыхъ заботливыхъ о ихъ нуждахъ помѣщиковъ, ѣдятъ мясо довольно рѣдко, по большей части по праздникамъ; слѣдовательно, силы ихъ могутъ быть развѣ менѣе, но ужъ ни какъ не болѣе силъ тѣхъ рабочихъ, надъ которыми производились опыты; такъ что по-

лезная работа неизнуреннаго барщиннаго крестьянина можетъ быть опредѣлена отъ 7 до 8 часовъ въ сутки, въ такомъ случаѣ, если онъ не мытаритъ работою. „Мытарить работою“ называется то, что работникъ повидимому и работаетъ, напримѣръ коситъ или рубитъ топоромъ, на самомъ же дѣлѣ, только бьетъ траву или тюкаетъ по дереву; о такихъ рабочихъ иногда говорятъ, что ихъ работа неспора; но неспорость эта по большей части происходитъ съ намѣреніемъ. Мытарить же крестьянину работой на барщинѣ у помѣщика, который его не изнуряетъ и заботится о немъ, нѣтъ особенной выгоды; напротивъ, гораздо скорѣе можно предположить, допустивъ въ крестьянинѣ чувство благодарности за попеченіе о немъ, что въ небольшое сравнительно число часовъ, въ которое его заставляютъ работать, онъ будетъ работать хорошо. Конечно, могутъ быть особенно лѣнивые или неповоротливые крестьяне, но это уже будутъ рѣдкія исключенія, и за лѣнивыми въ этомъ случаѣ присматриваютъ не только старосты, но и другіе рабочіе, что часто подтверждается опытомъ, и работы въ такихъ имѣніяхъ идутъ довольно успѣшно, конечно съ условіемъ, чтобы или хорошо понимающій дѣло помѣщикъ самъ бдительно занимался хозяйствомъ, или же, если имѣніе большое, чтобъ онъ имѣлъ дѣльныхъ, честныхъ и расторопныхъ помощниковъ,— качества, необходимыя въ одномъ лицѣ.

Разсмотрите теперь, какъ производятся барщинныя очередныя работы въ имѣніяхъ, гдѣ заботятся единственно о томъ, чтобы заставлять крестьянъ работать какъ можно болѣе, не обращая вниманія на изнуреніе ихъ силъ.

Въ такихъ имѣніяхъ обыкновенно выходятъ на работу съ восходомъ солнца, т. е. считая между 60° и 55° с. ш. отъ 3 до $3^1/2$ и 4 часовъ утра, работаютъ до завтрака и кормки лошадей (если работа съ лошадьми) и отдыхъ употребляютъ до двухъ съ половиною часовъ; потомъ работаютъ часа три, обѣдаютъ и опять кормятъ лошадей, что необходимо, работая долгое время; на это берется, если съ лошадьми, то около двухъ часовъ, если же пѣшіе, то около часа, и потомъ работаютъ пока стемнѣетъ; такимъ образомъ выгоняютъ отъ $11^1/2$ до 12 и болѣе рабочихъ часовъ въ сутки. Но какъ у такихъ помѣщиковъ крестьяне не одарены большею физическою силою противъ обыкновенныхъ рабочихъ, то все-таки они не производятъ полезной работы болѣе, чѣмъ въ 8 часовъ въ день. Посмотримъ, производятъ ли они ее и въ это число часовъ. Какъ сказано выше, работникъ не въ состояніи проработать безъ малаго отдыха и часа; но какъ старосты, по большей части управители,

а въ этомъ случаѣ и сами помѣщики съ практической механикой не знакомы, потому и не знаютъ навѣрное, сколько времени человѣкъ можетъ проработать, то имъ всегда кажется, что рабочіе слишкомъ часто останавливаются отдыхать; если же притомъ у сосѣда, заставляющаго работать своихъ крестьянъ сравнительно меньшее число часовъ, поэтому менѣе остановокъ во время работы для отдыха, то упуская изъ виду сравнительно большее число часовъ, которое они заставляютъ своихъ крестьянъ работать, и обращая вниманіе единственно на число остановокъ, они окончательно убѣждаются въ лѣности своихъ крестьянъ; для противодѣйствія этому употребляютъ брань, угрозы, наказанія, и тѣмъ не только не достигаютъ своей цѣли, потому что, несмотря ни на какія наказанія, человѣкъ болѣе своихъ силъ работать не въ состояніи, но, не давши работнику отдохнуть сколько ему надобно, заставляютъ его по необходимости прибѣгать къ хитрости и искать отдыха во время самой работы, или мытарить работой, отчего, конечно, помѣщикъ не въ барышѣ. Крестьянинъ же, послѣ такой работы, ослабѣетъ и физически и нравственно; проработавъ же такимъ образомъ три дня, онъ непремѣнно четвертый день отдыхаетъ или мало работаетъ, такъ что на свою работу, кромѣ воскресенья, ему остается только два дня, въ которые, не успѣвая произвести всѣхъ необходимыхъ въ крестьянскомъ быту работъ, часто оставляетъ поля худо обработанными, и сѣно не все или не во время убранное. Да кромѣ того, привыкнувъ мытарить на господской работѣ, онъ уже отвыкаетъ хорошо работать и на своей; вслѣдствіе этого—бѣдность, для забвенія которой онъ начинаетъ прибѣгать къ вину или поправляетъ ее мошенничествомъ.

Конечно, если уроки усилены до такой степени, что прямо не даютъ возможности крестьянамъ исполнять хорошо своей работы, то прямыя слѣдствія этого—бѣдность, нищенство и пороки, рождающіеся отъ бѣдности; и имѣніе, такъ устроенное, пожалуй можетъ обратить на себя вниманіе предводителя и земской полиціи. Если же оно и ускользнетъ отъ ихъ бдительности, что случается, то все-таки такое имѣніе представляетъ капиталъ уменьшающійся, что ясно доказывается при продажѣ такихъ имѣній, когда, несмотря ни на одинаковое количество земли, ни на лучшую обработку полей помѣщика, ни на большіе доходы, противъ равнаго имѣнія, въ которомъ крестьяне находятся въ хорошемъ положеніи, первое идетъ за цѣну гораздо низшую противъ втораго, что встрѣчается сплошь и рядомъ, исключая развѣ случая, что попадется слишкомъ нера-

счетливый покупщикъ (что можно нынѣ встрѣтить довольно рѣдко), потому что всякій понимающій дѣло покупщикъ очень хорошо знаетъ, что поправлять положеніе крестьянъ его рано или поздно могутъ принудить закономъ, поправить же разоренныхъ и худой нравственности крестьянъ гораздо труднѣе и дороже, чѣмъ хорошо удобрить и обработать поля помѣщика, даже покупая удобренія и нанимая рабочихъ крестьянъ. Если же помѣщикъ разоренныхъ крестьянъ вздумаетъ, для избѣжанія нищихъ, и расчитывая вмѣстѣ съ тѣмъ на еще большее усиленіе работъ, обратить всѣхъ своихъ крестьянъ въ мѣсячниковъ (расчитывая, что содержаніе ихъ и съ семействами можетъ вполнѣ окупиться работой), то такимъ его выгоднымъ предпріятіямъ тоже пожалуй могутъ помѣшать предводитель съ исправникомъ, и имѣніе его отъ такого устройства никакъ въ цѣнѣ не возвысится.

Все это сказано никакъ не съ тѣмъ, чтобы убѣдить въ ошибочности ихъ расчетовъ господъ, выдумывающихъ урочныя положенія съ единственною цѣлью усиленія работъ, или увеличивающихъ съ тою же цѣлью число часовъ барщины (эти господа по большей части люди съ такими твердыми убѣжденіями, что переубѣдить ихъ ничѣмъ нельзя), но съ тѣмъ, чтобы предупредить помѣщиковъ или людей служащихъ, пріѣзжающихъ въ свои имѣнія на короткое время, не успѣвшихъ хорошо вникнуть во всѣ свои выгоды, и которые, по неимѣнію времени самимъ обо всемъ хорошо обдумать, принуждены иногда обращаться за совѣтами къ сосѣдямъ, или искать свѣдѣній въ статьяхъ хозяйственнаго содержанія. Если же эти сосѣди или статьи такого рода, что убѣжденія ихъ приводятъ къ подобнымъ хозяйственнымъ распоряженіямъ, то они часто могутъ ввести во вредное заблужденіе людей, еще не очень знакомыхъ съ отношеніями помѣщика къ крестьянамъ и съ положеніемъ крестьянъ, потому что часто эти сосѣди или составители подобныхъ статей, въ подтвержденіе своихъ убѣжденій, приводятъ громкія фразы о необходимости труда, какъ единственнаго средства для предохраненія рабочаго класса отъ пороковъ и для общественной безопасности, говорятъ много, кстати и некстати, о святости долга помѣщика и пр., и иногда довольно ловко защищаютъ свои эгоистическія (хотя довольно близорукія) учрежденія, стараясь доказать ихъ необходимость ради нравственности и общественной пользы.

У. Карповичъ. Хозяйственные опыты. Санктпетербургъ 1857:

§ 149: Работы людей раскладывать въ полевомъ хозяйствѣ по уро-

камъ.—Полевыя работы: паханіе, боронованіе, засѣваніе полей, уборку хлѣба, кошеніе, возку навоза, и прочія разнаго рода, отнюдь не должно иначе располагать, какъ въ раздѣлъ, по урокамъ, или частямъ на тягло; отъ такого распоряженія работы идутъ гораздо успѣшнѣе. Мѣра урока должна быть наблюдаема и опредѣляема со справедливою точностью, что въ состояніи сдѣлать безъ отягощенія работниковъ и съ большею пользою, какъ то: разстояніе, дорогу, почву, погоду, состояніе крестьянскихъ лошадей, и сколько можно стараться щадить крестьянскихъ лошадей, чтобы и ихъ поля хорошо были обработаны.

§ 150. Крестьяне на господскую работу должны являться лѣтомъ съ восходомъ и уходить домой съ захожденіемъ солнца; зимой же до разсвѣта обмолачивать хлѣбъ.

Чаще осматривать и повѣрять, всѣ ли тягловые крестьяне на господской работѣ, и нѣтъ ли какихъ упущеній по этой книгѣ.

Малосильные старики, выписанные изъ тягла, и мальчики, еще не вписанные въ тягло, ни подъ какимъ предлогомъ въ полевыхъ работахъ вмѣсто тягловыхъ быть не должны.

Во время полевыхъ работъ не должно заниматься никакими другими, но всѣ до одного тягла должны быть въ полевыхъ роботахъ на лицо.

Въ лѣтнее время, послѣ половины дня, на отдыхъ полагается два, а въ зимнее—полтора часа.

Въ работахъ разнаго рода, а тѣмъ болѣе полевыхъ, назначать уроки умѣренные, какъ сказано въ § 149, отъ чего исправные отдѣлываются, а лѣнивые и въ свои дни должны будутъ работать на господскихъ поляхъ.

Если кто изъ крестьянъ не явится на господскую работу подъ предлогомъ болѣзни, такого самому управляющему освидѣтельствовать, и лучше, не сказывая напередъ никому, посѣтить неожиданно, и если крестьянинъ точно болѣнъ, то оказать ему пособіе и не тревожить до выздоровленія.

Наблюдать, чтобы крестьяне на господскихъ работахъ и болѣе полевыхъ, поступали по правиламъ, изложеннымъ по этой книжкѣ, не лѣнились, дѣлали все исправно и хорошо; и какъ скоро работы раздѣлены будутъ по частямъ или урокамъ, то прилежнѣе смотрѣть, чтобы крестьяне всѣ до одного другъ предъ другомъ старались лучше работать, а не такъ, какъ они обыкновенно дѣлаютъ, что обрабатываютъ прежде свои поля, или одинъ выѣдетъ въ поле, а другой нѣтъ, говоря, что еще будетъ времени обработать господ-

скія поля. Сего отнюдь не дозволять дѣлать, но чтобы всѣ вмѣстѣ являлись на господскую работу и нисколько не отставали одинъ отъ другого.

Управляющему имѣніемъ, для успѣшнаго хода работъ, необходимо чаще смотрѣть на работниковъ иногда изъ лѣса, изъ подъ горы, вообще издали, и стараться заставать ихъ въ расплохъ.

Въ большихъ имѣніяхъ, гдѣ поля обширны, не худо имѣть зрительную трубу; я этимъ средствомъ пріучалъ къ прилежному исполненію своей обязанности надзирателей, которые присматривали за работами, замѣчая издали, что они всегда, по старой привычкѣ, спятъ по три и болѣе часовъ, работники въ это время ничего не дѣлаютъ, а которые и работаютъ, то не такъ, какъ бы слѣдовало, или стоятъ, и озираясь кругомъ, спрашиваютъ другъ друга; не ѣдетъ ли самъ управляющій; отъ сего, именно, полевыя и сѣнокосныя работы всегда бываютъ неисправны, опозданы, или весьма дурно исполнены, словомъ, кто привыкъ управлять крестьянами изъ комнаты, и смотрѣть за работами изъ окошекъ, а самъ не хочетъ за всѣмъ наблюдать, тамъ о доходахъ нечего и спрашивать, ибо въ нынѣшнее время отъ работниковъ, безъ строгаго присмотра, ничего быть не можетъ хорошаго. Если кто желаетъ получать значительные доходы, тотъ долженъ, не полагаясь на другихъ, быть всегда трудолюбивымъ, дѣятельнымъ, вездѣ быть и все видѣть; тогда доходы будутъ увеличиваться ежедневно.

Руководство къ управленію имѣніями. Книга для помѣщиковъ и управителей. Соч. *А. Вонляръ-Лярскаго,* просмотрѣнное *С. М. Усовымъ.* Санктпетербургъ 1840, гл. XI—Счеты работъ. (Изложеніе ведется въ формѣ діалога):

Я. Да позвольте посмотрѣть, гдѣ у васъ счетъ работъ? При отчетѣ его нѣтъ.

У. Какой счетъ работъ?

Я. Какъ, какой счетъ. Счетъ людей, лошадей и число дней употребленныхъ для работъ.

У. У насъ нѣтъ такихъ счетовъ.

Я. Какъ же вы можете видѣть, успѣшно ли идутъ работы, и какъ дѣлаете нарядъ?

У. Нарядъ дѣлается по словесному приказанію.

Я, Это не аккуратно. Надобно вести счетъ работъ; иначе вы всегда будете хозяйничать наобумъ, потому что не съ чемъ справиться, когда, какъ, и сколько чего было сработано. Непремѣнно заведите такой счетъ.

У. Пожалуйте формочку.

Я. Да форма все одна. Напишите на листѣ:

Счетъ работъ.

Нарядъ.				Исполненіе.			
Здѣсь писать: Сколько будетъ въ работѣ мужчинъ, женщинъ и лошадей, и что ими предполагается сдѣлать, назнача и запасныя работы, на случай непогоды или другого препятствія.				Здѣсь писать: Сколько, когда, чего и кѣмъ сдѣлаете и почему отступлено отъ наряда.			

Созвавъ старостъ и другихъ начальниковъ, назначьте съ общаго согласія нарядъ на день, на недѣлю, или какъ придется, и запишите все это на лѣвой сторонѣ. А потомъ всякій день означайте число силъ рабочихъ и количество работы.

„Русск. Бесѣда“, 1817, № 4. *А. Кошелевъ.*— О замѣнѣ обязанной работы наемной:

Попечительность, которая, къ несчастью, все болѣе и болѣе входитъ въ моду между нашими хозяевами, истекаетъ не изъ любви къ ближнему (исключенія въ этомъ отношеніи бываютъ, но они крайне рѣдки), даже не изъ сознанія помѣщичьихъ обязанностей (о которыхъ такъ много и такъ пышно говорятъ), а просто изъ горькой необходимости: господскія запашки постоянно увеличиваются, земли постоянно истощаются и требуютъ лучшей обработки; отвозы на продажу господскаго хлѣба, уже не съѣдаемаго огромными дворнями и стаями охотничьихъ собакъ, усиливаются; умноженіе скотоводства ведетъ за собою излишній за нимъ уходъ, и возведеніе разныхъ, прежде, небывалыхъ, построекъ; устройство заводовъ и другихъ производствъ, учреждаемыхъ не на настоящемъ коммерческомъ основаніи, вызываетъ новое напряженіе рабочихъ силъ и проч.; вотъ причины, принуждающія помѣщиковъ къ усиленію крестьянскихъ уроковъ, что имѣетъ слѣдствіемъ обѣднѣніе крестьянъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и крайность для помѣщика держать крестьянина все болѣе и болѣе на помочахъ (стр. 119).

Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ *).

Факты, на которыхъ я остановлюсь въ настоящемъ этюдѣ, до сихъ поръ были малоизвѣстны или, точнѣе, совершенно неизвѣстны. Между тѣмъ они заслуживаютъ вниманія и сами по себѣ, и еще болѣе—по тому, что они составляютъ небольшой, но весьма выразительный уголокъ цѣлой картины крѣпостного хозяйства въ нашей странѣ.

Конецъ XVIII в. и первая четверть XIX в., какъ мы видѣли, были эпохой важнаго перелома въ русскомъ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Русскій помѣщикъ осѣдалъ на землю и организовывалъ земледѣльческое производство съ сознательно и настойчиво преслѣдуемой цѣлью извлеченія изъ поземельной и крещеной собственности наивысшаго денежнаго дохода.

Народилась и развивалась русская крѣпостная агрономія и сельскохозяйственная экономія. Постепенное превращеніе русскаго служилаго и придвор-

*) Докладъ, читанный въ Историческомъ Обществѣ при Спб. Университетѣ и затѣмъ повторенный въ Статистическомъ Отдѣленіи Московскаго Юридическаго Общества. Первоначально напечатанъ въ журналѣ «Начало» за 1899 г.

наго дворянства въ земельное, занимающееся сельскохозяйственнымъ предпринимательствомъ, имѣло свои различныя причины, крупныя и мелкія, положительныя и отрицательныя. Изъ послѣднихъ едва ли не самой главной являлась почти полная неспособность оброчнаго крестьянства къ выгодному для помѣщичьяго класса веденію земледѣльческаго хозяйства. Широкое развитіе въ XVIII в. оброчной системы часто приводило къ самымъ неблагопріятнымъ результатамъ: оброчные крестьяне en masse разорялись, на нихъ накапливалась огромная недоимка; въ то же время хозяйничанье крестьянъ нерѣдко прямо опустошало отданныя на оброкъ имѣнія. Если расширеніе сельскохозяйственнаго рынка въ разсматриваемую эпоху представляло основное положительное условіе, побуждавшее помѣщиковъ заняться сельскохозяйственнымъ предпринимательствомъ, то вытекавшая изъ несостоятельности оброчнаго земледѣльца несостоятельность оброчной системы, какъ способа извлеченія дохода изъ эксплуатаціи крѣпостного земледѣльческаго труда, являлась основнымъ отрицательнымъ условіемъ прямо вынуждавшимъ помѣщиковъ—самимъ приступать къ организаціи и веденію сельскохозяйственнаго производства.

Итакъ, одной изъ причинъ вытѣсненія оброка, какъ способа веденія земледѣльческаго хозяйства (я нарочно говорю: земледѣльческаго хозяйства, потому что къ промысловому и вообще неземледѣльческому труду крестьянъ сказанное непримѣнимо) и замѣны оброка барщиной была хозяйственная несостоятельность оброчныхъ крестьянъ. Но ввести барщину значило не

только заставить крестьянъ работать подъ надзоромъ помѣщика или его агента. Для того, чтобы крестьяне могли съ успѣхомъ работать на барщинѣ, они должны были стоять на извѣстномъ хозяйственномъ уровнѣ. Крестьянинъ безъ рабочаго скота, безъ мертваго инвентаря представлялъ очень незначительную цѣнность для барщиннаго хозяйства. Даже болѣе того: онъ составлялъ отрицательную величину, потому что его необходимо было содержать, если онъ—что случалось нерѣдко—не могъ или не хотѣлъ ничего заработать какимъ-нибудь стороннимъ промысломъ. Барщина требовала согласной и планомѣрной кооперации возможно большаго числа равносильныхъ хозяйственныхъ единицъ. Если оброкъ, предоставляя крестьянъ въ извѣстной степени самимъ себѣ и обязанностью исполнять свои повинности передъ бариномъ въ денежной формѣ усиливая разлагающее вліяніе денегъ, дифференцировалъ крестьянскую массу, то барщина, нуждаясь въ равенствѣ рабочихъ единицъ, какъ важномъ условіи успѣшной кооперации, наоборотъ, оказывалась могущественнымъ нивеллирующимъ факторомъ по отношенію къ крестьянской массѣ.

Необходимость принудительно организовать, поднять и въ извѣстныхъ предѣлахъ уравнять живую рабочую силу ясно сознавалась и теоретиками и практиками крѣпостного хозяйства. Убожество неорганизованнаго крестьянскаго хозяйства и вредъ этой неорганизованности съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ наводилъ на мысль создать для крестьянъ формы быта, болѣе обезпечивающія необходимую для барщиннаго хозяйства экономи-

ческую состоятельность крестьянской массы. Помѣщичья мысль упорно работала надъ вопросомъ объ наиболѣе выгодной «организаціи» крестьянскаго труда *). Въ этомъ формальномъ смыслѣ правъ былъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ противниковъ крѣпостного права *Ю. Самаринъ*, указывавшій въ запискѣ, предназначенной для оффиціальныхъ сферъ, на якобы соціалистическій характеръ крѣпостного права **).

---

*) Доказательствомъ служитъ вся дореформенная литература по сельско-хозяйственной экономіи, центральнымъ вопросомъ которой является управленіе крестьянами. Еще въ 1863 г. извѣстный крѣпостникъ *Н. А. Безобразовъ* писалъ: «Устроенный трудъ (travail organisé)... вотъ что кроется въ такъ легко иногда осуждаемомъ старомъ порядкѣ!» «О старомъ и новомъ порядкахъ и объ устроенномъ трудѣ (travail organisé) въ примѣненіи къ нашимъ помѣстнымъ отношеніямъ». Спб. 1863 г.

**) «Ослабленіе главныхъ пружинъ народной производительности—вотъ прямое послѣдствіе настоящаго положенія рабочаго крѣпостного сословія. Выражая этими словами выводъ изъ неопровержимыхъ фактовъ и изъ отзывовъ русскихъ хозяевъ, нельзя не вспомнить живой полемики, возгорѣвшейся во Франціи въ 1848 г., когда, послѣ февральской революціи, торжествующіе соціалисты, захвативъ верховную власть, приступили къ приложенію своей теоріи организаціи труда. Всѣ серьезныя возраженія, противъ нихъ предъявленныя, сводились къ слѣдующимъ двумъ: «Принимая на себя удовлетвореніе нуждамъ каждаго, вы дадите премію тунеядству, подрывая право собственности, вы запугаете капиталы: нынѣ находящіеся въ обращеніи скроются, а накопленія новыхъ остановятся». Намъ, конечно, были совершенно чужды вопросы и страсти, въ то время волновавшія Францію; но мы слѣдили съ напряженнымъ участіемъ за борьбою партій, и, съ свойственною намъ горячностью къ чужому дѣлу, мы рукоплескали издали мужественнымъ противникамъ въ то время торжествовавшей школы и не находили словъ для осужденія соціалистовъ. Напрасно! Если бы мы взглянули на вопросъ хладнокровнѣе и глубже, мы бы, вѣроятно, замѣтили, что возраженія, подъ которыми похоронена была теорія организаціи

Быть можетъ, наиболѣе замѣчательнымъ плодомъ теоретической работы помѣщичьей мысли надъ вопросомъ объ организаціи крестьянскаго хозяйства былъ премированный въ 1843 году Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства

труда, падали во всей силѣ и на крѣпостное право. Не намъ, единственнымъ во всей Европѣ представителямъ этого права, поднимать камень на соціалистовъ. Мы съ ними стоимъ на одной доскѣ, ибо всякій трудъ невольный есть трудъ, искусственно организованный. Вся разница въ томъ, что соціалисты надѣялись связать его добровольнымъ согласіемъ массъ, а мы довольствуемся ихъ вынужденною покорностью». («О крѣпостномъ состояніи и переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ». Собраніе сочиненій, т. II, стр. 42—43).

Эти слова, въ которыхъ чувствуется искреннее убѣжденіе автора, мнѣ кажется, достаточно опровергаютъ ту басню, что подлинные практическіе дѣятели освобожденія крестьянъ сочувствовали западноевропейскому соціализму. Между тѣмъ изъ этихъ дѣятелей именно у Юрія и у другихъ славянофиловъ, сочувствовавшихъ общинѣ, ничего скорѣе можно было бы ожидать какихъ бы то ни было точекъ соприкосновенія съ соціализмомъ. На самомъ же дѣлѣ у классическихъ практиковъ славянофильства — Юрія Самарина и Ивана Аксакова—были весьма ярко выраженныя буржуазныя тенденціи, которыя у классическихъ теоретиковъ славянофильства скрадывались романтикой. Слова *Самарина*: «Мы издали рукоплескали»—сами такъ и напрашиваются на сопоставленіе съ противоположными признаніями *Салтыкова* въ «За рубежомъ» (полн. собр. соч., изд. 3-е, т. VIII, стр. 442): «Я... примкнулъ... къ тому безобидному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Кажется, не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи-Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что «золотой вѣкъ» находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желательное, все благообильное—все шло оттуда». *Самаринъ* и *Салтыковъ* рукоплескали по двумъ противоположнымъ адресамъ. Современные либералы и народники очень часто забываютъ объ этомъ, а, между тѣмъ, исторію не мѣшаетъ вспоминать хотя бы для... самопознанія.

проектъ *Вилькинса* объ организаціи крѣпостныхъ крестьянъ въ сводныя хозяйства или семьи, подчиненныя назначеннымъ помѣщикомъ отвѣтственнымъ хозяевамъ, распоряжающимся своими домочадцами, какъ рабочимъ скотомъ.

Дикій, съ извѣстной точки зрѣнія, планъ *Вилькинса* былъ въ то же время геніальной конструкціей идеальнаго крѣпостного хозяйства. И, быть можетъ, всего знаменательнѣе, что *Вилькинса* на его идею натолкнули не только теоретическія соображенія, но и случай изъ практики его дѣда. Послѣдній, помѣщикъ Рязанской губ., «примѣрное хозяйство котораго славилось лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ», т. е. въ концѣ XVIII в., по всему околотку, «откровенно сознавался, что успѣхами своими онъ обязанъ одному только заведенію о с ь м а ч н ы х ъ х о з я й с т в ъ у своихъ крестьянъ». «Эта мѣра», по словамъ его, чрезвычайно облегчала какъ общій надзоръ за имѣніемъ, такъ и своевременное производство всѣхъ господскихъ и крестьянскихъ работъ въ лучшемъ видѣ. Приступилъ онъ къ этому устройству слѣдующимъ образомъ: всѣхъ крестьянъ, около 700 душъ, числящихся при двухъ господскихъ усадьбахъ, раздѣлилъ на особыя, частныя хозяйства по восьми сохъ, или тягловыхъ работниковъ въ каждомъ, и назвалъ эти отдѣленія о с ь м а к а м и. Хозяинъ, который завѣдывалъ осьмакомъ, распоряжался всѣми рабочими силами своего хозяйства какъ на барщинѣ, такъ и у себя дома; онъ отвѣчалъ не только за успѣшность работъ, но также за нравственность и образъ жизни самихъ работниковъ. Правду сказать, въ то время это было легко: въ семействахъ еще не знали тѣхъ безпутныхъ дѣ-

лежей, какіе мы видимъ нынче, и въ рѣдкомъ домѣ было меньше четырехъ или, по крайней мѣрѣ, трехъ взрослыхъ мужчинъ; а отъ того работниками были сыновья и ближніе родственники хозяина, которые и безъ того непосредственно отъ него зависѣли. Всѣ господскія работы назначались поосьмачно, и для каждаго осьмака опредѣлено было извѣстное количество земли въ барскихъ поляхъ. Нарядъ отъ старосты дѣлался однимъ только хозяевамъ, которые сами уже высылали положенное число работниковъ и для собственной выгоды заботились о томъ, чтобы господскую работу кончить, по возможности, скорѣе; староста или приказчикъ наблюдалъ только, чтобы она производилась какъ можно лучше, и такимъ образомъ все шло въ порядкѣ и безостановочно. Молодые крестьяне поступали въ осьмакъ съ 16-ти-лѣтняго возраста, а старики выключались въ 60 лѣтъ и не исправляли уже барщины... Во всѣхъ деревняхъ крестьянскія земли, какъ пахотныя, такъ и сѣнокосныя, раздѣлены были не черезполосно, а особыми углами для каждаго осьмака, чтобы помѣщикъ могъ однимъ взглядомъ обозрѣть успѣхи того или другого хозяйства и безошибочно судить о степени рачительности каждаго хозяина. Тѣ изъ нихъ, которые оказывались прилежными и старательными, получали разнаго рода награды, а беззаботные и нераспорядительные или наказывались денежной пеней въ пользу церкви, или смѣнялись вовсе, и на мѣсто ихъ выбирались другіе болѣе надежные» *).

*) *И. Вилькинсъ.* Мысли и наблюденія о положеніи земледѣльческой промышленности. Москва. 1843.

Вилькинсъ въ подтвержденіе пользы сводныхъ хозяйствъ ссылается еще на организацію поселенныхъ на казенныхъ земляхъ питомцевъ Московскаго Воспитательнаго дома въ семейныя хозяйства. Я не стану излагать этотъ поучительный экспериментъ, который такъ же, какъ и проектъ самаго *Вилькинса*, извѣстенъ уже въ литературѣ, благодаря трудамъ *В. И. Семевскаго*.

Я остановился на идеяхъ *Вилькинса* потому, что строй ихъ близокъ къ тѣмъ крѣпостнически-артельнымъ начинаніямъ, которымъ посвященъ мой этюдъ. Дѣйствительно, логически и практически отъ семейной «организаціи» барщинныхъ крестьянъ къ артельной, отъ крѣпостного патріархализма до крѣпостного соціализма было рукой подать. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ было останавливаться на фикціи крѣпостной патріархальной семьи, разъ «своя рука владыка», и разъ можно создать крѣпостной фаланстеръ, крѣпостную артель или «дружину»? Тутъ можно было бы не только соблюсти свои денежные интересы, не только удовлетворить чувству своей отеческой попечительности, но и—при достаточной фантазіи—предаться славянофильской романтикѣ и мечтать о возстановленіи древнерусскаго строя. Крѣпостная теорія и крѣпостная практика сдѣлали этотъ шагъ отъ патріархализма къ не менѣе попечительному соціализму.

Съ романтическаго случая я начну свой обзоръ. Въ № XXV «Земледѣльческаго Журнала» Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства (1829 г.) помѣщена статья дѣйствительнаго члена *Николая Стремоухова*: «Мысли о возможности улучшенія сельскаго хозяйства въ Россіи, основан-

ныя на природѣ человѣческой и на древнихъ россійскихъ обычаяхъ». Авторъ статьи начинаетъ съ того, что авторитетнымъ тономъ, ссылками на Карамзина и даже на первоисточники увѣряетъ читателя, что въ Россіи съ IX в. по XVIII в. господствовалъ своеобразный коллективистическій строй—«Сошное устройство».

«Сіе предварительное устройство въ Россіи съ незапамятныхъ временъ существовало само собою въ сельскомъ ея распорядкѣ земледѣльцевъ, обществами, дружинами, сохами называвшимися. Сохи состояли изъ нѣсколькихъ семействъ, соединенныхъ въ одно общество различно, по различію мѣстъ, отъ 3 до 64 и болѣе дворовъ земледѣльческихъ въ каждомъ, съ соразмѣрнымъ количествомъ земли въ общемъ владѣніи. Для внутренняго порядка сохи расчитывались на обжи, тягла, выти и тому подобные общественные удѣлы; но никогда на семьи и полосы порознь, какъ нынѣ, ко вреду хлѣбопашества и всего хозяйственнаго устройства».

«Многія великороссійскія селенія, въ истинѣ сего отъ предковъ убѣжденныя, удержали обычай сей сами собою. Въ нихъ нерѣдко и теперь еще видѣть можно, особливо между однодворцами и удѣльными крестьянами, семьи или роды, заключающіе отъ 30 до 40, до 50 и болѣе душъ, живущихъ и хозяйствующихъ вмѣстѣ подъ распоряженіемъ старшаго въ родѣ, при совершенномъ во всемъ изобиліи и во всякой сельской и государственной исправности. Рядомъ же съ ними живущіе поселяне, по самовольству или развратности обычай сей оставившіе и хозяйствующіе мелкими семьями, таковыхъ выгодъ отнюдь не имѣютъ. Милліоны

недоимокъ накопились въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раздѣлы крестьянъ укоренились; онѣ при всѣхъ предпринимаемыхъ мѣрахъ остаются неудобо-взыскуемыми и служатъ тому яснымъ, хотя и вреднымъ для всего государства, доказательствомъ. Въ семъ же безпорядкѣ имѣютъ корень свой и другія неисчислимыя неудобства поселянъ, всего же болѣе нравственныя».

«Все же сіе прекратилось бы само собою, еслибъ возобновлено было, неизвѣстно для чего и какъ уничтожившееся, полезное для всего, старинное сошное устройство, въ которомъ общность земель и всѣхъ прочихъ выгодъ при взаимномъ надзорѣ и извѣстности поведенія всѣхъ, доставляя каждому въ изобиліи его долю, за бездоимочною уплатою податей, удержало бы всякаго въ непереступаемыхъ никѣмъ границахъ, какъ въ описанныхъ случаяхъ, такъ и во всемъ прочемъ».

Стремоуховъ былъ, очевидно, фанатикомъ коллективизма или, какъ онъ называлъ его, «совокупнаго домоводства». Онъ одобряетъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, которые сажаютъ крестьянъ на мѣсячину и «хозяйствуютъ со своими домочадцами вмѣстѣ», и порицаетъ такихъ мелкихъ владѣльцевъ, которые «изъ ложнаго стыда и неумѣстнаго подражанія богатымъ» не дѣлаютъ этого. Онъ восхваляетъ монастырскія хозяйства и нѣмецкую колонію Сарепту, онъ—last not least—умиляется военными поселеніями, какъ «приличнѣйшей для Россіи системой совокупнаго домодства» (забывая прибавить, что это была и единственная не только осуществимая, но и просто мыслимая въ Россіи XIX в. форма коллективизма). «Въ нихъ (т. е. въ военныхъ поселе-

ніяхъ) успѣшнѣе, нежели гдѣ либо, можетъ составиться и усовершенствоваться домоводство... Въ нихъ-то всего лучше соединиться и процвѣсти могутъ всѣ отрасли промышленности, искусствъ, торговли и всякаго устройства въ полномъ смыслѣ. Истину сію попечительное начальство Сибирскаго линейнаго полка постигло во всей обширности и введеніемъ въ ономъ общественнаго хозяйства и ремеслъ для счастья подчиненныхъ и пользы всего края съдѣятельностью приводитъ въ исполненіе, являя тѣмъ глубокое познаніе свойствъ и средствъ человѣческихъ» (sic!).

Словомъ, *Николай Стремоуховъ* былъ универсальный коллективистъ sans phrases. Онъ представлялъ въ этомъ отношеніи какъ бы художественную крѣпостническую каррикатуру великихъ французскихъ утопистовъ (вліяніе «утопической» литературы на *Стремоухова* весьма вѣроятно). Его прельщала идея «совокупнаго домоводства», кѣмъ бы и какъ бы она ни осуществлялась; и онъ былъ принципіальнымъ противникомъ индивидуализма и эгоизма, для котораго онъ выдумалъ даже специфически русское слово: «опричность».

Стремоуховъ набросалъ картину цѣлаго Zukunftstaat'a, въ основѣ котораго лежитъ организація товариществъ. «Таковыя товарищества,—говоритъ *Стремоуховъ*, — могли бы составиться во всякомъ уѣздѣ, въ волости и селеніи, изъ владѣльцевъ по согласію ихъ между собою, съ оцѣнкою ихъ имѣнія или съ денежными вкладами, и изъ казенныхъ всѣхъ званій поселянъ, распоряженныхъ на сохи или земледѣльческія дружины, на коренномъ всѣхъ компаній и обществъ, вытномъ или акціонномъ основаніи, по которому бы всѣ товарищи, сораз-

мѣрно ихъ вкладамъ, а работающіе—ихъ работамъ, получали изъ всего опредѣленныя свои доли. Распоряженіе всѣхъ дѣйствій сихъ обществъ по уставамъ и правиламъ, свойственно каждому напередъ составленнымъ, должно быть поручено изъ нихъ же избраннымъ разрядамъ, думамъ и совѣтамъ, а у казенныхъ крестьянъ, сверхъ того, особому надзору и руководству отъ правительства назначеннаго начальства. Симъ способомъ крестьяне получатъ полезныя правила для жизни и нѣкоторое направленіе своего досужества, которыхъ они теперь вовсе не имѣя, поступаютъ во всемъ наудачу, кромѣ нѣкоторыхъ хитрѣйшихъ изъ нихъ, простотою другихъ пользующихся. При таковомъ правильномъ и по волѣ и намѣреніямъ попечительнаго правительства удобно руководимомъ устройствѣ поселянъ можно будетъ немедленно предпринять всякія улучшенія и заведенія, о коихъ теперь не только имъ, но и никому изъ насъ (не исключая и самыхъ богатыхъ помѣщиковъ, имѣющихъ также свои неудобства) и подумать почти невозможно; все же сіе начать съ той самой точки улучшенія всего хозяйства, до какой оно доведено теперь въ разныхъ мѣстахъ. Тогда во всякомъ селѣ, по крайней мѣрѣ, на шесть у насъ зимнихъ мѣсяцевъ, заведется фабрика, и тѣ же фабриканты будутъ лѣтомъ обращаться въ хлѣбопашцевъ. Земледѣліе и рукодѣлья, одно безъ другого въ совершенствѣ быть не могущія, тогда взаимно поддерживались бы и возрастали съ равною, въ мѣстахъ отдаленныхъ и близкихъ отъ столицъ, удобностью и съ потребленіемъ тамъ же большей части своихъ произведеній. Вредныя хлѣбопашеству чрезполосность и неуравни-

тельность земель прекратились бы сами собою; бѣдность бы исчезла; всякія ремесла, промыслы, художества, торговля и все прочее полезное вездѣ соразмѣрно бы водворились; подати, въ существѣ своемъ по-истинѣ ничего не значащія, но со всѣмъ тѣмъ трудныя теперь къ уплатѣ, сдѣлались бы легчайшею и всегда исправно вносимою повинностью; самая обширность государства, теперь всѣ сообщенія и связи частей затрудняющая, тогда бы легкимъ и возможнымъ всегда соединеніемъ придавала бы всеобщей дѣятельности новую жизнь, движеніе и силу».

Итакъ, *Стремоуховъ*, очевидно, уже до автора «Очерковъ пореформеннаго хозяйства» уразумѣлъ весь вредъ отдѣленія обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія и до *В. Е. Постникова*, автора книги «Южно-русское крестьянское хозяйство», нарисовалъ, въ качествѣ идеала, земледѣльческо-ремесленную общину. Какъ русскій помѣщикъ первой половины XIX в., онъ благоразумно обходилъ молчаніемъ вопросъ о положеніи помѣщичьихъ крестьянъ въ рисуемомъ имъ Zukunftstaat'ѣ, активными агентами котораго были только помѣщики и казенные поселяне; послѣдніе, впрочемъ, «подъ особымъ надзоромъ и руководствомъ отъ правительства назначеннаго начальства». Крѣпостныхъ крестьянъ *Стремоуховъ*—какъ мы увидимъ дальше—имѣлъ въ виду наградить крѣпостными артелями. Осуществленіе Zukunftstaat'а рисовалось *Стремоухову* цѣлымъ огромнымъ переворотомъ.

«Горы тогда исчезнутъ (sic!), на мѣстахъ ихъ пролягутъ пути, и воды заструятся съ своимъ и чужеземнымъ грузомъ доселѣ невообразимыхъ (sic!)

сокровищъ; устройство всякаго рода и обиліе водворятся; просвѣщеніе истинное, никому уже не вредное, послѣдуетъ». Раскрывъ такія грандіозныя перспективы, нашъ авторъ заявляетъ, что онъ «не ослѣпляется скорой возможностью» ихъ осуществленія, а потому предлагаетъ начать съ кооперації болѣе скромныхъ размѣровъ, съ покупки нѣсколькими товарищами «на складочныя деньги» «способнаго имѣнія» для коллективной эксплуатаціи.

Знакомясь съ «сошнымъ устройствомъ» по проекту *Стремоухова*, мы находились еще всецѣло въ области чистѣйшей крѣпостной теоріи, въ идеологическихъ эмпиреяхъ. Но въ качествѣ одного изъ 10 тысячъ полиціймейстеровъ — по знаменитому опредѣленію императрицы Екатерины II — *Стремоуховъ* обладалъ очень реальной и очень сильной властью, которой онъ могъ воспользоваться для практическихъ экспериментовъ. Онъ не преминулъ это сдѣлать. Тутъ скрытые прежде въ туманѣ всероссійскаго крѣпостного Zukunftstaat'a крѣпостные мужички выступили на яркій Божій свѣтъ. За первой статьей *Стремоухова* въ томъ же нумерѣ «Земледѣльческаго журнала» напечатана другая статья его же: «Описаніе хозяйственнаго распорядка, основаннаго на общественномъ или соединенномъ хозяйствѣ». Это описаніе строя крѣпостныхъ отношеній, введеннаго въ сельцѣ Миловидовѣ Слободско-Украинской губерніи, подлѣ города Сумъ и въ 1829 г. существовавшаго уже 15 лѣтъ. *Стремоуховъ* снова повторяетъ здѣсь свои доводы въ пользу «хозяйствованія общественнаго или соединеннаго» и затѣмъ переходитъ къ описанію установленнаго имъ въ своемъ имѣніи режима.

Режимъ этотъ состоялъ—по словамъ самого *Стремоухова* — въ соединеніи «двухъ, по свойству своему и исполненію, различныхъ видовъ хозяйствъ помѣщичьяго и поселянскаго». «Производство» этого единаго хозяйства было предоставлено «самимъ поселянамъ подъ моимъ только, въ чемъ нужно руководствомъ». «Я, — говоритъ *Стремоуховъ*, — поручилъ общее наше хозяйство, ихъ работы и поведеніе собственному поселянъ взаимному между собой надзору, попеченію и побужденію...», и въ примѣчаніи прибавляетъ: «или иначе сказать, установилъ общественность и равенство, но не въ движимой собственности или имуществѣ каждаго, какъ нѣкоторые думали и пересказывали, а только въ количествѣ земельныхъ участковъ и обработываніи оныхъ, предоставя, впрочемъ, пользоваться плодами трудовъ ихъ, справедливо между ними раздѣленными... каждому семейству по его волѣ». Это замѣчаніе въ извѣстномъ смыслѣ дѣлаетъ честь *Стремоухову*, который, какъ ясно видно изъ него, умѣлъ отличать коммунизмъ въ потребленіи отъ коммунизма въ производствѣ. Оно, кромѣ того, указываетъ на то, что эксперименты *Стремоухова* служили предметомъ толковъ и критики, и мы увидимъ ниже, что они получили впослѣдствіи признаніе со стороны авторитетнаго общества, являвшагося въ николаевскую эпоху лучшимъ органомъ помѣщичьяго класса. «Всѣ земли (имѣнія), прежде мою и поселянъ собственность раздѣльно представлявшія, соединилъ я въ одно наше общее имущество, мнѣ по праву, а имъ по обработанію принадлежащее, съ раздѣленіемъ его на удѣлы (опять нашъ романтикъ упивается древне-русской

терминологіей! *П. С.)*, присвоенные опредѣленному числу хозяевъ-товарищей». Вся обработка земли производится товариществами или частями, называемыми сохами или дружинами. Весь продуктъ дѣлится пополамъ между владѣльцемъ и крестьянами съ тѣмъ, однако, что хлѣбъ на сѣмена и всѣ казенныя подати, а также расходы на жилыя и прочія постройки крестьянъ покрываются изъ половины владѣльца, въ пользу котораго остается, такимъ образомъ, только треть чистаго продукта. Треть эта, по словамъ *Стремоухова*, «при семъ общественномъ, а слѣдовательно добровольно и рачительнѣе улучшенномъ хозяйствѣ составляетъ гораздо болѣе, нежели сколько при прежнемъ трехдневномъ или раздѣльномъ съ поселянами земледѣліи и при самомъ лучшемъ присмотрѣ получить было можно». «Свою же половину, также прежній сборъ ихъ далеко превышающую, крестьяне дѣлятъ зерномъ или копнами по установленному между собою порядку и употребляютъ въ семьяхъ ихъ на продовольствіе и продажу по своей волѣ, или все, по расчету отъ годовой потребности остающееся, продаютъ вмѣстѣ и дѣлятъ деньги на всякаго работающаго поровну или соразмѣрно той пользѣ, каковую кто обществу приноситъ». Сохи или дружины, состоящія каждая изъ 25 тяглъ «обрабатываютъ свой надѣлъ земли и прочія дѣла исправляютъ вмѣстѣ, въ видѣ дружескаго или братскаго общества товарищей, подъ взаимнымъ всѣхъ между собою въ сработаніи выти, участковъ или уроковъ наблюденіемъ и подъ надзоромъ для порядка одного изъ нихъ старшаго, дружиннымъ или соховымъ называемаго... Симъ средствомъ хозяева, даже самые нерадивые и при

обыкновенномъ порядкѣ часто безъ хлѣба бывающіе, не могутъ участковъ своихъ въ надлежащее время не обработать или обработать худо, ибо ровный раздѣлъ урожая дѣлаетъ въ семъ случаѣ взаимность наблюденія и побужденія сильнѣе всякаго начальственнаго присмотра, а надъ нѣкоторыми дѣйствительнѣе собственнаго побужденія не только въ хозяйствѣ и работахъ, но въ самой домашней жизни и поведеніи, потому что 23 или 24 хорошихъ товарища не потерпятъ лѣни или пьянства 25-го, ровную съ ними часть изъ общихъ трудовъ получающаго».

Стремоуховъ указываетъ также, что такое устройство крестьянскаго хозяйства важно потому, что имъ можно воспрепятствовать «нѣсколькимъ должностнымъ или богатымъ въ обществѣ поселянамъ брать у бѣдныхъ ихъ земельные участки за самую малую цѣну, а иногда и даромъ, оставляя сихъ послѣднихъ какъ бы по установившемуся правилу всегда въ неимущихъ, что по большей части нынѣ во многихъ, особенно казенныхъ селеніяхъ, обыкновенно дѣлается» *).

Двѣ дружины или сохи, имѣющія смежные земельные участки, составляютъ посадъ, во главѣ котораго стоитъ посадскій, назначаемый помѣщикомъ изъ дружинъ, къ его посаду не принадлежащихъ. Посадскій отъ всѣхъ работъ лично освобож-

*) Указаніе на болѣе сильную дифференціацію свободныхъ государственныхъ крестьянъ, сравнительно съ крѣпостными, постоянно повторяется въ дореформенной экономической литературѣ. Очень вѣское доказательство той нивеллирующей тенденціи крѣпостного барщиннаго режима, которую мы отмѣтили въ самомъ началѣ настоящаго этюда!

дается. Три посада или 6 дружинъ, составлявшіе все владѣніе *Стремоухова*, управляются вотчиннымъ старшиной, тоже назначаемымъ и руководимымъ помѣщикомъ. Старшина этотъ такъ же, какъ посадскій, свободенъ отъ всѣхъ общественныхъ работъ. Но, кромѣ того, отъ нихъ освобождена и его жена. Поэтому, тогда какъ въ семью посадскаго командируется лишь одинъ сторонній работникъ, семьѣ вотчиннаго старшины даются работникъ и работница. Кромѣ этихъ самимъ помѣщикомъ назначаемыхъ («по новости введенія») должностныхъ лицъ, сами крестьяне каждой дружины избираютъ судью, или справедливаго, ключника, или артельщика, токового, или гуменника и разнаго рода другихъ должностныхъ лицъ. Для разбора случающихся между поселянами споровъ и другихъ дѣлъ функціонируетъ коллегіальный судъ, составленный изъ упомянутыхъ выше судей, или справедливыхъ и называемый «судомъ справедливыхъ».

Палладіумомъ коллективизма въ вотчинѣ *Стремоухова* являлся общественный скотный дворъ, устроенный въ виду того, что централизованное содержаніе скота представляетъ удобства, совершенно недоступныя отдѣльнымъ дворамъ. Нельзя не указать также, что въ вотчинѣ *Стремоухова* былъ введенъ шестипольный сѣвооборотъ и вообще улучшенное земледѣліе. Далѣе, на особомъ дружинномъ положеніи *Стремоуховъ* содержалъ «довольное число выученыхъ мастеровыхъ изъ домовыхъ и дворовыхъ людей» и предполагалъ ввести и въ сельскія дружины «всѣ нужныя поселянскія ремесла и нѣкоторыя изъ художественныхъ и фабричныхъ», чтобы «поселяне» и «поселянки» имѣли «возмож-

ность въ свободное отъ полевыхъ работъ время еще дѣлать нѣкоторыя пріобрѣтенія, не выходя изъ природнаго и полезнѣйшаго ихъ состоянія». «Торги, извозы и иные свойственные поселянамъ промыслы», хотя и не были запрещены у *Стремоухова*, но желающій заняться ими долженъ былъ напередъ испросить на то отъ общества дозволеніе и поставить ему вмѣсто себя работника. «Желательно впрочемъ, — прибавляетъ *Стремоуховъ*, — чтобъ таковыя отлучки или уклоненія отъ собственныхъ и общественныхъ обязанностей были какъ можно рѣже».

Мы видимъ, что земледѣльческій фаланстеръ *Стремоухова*, при всей своей романтической окраскѣ, которая сказывалась въ извѣстной видимости крестьянскаго самоуправленія, тѣмъ не менѣе явно носилъ на себѣ черты крѣпостного стиля. Не даромъ *Стремоуховъ* заботился о томъ, чтобы мужички не выходили изъ природнаго и полезнѣйшаго ихъ состоянія, недаромъ онъ подчеркивалъ, что его «способъ хозяйствованія общественнаго или соединеннаго» не противорѣчитъ «истинной цѣли ни гражданскаго, ни политическаго, ни семейственнаго общежитія, ни коренным государственным законам, опредѣляющим половину работъ или времени крестьянъ для помѣщиковъ»; недаромъ, всѣ недекоративныя функціи были поручены назначеннымъ отъ помѣщика лицамъ.

Н. С. Стремоуховъ учредилъ въ Миловидовѣ первую въ Россіи школу для крестьянскихъ дѣвочекъ. Этотъ своеобразный соціальный реформаторъ удостоился за свою дѣятельность отъ Московскаго

Общества Сельскаго Хозяйства золотой медали и слѣдующей оцѣнки со стороны одного изъ собратьевъ по сословію: «Николай Степановичъ Стремоуховъ сорокалѣтними трудами своими оказалъ много услугъ русскому хозяйству вообще и мѣстному въ особенности. Онъ ревностно содѣйствовалъ покойному В. Н. Каразину при учрежденіи Харьковскаго фило-техническаго Общества; онъ произвелъ рѣдкій и примѣчательный опытъ преобразованія своего помѣстья (подчеркнуто мной. *П. С.*). Онъ первый ввелъ въ Малороссіи многопольное хозяйство съ травосѣяніемъ, первый ввелъ въ употребленіе Смалевъ плугъ и другія усовершенствованныя орудія; онъ усовершенствовалъ овинъ, распространившійся въ окрестности, облегчилъ цѣпную молотьбу, сдѣлалъ много улучшеній по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и домоводства; но ни одинъ трудъ его не можетъ сравниться съ тѣмъ высокимъ подвигомъ, который онъ совершилъ на пользу народнаго образованія, указавъ на опытѣ легчайшій и вѣрнѣйшій путь перевоспитать низшій классъ народа, коснѣющій въ грубыхъ привычкахъ и суевѣріи (авторъ тутъ имѣетъ въ виду учрежденіе школы для крестьянскихъ дѣвочекъ *П. С.*). Если мы съ уваженіемъ произносимъ имя Фелленберга за услуги, оказанныя имъ народному воспитанію, тѣмъ не менѣе мы должны гордиться подвигомъ своего соотечественника и сочлена трудомъ великимъ, тяжкимъ, быть можетъ не согрѣтымъ ничьимъ теплымъ участіемъ и до сихъ поръ не оцѣненнымъ по достоинству. Утѣшаюсь мыслью, что потомство будетъ признательнѣе къ трудамъ *Н. С. Стремо-*

ухова: оно воспользуется его примѣромъ и впишетъ его имя въ исторію народнаго образованія въ Россіи» *).

Мы думаемъ, что потомство впишетъ имя *Стремоухова* не только или не столько въ исторію русскаго народнаго образованія, сколько въ исторію русской общественной мысли, какъ имя человѣка, представляющаго, быть можетъ, единственный законченный типъ крѣпостнаго соціализма. И даже, въ частности, его взгляды на народное образованіе заслуживаютъ со стороны историка общественныхъ идей гораздо большаго вниманія, чѣмъ первая школа для крестьянскихъ дѣвочекъ со стороны историка начальнаго образованія. Почему, — спроситъ читатель, — *Стремоуховъ* учредилъ школу для дѣвочекъ, а не для мальчиковъ или не для тѣхъ и другихъ? На это у него были серьезные мотивы соціально-политическаго характера. Пусть говоритъ самъ *Стремоуховъ* своимъ восхитительнымъ стилемъ.

Женщины, «говоря вообще—по преобладающему ими чувству набожности, кротости и терпѣнія, по преимущественному... содѣйствію на внушеніе, развитіе и направленіе въ дѣтствѣ религіозныхъ, моральныхъ и другихъ созерцательныхъ и назидательныхъ мыслей, впечатлѣній и понятій,—по укорененію, поддержанію и утвержденію, въ самыхъ семействахъ, нравовъ, склонностей и привычекъ, отчего главнѣйше, благоденствіе селъ и странъ зависитъ,— по ихъ всюдной въ хижинахъ и палатахъ всеобъем-

---

*) Дѣйствит. членъ М. О. С. *Х. П. Омельяненко* въ „Журналѣ Сельскаго Хоз. и Овцеводства“, 1845, стр. 273—274.

лемости возникающихъ и возникать имѣющихъ поколѣній,—по ихъ наибольше учрежденію, завѣдыванію и храненію, въ хозяйствахъ и жизни селянъ, внутренней бережливости, порядка и всѣхъ подробностей,—по постояннѣйшему, нежели мужчины, въ домахъ пребыванію,—по большему сосредоточенію круга ихъ дѣйствій, предохраняемому отъ заблужденій и злоупотребленій ума, осторожностью ихъ, и скромностью украшающихъ ихъ добродѣтелей,—такъ что не было примѣра народнаго безпорядка или безпокойства, происшедшаго отъ женщинъ,—и, напослѣдокъ, по свойственнымъ имъ нѣжности, попечительности и въ высшей степени проницательности,—удобнѣе и дѣйствительнѣе всѣхъ другихъ посредствъ могутъ —пріобрѣтенныя и собственныя свойства свои, полезныя правила, свѣдѣнія и чувства неизмѣнно и безвредно сохранить и прочнѣе передать потомству.

«Слѣдовательно: книжное селянъ сначала ученіе полезнѣе предварительно обратить на всѣхъ ихъ дѣтей женскаго пола, чѣмъ къ общему его распространенію пріобрѣтется непосредственное и самое споспѣшествующее пособіе. Мальчиковъ же въ это время, при основательныхъ въ вѣрѣ и хозяйствѣ наставленіяхъ, предпочтительно обучать всѣмъ въ селахъ нужнымъ и полезнымъ ремесламъ, искусствамъ, мастерствамъ и промысламъ. Такое распредѣленіе приличнѣе и потому, что дѣвочки и молодыя еще дѣвицы, не оставляя обыкновенныхъ своихъ въ семьяхъ и домахъ, по возрастамъ и силамъ занятій рукодѣльями, стряпаньемъ, приборомъ, присмотромъ и прочее, могутъ поочередно съ семей, въ опредѣленные дни и часы свободно посѣщать

школы, въ теченіе всего года; а мальчики, сверхъ сказаннаго обязанные лѣтомъ помогать и навыкать въ полевыхъ работахъ, досужны исполнять то, безъ упущенія прочаго, лишь зимою. Сверхъ того, симъ распорядкомъ малолѣтнѣйшіе, въ селеніяхъ и даже хуторахъ, дѣти, по отдаленности школъ отъ жилищъ нѣкоторыхъ, въ оныя не ходящіе, будутъ имѣть возможность, не разлучаясь съ родителями, начинать учиться дома, прежде подъ руководствомъ сестеръ, а послѣ матерей, не подвергаясь при хожденіи въ школы различнымъ, отъ непогодъ и проч., по ихъ возрасту неудобствамъ и затрудненіямъ... Словомъ: этимъ природою указуемымъ и самою религіей нашею освященнымъ и избраннымъ путемъ—истинно народное, на камняхъ чистѣйшаго Богопочитанія, нравственности и государственной, и частной хозяйственности, основанное просвѣщеніе и полезные ремесла, искусства и промыслы, съ теченіемъ времени, безпрестанно еще совершенствуемыя—непримѣтно, нечувствительно какъ бы прирожденно, а слѣдовательно всѣхъ иныхъ способовъ естественнѣе, прочнѣе и лишь благотворно, не мутными и стремительными водопадами, не опустошительными волканами, но чистыми и свѣтлыми лучами, но животворящими прозрачными струями и росою, въ поляхъ и жилищахъ нашихъ прольются и на мѣстѣ тысячелѣтней сельской во тьмѣ недвижимости, съ каждымъ поколѣніемъ, съ каждымъ, можно сказать, часомъ—улучшая и возвышая для насъ настоящее, устроятъ потомству нашему вѣчно цвѣтущую и плодами зрѣющую будущность» *).

*) «Объ удобнѣйшемъ способѣ сельскаго народнаго образованія». «Журналъ Сельскаго хозяйства и овцеводства». 1845 годъ, № 10.

Итакъ, «книжное ученіе» дѣвочекъ и женщинъ, съ одной стороны, политически безвредно, съ другой—представляетъ для сельскаго хозяйства меньше экономическихъ неудобствъ, чѣмъ «книжное ученіе» мальчиковъ и мужчинъ—вотъ тѣ соображенія, по которымъ *Стремоуховъ* отдалъ менѣе настоятельнымъ образовательнымъ потребностямъ женщинъ предпочтеніе передъ болѣе интенсивными духовными запросами мужчинъ. Мысль его: обставивъ извѣстнымъ образомъ обученіе и воспитаніе крестьянской женщины, обработать съ опредѣленными цѣлями ея душу и посредствомъ этой обработанной женской души управлять по своему изволенію болѣе строптивыми мужскими душами,—эта мысль была бы іезуитски-геніальна *), если бы только она не была утопична до глупости. Исторія показываетъ, что всюду и всегда,—и вовсе не случайно—образованіе мужчинъ въ среднемъ идетъ впереди образованія женщинъ. Предоставляя мужчинамъ не «книжное ученіе», а профессіональное обученіе и профессіональный трудъ, *Стремоуховъ* упустилъ изъ виду, что опредѣленныя формы труда являются сильнѣйшими двигателями общаго образованія, повелительно требуя въ своемъ развитіи извѣстнаго, постоянно повышающагося, уровня сознательности массъ.

Передача народно-образовательныхъ идей *Стремоухова* дорисовываетъ въ нашихъ глазахъ знаменательную для дореформенной Россіи фигуру романтически-крѣпостническаго соціалиста изъ помѣщиковъ. Идеи этого несомнѣнно выдающагося по

*) Кстати, она и напоминаетъ очень живо о тѣхъ душевныхъ пружинахъ, при помощи которыхъ католическое духовенство, владычествуя надъ женской душой, управляетъ и духомъ мужчинъ.

размаху мысли человѣка представляютъ лишь утопически-послѣдовательное и законченное преображеніе основныхъ началъ крѣпостного хозяйства и крѣпостного строя.

Отъ романтическаго типа крѣпостного коллективизма я перейду къ болѣе скромному—филантропическому.

Тутъ наши свѣдѣнія имѣютъ характеръ болѣе точный, хотя и менѣе «литературный», чѣмъ повѣствованіе *Стремоухова* объ его крѣпостныхъ реформахъ и о лежащихъ въ основѣ ихъ общихъидеяхъ.

Рѣчь идетъ, повидимому, объ одномъ историческомъ имѣніи, а именно о Карловкѣ, Полтавской губ. Имѣніе это было, какъ извѣстно, въ началѣ вѣка предметомъ спора между вдовой графа Льва Кирилловича Разумовскаго, графиней Марьей Григорьевной, которой Карловка была завѣщана ея мужемъ, и однимъ изъ братьевъ послѣдняго, оспаривавшимъ силу завѣщательнаго распоряженія Льва Кирилловича. Процессъ этотъ, обращавшій на себя вниманіе по общественному положенію споривших лицъ (права М. Г. оспаривалъ не кто иной, какъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій), былъ рѣшенъ въ пользу вдовы его брата *). Еще болѣе извѣстна Карловка тѣмъ, что въ эпоху освобожденія она, перешедшая въ руки великой княгини Елены Павловны, явилась предметомъ ея эмансипаторскихъ стремленій и заботъ, какъ извѣстно, игравшихъ видную роль въ исторіи крестьянской реформы.

*) О гр. Маріи Григорьевнѣ Разумовской см. *Васильчиковъ.* Семейство Разумовскихъ. Т. II. Спб. 1880, стр. 154—168.

Итакъ, вышеназванное имѣніе, заключавшее въ себѣ 7093 души, перешло въ 1820 году въ руки «мягкосердечной» графини. Вотъ какъ нашъ источникъ *) описываетъ положеніе крестьянъ въ этотъ моментъ: «большая часть крестьянъ, несмотря на изобиліе земли и превосходнѣйшей почвы, находилась въ столь разстроенномъ положеніи, что не могла пропитать своихъ семействъ, такъ что многіе изъ крестьянъ продали своихъ рабочихъ воловъ и прочую скотину для покупки хлѣба».

Для поправленія бѣды были приняты мѣры.

«На первый случай, по волѣ помѣщицы, вотчинное правленіе купило 50 паръ хорошихъ рабочихъ воловъ и роздало ихъ бѣднѣйшимъ, вовсе не имѣвшимъ сего необходимаго скота для производства сельскихъ работъ, а другимъ, особенно нуждающимся, сдѣлано было денежное вспоможеніе».

Результаты филантропіи оказались крайне плачевными: «крестьяне, по безпечному и лѣнивому нраву своему и невѣжеству, не умѣли воспользоваться симъ благодѣяніемъ. По истеченіи одного года оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ, прельстясь мнимою выгодою, отъ денежной придачи полагаемою, промѣняли данныхъ имъ здоровыхъ воловъ на мелкихъ и къ работѣ неспособныхъ; другіе, болѣе еще безразсудные, продали ихъ и деньги издержали; у иныхъ же отъ недостатка корма и холи скотина пала; словомъ, крестьяне находились въ томъ же бѣдственномъ положеніи, какъ и прежде, и всѣ употребленныя на

*) «Извѣстіе о разныхъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ по имнѣнію графини Разумовской въ Полтавской губерніи», въ «Земледѣльческой газетѣ» за 1835 г. за № 62.

вспоможеніе имъ значительныя суммы пропали безъ всякой пользы».

Тогда, убѣдившись въ недостаточности «обыкновенныхъ способовъ благотворенія», графиня въ 1823 году поручила вновь опредѣленному управляющему—«заняться дѣятельно симъ важнымъ для ея сердца предметомъ на основаніи особаго положенія, самою графинею для сего составленнаго». Сущность этого положенія свелась къ слѣдующему: изъ наибѣднѣйшихъ пѣшихъ, т. е. не имѣющихъ рабочаго скота крестьянъ, составлены отдѣльныя тягла. Вначалѣ ихъ было 120, но потомъ число ихъ возросло до 520. Эти тягла взяты подъ особое попеченіе и надзоръ вотчиннаго правленія. Имъ отведено изъ господскихъ и крестьянскихъ земель, гдѣ было удобнѣе, по 6 десятинъ на каждую наличную въ тяглѣ душу. На каждое тягло, иждивеніемъ помѣщицы, куплено по 2 здоровыхъ рабочихъ вола со всей упряжью, телѣгою, санями, бороной и пр. и, сверхъ того, на каждыя 3 тягла—по одному общему плугу съ особой упряжью на 3 пары воловъ и выданы изъ господскихъ запасовъ на первый посѣвъ сѣмена безъ возврата.

До сихъ поръ это—помѣщичья филантропія. Но дальше начинается помѣщичій коллективизмъ, по широтѣ артельнаго размаха отнюдь не уступающій столь нашумѣвшимъ въ свое время начинаніямъ г. Левицкаго.

«По усмотрѣнной ненадежности крестьянъ,»—говоритъ нашъ источникъ,—«вновь данная имъ рабочая скотина находится не у нихъ на рукахъ отдѣльно, а содержится вся вмѣстѣ въ построенныхъ особо на то при каждомъ селеніи о б щ е с т в е н н ы х ъ (разрядка моя. *П. С.*) скотныхъ дво-

рахъ подъ всегдашнимъ надзоромъ надежныхъ выборныхъ. При сихъ скотныхъ дворахъ устроены также особые сараи для храненія земледѣльческихъ орудій, которыя, равно какъ и волы, отпускаются крестьянамъ по мѣрѣ надобности и потомъ опять возвращаются. Вотчинное начальство свидѣтельствуетъ каждый мѣсяцъ эти скотные дворы, дабы удостовѣриться въ порядочномъ ихъ содержаніи и здоровьѣ скота».

«Поступившіе въ отдѣльныя тягла крестьяне обрабатываютъ свои поля, убираютъ и молотятъ хлѣбъ и косятъ сѣно общимъ трудомъ, изъ половины, то-есть одна половина идетъ самимъ крестьянамъ, а другая господину, подъ всегдашнимъ присмотромъ избранныхъ отъ вотчиннаго начальства смотрителей. По окончаніи жатвы и молотьбы изъ принадлежащей крестьянамъ половины отдѣляется въ общій запасъ потребное на продовольствіе ихъ съ семействами количество разнаго хлѣба; а затѣмъ остатокъ предоставляется имъ продавать на удовлетвореніе прочихъ своихъ нуждъ. Равнымъ образомъ и изъ накошеннаго сѣна одна половина обращается въ общественные скотные дворы на кормъ рабочихъ воловъ, а другая предоставляется крестьянамъ въ собственное распоряженіе на прокормленіе имѣющейся у нихъ домашней скотины и на продажу, если окажется излишнимъ. Поступая въ господскія гумна, половина сжатаго хлѣба также обращается въ пользу крестьянъ: въ неурожайные годы раздается имъ въ подмогу на пропитаніе, а въ хорошіе продается натурою или виномъ, выкуриваемымъ на господскомъ паровомъ заводѣ. Выручаемыя отъ сей продажи деньги записываются

въ особую книгу въ приходъ и по истеченіи года употребляются на покупку скота для крестьянъ, которые, лишившись его по несчастному случаю, не въ состояніи завестись опять другимъ. Изъ сей же вспомогательной суммы получаютъ также вспоможеніе потерпѣвшіе отъ пожара или иного какого-либо несчастія, по мѣрѣ понесенныхъ ими убытковъ. Для предупрежденія разоренія крестьянъ проходящими торгашами или коробейниками, продающими имъ разныя потребности съ непомѣрною лихвою, заведена на счетъ той же вспомогательной суммы отъ вотчиннаго правленія лавка, въ которой крестьяне могутъ покупать за самую сходную цѣну всѣ для домашняго ихъ обихода потребныя надобности... По сдѣланнымъ распоряженіямъ поле крестьянина, въ рабочее время болѣзнію одержимаго, обрабатывается за него отъ общества его селенія. Равнымъ образомъ для увѣчныхъ и вдовъ засѣвается также отъ экономіи по одной десятинѣ хлѣбомъ, для сжону за снопъ, а въ благополучныхъ урожаяхъ изъ 3-й части, а въ неурожай изъ половины».

«Благія намѣренія помѣщицы увѣнчаны хорошимъ успѣхомъ; въ теченіе 12 лѣтъ, какъ продолжается сей новый порядокъ, крестьяне доведены до безнуждаго состоянія и, убѣдясь опытомъ въ пользѣ порядка и разсчетливаго хозяйства, всѣ болѣе или менѣе стали стараться о введеніи его у себя. Деньги, вырученныя отъ продажи предоставляемаго имъ излишняго хлѣба и сѣна, вмѣсто прежней безпутной растраты, употребляютъ на покупку разной скотины, лучшихъ орудій и вообще на лучшее устройство своихъ хозяйствъ. Уже 90 тяголъ могли быть выписаны въ число благосостоятельныхъ кре-

стьянъ и предоставлены самимъ себѣ (разрядка моя. *П. С.*). Нынѣ состоитъ подъ надзоромъ, по описанному положенію, еще 431 тягло; изъ нихъ у 125 хозяевъ, хотя и имѣется по парѣ собственныхъ рабочихъ коровъ, а у 48 по одной лошади, но они еще не выписываются въ благосостоятельные, нѣкоторые—по собственному желанію оставаться еще до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ въ числѣ отдѣльно надзираемыхъ, а другіе потому, что еще въ поведеніи своемъ не такъ благонадежны, чтобы можно было ихъ предоставить собственному своему управленію. Впрочемъ, надѣяться можно, что поселившійся между крестьянами добрый духъ порядка и распорядительности все болѣе и болѣе укоренится и распространится, и что со временемъ всѣ они поступятъ въ разрядъ благосостоятельныхъ крестьянъ».

Авторъ статьи, управляющій имѣніемъ Разумовской, надворный совѣтникъ *Кропковскій*, указываетъ, что «графиня Разумовская успѣла въ благодѣтельныхъ своихъ предпріятіяхъ, не по значительности пожертвованныхъ ею на то наличныхъ денежныхъ суммъ, а собственно по основательности и благоразумію принятыхъ мѣръ и по непрерывному совокупному дѣйствію исполнителей воли ея. Первоначально на обзаведеніе отдѣльныхъ тяглъ опредѣлено было 20.000 руб., изъ коихъ, однако, употреблено только 13.000 руб.; нынѣ, по прошествіи 12 лѣтъ, несмотря на ежегодныя значительныя пособія, сдѣланныя крестьянамъ, особенно въ послѣдніе несчастные годы, наличный вспомогательный капиталъ простирается уже на 44.000 руб., изъ коихъ 30.000 хранятся въ Опекунскомъ Совѣтѣ, а остальные отданы подъ вѣрный залогъ изъ процентовъ».

Изъ приведеннаго чрезвычайно вразумительнаго и точнаго отчета видно, что подопечныя отдѣльныя тягла были организованы на строго артельныхъ началахъ. Съ другой стороны, вскрывается почва, на которой выросла крѣпостная артель: это—крайнее обѣднѣніе и разореніе крестьянъ, и безъ того бѣдныхъ. Не слѣдуетъ забывать, что дѣло идетъ въ данномъ случаѣ о пѣшихъ крестьянахъ, которые въ моментъ освобожденія во многихъ имѣніяхъ Полтавской губерніи, какъ показываютъ данныя редакціонныхъ комиссій, не были вовсе надѣлены землей, но получали за свои повинности 3-й или 4-й снопъ. Въ Карловкѣ въ моментъ освобожденія пѣшихъ тяглъ было 2.074. Изъ этого можно вывести, что въ число подопечныхъ, артельно организованныхъ, тяглъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ входили далеко не всѣ пѣшія тягла, а приблизительно лишь $^1/_3$ ихъ. Но и то артельная организація 520 крестьянскихъ хозяйствъ представляетъ такой грандіозный успѣхъ артельнаго начала, который въ наше время долженъ былъ бы считаться баснословнымъ.

Той же самой филантропіей продиктовано было учрежденіе въ Карловкѣ колоніи бѣдныхъ сиротъ. Въ виду того, что это филантропическое начинаніе носитъ на себѣ всѣ типическія черты того же самаго крѣпостного режима, на почвѣ котораго выросла и артельная организація крестьянъ, я позволю себѣ привести слѣдующее колоритное описаніе названной колоніи.

«По положенію, также самою графинею составленному въ 1821 году, избираются ежегодно изъ самыхъ бѣднѣйшихъ, предпочтительно круглыхъ сиротъ, обратившихъ на себя особое вниманіе вот-

чиннаго начальства добронравіемъ и примѣрнымъ поведеніемъ, 12 жениховъ, коимъ предоставляется избрать себѣ изъ подобныхъ имъ сиротъ, по склонности, невѣстъ. По утвержденіи вотчиннымъ правленіемъ сего выбора, они собираются въ день праздника Успенія Богородицы на господскій дворъ, откуда, нарядясь въ жалуемую имъ отъ помѣщицы полную и по здѣшнему крестьянскому обычаю богатую одежду, идутъ всѣ вмѣстѣ къ вѣнцу. Потомъ дѣлается имъ угощеніе въ большой бесѣдкѣ, особенно для сего годичнаго празднества въ саду устроенной, гдѣ проводятъ день въ веселіи, пляскахъ и играхъ. Въ 6 часовъ пополудни всѣ новобрачные съ своими друзьями и въ сопровожденіи вотчиннаго начальства и старостъ отправляются торжественнымъ ходомъ въ особое селеніе, на иждивеніи помѣщицы устроенное. Тамъ каждой четѣ отводится красивый домикъ, снабженный, до послѣдней мелочи, всякою посудою и домашнею утварью, въ крестьянскомъ хозяйствѣ потребною; притомъ каждому семейству дается: два вола рабочихъ съ полною упряжью, телѣгою и нужными земледѣльческими орудіями, шесть овецъ, кормъ скотинѣ на всю зиму и 10 рублей деньгами. Новоселенцы не только освобождаются на первый годъ отъ всѣхъ господскихъ повинностей, но еще кромѣ того для нихъ вспахиваются и засѣваются за счетъ вотчиннаго правленія, изъ отводимыхъ имъ шести десятинъ земли, четыре десятины въ двухъ поляхъ озимовымъ и яровымъ хлѣбомъ безъ возврата сѣмянъ, такъ что прожитокъ семьи на цѣлый годъ совершенно обезпеченъ. Само собою разумѣется, что Маріинпольскіе поселенцы, по неопытности и мо-

лодости своей, остаются, на основаніи вышеописаннаго положенія, подъ надзоромъ вотчиннаго правленія, доколѣ въ продолженіе времени не окажутъ благонадежности своей и содѣлаются достойными поступить въ разрядъ самостоятельныхъ хозяевъ. На обзаведеніе каждой семьи, кромѣ постройки домовъ, употребляются по 250 рублей, а на всѣхъ ежегодно 3.000 рублей. Такимъ образомъ понынѣ уже пристроено 156 семействъ, которыя, бывъ прежде въ крайней бѣдности, живутъ нынѣ въ довольствѣ и благословляютъ благодѣтельную свою помѣщицу».

Несомнѣнно, что въ артельной организаціи карловскихъ крестьянъ крупную роль сыграли филантропическія побужденія «мягкосердечной» графини Маріи Григорьевны. Но и здѣсь передъ нами по существу та же, только облеченная въ филантропическую форму и осложненная гуманными мотивами, забота о приведеніи рабочей силы, этого краеугольнаго камня крѣпостного хозяйства, въ надлежащій, наиболѣе обезпечивающій доходность помѣщичьихъ имѣній, видъ.

Забота объ «исправленіи» крестьянъ въ смыслѣ ихъ хозяйственнаго подъема и хозяйственнаго воспитанія въ интересахъ извлеченія изъ нихъ наивысшаго дохода была въ самомъ дѣлѣ центральнымъ пунктомъ въ помѣщичьей политикѣ. Если бы у насъ въ распоряженіи были лишь данныя относительно артельной романтики *Стремоухова* и артельной филантропіи Разумовской, то мы могли бы еще сомнѣваться въ глубокой внутренней связи этой формы коллективизма съ крѣпостнымъ режимомъ. Но мы имѣемъ еще одинъ поистинѣ драгоцѣнный образчикъ теоріи и практики крѣпостного соціализма.

Въ 1837 году въ Москвѣ появилась очень обстоятельная и дѣльная книга «Начальныя основанія русскаго сельскаго хозяйства, соотвѣтствующія настоящему положенію недвижимыхъ имѣній». Эту книгу «сочинилъ и полезное изъ лучшихъ по сему предмету книгъ заимствовалъ *Акиновъ Жуковъ*». *Акиновъ Жуковъ* чрезвычайно живо описываетъ весь производительный организмъ крѣпостного хозяйства, разсказывая, какъ отсутствовавшій владѣлецъ пріѣзжаетъ въ имѣніе въ концѣ ноября и какъ онъ строитъ и ведетъ все хозяйство. *Жуковъ* особенно подчеркиваетъ, что въ русскомъ хозяйствѣ «главный, необходимый или, лучше сказать, неизбѣжный капиталъ есть крѣпостные крестьяне» и что «распоряжаться деньгами гораздо легче, нежели людьми». Онъ утверждаетъ, что «во всякомъ почти имѣніи четвертую часть крестьянъ найдутъ по всѣмъ отношеніямъ неисправныхъ».

«Довести имѣніе до извѣстной степени совершенства, крестьянъ до возможнаго благосостоянія и зажиточности» первоначально *Жукову* не удавалось. Но неурожаи 1832 и 1833 гг. въ Саратовской губ. (Балашовскій уѣздъ) заставили его прибѣгнуть къ рѣшительной, по его собственному признанію, мѣрѣ. Онъ нашелъ средства «и с к о р е н и т ь» совершенно бѣдныхъ, безлошадныхъ и малолошадныхъ крестьянъ.

Онъ завелъ «общественную работу», которую назвалъ уже извѣстнымъ намъ изъ Стремоуховскихъ опытовъ именемъ—«д р у ж и н а», «желая этимъ выразить, что они дружно должны итти къ цѣли своего благосостоянія; дружно работать на барщинѣ, не отставая отъ прочихъ крестьянъ». «Въ обществен-

ную работу или дружину избираются бѣднѣйшіе крестьяне, замѣченные въ лѣности, нерадѣніи и нерасторопные, которые даже своими работами распорядиться не могутъ». Слѣдуетъ перечисленіе 11 тяголъ съ 14 взрослыми и 13 малолѣтними (изъ этого числа малолѣтнихъ *Жуковъ* выводитъ, что «побудительною (sic!) причиной ихъ бѣдности было не обремененіе малолѣтними дѣтьми, а лѣность или другіе пороки»).

Дружинные живутъ по своимъ дворамъ, но—на мѣсячинѣ, хотя и имѣютъ конопляники и огородъ, «дабы съ нихъ одѣвались бѣльемъ; починивали сбрую и выходили на барщину съ нужнымъ веревьемъ и портищами наравнѣ съ прочими осѣдлыми крестьянами».

Производительное и даже часть потребительнаго имущества каждаго «дружиннаго» (орудія, скотъ, хлѣбные запасы) поступаютъ въ общую массу, но отдѣльно записывается, «дабы, когда понадобится, возможно было всякаго дружиннаго расчесть съ точностью и безобидно». Съ удивительной откровенностью *Жуковъ* повѣствуетъ объ артельномъ мартирологѣ своихъ мужиковъ. Пока они не имѣли «для прокормленія себя съ семействами хлѣба», они занимались общественною «работой», подъ надзоромъ старосты, съ возможною прилежностью и безпрекословно. Но когда крестьяне поправились, то приступили къ барину съ просьбой, чтобы онъ уничтожилъ дружину. Но «я, видя, что работы ихъ собственныя шли успѣшнѣе, а земля вспахана была лучше даже старательныхъ крестьянъ, остался непреклоненъ въ своемъ намѣреніи: дружина продолжалась».

Результаты коллективистическаго эксперимента *Жукова* были блестящи. Крестьяне поправились; въ 3 года, изъ которыхъ одинъ былъ совершенно неурожайный, они не остались ничего должны господину. Они будутъ продержаны въ дружинныхъ еще 3 года, дабы помѣщикъ могъ «пожать совершеннѣйшіе плоды своихъ трудовъ». Эти дружинные крестьяне гораздо зажиточнѣе половины осѣдлыхъ. Съ 1 августа 1836 г. — возвѣщаетъ *Жуковъ* — «я намѣренъ непремѣнно учредить новую дружину, чтобы число добавочныхъ тяголъ составляло ровно половину моихъ крестьянъ; черезъ три года первые будутъ обращены въ осѣдлыхъ, а на мѣсто ихъ поступитъ столько же изъ осѣдлыхъ. Посему черезъ 9 лѣтъ, если Богъ благословитъ труды мои, всѣ крестьяне будутъ желаемо зажиточны».

Въ сознаніи того, что онъ дѣлится со своими собратьями-помѣщиками чрезвычайно важнымъ опытомъ, *Акиновъ Жуковъ*, заключаетъ свое изложеніе этого опыта слѣдующими словами: «Да не подумаетъ никто, что вышеизложенное о дружинѣ преувеличено или вымышлено; а потому всякій, кто пожелаетъ завести (это?) у себя, если будетъ прилежнѣе моего наблюдать за этимъ, ручаюсь, что будетъ имѣть еще болѣе успѣха». Данныя объ опытѣ съ дружинными хозяйствами, сообщаемыя «Начальными основаніями русскаго сельскаго хозяйства», относятся къ 4-лѣтнему періоду (съ 1832 по 1836 или 1837 гг.). Нѣтъ никакого основанія считать невозможнымъ или невѣроятнымъ, чтобы *Жуковъ* въ дѣйствительности осуществилъ свой планъ въ его цѣломъ, т. е. чтобы онъ прогналъ сквозь

артельную барщину или дружину всѣхъ своихъ крестьянъ и тѣмъ создалъ изъ нихъ надлежащій человѣческій матеріалъ для хорошо организованнаго и выгоднаго крѣпостного хозяйства. Есть, наоборотъ, всѣ основанія думать, что дѣло обстояло именно такъ.

Во образѣ *Жукова* и его экспериментовъ передъ нами выступаетъ дѣловая форма крѣпостного соціализма; здѣсь нѣтъ ни широкихъ перспективъ романтика *Стремоухова*, ни филантропіи мягкосердечной графини; здѣсь все основано на простомъ дѣловомъ расчетѣ. Если мелкопомѣстные и малоземельные дворяне по нуждѣ сажали своихъ крестьянъ на мѣсячину и создавали, такимъ образомъ, на русской почвѣ своеобразную аналогію древнеримской familia rustica, то *Жуковъ*, оставляя, правда, своихъ мужиковъ въ ихъ избахъ, но отнимая у нихъ всякую тѣнь хозяйственной самостоятельности, всякій намекъ на автономію, дѣйствовалъ такъ по прямому расчету и до тѣхъ поръ, пока этого требовалъ расчетъ.

Не случайно, конечно, что крѣпостное хозяйство пользовалось формами коллективнаго труда и коллективной отвѣтственности для своихъ цѣлей. Только позднѣйшая историческая романтика могла, напримѣръ, не видѣть той глубокой реальной связи, которая существовала между крѣпостнымъ правомъ или, точнѣе, строемъ, и крестьянскимъ міромъ.

Одинъ писатель начала XIX-го вѣка съ неподражаемой наивностью, свойственной умамъ, незаѣденнымъ рефлексіей, разболталъ на страницахъ «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества» тайну исторической гармоніи между крѣпостнымъ режи-

момъ и крестьянскимъ, такъ называемымъ, самоуправленіемъ. «Знаю я и то, говоритъ онъ, что самые дѣятельные и самые промышленные крестьяне часто не весьма усердствуютъ пользѣ своихъ господъ. Ежели крестьяне, къ счастью, не всѣ еще люди негодные, то есть еще способъ имѣть отъ всѣхъ ихъ желаемую пользу, возложивъ попеченіе объ исправленіи всѣхъ ихъ крестьянскихъ повинностей на весь вообще ихъ крестьянскій міръ. Сей способъ выдуманъ еще предками нашими, и весьма вѣроятно, что онъ въ теченіе многихъ перемѣнъ, случающихся по помѣстьямъ, сопряженъ былъ съ довольною опытностью (разрядка моя. *П. С.*). Способъ оный производятъ въ дѣйство, можно сказать, не столько господа, сколько сами уже крестьяне, когда негодную свою братью лучше могутъ знать, нежели господа и либо извѣстными себѣ только однимъ понудительными средствами, либо братскимъ усовѣщеніемъ могутъ приводить ихъ въ общій кругъ крестьянской и подданической ихъ должности» *).

Въ то же время извѣстный теоретикъ крѣпостного хозяйства, секретарь Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства и переводчикъ Тэра на русскій языкъ *Масловъ*, справедливо указывалъ, что «крестьяне наши любятъ дѣлиться и не понимаютъ пользы соединенія силъ для направленія ихъ къ одной общей цѣли въ земледѣліи,

*) *Мих. Швитковъ* въ „Отвѣтѣ на задачу Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества на 1809 г. о двухъ главныхъ способахъ, назначенныхъ къ лучшему деревнями управленію“ („Труды“ часть LXII, Спб. 1810, стр. 127—128).

промышленности и торговлѣ. Всякій хочетъ дѣйствовать отдѣльно, т. е. таить свое состояніе, и капиталы, и свои обороты, такъ что идея общественныхъ запашекъ, общественныхъ выгодъ, общественныхъ магазиновъ и прочее совершенно чужда нашему народу, и Сарептская колонія, гдѣ все основано на идеяхъ общественныхъ, стоитъ, какъ оазисъ въ степяхъ африканскихъ» *).

По поводу опубликованнаго министромъ финансовъ «наставленія о заведеніи у казенныхъ крестьянъ четвертаго или овощнаго поля» тотъ же *Масловъ*, который, кстати сказать, въ своей рецензіи на книгу *Жукова* съ большой похвалой перепечаталъ почти все, что говорится въ книгѣ *Жукова* о дружинномъ хозяйствѣ, какъ о прекрасномъ примѣрѣ и способѣ поправленія крестьянъ, элегически замѣтилъ, что такъ какъ наставленіе дается добрымъ крестьянамъ въ видѣ совѣта, то этимъ наставленіемъ скорѣе могутъ воспользоваться помѣщики, чѣмъ казенные крестьяне.

«Зная бытъ русскаго крестьянина», *Масловъ* «невольно подумалъ объ идеѣ общественныхъ трудовъ, чуждой нашему простому народу. Дѣло другое, выразительно прибавляетъ ученый агрономъ, если прикажутъ, тогда нѣтъ невозможнаго для русскаго человѣка» **).

Между восхваленіемъ крестьянскаго міра, какъ полезной для господствующихъ классовъ выдумки, и элегическимъ констатированіемъ отсутствія у

*) „Земледѣльческій журналъ". 1835 г. стр. 877.
**) „Земледѣльческій журналъ", 1836 г., стр. 146.

крестьянъ «идеи общественныхъ трудовъ» не было никакого противорѣчія. Коллективныя организаціи крестьянъ—пресловутая «общинность» исторически и экономически была и въ значительной мѣрѣ оставалась до сихъ поръ лишь крайне удобной формой эксплуатаціи труда со стороны господствующихъ классовъ. Но съ истинной и свободной общественностью это принудительное обобществленіе слабыхъ въ интересахъ сильныхъ имѣла мало общаго. И неудивительно, поэтому, что тамъ, гдѣ подымается крестьянская личность, она разрываетъ рамки принудительнаго коллективизма. Я думаю, что если послѣдовательно пересмотрѣть всю исторію русской артели и русскаго міра, взглянувъ на эти формы, какъ на обобществленіе слабыхъ въ интересахъ сильныхъ *): крестьянъ—въ интересахъ фиска и помѣщика, рабочихъ—въ интересахъ нанимателя, то очень многое въ этой исторіи прояснится. Тогда мы поймемъ,

---

*) Эта мысль по существу не нова и вовсе не составляетъ выдумки такъ называемыхъ марксистовъ. Въ примѣненіи къ современной общинѣ она классически выражена *Салтыковымъ*: Община... „не только не защищаетъ деревенскаго мужика отъ внѣшнихъ и внутреннихъ неурядицъ, но сковываетъ его по рукамъ и ногамъ. Она не даетъ простора ни личному труду, ни личной иниціативѣ, губитъ въ самомъ зародышѣ всякое проявленіе самостоятельности и, въ заключеніе, отдаетъ въ кабалу или выгоняетъ на улицу слабыхъ, не умѣвшихъ заручиться благорасположеніемъ міроѣда. Было время, когда надѣялись, что община обезпечитъ хоть кусокъ хлѣба слабому члену, но нынче и эти надежды разсѣялись. Оставленные надѣлы, покинутыя и заколоченныя избы достаточно свидѣтельствуютъ о сладостяхъ деревенской жизни“ („Мелочи жизни“. Полн. собр. 3-е изд. т. V, стр. 22).

почему артель и міръ оказывались почти всегда явно несостоятельными, когда имъ приходилось защищать слабыхъ противъ сильныхъ, и почему эти формы не только уживались съ сильнѣйшимъ гнетомъ, но и развивались въ связи съ нимъ и въ зависимости отъ него. Нѣкоторые современныя демократіи вводятъ обязательную подачу голосовъ избирателями, иной рачительный русскій помѣщикъ довольно чувствительно штрафовалъ своихъ крестьянъ, не являвшихся на мірскую сходку. Формальное сходство задачъ и пріемовъ поразительно, но разница по существу безконечно глубока. Такова же разница между свободнымъ обобществленіемъ и принудительнымъ коллективизмомъ. Одна изъ задачъ научной исторіи русскаго экономическаго и общественнаго развитія будетъ состоять въ томъ, чтобы выяснить роль въ русской жизни свободнаго обобществленія и крѣпостного коллективизма и на объективныхъ вѣсахъ историческаго изслѣдованія взвѣсить историческій вѣсъ того и другого фактора въ нашемъ общественно-экономическомъ развитіи.

Въ вышеприведенныхъ выразительныхъ словахъ *Маслова*: «если прикажутъ, тогда нѣтъ невозможнаго для русскаго человѣка»—заключается объясненіе того успѣха крѣпостныхъ артелей, а также и общественныхъ запашекъ, о которомъ повѣствуютъ наши источники. Эти артели, равно какъ всѣ вообще коллективныя организаціи крѣпостной эпохи съ міромъ во главѣ, были формами обезличенія крестьянъ и, какъ таковыя, нуждались въ прямомъ принужденіи. Если въ настоящее

время артельныя начинанія терпятъ большей частью жалкое фіаско, то это происходитъ именно по той же причинѣ, по которой процвѣтали обрисованныя нами крѣпостныя артели. Стараго цемента—принужденія нѣтъ, а новаго еще не выработалось. Обезличенныя крѣпостной исторіей «души» — плохой человѣческій матеріалъ для свободныхъ артелей. Le mort saisit le vif!

Крѣпостная статистика *).

I.

Крѣпостное хозяйство, основанное на болѣе или менѣе упорядоченной эксплоатаціи несвободнаго крестьянскаго труда, складывалось въ Россіи вѣками. Процессъ этого сложенія въ его деталяхъ, а для нѣкоторыхъ эпохъ и въ крупнѣйшихъ моментахъ подлежитъ еще изученію на основаніи огромнаго печатнаго и архивнаго матеріала. Но уже и теперь можно утверждать безъ риска впасть въ ошибку, что въ XVIII вѣкѣ крѣпостное хозяйство являетъ намъ сложившійся организмъ, мало чѣмъ по существу отличающійся отъ того, который былъ разрушенъ реформой 19-го февраля 1861 г. **).

Крѣпостное хозяйство тѣмъ отличается отъ вольнонаемнаго, что въ первомъ трудъ находится почти въ такомъ же вещномъ обладаніи руководителя хозяйства, какъ и земля, что трудъ цѣликомъ—въ рукахъ хозяина. Это полное обладаніе важнѣй-

*) Первоначально напечатано въ журналѣ „Научное Обозрѣніе“ за 1901 г. № 9.

**) См. выше: „Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в.“ и „Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ“.

шимъ живымъ факторомъ хозяйства даетъ хозяину огромную силу, но налагаетъ на него и своеобразное бремя. Хозяинъ должен ъ въ своихъ собственныхъ интересахъ самымъ точнымъ образомъ знать тѣ личныя человѣческія силы, которыя принадлежатъ ему на почти вещномъ правѣ.

Если онѣ фактически и de jure почти цѣликомъ находятся въ его власти и, такимъ образомъ, отъ него зависятъ, то, съ другой стороны, и онъ въ своемъ существованіи зависитъ отъ нихъ и прежде всего—отъ ихъ хозяйственнаго положенія. Для русскаго хозяина-душевладѣльца эта зависимость отъ подвластныхъ ему душъ осложнялась еще тѣмъ, что на этихъ душахъ лежали извѣстныя обязанности передъ государствомъ, обязанности, за надлежащее выполненіе которыхъ передъ государственною властью отвѣчалъ помѣщикъ. Такимъ образомъ, его звалъ къ отвѣту за эти души не только собственный, но и государственный интересъ. Онъ былъ не только хозяинъ-администраторъ, но и хозяинъ-попечитель и поручитель.

Эта послѣдняя роль помѣщика выяснилась и выпукло обрисовалась именно въ ту эпоху, когда его хозяйственная и вообще владѣльческая власть надъ душами расширилась и окончательно окрѣпла и утвердилась—въ XVIII вѣкѣ.

Неудивительно, поэтому, что именно въ это время мы наблюдаемъ первыя вполнѣ явственныя проявленія сознательнаго стремленія крѣпостныхъ владѣльцевъ обставить себя всѣми надлежащими средствами раціональнаго управленія крѣпостнымъ населеніемъ. Однимъ изъ такихъ средствъ явилась правильная регистрація крѣпостного населенія. Въ

XVIII вѣкѣ возникла и начала вырабатываться въ методическое административно-хозяйственное приспособленіе крѣпостная статистика, предвосхитившая, какъ мы покажемъ ниже, нѣкоторые основные пріемы современной намъ земской статистики, прославившіе эту послѣднюю.

Повидимому, еще въ XVII вѣкѣ могутъ быть отмѣчены случаи ч а с т н о й регистраціи крѣпостного населенія *). А въ первой половинѣ XVIII вѣка передъ нами—въ качествѣ постояннаго института раціонально поставленнаго помѣщичьяго управленія—выступаетъ подворная перепись крестьянъ. Въ извѣстной инструкціи *Волынскаго* дворецкому Нѣмчинову, относящейся къ 1724 г. **) въ п. XVI сказано: «по вся годы во всѣхъ деревняхъ въ генварѣ переписывать крестьянъ всѣхъ по дворамъ: кто онъ именно и сколько лѣтъ, и женатъ или вдовъ и что у него дѣтей мужеска и женска полу, и въ каковы лѣта и что онъ платилъ государственныхъ податей въ прошломъ годѣ, и сколько имѣетъ скота, а именно: лошадей, коровъ, овецъ и свиней; и что подъ нимъ тягла, и сколько какова хлѣба онъ себѣ въ годъ посѣваетъ, и что моей вспахалъ пашни и только одною-ли пашней кормится или какое имѣетъ ремесло, или подъ какой извозъ въ прошломъ году или въ работу наймывался и гдѣ. Также присылать къ намъ имянныя и дѣ л о в ы м ъ людямъ и что кому идетъ м ѣ с я ч и н ы» ***).

---

*) Ср. записи въ „Бѣлевской Вивліоѳикѣ“, изданной *Елагинымъ*. Т. II. Москва, 1858. Приложенія стр. 13—24.

**) „Москвитянинъ“, 1854 г., №№ 1—2.

***) Дѣловыми людьми назывались въ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка сельскохозяйственные рабочіе-некрестьяне, вольнонаемные или крѣпостные.

Какъ видитъ читатель, *Волынскій* требовалъ отъ своего приказчика очень обстоятельнаго и многосторонняго подворнаго изслѣдованія положенія порученныхъ ему крестьянъ. Кромѣ того, *Волынскій* предписывалъ (въ п. XIV): «по вся годы свидѣтельствовать бѣдныхъ мужиковъ, отчего онъ обѣднялъ и ежели не отъ лѣности, не отъ пьянства припала скудость, такихъ ссужать хлѣбомъ всякихъ... также хотя которые отъ своего непотребства и отъ лѣности обнищали и тѣхъ ссужать, однако-жъ съ наказаніемъ, дабы впредь даромъ ѣсть хлѣбъ не повадно было».

Тутъ передъ нами—спеціальный и очень важный въ крѣпостной экономіи мотивъ статистической регистраціи крестьянъ и ихъ матеріальныхъ рессурсовъ: необходимость во время принимать мѣры противъ «упаданія» или обѣднѣнія крестьянской массы. Отъ хозяйственнаго положенія крестьянъ зависѣла и ихъ работоспособность, основа доходнаго бюджета помѣщика, и возможность для крестьянъ обходиться безъ матеріальной помощи помѣщика—такая поддержка, конечно, увеличивала издержки производства помѣщика и съ этой стороны подрывала его бюджетъ.

Въ 1770 году были премированы и напечатаны Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ наказы для деревенскаго управленія *Петра Ивановича Рычкова* и

---

*) О *Рычковѣ*, см. монографію академика *П. Пекарскаго* „Жизнь и литературная переписка *Петра Ивановича Рычкова*“. Спб. 1867. О *Болотовѣ*, см. помимо его извѣстныхъ „Записокъ“, некрологъ въ „Земледѣльческомъ журналѣ“ за 1833 г., а также *Е. Щепкиной* „Старинные помѣщики на службѣ и дома. Изъ семейной хроники, 1578—1762 г.“, С.-Петербургъ, 1890.

Андрея Тимоѳеевича Болотова *). Въ этихъ замѣчательныхъ и весьма цѣнныхъ памятникахъ раціональной крѣпостной экономіи статистическая регистрація крестьянскаго населенія занимаетъ довольно видное мѣсто. Въ *Рычковскомъ* наказѣ особенно выпукло выступаетъ связь этой регистраціи съ земельными распорядками крѣпостной общины, которые въ этомъ наставленіи трактуются съ полной обстоятельностью и откровенностью.

Указывая на необходимость уравнительной разверстки тяголъ, *Рычковъ* говоритъ: «того ради вступающему въ правленіе деревень новому управителю и приказчику, не слагаясь (т. е. не полагаясь, П. С.) на то число, сколько до пріѣзду его тяголъ было, и ему уже объявлено, надлежитъ всѣмъ крестьянамъ дворовую перепись учинить, переписавъ какъ мужескъ полъ, такъ и женскъ, не исключая и младенцевъ, съ показаніемъ ихъ лѣтъ и кто изъ нихъ въ тяглѣ или въ отставкѣ отъ тягловой работы, или еще не поверстанъ въ тягло. И кои явятся изъ нихъ свыше 16 лѣтъ, тѣхъ всѣхъ положить въ тягловыя работы, хотя-бъ они были и холостые, ибо довольно примѣчается, что многіе изъ крестьянъ, не желая, чтобъ дѣти ихъ были въ тягловыхъ работахъ, а шатались бы въ числѣ малолѣтнихъ и неверстанныхъ, о женитьбѣ сыновей, а еще больше о замужествѣ дочерей своихъ не стараются и всячески отъ того отводятъ... Сей смотръ и разверстку тяголъ управителямъ и приказчикамъ повсегодно, а всемѣрно уже черезъ два или черезъ три года дѣлать. Сколько-жъ по такой новой описи явится наличныхъ тяголъ, что прибавится или убавится тягловыхъ крестьянъ, о томъ должны упра-

вители и приказчики господина своего увѣдомлять. А не худо, когда они и сіе будутъ при томъ означивать, сколько явится оженившихся вновь, новорожденныхъ и умершихъ, изъ чего всякій помѣщикъ состояніе своихъ деревень будетъ знать» *).

Здѣсь мы видимъ сознательное стремленіе захватить въ сферу статистической регистраціи и движеніе крѣпостного населенія. Это было, впрочемъ, вполнѣ согласно съ духомъ времени, ничего не считавшимъ столь важнымъ, какъ умноженіе населенія. Недаромъ *Рычковъ* писалъ, что «умноженіе земледѣльцевъ не только для помѣщиковъ, но и для всего государства важнѣйшимъ пунктомъ почитается», и давалъ рядъ наставленій о томъ, какъ поощрять, а при случаѣ и понуждать крестьянъ къ женитьбѣ.

Забота о поддержаніи крестьянскаго благосостоянія на надлежащемъ уровнѣ также внушалась *Рычковымъ* управителямъ и приказчикамъ. Въ этихъ видахъ онъ имъ такъ же, какъ *Волынскій* своему приказчику, рекомендовалъ «чрезъ выборныхъ и старостъ вывѣдывать о каждомъ крестьянинѣ, кто какъ свое домостроительство наблюдаетъ. Какъ лошадей и скотину свою содержитъ, и сколько прилежитъ къ земледѣлію» и на основаніи такого обслѣдованія хозяйственной состоятельности крестьянъ принимать соотвѣтствующія мѣры.

Если *Волынскій* только приказывалъ производить подворную перепись крѣпостныхъ, то *Рычковъ* уже прилагаетъ и образецъ «вѣдомости»,

*) Курсивъ нашъ.

которую управитель долженъ періодически представлять помѣщику. Но необлеченныя въ форму вѣдомости указанія *Волынскаго* были обстоятельнѣе и разностороннѣе рубрикъ вѣдомости *Рычкова*. Однако и послѣдняя охватывала почти все недвижимое и движимое имущество помѣщика по слѣдующей довольно, впрочемъ, убогой схемѣ:

«Вѣдомость управителя Сидора Карпова о состояніи ввѣренной ему вотчины села Покровскаго съ деревнями, сколько чего при вступленіи его въ правленіе той вотчины принято, что было въ приходѣ въ 1768 г., что прибыло и убыло въ 1769 г. и сколько чего вступило въ нынѣшній 1770 годъ». Вѣдомость начиналась съ церкви во имя Вознесенія Господня съ придѣломъ Николая Чудотворца и чрезъ конюшни, сараи, хлѣвы, лошадей, телятъ, поросятъ вела къ крестьянскимъ дворамъ, мужеска пола душамъ (по подушному окладу 250 душъ по деревенской переписи), женска пола душамъ (по переписнымъ книгамъ 256 по деревенской переписи), тягловымъ крестьянамъ женатымъ, полутягловымъ, т. е. холостымъ, оброчнымъ и старикамъ, не могущимъ быть въ работѣ, новорожденнымъ въ 1769 г., новобрачнымъ и умершимъ въ томъ-же году. Строенія, вещи, скотъ и люди всѣ одинаково регистрировались по рубрикамъ: «при вступленіи въ правленіе въ 1768 г. принято» (1), «отъ 1768 въ 1769 г. вступило» (2), «въ 1769 г. прибыло, убыло» (3), «въ 1770 годъ вступило» (4). Заключается вѣдомость такими статьями: «земли распашной на помѣщика» *) (въ 3-хъ поляхъ),

*) Крестьянская земля въ вѣдомость не попала.

«мельница на два постава съ толчеей», «холста оброчнаго» и «льну».

Къ своей примѣрной вѣдомости *Рычковъ* дѣлаетъ такое добавленіе: «по сему примѣру означивать и неименованные въ сей вѣдомости вещи и дѣла (sic), что гдѣ случится, изъ чего помѣщику при началѣ каждаго года видно будетъ состояніе его вотчины».

Техника крѣпостной статистики выступаетъ передъ нами въ вѣдомости *Рычкова* въ довольно младенческомъ видѣ. Иное слѣдуетъ сказать о наставленіяхъ и формулярахъ по тому же предмету *А. Т. Болотова*. Наказъ его вообще отличается большей обстоятельностью, чѣмъ *Рычковскій*. «Многія обстоятельства требуютъ—говоритъ *Болотовъ* въ § 12 своего «Наказа»,—чтобъ приказчикъ по наѣздѣ своемъ, или по опредѣленіи на приказъ, прежде всего употребилъ стараніе о полученіи полнаго и достойнаго свѣдѣнія о деревняхъ, въ смотрѣніе ему порученныхъ и о всѣхъ касающихся въ нихъ общихъ и подробныхъ обстоятельствахъ, какъ, напримѣръ: 1) много ли деревень, гдѣ и въ какомъ разстояніи онѣ отъ главной лежатъ, сколь велики, сколько въ нихъ дворовъ и въ каждомъ дворѣ сколько жителей обоего пола и всякаго возраста, т. е., сколько совершенныхъ и здоровыхъ работниковъ, сколько подростковъ или такъ называемыхъ полуработниковъ, то-есть такихъ, кои боронить, а по нуждѣ и пахать могутъ, но косить еще не въ состояніи, сколько малолѣтнихъ, такъ же и престарѣлыхъ и дряхлыхъ, кои работать почти не могутъ, и прочее тому подобное. Для полученія сего нужнаго свѣдѣнія долженъ онъ всѣхъ ихъ въ

самыхъ ихъ жилищахъ не только осмотрѣть, но учинить имъ порядочную экономическую перепись. Руководствомъ къ тому можетъ ему служить приложенная при семъ подъ № 1 примѣрная табель, или форма такой переписной экономической книги». Ниже мы приведемъ эту форму, а теперь укажемъ еще, что *Болотовъ* такъ же, какъ *Волынскій* и *Рычковъ*, настоятельно рекомендуетъ «и то принимать въ примѣчаніе и развѣдывать, въ какомъ состояніи живетъ каждый дворъ или крестьянинъ, въ довольномъ ли достаткѣ или умѣренномъ или бѣденъ» и т. д., и указываетъ на необходимость «входить въ причины» такого или иного экономическаго положенія крестьянъ. Дворовымъ *Болотовъ* совѣтуетъ также вести «исправную опись».

Переписная экономическая тетрадь *Болотова* состоитъ изъ слѣдующихъ двухъ частей:

Первая часть предназначается «вкупѣ для общаго изъясненія нужныхъ вещей, касающихся до той деревни, которая описывается». «На сей страницѣ записывается перечнями слѣдующее: 1) сколько въ той деревнѣ по послѣдней, и которой именно ревизіи въ подушномъ окладѣ душъ; 2) сколько по крѣпостямъ пахотной земли, луговъ, лѣсовъ и другихъ угодій; 3) сколько въ ней крестьянскихъ дворовъ; 4) сколько вообще во всѣхъ ихъ налицо жителей и изъ нихъ совершенныхъ и несовершенныхъ работниковъ; 5) сколько тяголъ; 6) сколько подъ крестьянами той деревни господской земли и луговъ; 7) сколько платятъ подушныхъ денегъ; 8) сколько работниковъ даетъ сія деревня, когда по одному, по два или болѣе съ тягла надобно; 9) сколько поборовъ собирается съ

нея и какихъ; 10) сколько въ ней мастеровыхъ людей, и какова рода. Все сіе должно на первой страницѣ короткими перечнями записать». Не трудно видѣть, что въ этой части переписной экономической тетради Болотова мы имѣемъ передъ собой не что иное, какъ прямого предшественника, зародышъ поселеннаго (пообщиннаго) бланка земской статистики..

Вторую часть Болотовской тетради составляютъ отдѣльные листы или страницы, каждая изъ которыхъ посвящена подробному описанію даннаго отдѣльнаго двора. Этотъ листъ есть прямой предшественникъ, зародышъ подворной карточки земской статистики *). Вотъ эта *Болотов*ская табель, или форма въ точномъ воспроизведеніи (см. табл. стр. на 224—227).

Исполненная по такой табели подворная перепись могла бы дать довольно содержательную картину хозяйства описанныхъ дворовъ, и при томъ эта картина была бы не только статистической въ тѣсномъ смыслѣ, но и расцвѣченной живыми данными анкетнаго характера. Оборотъ листа предназначался *Болотовымъ* для «ремарокъ» или «записокъ», «которыя впредь случатся и до сего двора касаться будутъ, какъ, напримѣръ ежели нужда востребуетъ записать, сколько тотъ мужикъ, въ который годъ и

*) О пріемахъ земской статистики см. *А. Ѳ. Фортунатова.* «Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства». (Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ «земской статистики», т. I, Москва 1892) и *С. Н. Велецкаго* «Земская статистика» (2 тома, Москва, 1899 г., въ особенности томъ II, гдѣ помѣщены поселенные бланки и подворныя карточки разныхъ губерній).

какого хлѣба себѣ спряталъ; сколько кому изъ постороннихъ и чѣмъ долженъ, что кому господскаго и когда дано; кто въ томъ дворѣ и когда умеръ, или вновь народился, кто куда и покуда отпущенъ, за которымъ жителемъ что особливое примѣтится, что особливаго и записки достойнаго въ томъ дворѣ случится, или что надобно впредь для памяти и пополненія касающагося до сего двора записать и протчее тому подобное, а для скорѣйшаго дворовъ пріискиванія надобно сдѣлать имъ всѣмъ реестръ съ показаніемъ листовъ, гдѣ они въ тетради написаны». *Болотовъ* указываетъ, что подворная перепись должна быть періодически повторяема: «для перемѣны обстоятельствъ необходимость заставляетъ по прошествіи лѣтъ ее сочинять снова».

Кромѣ переписной тетради знаменитый основоположникъ русской агрономіи предлагалъ для раціональной постановки крѣпостного хозяйства вести другія записи, формы или табели которыхъ онъ тоже сочинилъ. Во-первыхъ,—домашній журналъ, въ который должны были, между прочимъ, заноситься: 1) судебныя рѣшенія приказчика («жалобы, ссоры и расправы въ чемъ и какъ онѣ рѣшены»); 2) наказанія крестьянъ, имъ постановленныя; 3) свѣдѣнія о родившихся и умершихъ; 4) свѣдѣнія о побѣгахъ и «другихъ отъ крестьянъ шалостяхъ»; 5) отпуски ихъ на сторону и явки паспортовъ и т. п.

Для записей, «касающихся до полей и всѣхъ нужныхъ до того принадлежащихъ обстоятельствъ», должна быть заведена особая «полевая» тетрадь. Въ другой «хлѣбной» тетради должны записы-

1. Д В О Р Ъ

	ИМЕНА ЖИТЕЛЕЙ.	Возрастъ и состоя					
		Какихъ лѣтъ были 1770 г.	Мужскаго полу.				
			Совершенный работникъ.	Полуработникъ.	Малолѣтнихъ.	Старыхъ.	Дряхлыхъ.
	Хозяинъ						
1	Петръ Петровъ	65	—	—	—	1	—
2	Жена ево Анна Иванова.	60	—	—	—	—	—
	У нихъ дѣти.						
3	Большой сынъ Иванъ.	40	1	—	—	—	—
4	Жена ево Аѳимья Васильева. . .	35	—	—	—	—	—
5	У нихъ дѣти Петръ.	15	—	1	—	—	—
6	Анна.	5	—	—	—	—	—
7	Средній сынъ Василей	35	1	—	—	—	—
8	Жена ево Палагея Петрова. . . .	30	—	—	—	—	—
9	У нихъ дѣти Василей.	10	—	—	1	—	—
10	Аѳимья.	15	—	—	—	—	—
11	Праскевья.	1	—	—	—	—	—
12	Меньшой сынъ Андрей.	30	1	—	—	—	—
13	Жена ево Аксинья Иванова. . . .	25	—	—	—	—	—
14	У нихъ сынъ Петръ.	2	—	—	1	—	—
15	Петръ (у?) племянникъ братнинъ сынъ Иванъ Васильевъ вдовъ. . .	32	—	1	—	—	—
	У нихъ сынъ Петръ.	14	1	—	—	—	—
	ИТОГО	—	4	2	2	1	—
	Мужскаго	—	9				
	Всего . . .	—	16				

П Е Т Р О В Ъ.

шіе оныхъ. Женскаго. Работница совершенная.	Полуработ-ница дѣвка.	Малолѣтная.	Старухъ.	Дряхлыхъ.	Свойствы и качествы оныхъ.
					Старъ и дряхлъ, однако добрый хозяинъ и мужикъ доброй, и смирной.
—	—	—	1	—	Совсѣмъ дряхла.
—	—	—	—	—	Мужикъ исправной и плотникъ.
1	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	Мальчикъ надежной учится портному.
—	—	1	—	—	Скорбна.
—	—	—	—	—	Мужикъ проворной ѣздитъ въ извозъ, а при томъ бочаръ.
1	—	—	—	—	Не очень здоровъ.
—	—	—	—	—	Невѣста, можно уже замужъ выдать.
—	1	—	—	—	
—	—	1	—	—	Временемъ и часто бываетъ болѣнъ, а при томъ непроворенъ.
—	—	—	—	—	
1	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	Мужикъ проворной работящъ и не глупъ.
—	—	—	—	—	По нуждѣ уже пашетъ, только лѣнивъ очень.
3	1	2	1	—	Женскаго полу.
		7			
					Душъ.

СОСТОЯНІЕ СЕГО ДВОРА.	ПРИТЧИНЫ
Сей крестьянинъ живетъ хорошо и нужды дальней ни въ чемъ не претерпѣваетъ, домъ имѣетъ изрядной и всякое нужное строеніе которое у него и въ порядкѣ, хлѣба становятся всегда своего въ годъ много еще и продаетъ и ссужаетъ другихъ. Подушное за нимъ не стоитъ, и господское все изправляетъ какъ надобно. Скота имѣетъ: Лошадей . . . . . 12 Коровъ . . . . . 4 Телятъ . . . . . 3 Овецъ. . . . . 22 Свиней . . . . . 6 Козъ . . . . . 3 Кромѣ того водитъ еще гусей и рускихъ куръ: также имѣетъ не большой заводецъ пчолъ.	Въ достаткѣ живет семья хорошая и къ зем тельству, какъ самъ ст рачительны, трудолюбив же вся согласная и друж вую, свою не только вс еще имѣютъ копани и р того землю еще у чужих уработыванія всей дер скота у нихъ довольно, много, по чему и хлѣб вольно, а сверхъ того б ническомъ рукомыслѣ, извоза, иногда отъ база таютъ деньги, а при том мотаетъ, на господску дитъ племянникъ и мен ракомъ.

ваться «приходъ и расходъ немолоченому и молоченому всякому хлѣбу». «Денежная» тетрадь должна служить для записи «прихода и расхода деньгамъ». «Небольшая тетрадь опредѣляется для особой записки хлѣбныхъ, денежныхъ и всякихъ другихъ долговъ, и поэтому называется долговой». Въ особой тетради должны записываться «поборы съ мужиковъ». «Послѣдняя тетрадь, наконецъ, должна содержать въ себѣ всѣ нужные реестры и записки, касающіеся до разной домашней сбруи, скотоводства, разнаго запаса и другихъ вещей». Въ настоящемъ этюдѣ, посвященномъ крѣпостной статистикѣ, мы не останавливаемся на этихъ записяхъ, имѣющихъ, по преимуществу, счетоводственный, или бухгалтерскій характеръ. Конечно, не слѣдуетъ забывать, что вся вообще крѣпостная

для того болѣе, что
едѣлію и домостроит-
рикъ, такъ и всѣ
и прилежны, семья
ная. Пашню тягло-
сами пашутъ, но
зпашки, а сверхъ
нанимаютъ, и для
утъ еще батраковъ,
земли удабриваютъ
родится у нихъ до-
льшей сынъ на плот-
средней иногда отъ
ничества дома дос-
ни кто изъ нихъ не
работу болѣе хо-
шій сынъ съ бат-

1. Тягелъ на семъ дворѣ 2.
2. Работниковъ даетъ обыкновенно 2, а въ нужномѣ случаѣ муж. 4, женскаго 3.
3. Земли подъ нимъ тягловой въ такомъ то полѣ 6 десятинъ, въ такомъ 5 съ половиною десятинъ, а въ такомъ 5 десятинъ.

   Сверхъ того имѣетъ копань въ такомъ та мѣстѣ болѣе десятины, да распашку изъ лугу въ такомъ та мѣстѣ полдесятины.

   Лугу имѣетъ 6 десятинъ.
4. На господина пашетъ въ каждомъ полѣ по 6 десятинъ, или сколько по разчисленію придетъ.
5. Подушнаго платитъ съ 10 душъ.
6. Поборовъ господскихъ съ сего двора: мяса свинаго 1 пуд. 20 фунт. Барановъ 2 масла 5 фунтовъ.

   Яицъ 60, куръ 4, холстины 23 и прочее.

статистика преслѣдовала счетоводственныя цѣли, такъ какъ она вела счетъ людямъ, не какъ таковымъ, не какъ населенію, но какъ составному элементу живого инвентаря хозяйства, какъ крѣпостнымъ душамъ и рукамъ.

Ѳедотъ Удоловъ, авторъ весьма любопытнаго «Собранія экономическихъ правилъ» [Труды Вольн. Экон. Общ. чч. XV (1770 г.), XVIII (1771 г.), XX (1772 г.)], не давая прямыхъ указаній и наставленій о производствѣ подворныхъ переписей крестьянъ, въ то же время для установленія и поддержанія правильнаго тягловаго распорядка рекомендуетъ «при каждой подушной переписи (т. е. ревизіи П. С.) оба пола работныхъ, землю и скотъ свидѣтельствовать».

Въ помѣченномъ 1 января 1795 года «наставле-

ніи, данномъ отъ помѣщика своему приказчику, отправленному въ вотчины для управленія оными» *) въ п. 3 содержится такой приказъ:

«Немедленно имѣешь ты во всѣхъ оныхъ моихъ селахъ и деревняхъ, подворно (подчеркнуто нами) всему крестьянскому имуществу сдѣлать обстоятельную вѣдомость, сколько у каждаго крестьянина имѣется: 1) хоромнаго строенія; 2) хлѣба разнаго рода; 3) рогатаго скота; 4) овецъ; 5) свиней; 6) птицъ разнаго рода; 7) лошадей; 8) кто какъ зажиточенъ, какой имѣетъ промыселъ отъ хлѣбопашества, скотоводства, или отъ рукодѣлія, или отъ извоза, или отъ другого чего, и ту опись, по пріѣздѣ твоемъ въ оную вотчину, написавъ, прислать ко мнѣ черезъ полтора или два мѣсяца непремѣнно съ объясненіемъ, какое село или деревня, при какихъ именно рѣкахъ, ручьяхъ или озерахъ расположены, коликое число имѣетъ во владѣніи пашенной земли, сѣнныхъ покосовъ, и сколько платитъ оброчныхъ денегъ». Этотъ приказъ подтверждается въ п. 26, въ которомъ помѣщикъ предписываетъ еще: «узнать хотя примѣрно: сколько крестьяне мои во всѣхъ селахъ и деревняхъ каждый обсѣваетъ земли ржанымъ и яровымъ хлѣбомъ и продукты свои имѣетъ отъ хлѣбопашества или отъ другихъ какихъ промысловъ».

*) Это наставленіе, являющееся, очевидно, вполнѣ конкретнымъ наказомъ опредѣленнаго, хотя и не названнаго, помѣщика своему приказчику, напечатано въ концѣ любопытной книжки «Новый опытный сельскій управитель, приказчикъ и экономъ, или самонужнѣйшія и обстоятельныя наставленія о управленіи деревнями, крестьянами, земледѣліемъ, пчеловодствомъ, скотоводствомъ, птицеводствомъ и огородными работами». Москва. Въ университетской типографіи, 1825. (123 стр.).

II.

Сельско-хозяйственная литература XIX вѣка отличается еще большей обстоятельностью въ наставленіяхъ относительно регистраціи крѣпостного населенія, чѣмъ литература XVIII вѣка. Авторъ знаменитыхъ примѣчаній къ русскому переводу «Основаній раціональнаго сельскаго хозяйства» *Тэра*, *Н. Н. Муравьевъ*, въ 1830 году, говоря о сельскохозяйственной отчетности указывалъ, что «въ русскомъ хозяйствѣ еще представляется статья отчетности, весьма важная, именно: счетъ въ людяхъ, ихъ состояніи и измѣненіи оного, ежегодно случающихся. Помѣщику необходимо вникать въ сіе, изыскивать причины упадка нѣкоторыхъ семей, отвращать оныя и стараться имъ помогать». Для этого *Н. Н. Муравьевъ* предлагалъ «образецъ подворной описи, очень... удобной». «Въ ней показана оцѣнка имущества крестьянъ, сдѣланная изъ нихъ же избранными старостами, которые нарочно для сего совѣщаются при ежегодномъ сочиненіи новой подворной описи» *).

Оцѣночныя свѣдѣнія составляютъ характерную особенность *Муравьевской* формы, отличающую ее отъ большинства и болѣе раннихъ, и болѣе позднихъ образцовъ подворной описи крѣпостныхъ крестьянъ. Забота *Муравьева* о правильной и—поскольку такое выраженіе приложимо къ крѣпостному

*) Часть первая, стр. 284. Между прочимъ практическое удобство подворной описи *Муравьевъ* видѣлъ въ томъ, что изъ нея помѣщикъ могъ всегда узнавать лѣта крѣпостныхъ и предупреждать вредные браки парней полудѣтей съ взрослыми дѣвицами (тамъ-же).

Наличное состояніе людей съ 1 генваря 1828 года.

Семьи.	Тягло. Оброчн.	Тягло. Пахотн.	Ремесла.	ИМЕНА.	Лѣта. Мужч.	Лѣта. Женщ.	Родство.	Всего душъ. Мужч.	Всего душъ. Женщ.
				Крестьяне дер. Осташ.					
1	—	2	Плотникъ.	Павелъ Григорьевъ.	51			4	
				Иванъ	$5^1/_2$		Сыновья Павла.		
				Федоръ.	$1^1/_2$	—			
			Токарь и грам. знаетъ.	Василій Никифоровъ.	16		Пасынокъ Павлу.		
				Фекла Семенова . .	—	38	Жена Павла.		
							Итого .	4	
2	—	1	Ламповщ. и грам. знаетъ.	Петръ Левоновъ . .	37	—			
				Фавстъ	17	—	Сыновья Петра.	3	
				Василій	$3\frac{11}{12}$	—			
				Матрена	—	39	Жена Петра.		
				Варвара	—	9			
				Афимья	—	$5^1/_2$	Дочери Петра.		
				Домна	—	$\frac{5}{12}$			
				Татьяна	—				
							Итого .	3	

МУРАВЬЕВА.

Измѣненія, случившіяся въ теченіе года.			Оцѣнка имуществу.					
Родилось.	Умерло.	Перемѣщенія.	Сколько какого имущества.	Число вещ.	По какой цѣнѣ. Руб.	К.	Сумма. Руб.	К.
			Избъ	2	—	—	150	—
			Дворъ	1	—	—	30	—
			Мшаникъ	1	—	—	34	—
			Горенка					
			Клетей	2	—	—	20	—
			Сарасвъ	2	—	—	20	—
			Овинъ	1	—	—	20	—
			Лошадей	4	—	—	150	—
			Коровъ	3	—	—	60	—
			Овецъ	5	3	—	15	—
			Свиней	1	—	—	8	—
			Куръ	15	—	50	7	50
			Телегъ	2	—	—	50	—
			Дровней	3	—	—	6	—
			Хомутовъ	3	—	—	12	—
			Итого	—	—	—	582	50
			Изба	1	—	—	120	—
			Дворъ	1	—	—	15	—
			Мшаникъ	1	—	—	20	—
			Горенка	1	—	—		—
			Клеть	1	—	—	15	—
			Сарай	1	—	—	10	—
			Овинъ	1	—	—	15	—
			Лошадей	2	—	—	50	—
			Коровъ съ молок.	3	—	—	30	—
			Овецъ	2	3	—	6	—
			Куръ	10	—	50	5	—
			Телегъ	1	—	—	15	—
			Дровней	2	—	—	4	—
			Хомутовъ	2	—	—	4	—
			Итого	—	—	—	309	—

строю—«правомѣрной» организаціи собиранія оцѣночныхъ данныхъ заслуживаетъ быть особливо отмѣченной. Вотъ образецъ *Муравьева* (см. таблицу на стр. 230—231).

Надо думать, что *Муравьевъ* полагалъ необходимымъ если не ежегодно, то періодически повторять перепись, и по меньшей мѣрѣ, какъ явствуетъ изъ графы: «измѣненія, случившіяся въ теченіе года», тщательно регистрировать какъ естественное движеніе населенія вотчины, такъ и его «перемѣщенія».

У. Карповичъ, авторъ книги: «Хозяйственные опыты. (?) Тридцатилѣтней практики. (?) Или наставленіе для управленія имѣніями» (С.-Петербургъ 1837 г.), которая вышла вторымъ изданіемъ въ 1848 г. и была усердно распространяема Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, даетъ въ предисловіи обѣщаніе представить «изложеніе такихъ способовъ, по которымъ помѣщикъ и не бывъ въ имѣніи, могъ бы, однимъ взглядомъ въ опись, видѣть какъ въ зеркалѣ хозяйство во всѣхъ его отношеніяхъ», и въ текстѣ весьма обстоятельно исполняетъ это обѣщаніе. Весь 124 § книги *Карповича* посвященъ наставленію: «какъ составить подворную опись крестьянамъ лучшимъ образомъ, чтобы знать ихъ такъ, какъ отецъ знаетъ свое семейство и черезъ то сдѣлать ихъ во всѣхъ отношеніяхъ исправными». Наставленіе *Карповича* въ виду его особой обстоятельности, а также большой рѣдкости въ настоящее время «Хозяйственныхъ Опытовъ» мы приводимъ in extenso:

„Села, деревни, хуторы и выселки должны быть описаны осенью послѣ уборки всего хлѣба, слѣдующимъ порядкомъ: управляющій,

прибывъ въ имѣніе и устроивъ порядокъ по всѣмъ вышеозначеннымъ пунктамъ, тотчасъ отправляется съ сельскими начальниками на мѣсто, гдѣ намѣренъ производить подворную опись. По прибытіи дѣлаетъ мірскую сходку, т. е. призываетъ хозяевъ изъ всѣхъ избъ. Каждый хозяинъ обязанъ непремѣнно самъ явиться къ переписи и отнюдь не допускать, чтобы вмѣсто ихъ являлись женщины *). Когда уже всѣ соберутся, то сперва объявить имъ цѣль сей описи: что общественная и каждаго польза и порядокъ вещей требуетъ, чтобы они доставили подлинныя свѣдѣнія; и что господину необходимо знать состояніе каждаго крестьянина такъ, какъ отецъ знаетъ свое семейство. При томъ объявить, чтобы всѣ, о чемъ будутъ спрашиваны, показали въ точности, ничего не утаивая, и что вслѣдъ за симъ непремѣнно послѣдуетъ повѣрка на лицо, и ежели окажется, что кто изъ своей собственности что-либо утаилъ, все то будетъ отъ нихъ отобрано и назначится въ пользу бѣдныхъ и неимущихъ крестьянъ. Это повторить разъ и другой, чтобы каждый изъ нихъ понялъ, въ чемъ состоитъ дѣло. Наконецъ, приступить къ описи слѣдующимъ образомъ:

Село N, деревня N, хуторъ N, выселокъ N, и пр., названіе мѣста, въ какомъ разстояніи верстъ отъ усадьбы или конторы N; какая почва вообще: черноземъ, песчаная, глинистая, или часть чернозема съ тремя частями глины и пр., при какой расположенной дорогѣ: большой столбовой, или малой проселочной; на какихъ положеніяхъ крестьяне обязаны служить помѣщику; на положеніи ли хлѣбопашцевъ или оброчныхъ, и отъ какого времени.

Потомъ въ составленныхъ по нижеслѣдующему описанію формахъ, въ столбцахъ означить всѣ изложенные тамъ предметы, которые надлежитъ вѣрно узнать и описать подробно, безъ упущенія; а именно:

Съ лѣвой стороны листа въ столбцахъ:

а) Нумеръ домовъ крестьянъ-хлѣбопашцевъ, барщинныхъ оброчныхъ и прочихъ.

б). Люди мужеска и женска пола и ихъ лѣта.

в) Сколько состояло по 8 ревизіи душъ.

---

*) Женщины являются за хозяевъ и всегда утаиваютъ половину, а потому строго наблюдать, что бы при составленіи подворной описи женщинъ не было. (Прим. *Карповича*).

г) Выбывшіе послѣ ревизіи по разнымъ случаямъ.

д) Прибывшіе послѣ ревизіи.

е) Нынѣ состоитъ на лицо душъ.

ж) Въ замѣчаніяхъ описать и тѣхъ, кои живутъ здѣсь во услуженіи и пр., съ какимъ паспортомъ, на какой срокъ отпущены, откуда и какого помѣщика.

з) Имущество каждаго хозяина, сколько у него лошадей, рабочихъ и молодыхъ, воловъ, быковъ, коровъ, телятъ, овецъ, свиней и пр.; птицъ: индѣекъ, гусей, утокъ, куръ и пр.; сколько хлѣба въ снопахъ и зернѣ; сколько стоговъ и возовъ сѣна; пчелъ старыхъ и молодыхъ на пасѣкахъ и бортяхъ и пр.

и) Сколько у кого садовъ фруктовыхъ.

і) Сколько десятинъ земли подъ огородами, посѣвомъ ржи, яровымъ и паромъ.

к) Сколько земли наемной на сторонѣ.

л) Сколько сѣнокосовъ.

м) Сколько десятинъ послѣ послѣдняго размежеванія земли вновь очищено для себя изъ подъ кустарниковъ и запущенныхъ мѣстъ.

н) Сколько кто засѣялъ хлѣба озимаго и ярового.

о) Опредѣляется одинъ столбецъ для того, чтобы можно было тотчасъ по слѣдующимъ знакамъ видѣть состояніе каждаго крестьянина во всѣхъ отношеніяхъ. Если крестьянинъ богатъ, то въ столбецъ писать букву б; если посредственный, то п, и скудный с.

На правой сторонѣ листа въ столбцахъ.

п) Тяглы. Мужъ съ женою значитъ одно тягло; отъ 18 до 60 лѣтъ они находятся въ тяглѣ, и работаютъ каждую недѣлю три дня на господина и три дня на себя; это называется братъ на брата. До 18 лѣтъ и свыше 60 лѣтъ въ тяглахъ не считаются; употребляются же только въ очередные караулы и разные надзоры за цѣлостью всего, что принадлежитъ владѣльцу *).

---

*) Составляющему подворную опись непремѣнно надобно имѣть ревизскія сказки, и замѣчать вѣрно лѣта каждаго. Крестьяне убавляютъ лѣта своимъ сыновьямъ, чтобы не вписывали ихъ въ тягла, а потому ихъ не скоро женятъ; также дочерей иногда не отдаютъ въ замужество, чтобы не посылали на работу. (Прим. *Карповича*).

р) Барщина недѣльная мужского и женскаго половъ, упряжная и пѣшая, также и годовая *).

с) Подводы зимнія для вывозки различныхъ произведеній.

т) Гдѣ размежеваніе земли производилось давно и каждый крестьянинъ распространилъ свою землю и луга очисткою изъ подъ кустарниковъ, лѣсовъ, луговъ и пр., и теперь земли у одного болѣе, а у другого менѣе, тамъ разложеніе окладовъ сообразно пространству земли быть не можетъ; а лучше дѣлать раскладку тяголъ и барщины (оброковъ и разнаго рода сборовъ) по душамъ **). Въ прочемъ всѣ оклады должно дѣлать со всевозможною осмотрительностью, чтобы и владѣлецъ не лишался должнаго ему, и крестьянамъ не было отягощенія.

у) Оклады казенныхъ податей и рекрутскихъ сборовъ съ ревизской души должны быть всегда разложены по равной части и означены въ столбцахъ вѣрно.

ф) Оброки господскіе, столовые запасы и годовую разнаго рода дань помѣщику, по свойству мѣстнаго положенія означать въ столбцахъ противу каждой избы.

х) Въ одномъ изъ столбцевъ означать предъ избою, кто выбранъ въ томъ селѣ бурмистромъ, старостою, сотскимъ, десятскимъ, смотрителемъ за магазиномъ запасной ссыпки крестьянскаго хлѣба; и всѣхъ тѣхъ, кои поименованы.

ц) Также въ столбцѣ означено должно быть противу каждаго записаннаго человѣка, кто изъ мастеровыхъ: кузнецъ, столяръ, колесникъ, плотникъ, бочаръ, слесарь, ткачъ, сапожникъ, портной, шорникъ, каретникъ, маляръ, кирпичникъ, горшечникъ и пр., потому что все это необходимо знать управляющему имѣніемъ.

ч) Означить строеніе каждаго хозяина старое и новое подробно; напримѣръ, изба и сѣни новыя, еловаго дерева; амбаръ дубоваго; дворъ огороженъ плетнемъ и все это покрыто соломою или досками.

ш) Наконецъ, кто дурного, нетрезваго поведенія, нерадивъ,

---

*) По новой переписи, несмотря на старыя, съ 18 лѣтъ вписывать въ тягло; усердный управляющій старается умножить тягла ежегодно. (Прим. *Карповича*).

**) Конечно, это выходило такъ по владѣльческой логикѣ, равнявшей всѣхъ подъ одно, пока это согласовалось съ помѣщичьимъ интересомъ. (Прим. *П. С.*).

лѣнивъ, и только надѣется на господскіе амбары, такого означать такъ, напримѣръ Парфенъ р., т. е. рекрутъ *).

По срединѣ листа.

щ) Отъ литеры *о* до *н* записать всѣхъ людей мужскаго и женскаго пола, не пропуская даже и грудныхъ младенцевъ, съ означеніемъ именъ; также работниковъ и работницъ, служащихъ по паспортамъ, какъ сказано выше подъ лит. *ж*; однимъ словомъ всѣхъ, кто только проживаетъ на землѣ владѣльца, показывая его имя, отечество, прозваніе, сколько отъ роду лѣтъ, холостъ, вдовецъ, или если женатъ, то имя жены, сыновей, дочерей, отцовъ, дѣдовъ, братьевъ; ихъ женъ, дѣтей, сестеръ; работниковъ съ ихъ женами и дѣтьми, и наконецъ, работницъ съ ихъ дѣтьми.

ъ) При составленіи подворной описи строго наблюдать, чтобы не случалось утайки, и потому, не полагаясь на показанія допрашиваемыхъ, самому управляющему надлежитъ лично повѣрить и удостовѣриться въ истинѣ всего того, что внесено въ опись.

ы) Наконецъ, составляющій подворную опись долженъ непремѣнно имѣть сказки послѣдней ревизіи и по онымъ дѣлать перепись; разспрашивать и, если окажется, что кого нѣтъ дома, то таковыхъ особенно отмѣчать, записывая гдѣ они, во сколькихъ верстахъ; у кого именно; на долго ли; въ какой должности; съ чьего дозволенія или самовольно; имѣютъ ли паспортъ; давно ли отлучились, отмѣчать годъ, мѣсяцъ и число, ихъ надлежитъ записать, показывая имена, прозваніе и сколько имѣютъ лѣтъ отъ роду.

Составивъ сію опись въ точности по вышеизложеннымъ правиламъ, подчеркнуть, сосчитать вѣрно, подвести итоги, и тогда видно будетъ, какъ въ зеркалѣ, состояніе каждаго крестьянина, и доходъ вотчины. Наконецъ, всѣ итоги порознь перенесть въ общую таблицу, подчеркнуть, вѣрно сосчитать, и сумма общаго дохода каждаго имѣнія будетъ извѣстна всякому".

При всей наивности стиля, отражающаго «патріархальный» духъ, царившій въ крѣпостномъ хозяйствѣ, плану подворной описи *Карповича* нельзя отказать въ продуманности, содержательности и

*) Т. е. такой крестьянинъ въ наказаніе за нерадивность подлежалъ отдачѣ въ солдаты. (Прим. *П. С.*).

обстоятельности. Программа эта заключаетъ даже «почвенное» описаніе земельнаго владѣнія. Но интереснѣе всего слѣдующее. Лицамъ, знающимъ, что производство подворной переписи на сельскомъ сходѣ представляетъ одинъ изъ наиболѣе характерныхъ методическихъ пріемовъ современной земской статистики *), тотчасъ же бросится въ глаза, что этотъ пріемъ былъ предвосхищенъ *Карповичемъ*. Разница только въ томъ, что земская статистика не «отводитъ» женщинъ отъ дачи показаній, что она не угрожаетъ «повѣркой на лицо» и конфискаціей имущества неправильно показавшихъ въ пользу «неимущихъ» крестьянъ и что вообще, отличаясь такою же обстоятельностью, какъ и крѣпостная статистика, она суровости послѣдней не раздѣляетъ.

Въ томъ же 1837 г., въ которомъ появилась въ С.-Петербургѣ книга *Карповича*, въ Москвѣ вышло въ свѣтъ сочиненіе «Начальныя основанія русскаго сельскаго хозяйства, соотвѣтствующія настоящему положенію недвижимыхъ имѣній. Сочинилъ и полезное изъ лучшихъ по сему предмету книгъ заимствовалъ *Акинфъ Жуковъ*» (стр. VIII + 269). Это—чрезвычайно любопытное и характерное практическое руководство къ крѣпостному хозяйству, чуждое совершенно увлеченія техническими новшествами, но всецѣло проникнутое духомъ экономической раціональности, т. е. мыслью о наивысшемъ чистомъ

*) *Фортунатовъ*, l. c., стр. XVI—XVII. *Велецкій*, l. c., стр. 238 и слѣд. *С. М. Блекловъ*. За фактами и цифрами. Записки земскаго статистика. Москва, 1894. Стр. 27 и слѣд.

доходѣ *). Въ немъ мы находимъ слѣдующія формы подворной описи крестьянъ и тяглового списка имъ (см. таблицы на стр. 238—239).

Подворная опись крестьянамъ села Архангельскаго, Блохина тожъ, помѣщика А. И. Ж., учиненная 1827 года Декабря дня.

№ По ревизіи.	№ Двора.	Имена, отечества и прозванія крестьянъ мужска пола.	Лѣта по ревизіи.	Лѣта настоящія.	Душъ повинн. плат.	Лошадей. Рабочихъ.	Лошадей. Молодыхъ.	Коровъ.	Овецъ.	Свиней.	Оцѣнка. Рубли.	Оцѣнка. Копѣйки.
	1	Савелій Захаровъ . . . . . Изба дубовая одна, шириною 9, длиною 10 арш., сѣни бревенчатыя 5 арш. длиною, шириною 9 арш., анбаръ бревенчатый шириною 9 арш., длиною 6 арш., дворъ обнесенъ высокимъ плетнемъ, съ навѣсами шириною и длиною 10 сажен.; ворота тесовыя съ дубовыми вереями, погребница, и подъ навѣсомъ погребная яма, или ледникъ. Мастерства и промысла никакого не имѣетъ; нанимается иногда въ черноробочіе.										

*) *Жукову* принадежитъ одна изъ тѣхъ попытокъ артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ, о которыхъ я говорилъ выше.

Тягловый списокъ крестьянамъ обоего пола въ селѣ Архангельскомъ, Блохино тожъ, помѣщика А. И. Ж., учиненный 1827 г. Декабря дня.

№ по ревизіи.	№ Двора.	ИМЕНА.	Старики.	Старухи.	Тяглы к.	Тяглы д.	Подростки.	Подростки ж.	Малол. муж.	Малол. жен.	Лошад. старыя.	Лошад. молод.	Число душъ.
		Савелій Захаровъ			1	1							
		Итого											

Вопросъ о правильной и точной регистраціи крестьянъ, очевидно, сильно занималъ сельскохозяйственныхъ практиковъ и писателей того времени. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1847 г., въ статьѣ извѣстнаго въ свое время агронома барона *Ѳедора Унгернъ-Штернберга* *) «Взглядъ на совре-

*) Онъ былъ, кажется, главнымъ управляющимъ имѣній графовъ Бобринскихъ въ Нижегородской губ.

Подворная опись села Бороздина и деревни

Составлена 15 де

Подворный №.	Ревизскій №.	ОПИСАНІЕ СЕМЕЙ.	Тягла.	Ревизскія души. Мужескаго.	Ревизскія души. Женскаго.	Родившіеся послѣ ревизіи. Мужескаго.	Родившіеся послѣ ревизіи. Женскаго.	Лошадей. Тяжалыя.	Лошадей. Жеребята.	Рогатый скот. Коровы и быки.
		Село Бороздино.								
1	6	Григорій Семеновъ Санкинъ .	—	60	—	—	—	4	2	4
		1) Сынъ его Петръ Григорьевъ	1	40	—	—	—	—	—	—
		Жена Петра, Акулина	—	—	38	—	—	—	—	—
		Внукъ его, Ѳедоръ Петровъ .	1	17	—	—	—	—	—	—
		Внука его, Анна Петрова . .	—	—	16	—	—	—	—	—
		Внукъ его, Григорій Петровъ .	—	14	—	—	—	—	—	—
		Внука его, Акулина Петрова .	—	—	—	—	4	—	—	—
		2) Сынъ Ѳедоръ Григорьевъ .	1	22	—	—	—	—	—	—
		Жена Ѳедора, Марья	—	—	21	—	—	—	—	—
		Сынъ Ѳедора, Матвѣй	—	—	—	2	—	—	—	—
		Итого	3	5	3	1	1	4	2	4
2	10	Матвѣй Ѳедоровъ Клиновъ. .	1	54	—	—	—	2	1	1

Продолжать такимъ образомъ перепись всѣхъ дворовъ, что называет

Ширина, всего 244 ревизскія души, 60 дворовъ.

кабря 1844 года.

Овцы и козы.	Свиньи и поросята.	Птицы.	Озимаго хлѣба. Копны.	Озимаго хлѣба. Четверти.	Яроваго хлѣба. Копны.	Яроваго хлѣба. Четверти.	Крестьянская постройка. Дворъ.	Крестьянская постройка. Изба.	Крестьянская постройка. Клѣть.	ЗАМѢЧАНІЯ.
			Урожая		184 г.					
0	5	15	—	10	—	10	1	2	2	1) Петръ Григорьевъ непочтителенъ къ отцу.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
			Урожая		184 г.					
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	80	—	80	—	—	—	—	2) 22 августа Ѳедоръ съ племянникомъ Ѳедоромъ пойманъ въ покражѣ лѣса.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3) Ѳедору Петрову выданъ билетъ на женитьбу съ дѣвкою Натальею изъ дому № 10.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4) Григорій Семеновъ мало печется о домѣ своемъ, проситъ передать старшему сыну Петру; недоимки за нимъ по 1-е января 54 р. серебромъ.
0	5	15	80	10	80	10	1	2	2	
3	1	5	—	—	—	—	—	—	—	

одворною описью.

менное состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи» былъ помѣщенъ (№ 10) слѣдующій образецъ подворной описи крестьянъ (см. табл. на стр. 240—241).

Этотъ образецъ значительно проще и бѣднѣе содержаніемъ, чѣмъ наставленіе-планъ *Карповича*. Образецъ *Унгернъ Штернберга* вызвалъ сочувственную статью въ «Земледѣльческой Газетѣ» за 1848 г. (№ 12), авторъ которой, *Андрей фонъ-Кремеръ* **), замѣчаетъ, что предлагаемую въ «Отечественныхъ Запискахъ» «опись можно было бы принять за образцовую во всякомъ имѣніи, какъ въ оброчномъ, такъ и въ состоящемъ на господской запашкѣ, если бы къ ней сдѣлать небольшое, но необходимое дополненіе: во-первыхъ, оговорить, въ какомъ состояніи найдено при составленіи описи крестьянское строеніе, чѣмъ оно покрыто, какія избы, бѣлыя или черныя; есть ли въ избахъ полы, чѣмъ огороженъ дворъ, и есть-ли на немъ навѣсные сараи и др. надворныя строенія. Во-вторыхъ, прибавить, кто изъ крестьянъ имѣетъ свои собственные риги, овины, кузницы, мельницы, хлѣбныя сушильни, кирпичные заводы, плодовые сады и т. п., потому что все это необходимо должно знать вотчинному владѣльцу, и изъ чего онъ съ перваго взгляда могъ бы видѣть благосостояніе или нищету своихъ крестьянъ».

III.

Не слѣдуетъ думать, что крѣпостная статистика была теоретической затѣей досужихъ писателей по крѣпостной экономіи. Во всякомъ сколько-нибудь

**) «О подворной описи и вѣдомость годовому отчету».

устроенномъ и обширномъ помѣщичьемъ хозяйствѣ она являлась безусловно необходимымъ учрежденіемъ крѣпостного хозяйства. Писавшіе о ней авторы были практическими хозяевами, сами въ подвѣдомственныхъ имъ владѣніяхъ фактически осуществлявшіе предлагаемую ими регистрацію крестьянъ. Поэтому въ сохранившихся домашнихъ архивахъ болѣе или менѣе благоустроенныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ должны храниться подворныя и т. п. описи или списки крестьянъ. Въ литературѣ есть опредѣленное указаніе, что въ извѣстномъ Латышинскомъ хозяйствѣ князей Мещерскихъ (Старицкаго уѣзда, Тверской губерніи, и Волоколамскаго у., Московской губ.) въ XIX в. производилась періодическая подворная перепись крестьянъ *). Отъ нѣсколькихъ лицъ, видѣвшихъ домашніе архивы крѣпостныхъ владѣльцевъ (или остатки такихъ архивовъ), мы слышали, что имъ попадались подворныя хозяйственныя описи крестьянъ. Въ собраніи рукописей Тверского Музея, содержащемъ нѣкоторые семейные архивы, мы, дѣйствительно, и нашли такого рода документы, о которыхъ скажемъ ниже.

---

*) «Приведены въ извѣстность—и это дѣлается ежегодно—крестьянская постройка, число животныхъ, количество запашки и сѣнокосовъ. Малоземельнымъ деревнямъ прибавлено земли полевой и луговой. Въ каждой деревнѣ приставлены опекуны изъ порядочныхъ и совѣстныхъ поселянъ для надзора за неимущими и обѣднѣвшими. Безъ позволенія опекуновъ и донесеній конторѣ никто не можетъ сбывать ни хлѣба, ни животныхъ. Тѣ, которые поправились и сдѣлались исправными, выходятъ изъ опеки». *Д. Шелеховъ*, помѣщикъ Тверской губ. «Народное руководство въ сельскомъ хозяйствѣ». С.-Петерб. 1838 г. ч. I, стр. 55.

Слѣдуетъ думать, что на хозяйственную регистрацію своихъ крестьянъ помѣщики наталкивались въ значительной мѣрѣ государствомъ, которое и фактически, и юридически съ 1761 года возложило на нихъ самостоятельную и отвѣтственную фискальную регистрацію населенія, осуществлявшуюся въ ревизіяхъ *). (На эту связь между ревизіями и крѣпостной статистикой указываютъ и цитируемыя выше слова *Удолова*). Ревизскія сказки, въ которыхъ крестьяне показывались «по семействамъ», были готовымъ остовомъ для гораздо болѣе содержательныхъ подворныхъ переписей **) крестьянъ.

---

*) Съ 1762 г. (третья ревизія) ревизіи производились безъ посылки спеціальныхъ ревизоровъ.

**) Въ семейныхъ помѣщичьихъ архивахъ Тверского музея, разсмотрѣнныхъ нами, намъ часто попадались копіи (такъ сказать, дубликаты) ревизскихъ сказокъ и душевые списки, основанные на ревизскихъ записяхъ. Но это, конечно, не хозяйственныя подворныя переписи, а именно только остовы для нихъ. Самыя примитивныя переписи крѣпостныхъ крестьянъ могли встрѣчаться въ различныхъ юридическихъ актахъ, купчихъ, мѣновыхъ, раздѣльныхъ и т. п. Такъ, въ одной раздѣльной Капорскаго уѣзда 1736 года (копіи) мы нашли перечисленіе крестьянъ по дворамъ («старожиловъ, которые были при швецкомъ владѣніи») съ указаніемъ скота и птицы, принадлежащихъ каждому двору (Тверской музей № 4766. Связка бумагъ рода Неклюдовыхъ). *И. С. Бѣляевъ* изъ дѣлъ упраздненнаго Чухломскаго уѣзднаго Суда сообщилъ въ «Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. при М. У.» (книга вторая за 1896 г. Смѣсь, стр. 7—11) любопытную опись движимому и недвижимому имѣнію послѣ покойнаго векселедавца отъ арміи капитана Ивана Иванова сына Зиновьева, которое отписано по указу изъ Чухломскаго уѣзднаго Суда по претензіи флота капитана второго ранга Петра Андреева Борноволокова, въ 1780 году іюня 12 дня. Эта опись содержитъ опись и оцѣнку дворовыхъ людей и крестьянъ (всего 23 души обоего), причемъ у крестьянъ показаны скотъ и живность.

Мы уже знаемъ изъ обзора литературныхъ наставленій по крѣпостной статистикѣ, что содержаніе подворныхъ переписей прежде всего опредѣлялось тремя важнѣйшими для помѣщика сторонами подчиненныхъ ему крестьянскихъ хозяйствъ: ихъ человѣческой рабочей силой (1), ихъ живымъ инвентаремъ и прочимъ имуществомъ (2) и ихъ повинностями [деньгами, работой, натурой] (3). Подворная перепись могла ограничиваться однимъ или двумя изъ этихъ основныхъ элементовъ или же обнимать ихъ всѣ.

Посмотримъ теперь, что же представляютъ изъ себя уже не литературные образцы и формуляры, а дѣйствительныя specimina крѣпостной статистики, явившіяся на свѣтъ Божій помимо всякаго намѣренія ихъ творцовъ—путемъ печати поучать другихъ искусству управленія крестьянами.

Прежде всего передъ нами, очевидно, черновая подворная перепись 1805 года деревень Дубровскихъ Цвѣтковъ, Соболева, Прасковьинскаго (Бухаловой тожъ) ***). Вотъ начало этой переписи: «А имянно въ деревни Дубровскихъ Цвѣтковъ крестьяна во-1-мъ дворе Купреянъ Осиповъ у него жена Прасковья Осипова: у нихъ дѣти Евгеній

***) Торопецкаго уѣзда, Псковской губ. Ср. „Псковская губернія“. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1872—77 гг. Изданъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». Спб. 1885 годъ №№ 12136, 12140, 12141 (стр. 390). Дата на этой переписи отсутствуетъ, но сличеніемъ лѣтъ поименованныхъ въ ней малолѣтнихъ крестьянъ съ записями датированной 1801 годомъ окладной подворной описи тѣхъ же деревень можно довольно точно опредѣлить время составленія нашей подворной переписи 1805 или 1806 годъ.

Купреяновъ, у него жена Авдотья Васильева, у него вдова невѣстка родная Прасковья Петрова собою слѣпа и хвора у нея дочь Иринья Иванова. У него Осипова разнаго скота лошадей 3 коровъ большихъ 2 третья летошная, телятъ нынѣшнихъ 2, свиней 2, овецъ большихъ 5, ягнятъ нынѣшнихъ 5, коза 1, козленковъ нынѣшнихъ 1». Лѣта въ этой переписи обозначены только для малолѣтнихъ (въ первомъ дворѣ ихъ, очевидно, не было). Это объясняется, повидимому, тѣмъ, что лѣта взрослыхъ были извѣстны изъ ревизскихъ сказокъ, регистрація же возраста малолѣтнихъ, какъ родившихся послѣ ревизіи, производилась впервые при подворной переписи и могла быть полезна въ смыслѣ подготовки матеріала къ слѣдующей ревизіи.

При всей своей скудости такая подворная перепись, какъ только что охарактеризованная 1805 г., даетъ довольно полную картину рабочихъ силъ и скотовладѣнія крестьянскихъ дворовъ.

Мы упомянули только что (въ примѣчаніи) объ окладной подворной описи тѣхъ же деревень 1801 года. Такихъ «окладныхъ описей» въ вотчинныхъ бумагахъ Кушелевыхъ довольно много и онѣ, конечно, представляютъ крупный интересъ не только какъ образцы регистраціи, но и какъ матеріалъ для характеристики крестьянско-помѣщичьихъ отношеній и, въ частности, повинностей крестьянъ. Вотъ заглавіе занимающаго насъ документа: «1801 года генваря (вмѣсто числа пустое мѣсто) сія учиняна складная опись сельца Софійскаго (съ) принадлежащими къ нему деревнями сколько состоитъ по наличности въ каждомъ семействѣ душъ, изъ коихъ по положенію вытей кому сколько

должно ходить по господскую работу равно и по окладу, что слѣдуетъ господское столовые и прочіе поборы платить съ выти въ годъ о всемъ томъ значитъ сей раскладки ниже сего». Къ сожалѣнію, заглавіе нашей описи не соотвѣтствуетъ ея содержанію, такъ какъ въ ней ничего, кромѣ поименнаго списка душъ съ обозначеніемъ возраста и опредѣленіемъ земельнаго надѣла и барщинной повинности нѣтъ. Вотъ, напримѣръ, какъ записанъ въ этой «окладной описи» уже извѣстный намъ дворъ Купріяна Осипова, занимающій тутъ не 1-е, а 9-е мѣсто (свѣдѣнія эти распредѣлены въ 4 графахъ и каждая душа занимаетъ особую строку): «Купреянъ Осиповъ 45 л., Иванъ Осиповъ 40 л. У Купреяна жена Прасковья Осипова 36 л. У нихъ дѣти: Евсигней 13 л., Евстратей 9 л., Сидоръ 1 г., Татьяна 15 л. У Ивана жена Прасковья Петрова 32 л. У нихъ дочь Иринья. Итого въ 9-мъ дворѣ мужска и женска полу душъ 4 (противъ списка душъ стоитъ) итого два венца ходить мужику и бабѣ съ лошадью въ недѣлю по 4 дня». У этого двора почему-то не обозначенъ его земельный надѣлъ; у другихъ дворовъ значится у однихъ два, у другихъ 3 «шеста» земли.

Эта «окладная опись» не самая старая и не самая содержательная и интересная въ архивѣ Кушелевыхъ. Есть тамъ цѣлая переплетенная книга съ списками («реестрами») крестьянъ, оброчныхъ и барщинныхъ разныхъ деревень, начиная съ 1785 года и кончая 1801 годомъ и рядъ такихъ же списковъ позднѣйшихъ годовъ, написанныхъ на отдѣльныхъ листахъ, но эти списки не сполна регистрируютъ населеніе дворовъ: они не перечи-

сляютъ всѣхъ душъ двора, а лишь отмѣчаютъ число работниковъ и работницъ въ каждомъ дворѣ, указывая денежный оброкъ (или барщину) и (не всегда) дополнительные къ нимъ натуральные поборы. [О поборахъ съ крестьянъ, а также о долгахъ ихъ помѣщику, его денежномъ расходѣ и приходѣ и пр. есть особыя записи, до извѣстной степени соотвѣтствующія тѣмъ образцамъ, которые рекомендовалъ *Болотовъ* (см. выше стр. 224—227)]. Указываемые «окладные списки» и «реестры», такимъ образомъ, сильно удаляются отъ чистаго типа подворной описи, игнорируя и семейный составъ двора въ его цѣломъ, и его имущественное положеніе. Другой характеръ носитъ тетрадь, относящаяся къ 1814 году (съ позднѣйшими отмѣтками) и содержащая настоящую подворную перепись крестьянъ Кушелевскихъ вотчинъ. Крестьяне названныхъ вотчинъ въ это время были въ подавляющемъ большинствѣ на барщинѣ и отбывали ее, повидимому, по какому-то разъ установленному мѣрилу, не нуждавшемуся въ спеціальныхъ поясненіяхъ и потому предполагавшемуся извѣстнымъ. Этимъ, думается намъ, объясняется, почему рубрика повинностей отсутствуетъ въ подворной переписи 1814 года. Рубрики или графы этой переписи озаглавлены такъ: 1) Лѣта; 2) Для чего въ тягло не положенъ; 3) ржи; 4) пшеницы; 5) жита; 6) овса; 7) гречи; 8) гороху; 9) лошадей; 10) коровъ; 11) козъ; 12) овецъ; 13) свиней; 14) гусей; 15) курицъ; 16) пчелъ.

Такимъ образомъ, здѣсь зарегистрированы и семейный составъ, и запасы пищи и кормовъ (такъ я понимаю записи зерна), и скотъ и т. п. двора.

Вотъ, напримѣръ, дворъ № 1 деревни Роговой. «Евдокимъ Максимовъ 53 л., отъ трудовъ и отъ болѣзни слабъ. У него жена Параскева Гордѣева 57 л., у нихъ дѣти Ѳедоръ 33 л., плотникъ, Фролъ 30 л., шерстобитъ, Евгеній 16 л., щекотуръ, Ѳедосья 14 л. У Ѳедора жена Дарья Иванова 42 л. У нихъ дѣти Иванъ 8 л., Иванъ же 1 г. У Фрола жена Анна Иванова 18 л. У нихъ дочь Дарья 1 г. Ржи три четверти, жита три четверика, овса 4 четверти, гречи 1 четверть, гороху 1 четверикъ. Лошадей: 5 ѣзжалыхъ и 1 жеребенокъ, коровъ 5, овецъ 3, свиней 3, курицъ 10». Изъ этого двора Евгеній и Ѳедосья находятся въ «спискѣ женихамъ и невѣстамъ». Въ «барщинскомъ спискѣ» за нашимъ дворомъ значится 3 тягла мужскихъ, 3 тягла женскихъ. Ѳедоръ, Фролъ и Евгеній внесены, какъ ремесленники, въ списокъ «мастеровыхъ». Старшій изъ мужчинъ во дворѣ Евдокимъ Максимовъ внесенъ въ списокъ оставленныхъ «безъ тягла за старостью». Кушелевская подворная перепись 1814 г. обнимаетъ 20 деревень Осташковскаго уѣзда, Тверской губерніи и Торопецкаго уѣзда, Псковской губ.—всего 77 дворовъ съ 127 мужскими и 118 женскими тяглами. Благодаря ей возможно сравнить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ положеніе крестьянскаго хозяйства нѣсколькихъ деревень Осташковскаго уѣзда въ 1814 году съ его положеніемъ черезъ 75 лѣтъ въ 1889 г., когда было произведено земско-статистическое подворное изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства названнаго уѣзда.

За подворной переписью въ той же тетради помѣщены «списки женихамъ и невѣстамъ», списокъ «мастеровыхъ» (изъ тѣхъ же крестьянъ) и

два списка, представляющіе извлеченіе изъ общей подворной переписи: «барщинской списокъ сколько тяголъ» и списокъ лицъ, оставленныхъ «безъ тягла за старостью».

Немудрой рукой составлялась крѣпостная статистика господъ Кушелевыхъ: творцами ея, повидимому, были вотчинный управитель, отдѣльные сельскіе старосты и вотчинный писарь; въ записяхъ XIX вѣка, впрочемъ, чуется намъ уже и барская рука, исправлявшая и дополнявшая ихъ новыми записями-распоряженіями. Но ничто не указываетъ на то, чтобы эти записи появились и велись по наущенію «экономической» литературы того времени. Наоборотъ, ихъ немудрый видъ краснорѣчиво говоритъ, что онѣ диктовались не чѣмъ инымъ, какъ насущными нуждами болѣе или менѣе упорядоченнаго крѣпостного хозяйства. Онъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что крѣпостная статистика была вполнѣ самобытнымъ и органически выросшимъ учрежденіемъ дореформеннаго помѣщичьяго хозяйства Россіи. Экономическая литература, разрабатывая въ мѣру своихъ силъ и своего горизонта технику «крѣпостной статистики», только выражала и оформливала то, что требовалось интересами и условіями самого хозяйства. Недаромъ мы должны были начать нашъ обзоръ «наставленій» по крѣпостной статистикѣ съ «Наказа» *Волынскаго*, предназначавшагося для приказчика, а не для читателей «литературы», хотя бы и сельскохозяйственной.

Изъ исторіи идеи крестьянскаго землеустройства *).

Въ исторіи крестьянскаго вопроса и въ Россіи, и въ другихъ странахъ любопытную сторону представляетъ связь вопроса собственно объ освобожденіи крестьянъ съ другими вопросами ихъ хозяйственнаго быта и устройства. Однимъ изъ такихъ вопросовъ, связанныхъ съ эмансипаціей, является проблема созданія наиболѣе раціональнаго въ агрономическомъ отношеніи типа крестьянскаго землепользованія. Историческому дробленію крестьянской земли на отдѣльныя полосы, существующему одинаково какъ

*) Первоначально напечатано въ литературно-художественномъ сборникѣ „Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая". Спб. 1901. Стр. 139 — 153. Одновременно съ моей статьей нѣкоторые затронутые въ ней факты изъ исторіи русскаго сельскаго хозяйства, въ другомъ контекстѣ были указаны и освѣщены въ работахъ покойнаго *К. А. Вернера*: 1) Агрономическая помощь населенію въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Рѣчь, прочитанная въ первомъ общемъ собраніи съѣзда дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству. Москва 1901 г. 2) Къ исторіи крестьянскаго травопольнаго хозяйства. Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Хозяинъ" за 1901 г. Ср. его же: Сельскохозяйственная экономія. Курсъ, читанный въ Московскомъ Сельскохозяйственномъ Институтѣ. Москва 1901 г. Съ этими работами Вернера я познакомился лишь черезъ нѣсколько лѣтъ по напечатаніи моей статьи. Между ея первоначальнымъ напечатаніемъ и перепечаткой въ настоящемъ сборникѣ лежитъ — аграрная реформа Столыпина. Этотъ огромный переворотъ придаетъ моей исторической справкѣ тотъ специфическій интересъ современности, который въ 1901 г. ей не былъ присущъ и о которомъ я не могъ и думать за четыре года до русской революціи.

при общинномъ, такъ и при подворномъ землевладѣніи, противопоставляется въ качествѣ сельскохозяйственнаго идеала цѣльный отрубной участокъ, который даетъ возможность каждому хозяину вести свое хозяйство совершенно самостоятельно, независимо отъ другихъ крестьянъ.

Еще въ 1766 г. отецъ русской агрономіи *А. Т. Болотовъ* во II т. «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества» жаловался, что «земли, которыя крестьянинъ и на себя, и на господина своего пашетъ, лежатъ не вмѣстѣ, но въ разныхъ мѣстахъ, и отъ дворовъ по большей части въ дальномъ разстояніи. Сіе худое расположеніе почитаю я величайшимъ помѣшательствомъ всему земледѣлію, и домостроительству и для того взялъ смѣлость, какъ оное расположеніе земель здѣсь яснѣе изобразить, такъ и происходящія отъ того всѣ вредительныя для экономіи слѣдствія представить» (161—162)...

«Также чрездесятинщина препятствуетъ земледѣльцу малою своею землею по своему хотѣнію пользоваться, оную подъ такой хлѣбъ или произрастаніе употреблять, и то на ней въ разные годы сѣять, что бы онъ за лучшее признавалъ. Она отнимаетъ у него руки и не допускаетъ ни до какихъ предпріятій; онъ бы могъ, напримѣръ, землѣ иной годъ цѣлой дать отдыхать, или землю свою не лѣтомъ, а зимою или весною унавозивъ въ тотъ же еще годъ, чего нибудь насадивъ, или насѣявъ, пользу получить, а она бы подъ пшеницу или подъ рожь съ лучшею выгодою поспѣть могла, или напримѣръ по своему произволенію смотря по землѣ озимой и яровой хлѣбъ лучше на ней сѣять; но сего и прочаго тому подобнаго учинить ему для

того невозможно, что десятинное его между чужими землями; и на нихъ принужденъ онъ по неволѣ тамъ озимой или яровой хлѣбъ сѣять, гдѣ у сосѣдей его озимовой и яровой пѣвъ, въ противномъ случаѣ отъ скота онъ весь съѣденъ будетъ.

«Ежели бы помѣщикъ или крестьянинъ всю землю свою подлѣ двора или вмѣстѣ имѣлъ, то бы могъ онъ на прикладъ по примѣру другихъ государствъ, землю свою окопать, огородить живою огородкою и внутри раздѣливъ и всегда подъ руками имѣя всѣми вещами унаваживать и на все употреблять, на что похочетъ. Сверхъ того ежели бы вошло въ обыкновеніе и траву сѣять, то бы могъ онъ такимъ же образомъ и озимой и яровой хлѣбъ и траву тутъ сѣять и съ посѣянной травы болѣе и лѣтомъ и въ зиму корма для скота своего получить, который бы ему въ обыкновенныя стада гонять было бы нечего, а огородкой бы при здѣшней безлѣсицѣ пользоваться могъ, и на все бы то довольно времени и земли имѣлъ, ибо, умалчивая объ оброчныхъ и монастырскихъ крестьянахъ натурально земли больше и каждое помѣщичье тягло имѣло бы у себя въ одномъ мѣстѣ 12 десятинъ, что бы уже довольное пространство для него было, которое онъ и нынѣ, считая по три десятины въ трехъ поляхъ и 3 сѣнокосу, имѣетъ; но видя, не такъ пользуется, какъ могъ бы тогда, когда бы она вся вмѣстѣ и у него подъ руками была, но всего того при нынѣшнихъ обстоятельствахъ сдѣлать не можетъ.

«Для вышеупомянутаго изпещренія полей разными хлѣбами, не можно крестьянину и хорошаго скота имѣть. Скотъ имѣетъ здѣсь обыкновенно худыя пажити» (стр. 167—69, тамъ же.)...

«Сверхъ всего того сія чрездесятинщина и разнобоярщина причиною тому, что крестьянину не можно на шагъ отъ двора своего распространиться, будучи стѣсненъ съ двухъ сторонъ другими дворами, имѣетъ съ третьей стороны рѣчку, ручей или вершину, а съ четвертой подъ дворомъ уже чужую землю. Чрезъ то не имѣетъ онъ мѣста, чтобъ развести садъ, насадить рощу или другое что полезное для домоводства своего сдѣлать, но и для самого огорода, столь нужнаго для его пропитанія, довольно мѣста не имѣетъ. Во многихъ мѣстахъ въ огородѣ его не болѣе 10 или 15 грядокъ, на которыхъ у него капуста, огурцы и прочія произрастанія, умалчивая уже, что лежащая подлѣ его двора чужая, а его подлѣ чужихъ дворовъ земля, натурально скотомъ и птицею выбивается, чего ему и отвратить не можно» (стр. 171—72, тамъ же)...

Вопросъ о технически-агрономически наиболѣе раціональномъ типѣ крестьянскаго землепользованія являлся, хотя и не тождественнымъ, но во всякомъ случаѣ логически и реально тѣсно связаннымъ съ вопросомъ о болѣе или менѣе прочномъ правѣ (собственности или владѣнія) крестьянъ на обрабатываемую ими землю. Выдѣленіе отрубныхъ участковъ—если не имѣлась въ виду простая срочная аренда, которая сама по себѣ однако уже предполагала освобожденіе крестьянъ—требовало иного отношенія къ крестьянину, къ его личнымъ и имущественнымъ правамъ, словомъ къ его хозяйственной личности, чѣмъ то отношеніе, сущность котораго состояла въ полномъ безправіи крестьянъ и которая опредѣлялась наличностью крѣпостного права. Неудивительно, поэтому, и неслучайно, что с е л ь-

скохозяйственный идеалъ вполнѣ независимаго крестьянскаго землепользованія исторически комбинировался съ идеей освобожденія крестьянъ по крайней мѣрѣ отъ наиболѣе тягостныхъ повинностей и съ признаніемъ за ними извѣстной совокупности правъ. Вѣдь, съ другой стороны, и деревенская чрезполосица, и общинное землевладѣніе несомнѣнно стояли въ необходимой исторической связи съ подчиненіемъ крестьянъ крѣпостному режиму, съ ихъ юридическимъ и хозяйственнымъ обезличеніемъ.

Относительно цѣлаго ряда освободительныхъ проектовъ историкъ идеи освобожденія *В. И. Семевскій*, извѣстный поклонникъ общиннаго землевладѣнія, вынужденъ дѣлать замѣчаніе, что авторы ихъ относятся враждебно къ этому институту и предлагаютъ его упраздненіе *).

Правила, изданныя въ развитіе перваго эмансипаціоннаго акта,—закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ 20-го февраля 1803 года, предписываютъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ наблюдать, чтобы помѣщикъ при заключеніи условія (съ освобожденными крестьянами) раздѣлилъ всю дачу на участки такъ, чтобы каждый изъ крестьянъ, заключающій условіе „имѣлъ въ виду опредѣлительно свой участокъ земли", на который долженъ быть выданъ и соотвѣтственный планъ **).

„Это... требованіе, говоритъ г. *Семевскій*,... во-первыхъ, разрушало общинное землевладѣніе..., во-

*) Такъ напримѣръ о *Вилльнерѣ*, авторѣ одного изъ премированныхъ сочиненій, представленныхъ въ Вольное Экономическое Общество въ отвѣтъ на задачу 1776 г., объ *Якобѣ* и мн. др.

**) *Семевскій* „Крестьянскій вопросъ" I, стр. 256.

вторыхъ, вносило довольно трудно исполнимое условіе для перехода крестьянъ въ новое положеніе—размежеваніе участковъ» *). Хотя это требованіе впослѣдствіи и было измѣнено, но его предъявленіе остается весьма характернымъ для образа мыслей законодателя-эмансипатора.

Любопытнымъ образчикомъ сочетанія освободительныхъ идей съ идеей регулированія крестьянскаго землепользованія являются мысли и начинанія *Н. В. Зубова*, замѣтка котораго въ „Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества“ за 1821 годъ вызвала такую крѣпостническую бурю въ обществѣ. Замѣтка *Зубова* была написана по поводу объявленной Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ задачи: „Изыскать средства и способы для казенныхъ или для помѣщичьихъ крестьянъ распредѣлить участки земли, имъ принадлежащіе, такъ, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ въ одномъ мѣстѣ всю пашенную и сѣнокосную землю, на его часть причитающуюся и чтобы черезполоснаго между крестьянами одного селенія ни въ пашняхъ, ни въ сѣнокосахъ владѣнія не было“. *Зубовъ*, рядомъ съ раціональнымъ раздѣленіемъ крестьянской земли на отдѣльные участки, предлагалъ „утвердить землю въ незыблемую собственность крестьянамъ“, и это то предложеніе и вызвало рѣзкіе протесты со стороны крѣпостниковъ Вольнаго Экономическаго Общества.

Мы не станемъ излагать этого любопытнаго эпизода изъ исторіи нашего литературно-общественнаго развитія, такъ какъ онъ уже достаточно

*) Тамъ же.

обстоятельно по печатнымъ и архивнымъ данныхъ разсказанъ *В. И. Семевскимъ* *), и обратимся къ двумъ ускользнувшимъ отъ этого внимательнаго изслѣдователя литературнымъ произведеніямъ, въ которыхъ вопросъ о реформѣ крестьянско-помѣщичьихъ отношеній былъ затронутъ тоже въ связи съ вопросомъ о регулированіи крестьянскаго землепользованія. Одно изъ этихъ произведеній появилось въ Александровскую, другое—въ Николаевскую эпоху.

Въ 1801 году, въ С.-Петербургѣ въ типографіи Шпора «съ дозволенія СПб. Цензуры», была напечатана брошюрка въ 32 страницы подъ заглавіемъ „Усадьбы или новый способъ селить крестьянъ и собирать съ нихъ помѣщичій доходъ". Брошюрка эта не анонимная, авторъ *Захаровъ* **), не выставивъ своей фамиліи на титулѣ, подписался подъ текстомъ. Въ первомъ § авторъ объясняетъ „невыгоды настоящаго поселенія крестьянъ". Главнѣйшія изъ нихъ, по его мнѣнію суть:

«1. Плотное поселеніе многихъ домовъ въ деревнѣ подвергаетъ ихъ опасности общаго пожара.

2. Удаленіе полей пашенныхъ отъ домовъ, отнимаетъ много времени у крестьянина въ ходьбѣ и ѣздѣ на оныя.

3. Лишаетъ его возможности вывозить навозъ на дальныя поля и произвести на выпашкахъ потребное вновь удобреніе.

4. Частные раздѣлы полосъ лишаютъ крестьянина охоты и удобрять и обработывать ту землю, въ вѣчномъ владѣніи коей онъ безнадеженъ.

*) «Крестьянскій вопросъ" I, стр. 410—418.

**) Онъ былъ сенаторомъ.

5. Употребленіе паровъ оставляетъ всегда 3-ю часть пахотной земли въ пустѣ.

6. Новыя расчистки земель, подъ лѣсомъ бывшихъ, истребляютъ оный безъ нужды и безъ пользы.

7. Пасущійся на парахъ и даже на паствахъ скотъ, во-первыхъ, подвергается опасности общей заразы и частнаго бѣдствія, во-вторыхъ, питаясь тощимъ кормомъ, бываетъ самъ тощъ и даетъ мало молока и мяса.

8. Пахатной крестьянинъ, работая половину времени на господина, всегда унылъ, лѣнивъ и недоброхотенъ; получаемые же отъ трудовъ его доходы господскіе, при очевидной скудости оныхъ, сопровождаются безпрестанною заботою помѣщика, или прикащика, быть самому при всѣхъ сельскихъ работахъ, и поощрять лѣнивыхъ безуспѣшными и благомыслію противными средствами.

9. Отъ того большая часть помѣщиковъ принуждены стали посадить крестьянъ своихъ на оброки, которыхъ дѣйствіе, хотя и облегчило господскую попечительность, но на противъ того, умалило хлѣбопашество, и самые доходы привело въ мѣру для крестьянина отяготительную, а для помѣщика далеко противъ доходовъ земледѣльческихъ недостаточную".

Въ изложеніи *Захарова* чисто агрикультурныя неудобства существующаго способа поселенія связываются съ такими, которыя вытекаютъ уже прямо изъ строя отношеній крестьянина къ помѣщику (барщина), или крестьянъ между собой (передѣлы). *Захаровъ* былъ неправъ, приписывая распространеніе оброчной системы непроизводительности бар-

щиннаго труда—причины этого географически, впрочемъ, ограниченнаго явленія, которому въ чисто земледѣльческой Россіи уже и въ то время противостояло, наоборотъ, расширеніе барщины на счетъ оброка, лежали глубже: въ развитіи національнаго раздѣленія труда, въ распаденіи всей нашей страны на промышленную и земледѣльческую области *). Но указанія нашего автора несомнѣнно вѣрны и въ томъ отношеніи, что барщинный трудъ былъ мало производителенъ **), и въ томъ отношеніи, что оброчный режимъ былъ малодоходенъ вездѣ, какъ въ черноземной, такъ и въ нечерноземной Россіи, гдѣ крестьяне не имѣли какихъ нибудь особенно прибыльныхъ промысловъ и заработковъ. Любопытно, что хозяйственная мысль самихъ помѣщиковъ, неудовлетворенная ни барщиннымъ, ни традиціоннымъ оброчнымъ режимомъ, искала выхода въ радикальной перестройкѣ самаго типа крестьнскаго хозяйства и землепользованія, т. е. въ разрѣшеніи такой задачи, которая, при всей своей кажущейся простотѣ, представляетъ огромныя трудности, дѣлающія ее совершенно непосильной и нашему времени (даже если постановку и рѣшеніе ея въ индивидуалистическомъ смыслѣ ***) и признавать желательными).

---

*) См. выше этюдъ „Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ XIX вѣкѣ".

**) Но въ то же время барщинный р е ж и м ъ былъ, какъ я доказываю выше, наиболѣе доходнымъ способомъ эксплуатаціи помѣщичьей земельной собственности рабочей силы крестьянъ-земледѣльцевъ.

***) Въ новѣйшее время наиболѣе энергично въ этомъ смыслѣ высказался извѣстный экономистъ профессоръ *А. И. Скворцовъ.*

Изложивъ „невыгоды настоящаго поселенія крестьянъ", *Захаровъ* переходитъ къ новому способу селить ихъ (§ 2) и разсказываетъ какъ онъ объ этомъ способѣ узналъ. «Въ отвращеніе вышеписанныхъ и многихъ другихъ вредовъ, говоритъ онъ, извѣстный въ благоустроенномъ земледѣліи хозяинъ, Генералъ Маіоръ и Кавалеръ Егоръ Ивановичъ Бланкеннагель, началъ съ нѣкотораго времени селить крестьянъ своихъ, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, отдѣленно домъ отъ дома, (подчеркнуто авторомъ *П. С.*) назначивъ каждому потребное число земли вокругъ и сколько можно ближе, и поселивъ уже до 20 дворовъ.—Будучи въ Санкт-Петербургѣ въ 1798 году, далъ онъ мнѣ о томъ понятіе, которое симъ любителямъ сельскаго домостроительства въ подробности къ свѣдѣнію сообщаю».

Далѣе авторъ опредѣляетъ (§ 3) «сколько потребно земли крестьянину, составляющему одно тягло», и приходитъ къ выводу, что «въ мѣстахъ посредственно урожайныхъ на одно тягло или для одного работника съ работницей и однимъ или двумя подростками, которые могли бы вспомоществовать въ легкихъ работахъ хозяину и хозяйкѣ, потребно земли пашенной соразмѣрно силамъ ихъ

въ своей книжкѣ «Экономическія причины голодовокъ въ Россіи» (СПБ. 1894 г.). Пишущій эти строки свой взглядъ на задачи положительной аграрной политики по отношанію къ крестьянскому землевладѣнію и землепользованію высказалъ въ (подписанной иниціалами P. S.) нѣмецкой статьѣ, комментирующей законъ 1893 года о передѣлахъ и законъ 1894 года о неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли и напечатанной въ *Brauns* Archiv für Soziale Gesetzgebung за 1894 годъ.

къ обработанію оной, къ уборкѣ хлѣба и кормленію скота на дворѣ безъ выпуска на паству и на пары девять десятинъ». Эта норма приблизительно совпадаетъ съ опредѣляемымъ княземъ Васильчиковымъ нормальнымъ размѣромъ надѣла, соотвѣтствующаго рабочей силѣ семейнаго домохозяина *).

Не касаясь чисто агрономическихъ распорядковъ, рекомендуемыхъ *Захаровымъ*, вслѣдъ за Бланкеннагелемъ **), мы укажемъ только, что они дѣлятъ всю крестьянскую пашню на двѣ части: на усадебную пашню съ 8-польнымъ сѣвооборотомъ и на хлѣбныя поля съ 6-польнымъ сѣвооборотомъ; содержаніе скота требуется безусловно стойловое. Давая самыя краткія указанія агрономическаго свойства, нашъ авторъ для «обстоятельнаго наставленія» отсылаетъ своихъ читателей къ «книгѣ подъ заглавіемъ Новое Земледѣліе, изданной господиномъ *Рознотовскимъ*» ***). Изложивъ агрикультурную сторону предлагаемаго преобразованія, *Захаровъ*

---

*) Въ сѣверной и навозной полосѣ десять десятинъ пашни и луговъ будетъ, по нашему мнѣнію, крайній предѣлъ подворнаго надѣла. Кн. *А. А. Васильчиковъ*. „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ“. II. СПБ. 1876, стр. 812. Норма, выведенная г. *Южаковымъ* для Московскаго полѣсья, выше нормы *Захарова* и *Васильчикова*; она составляетъ 13 десятинъ на работника. См. *Южаковъ*. „Нормы народнаго землевладѣнія“. Русск. Мысль, 1885, сент., стр. 14—17.

**) Въ общемъ *Захаровъ* излагаетъ распорядки Бланкеннагеля, но иногда дѣлаетъ предложенія и отъ себя.

***) „Новое земледѣліе, основанное на правилахъ Тайнаго Совѣтника Іоанна Христіана Шубарта Фонъ-Клеефельда, изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейбцигѣ 1786 года третьимъ тисненіемъ“. Писано Московской Придворной Экспедиціи членомъ *Андреемъ Рознотовскимъ*. Москва. 1794.

переходитъ къ его важнѣйшему общественному результату: упраздненію барщины. «При таковомъ разселеніи крестьянъ на особенную землю каждому тяглу, говоритъ намъ авторъ,... не должно уже отвлекать ихъ ни на какія господскія работы ниже на временные сгоны и извозы, въ продолженіе всего лѣта; но надлежитъ взимать доходы отъ раченія крестьянъ и отъ урожаевъ на собственной землѣ ихъ произведенныхъ. Для сего полагается брать господину, за вычетомъ сѣмянъ, кои должны оставаться у крестьянина, только на четырехъ хлѣбныхъ поляхъ посѣяннаго (не касаясь до хлѣбовъ и прочаго пашни усадебной, что въ пользу крестьянина безраздѣльно долженствуетъ остаться) по половинѣ урожая, а именно: пшеницы, ячменя, ржи и овса съ тѣмъ чтобы самый сей хлѣбъ крестьянинъ свезъ на господское гумно и на овинѣ его высушивъ и обмолотивъ отвезъ зимою въ ближайшій городъ на продажу, за что деньги беретъ помѣщикъ».

Въ примѣчаніи нашъ авторъ прибавляетъ слѣдующее указаніе: «ежели кому покажется взиманіе половины урожаевъ отяготительно для крестьянъ, таковый умѣренный помѣщикъ можетъ доходъ свой уменьшить на одну треть, или на четверть урожаевъ». Установивъ раздѣлъ продукта между помѣщикомъ и крестьяниномъ-половникомъ, *Захаровъ* переводитъ натуру на деньги, основываясь на ранѣе уже произведенномъ имъ расчетѣ урожаевъ. Въ результатѣ денежной оцѣнки господской половины, «полагая цѣну весьма посредственную—разумѣется въ мѣстахъ подмосковныхъ или близъ Петербурга лежащихъ», получается доходъ

съ каждаго тягла въ годъ—шестьдесятъ руб. 50 коп. Это свое вычисленіе господскаго дохода нашъ авторъ сопровождаетъ замѣчаніемъ: «никакой оброчный крестьянинъ, кромѣ ремесленника или торговца, не дастъ, также и никакое пахотное *) тягло не выработаетъ на поляхъ господскихъ столь знатнаго дохода». Опредѣливъ господскій доходъ, *Захаровъ* «дабы не подумалъ кто, что симъ средствомъ крестьянинъ при тяжкихъ трудахъ его оскудѣетъ, и отдастъ господину столь много, что самому останется мало, какъ на пропитаніе вкупѣ съ домашнимъ содержаніемъ, такъ и на оплату казенныхъ податей», переходитъ къ исчисленію и крестьянскихъ доходовъ. По его расчету, каждое крестьянское хозяйство («тягло») проектируемаго типа, за вычетомъ собственнаго потребленія, можетъ превратить продуктовъ въ деньги на семьдесятъ пять рублей. Разсуждая о томъ, «какими способами удобнѣе произвести таковое разселеніе въ дѣйство», *Захаровъ* «главнѣйшую трудность при предлагаемомъ разселеніи» видитъ въ томъ, «что не у всякаго помѣщика есть излишняя земля, или удобныя къ тому пустоши; а изъ трехъ крестьянскихъ полей ни въ которомъ многаго числа земли на нѣсколькихъ особо крестьянъ отдѣлить не можно, безъ того, чтобы не лишить прочихъ возможности существованія». «Для того предполагается—продолжаетъ нашъ авторъ—удобнѣе всякихъ средствъ употребить на таковое начало поля господскія, коими для сего предмета пожертвовать должно: тѣмъ паче, что оныя впредь не будутъ

*) Т. е. барщинное. *П. С.*

уже и нужны. Но дабы помѣщикъ отдачею крестьянамъ земель своихъ не лишился получаемаго отъ хлѣбопашества дохода, то должно съ того же времени всѣхъ крестьянъ посадить на оброкъ, и тѣмъ замѣнить пашню. Такимъ средствомъ нѣкоторая часть крестьянъ выбудетъ изъ общаго поселенія, и упразднитъ въ поляхъ деревенскихъ всѣ свои участки. А какъ сіе упраздненіе по вышесказаннымъ причинамъ не прежде должно послѣдовать, какъ черезъ шесть лѣтъ, то и не можно будетъ приступить къ вторичной выселкѣ скорѣе того времени. По прошествіи же первыхъ шести лѣтъ, тотчасъ возможно будетъ занять вторичнымъ поселеніемъ всю ту землю, которая отъ первыхъ переселенцевъ останется; но и сіи, по примѣру прежнихъ, должны удерживать землю свою въ общихъ поляхъ шесть же лѣтъ. Послѣ вторичныхъ шести лѣтъ останется и вторыхъ переселенцевъ земля праздною жъ, такъ что предстанетъ тогда удобность сдѣлать третичное переселеніе. Подобнымъ образомъ, и всегда чрезъ 6 лѣтъ, можно продолжать сіе до того, пока всей отчины крестьяне не расположатся по новому порядку. Напротивъ того, когда нѣтъ ни господской пашни, ни пустошей, ни земель излишнихъ, въ такомъ случаѣ надобно прибѣгнуть къ продолжительнѣйшему переселенію, по одному или по два двора крестьянскихъ, на собственныхъ ихъ пахотныхъ поляхъ, начиная оное, какъ въ семъ, такъ и въ первомъ обстоятельствѣ всегда на паровомъ полѣ. Такимъ же способомъ можетъ всякой помѣщикъ обселить по сему образу и такую деревню, которая была прежде на оброкѣ; ибо имѣетъ въ виду до-

ходъ, превосходнѣйшій онаго. Неоспоримо, что пока продолжается разселеніе, доходы господскіе, взимаемые оброкомъ вмѣсто выгодъ пашенныхъ, будутъ меньше; но и то напротивъ справедливо, что преодолѣвъ нѣсколько лѣтъ трудностей, заботъ и уменьшеніе корысти, впослѣдствіи обрѣтается спокойствіе и польза, кои пріятны будутъ и крестьянину, и господину». (§ 15).

«Сѣвшаго на новое селеніе крестьянина,—говоритъ нашъ авторъ,—не должно вдругъ выгонять изъ прежнихъ его въ общихъ поляхъ участковъ: ибо на новомъ мѣстѣ не имѣетъ онъ еще хлѣба; но надлежитъ оставить пользоваться оными дотолѣ, пока не потребуетъ новая земля больше трудовъ его, нежели старая. Да и тутъ не безполезно оставить ему на всѣ первыя шесть лѣтъ бывшія нивы его въ поляхъ общихъ, и даже съ тѣмъ, что когда будетъ онъ уже не въ состояніи продолжать тамо работу, чтобъ прочіе крестьяне, взявъ участки его за себя, и засѣявъ оныя своими сѣменами, давали ему (кромѣ сѣмянъ) половину произведенныхъ на землѣ его урожаевъ.—О чемъ помѣщику, или прикащику его всемѣрно пещися должно». (§ 14).

Захаровъ предусматриваетъ образованіе болѣе крупныхъ, многотягловыхъ участковъ (въ 2, 3 и даже 4 тягла, но не болѣе), «дабы домы были достаточнѣе работниками и работницами, въ чемъ великая есть польза для самихъ хозяевъ». Очевидно, что крестьянскіе однотягловые 9-десятинные участки мыслились авторами проекта какъ недѣлимыя земледѣльческія единицы, но это условіе казалось имъ какъ бы не требующимъ особаго выясненія и обоснованія, и они ограничиваются,

поэтому, насчетъ дальнѣйшей судьбы проектируемаго поселенія краткимъ наставленіемъ: «совѣтуется, на случай умноженія людей, имѣть для новыхъ выселокъ запасную землю». «Паче же всего совѣтуется помнить о прокормленіи скота и о заведеніи для него достаточныхъ кормовъ на весь годъ». Для этого нашъ авторъ рекомендуетъ помѣщику «на первый разъ» подарить своимъ крестьянамъ сѣмена клевера и въ случаѣ какихъ-либо неудачъ при введеніи агрономическихъ новшествъ обнаруживать всегда готовность «научить крестьянъ... наставленіемъ и ободрить всякаго льготою и награжденіемъ». «За симъ останется помѣщику, или прикащику его, наблюдать временно только то, чтобъ каждый хозяинъ рачительно удобрялъ и обрабатывалъ свою землю, и чтобъ производилъ посѣвы по порядку предписанному; а когда поспѣетъ вло п наястажхаяхъ тогда остаетлѣбныхъ, ему быть только при сложеніи сноповъ въ копны, и отдѣливъ по жребію половину (или меньшую часть), приказать свезти на господское гумно: зимою же велѣть крестьянамъ высушить и обмолотить, и когда заблагоразсудитъ, нарядить къ отвозу на торгъ, смотря по выгодности пути и цѣнъ».

Въ особомъ § (13) *Захаровъ* перечисляетъ выгоды отъ новаго распорядка крестьянско-помѣщичьихъ отношеній какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ.

Для первыхъ выгоды эти состоятъ въ слѣдующемъ:

1. «Крестьянинъ будетъ имѣть домъ, отдѣленный отъ сосѣдняго пожара.

2. Вся земля его будетъ ему принадлежать

вѣчно и безраздѣльно; находясь же близъ двора, будетъ подручна къ работѣ.

3. Вмѣсто обыкновенныхъ трехъ полей, изъ коихъ одно остается всегда праздно въ пару, будетъ онъ имѣть подъ паромъ только 3.200 кв. саженъ, т. е. меньше шестой доли своей пашни.

4. Будетъ имѣть болѣе лучшихъ хлѣбовъ, какъ то пшеницы и ячменя, нежели нынѣ; а уменьшеніе ржи наградится превосходствомъ цѣны на пшеницу.

5. Не выпущая скотъ на паству, избавитъ его отъ падежей и пріобрѣтетъ вдвое молока и лучшаго навоза, ибо скотъ будетъ сытнѣе и крупнѣе.

6. Не будетъ отвлеченъ на барщину и угрожаемъ разными непріятностями.

7. Земля его, годъ отъ году лучше удобряясь, начнетъ приносить извѣстные плоды».

Для помѣщика выгоды преобразованія будутъ состоять въ слѣдующемъ:

«1. Вся отчина его преобразится въ общій и благообразный паркъ. Раскиданные домы въ различныхъ положеніяхъ, планами и фасадами разнообразные; поля хлѣбныя; луга, лѣса и рощицы; усаженныя деревьями дороги—все это составитъ лучшій видъ, нежели длинная, тѣсная, грязная и кривоустроенная деревня.

2. Никогда не понесетъ онъ бѣдствія пожара цѣлой деревни, а развѣ сгоритъ только одинъ домъ.

3. Не надобно будетъ ему содержать свою запашку, а только остается имѣть овинъ, для обсушки и молотьбы податнаго хлѣба, амбаръ для ссыпки онаго, и для лошадей своихъ и малаго числа дойныхъ коровъ, луга, скошеніе коихъ можетъ про-

извести наймомъ, или оставшимися на старомъ положеніи крестьянами.

4. Нѣтъ ему надобности имѣть прикащика и прочихъ при господскомъ хлѣбопашествѣ нужныхъ служителей.

5. Не будетъ онъ озабоченъ наблюденіемъ за работниками, наказаніемъ ихъ за лѣность и попеченіемъ о умноженіи доходовъ своихъ принужденіемъ людей къ труду, плоды коего не въ ихъ остаются пользу; но станетъ получать доходы свои отъ самоохотнаго раченія ихъ къ собственной корысти.

6. Доходы его, какъ выше доказано, знатно умножатся».

Вдумавшись въ проектъ *Бланкеннагеля-Захарова* нельзя не признать за нимъ очень далеко идущаго радикализма. Онъ не только порываетъ съ традиціонной формой крестьянскаго разселенія и землепользованія, но—вмѣстѣ съ барщиной—упраздняетъ и самое помѣщичье хозяйство, оставляя помѣщиковъ лишь дольщиками въ продуктѣ, вырабатываемомъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Хотя, очевидно, идеальное поземельное право крестьянъ рисовалось *Бланкеннагелю-Захарову* въ довольно опредѣленной формѣ вѣчно-наслѣдственной аренды всей принадлежащей помѣщику на правѣ верховной собственности земли, ихъ проектъ, какъ проектъ чисто частный и, такъ сказать, частнохозяйственный, не ставилъ прямо никакихъ юридическихъ вопросовъ, какъ таковыхъ, не предлагалъ никакихъ общихъ нормъ. Но обобщенный въ законодательное мѣропріятіе, онъ могъ бы явиться весьма радикальной—по существу—реформой крестьянско-

помѣщичьихъ отношеній. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что, означая ликвидацію помѣщичьяго хозяйства въ пользу крестьянскаго, онъ могъ возникнуть только въ головѣ помѣщика нечерноземной Россіи, гдѣ помѣщичье хозяйство было въ общемъ экономически гораздо менѣе прочно и имѣло гораздо менѣе raison d'être, чѣмъ въ черноземно-хлѣбородной полосѣ, съ ея гораздо менѣе интеллигентнымъ и болѣе отсталымъ крестьянскимъ населеніемъ. Упраздняя помѣщичье хозяйство, проектъ *Бланкеннагеля-Захарова* оставлялъ за помѣщикомъ роль не только пассивнаго дольщика, но и контролера и высшаго руководителя хозяйствомъ своихъ крестьянъ. Эта любопытная черта, несомнѣнно продиктованная опредѣленнымъ экономическимъ интересомъ, найдетъ себѣ въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи интересную историческую параллель, заимствованную уже изъ исторіи пореформеннаго помѣщичьяго хозяйства.

Въ 1839 г. въ С.-Петербургѣ вышла въ свѣтъ маленькая брошюрка: «Земледѣліе и земледѣлецъ въ Россіи. Отрывокъ изъ записокъ деревенскаго жителя», подписано: *С. Чаплинъ* *). Брошюрка эта, написанная нѣсколько напыщеннымъ слогомъ, по своему содержанію, очень близко совпадающему съ книжечкой *Захарова*, безусловно заслуживаетъ занять совершенно опредѣленное мѣсто въ литературной исторіи крестьянскаго вопроса. Въ преди-

*) Онъ былъ, кажется, калужскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Кромѣ указанной брошюры мнѣ извѣстна еще его небольшая книжечка: „Опытъ статистическаго обозрѣнія Калужской губерніи". Москва. 1838.

словіи авторъ, въ видимомъ сознаніи національно-общественной важности того вопроса, который онъ разбираетъ, торжественно говоритъ: «Времени предупреждать нельзя: оно невидимо совершаетъ всѣ перевороты и тогда какъ люди приписываютъ ихъ то тѣмъ, то другимъ причинамъ, оно въ постоянномъ ходѣ, творитъ неожиданныя преобразованія въ духѣ и въ понятіяхъ народовъ».

Приступая къ изложенію своей темы, *Чаплинъ* начинаетъ съ общаго мѣста о значеніи земледѣлія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. По мнѣнію нашего автора, земледѣліе «заслуживаетъ вниманія и усовершенствованія не только по необходимости своихъ произведеній, но и по нравственному вліянію на гражданственность. Для достиженія этой цѣли, правительство дѣлаетъ все. Его вліяніемъ учреждаются общества, заводятся школы. Потребность преобразованія трехпольнаго хозяйства живо чувствуется. Нерѣдко бываетъ оно предметомъ разговора въ гостиныхъ, полемическихъ статей въ журналахъ, но тѣмъ дѣло и кончается. Вопросъ, какъ совершить это преобразованіе, остается неразрѣшеннымъ. Частные опыты, до сихъ поръ дѣланные, большею частью неудачны и не могутъ заманить къ подражанію. Мнѣ кажется, причиною то, что у насъ до сихъ поръ, во всѣхъ предполагаемыхъ системахъ, въ виду имѣется одинъ помѣщикъ: на него возлагается, отъ него ожидаютъ переворота, а о крестьянинѣ, если упоминаютъ, то какъ объ одной вещи, объ орудіи, а онъ-то и есть главный дѣйствователь, представитель нашего земледѣлія. Дайте ему средства, свободу дѣйствовать, соедините собственныя его выгоды

съ нововведеніемъ. покажите примѣръ, и я васъ увѣряю, онъ не только перейметъ, но и свое придумаетъ къ лучшему».

Нашему автору тутъ самому приходитъ въ голову самое серьезное возраженіе противъ его благожелательныхъ совѣтовъ: «Но, скажутъ иные, какъ приступить къ этому при крѣпостномъ состояніи въ Россіи. Оно отнюдь дѣлу не помѣшаетъ. Злоупотребленіе господской власти можно почти считать у насъ анахронизмомъ; предусмотрительность правительства и общее мнѣніе, осуждающее все противу-нравственное, изглаживаетъ слѣды феодальныхъ правъ, перешедшихъ къ намъ отъ запада (sic!), а если они и проявляются, то подобное можно видѣть и у народовъ свободныхъ, гдѣ часто нищета и развратъ, которые, къ несчастью, почти неразлучны, ставятъ простой народъ въ бо́льшую зависимость отъ владѣльцевъ земель и арендаторовъ, чѣмъ въ какой живутъ наше поселяне *). Они большею частью, не изобилуютъ, но и не терпятъ большой нужды, а въ смышленности и привычкѣ къ трудамъ превзойдутъ всякаго иностраннаго».

Этотъ реверансъ передъ «крѣпостнымъ состояніемъ» былъ подъ перомъ нашего автора очевидной цензурной уловкой, точно такъ же, какъ и ссылка на какія-то миѳическія статьи въ «Земледѣльческомъ журналѣ», въ которыхъ будто-бы развивалась «мысль упрочить владѣніе землею крестья-

*) Мысль, которая въ нашей дореформенной экономической литературѣ высказывается очень часто, несомнѣнно, подъ вліяніемъ западно-европейской критики капитализма съ *Сисмонди* во главѣ. *П. С.*

намъ»: такихъ статей въ дѣйствительности въ «Земледѣльческомъ журналѣ» никогда не печаталось. Недостаткомъ этихъ выдуманныхъ самимъ *Чаплинымъ* проектовъ преобразованія крестьянско-помѣщичьихъ отношеній было, по его мнѣнію, то, что «земля давалась въ трехъ поляхъ». По мнѣнію *Чаплина*, «тутъ то и зло; мысль благонамѣренная, но ведетъ не къ цѣли усовершенствованія, а наоборотъ, къ увѣковѣченію неудобства трехпольной пашни. Надобно дать землю особымъ участкомъ каждому двору, по числу тяглъ. Необходимость заставитъ каждаго хозяина, если нѣтъ естественныхъ границъ его владѣнію, огородить или окопать свой участокъ; если онъ отдаленъ отъ теперешняго жительства, то туда долженъ перенесть и дворъ свой, и тогда отъ порога своего дома можетъ онъ глазомъ окинуть поля свои, тогда какъ теперь разбросаны они лоскутками одно отъ другого иногда въ верстѣ и болѣе; онъ будетъ имѣть средство и удобрить, и обработать ихъ; не упуститъ времени посѣва и уборки, потому что его не будутъ отрывать на барщину. Такъ и барщину прочь, воскликнутъ многіе. Непремѣнно, господа, она то и корень всего зла. Работа, безплодная для работающаго, не можетъ итти хорошо, а потому и безуспѣшна. Но, успокойтесь, я постараюсь доказать, что новый порядокъ вещей не только не убавитъ, но прибавитъ къ выгодамъ помѣщика; а между тѣмъ вы упрочите на основаніяхъ положительныхъ благосостояніе земледѣльца, неразрывно соединенное съ благоденствіемъ вашего отечества».

Свой проектъ *Чаплинъ* развиваетъ на цифровомъ примѣрѣ. Онъ беретъ господское имѣніе изъ ста

душъ, «состоящее на пашнѣ», т. е. на барщинѣ, съ землею въ количествѣ 600 десятинъ; тяголъ на 100 душъ полагается 50, дворовъ 25. Отдавая на тягло по 6 десятинъ пашенной и луговой земли и по 3 десятины на дворъ усадебной и огородной, получаемъ всего 375 десятинъ въ крестьянскомъ пользованіи. На каждое тягло *Чаплинъ* налагаетъ 50-рублевый оброкъ, а подъ помѣщичью усадьбу беретъ 20 десятинъ, къ которымъ присоединяетъ 10 десятинъ пахотной земли для помѣщичьяго хуторскаго хозяйства съ 8—10 польнымъ сѣвооборотомъ. Хозяйство это должно быть основано на вольнонаемномъ трудѣ и, конечно, на собственномъ инвентарѣ помѣщика. Дохода отъ него *Чаплинъ* предвидитъ въ 500 рублей. За надѣленіемъ крестьянъ и отводомъ 30 десятинъ на усадьбу и хозяйство помѣщика, у *Чаплина* остается 195 десятинъ, назначеніе которыхъ не выясняется нашимъ авторомъ **).

Такимъ образомъ, *Чаплинъ* не вполнѣ ликвидируетъ помѣщичье хозяйство, и въ этомъ отношеніи его планъ отличается отъ проекта *Бланкеннагель-Захарова*. Но онъ почти совершенно совпадаетъ съ нимъ въ признаніи необходимости коренного преобразованія крестьянскаго разселенія. «Надобно признаться, говоритъ онъ, что настоящій принятый въ Россіи обычай, строить деревни слободами, отмѣнно невыгоденъ для хлѣбопашцевъ. Длинныя улицы, которыя годились бы въ предмѣстьи городка и для глазъ довольно красивы, обличаютъ о не-

**) Въ основу расчета положены условія Тарусскаго уѣзда Калужской губ.

процвѣтающемъ въ томъ краю земледѣліи. Истина непреложная. Если поселянинъ далеко живетъ отъ полей своихъ, нѣтъ ему возможности ни удабривать ихъ, ни хорошо отдѣлывать; а какъ быть иначе, когда сотни, а иногда и тысячи столпились вмѣстѣ? У насъ, я думаю, этотъ обычай остался отъ прежнихъ частыхъ набѣговъ, для удобства жителямъ сбираться на отраженіе или убираться отъ преслѣдованія, можетъ быть и для удобства начальству сбирать разныя повинности, но въ народѣ, болѣе просвѣщенномъ, этихъ причинъ существовать не можетъ. Моя мысль та, что безъ объединенныхъ участковъ, въ которыхъ домохозяинъ могъ бы распоряжаться, какъ хотѣлъ, никогда у насъ не распространятся въ народѣ охота и возможность къ улучшенію земледѣлія, единственныя поруки за успѣхъ въ семъ благомъ предпріятіи».

Въ преобразованіи традиціоннаго крестьянскаго разселенія *Чаплинъ*, однако, нѣсколько менѣе радикаленъ, чѣмъ *Бланкеннагель-Захаровъ*. Онъ не думаетъ «переселять всю деревню»; «обыкновенное расположеніе селеній», говоритъ онъ, «довольно центрально къ полевымъ дачамъ, а потому тѣ дворы, которымъ достались бы участки, вокругъ селеній лежащіе, остались бы на своихъ мѣстахъ, а перенеслись бы только тѣ, которыхъ поле въ значительномъ отдаленіи. При первоначальномъ переселеніи, первое неудобство крестьянину оказывается въ недостаткѣ огорода, необходимой потребности для семьи, и которую вдругъ завесть нельзя; чтобъ помочь этому горю, можно оставить прежнюю усадебную землю съ огородомъ во владѣніи его на три года, послѣ чего она поступаетъ въ наемную

статью мірскую, и доходъ причисляется къ запасному мірскому капиталу» или «экономической суммѣ». Изъ нея «выдается жалованье старостѣ, отрываемому отъ домашнихъ работъ мірскими надобностями; отсюда жалованье лѣсничимъ, карауляшимъ лѣсную дачу; отсюда пенсіонъ возвращающимся на родину воинамъ, которые часто приносятъ только раны и дряхлую старость; на соотчичахъ лежитъ святая обязанность успокоенія защитниковъ отечества, на эту сумму заводятся школы, богадѣльня, больница; потомъ частные банки, торговыя конторы, пароходы и все, что изумляетъ наблюдателей иностранной образованности».

Въ проектѣ *Чаплина*, какъ мы уже указывали, не совсѣмъ ясно, что онъ намѣренъ непосредственно дѣлать съ тѣми 195 десятинами земли, которыя остаются у него за надѣленіемъ крестьянскихъ хозяйствъ и за отрѣзкой 30 десятинъ въ пользу помѣщика. По всей вѣроятности, эта земля предназначается къ сдачѣ въ аренду по вольной цѣнѣ до тѣхъ поръ, пока она не будетъ употреблена на надѣленіе прибылыхъ тяголъ землей, о чемъ *Чаплинъ* прямо говоритъ: «еслибъ прибыло много тяголъ, и стали бъ просить земли, тогда, составивъ изъ нихъ дворы, можно сдѣлать выселки на правилахъ, выше изложенныхъ».

Барщина упраздняется *Чаплинымъ* начисто и замѣняется, съ одной стороны, оброкомъ, съ другой, вольнонаемнымъ трудомъ. «Оброчная сумма, разъ опредѣленная, говоритъ нашъ авторъ, не должна никогда измѣняться: прибыль и убыль тяголъ не должны имѣть на нее никакого вліянія. Прибывающее тягло должно вносить только въ

экономическую сумму 15 руб. ассигн. ежегодно, такую же сумму должно вносить каждое тягло вмѣстѣ съ оброчной, на уплату подушныхъ и земельныхъ повинностей; остатки отъ оныхъ причисляются къ экономической суммѣ».

Очевидно, что подъ «оброчной суммой» разумѣется здѣсь не окладъ всего общества, а окладъ, падающій на отдѣльное тягло. Такимъ образомъ, *Чаплинъ* не только упраздняетъ барщину, но и фиксируетъ навсегда величину оброка, т. е. дѣлаетъ самыхъ два крупныхъ шага въ дѣлѣ хозяйственнаго упраздненія «крѣпостного состоянія».

Зайдя такъ далеко въ этой области, онъ проектируетъ довольно суровыя мѣры противъ недоимщиковъ. «Въ нашихъ мѣстахъ—говоритъ онъ—гдѣ торговое движеніе доставляетъ возможность добывать деньги извозами и заработками, одна лѣнь или нерадивость могутъ привести въ упадокъ хозяйство поселянина. Давъ средства, такимъ образомъ, исполнять неотяготительно повинности казенную и господскую, непремѣнно слѣдуетъ принять строгія рѣшительныя мѣры за соблюденіемъ сихъ повинностей.—Недоимка не должна никогда быть допускаема. При полугодовомъ срокѣ оброчной и податной суммы, всякій домохозяинъ обязанъ представить слѣдуемое со всѣхъ тяголъ своего дома. Еслибъ чего не доставало и онъ благонадеженъ, міръ за него уплачиваетъ, не доводя до свѣдѣнія господина; буде же нѣтъ, и міръ отказывается, тогда, какъ ни мала была бы недоимка, весь дворъ со всѣмъ имуществомъ принимается въ вѣдѣніе помѣщика, и по его распоряженію, работники обращаются въ батраки на хуторѣ, или гдѣ онъ

заблагоразсудитъ, и земля съ дворомъ отдается въ наемъ своимъ или постороннимъ. Если же то послѣдовало въ случаѣ какого несчастія, пожара, болѣзни и тому подобнаго, тогда изъ экономической суммы выдается вспоможеніе съ назначеніемъ срока уплаты, по истеченіи коего, также если міръ признаетъ неблагонадежнымъ, поступать, какъ сказано. Можно надѣяться, что такіе случаи будутъ очень рѣдки, и польза самихъ жителей до нихъ не допуститъ».

Свое изложеніе *Чаплинъ* заканчиваетъ утопической картинкой всеобщаго благополучія послѣ осуществленія его плана и насмѣшливымъ предвосхищеніемъ разныхъ возраженій противъ него «Сосѣдство съ хуторомъ, пишетъ онъ, должно имѣть самое благодѣтельное вліяніе; примѣръ успѣха и выгоды невольно увлечетъ къ подражанію. Почему крестьянину не завесть то же, что на хуторѣ? Работниковъ ему не нанимать; орудія исправитъ онъ самъ, когда увидитъ отъ нихъ пользу; изобиліе хлѣба, соломы заставитъ завести лишнюю скотину, а для нея надобно сѣно, и вотъ онъ отгораживаетъ полдесятинки, засѣваетъ искусственный лужокъ и сбираетъ сѣна въ пятеро больше, чѣмъ прежде накашивалъ по лѣсамъ и вершинамъ. Скоро, маленькія коровки, черезъ которыя великорослый мужикъ перешагнетъ, замѣняются большими холмогорскими и голландскими. Лошадей, подобныхъ козявкамъ, не увидишь больше на поляхъ: ихъ заступятъ лошади датской, галицкой породы. Изобиліе польется рѣкой, воспитаніе будетъ уже предметомъ не одного вскормленія и возрастанія дѣтей, но ихъ образованія. Понятія

обо всемъ усовершенствованномъ быстро распространятся, и возникнутъ заводы, мануфактуры и библіотеки. Въ день праздничный не увидимъ грубаго опьяненія скотоподобныхъ Илотовъ. Славянская кровь возбуждаетъ къ молодеческимъ играмъ и потѣхамъ. Въ хороводахъ раздаются бархатистые голоса красавицъ. Старые фермеры съ цигарками въ рукахъ разсуждаютъ о желѣзныхъ дорогахъ, о паровозахъ, объ освѣщеніи газомъ; цѣны на все увеличились. Земля, ходившая за 50 руб., теперь приноситъ 1000. Помѣщикъ богатъ, какъ Набобъ Индійскій. А помѣщикъ, виновникъ столькихъ благъ, самъ уже бѣлъ, какъ лунь, дряхлъ и слабъ, но еще бодръ духомъ. У него еще остались слезы отъ бѣдъ житейскихъ, но эти слезы не прибавятъ морщинъ на челѣ его, напротивъ, онѣ разгладятъ ихъ при видѣ поколѣнія, познавшаго самобытность, вступившаго въ права достоинства человѣка. Онъ дожилъ до счастливаго дня, когда надъ отечествомъ восходитъ наконецъ прекрасная заря».

Подчеркнутыя въ оригиналѣ слова представляютъ смягченныя въ цензурномъ отношеніи двѣ послѣднія строки заключительнаго четверостишія запретнаго въ то время знаменитаго Пушкинскаго стихотворенія «Деревня»:

> Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
> И рабство, падшее по манію царя,
> И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной,
> Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Ссылка на Пушкинскую «Деревню» бросаетъ несомнѣнно вполнѣ опредѣленный свѣтъ на образъ мыслей *Чаплина*, враждебный крѣпостному праву.

Чаплинъ, хотя и не упразднялъ совершенно помѣщичьяго хозяйства, но въ то же время и не дѣлалъ помѣщика непосредственнымъ участникомъ крестьянскаго хозяйства, какъ мы это видѣли въ пропагандировавшейся *Захаровымъ* системѣ половничества. Этой чертой проектъ *Бланкеннагеля-Захарова* до извѣстной степени сближается съ любопытными крестьянско-помѣщичьими испольными товариществами или артелями, которыя вскорѣ послѣ освобожденія устраивалъ въ своихъ помѣстьяхъ *А. А. Татищевъ* *). Эта своеобразная крестьянско-землевладѣльческая кооперація представляла исходъ изъ тѣхъ затрудненій, въ которыя помѣщичье хозяйство попало вслѣдствіе отмѣны принудительнаго труда и полнаго отсутствія какихъ бы то ни было выработавшихся традицій и формъ некрѣпостнаго вольнонаемнаго хозяйства. *Татищеву* пришло въ голову «вмѣсто того, чтобы обрабатывать землю за счетъ помѣщика наемными работниками или отдавать ее въ наемъ», вмѣсто этихъ двухъ способовъ, одного слишкомъ сложнаго для полукрѣпостной Россіи, другого, слишкомъ невыгоднаго въ особенности для помѣщиковъ сѣверной Россіи (*Татищевъ* дѣлалъ свои опыты не только въ Пензенской, но и Новгородской губ.), ввести новый способъ эксплo-

*) Довольно подробныя свѣдѣнія о нихъ сообщаетъ брошюрка *Д. Скуратова*: „О разныхъ способахъ пользованія помѣщичьими землями“, СПБ., 1863 (отдѣльный оттискъ изъ №№ 60, 119 и 185 „Сѣверной Почты“). *А. А. Татищевъ* былъ впослѣдствіи пензенскимъ губернаторомъ и при Александрѣ III былъ прямо изъ губернаторовъ вмѣстѣ съ черниговскимъ губернаторомъ Анастасьевымъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Будучи пензенскимъ губернаторомъ, онъ чрезвычайно энергично, распространялъ общественныя запашки.

атаціи своей земли, начать «воздѣлывать ее на общій счетъ съ товариществами, составленными изъ благонадежныхъ и состоятельныхъ крестьянъ, семейныхъ, хорошаго поведенія и имѣющихъ хорошихъ лошадей для обработки». Всѣ работы производятся крестьянами по указанію помѣщичьей конторы на собственныхъ ихъ лошадяхъ и собственными ихъ орудіями. Помѣщикъ даетъ сѣмена съ тѣмъ, чтобы крестьяне, соразмѣрно предоставляемой имъ части урожая, платили за нихъ деньгами по существующимъ цѣнамъ или возвращали бы ихъ натурой. Для молотьбы и вѣянія помѣщикъ держитъ молотильныя машины и нужное при нихъ количество лошадей. Тамъ, гдѣ навозъ имѣетъ большую цѣну, какъ въ Новгородской губ., помѣщикъ обязанъ имѣть такое же количество скота, какое онъ держалъ прежде для удобренія обрабатываемыхъ на общій счетъ земель. Продуктъ дѣлится между помѣщикомъ и товариществомъ крестьянъ пополамъ. Такова въ общихъ чертахъ организація этой своеобразной крестьянско-помѣщичьей кооперації. *Д. Скуратовъ* въ слѣдующихъ выраженіяхъ разъяснялъ ея соціальное и хозяйственное значеніе: «Въ настоящее время, лучшіе умы ищутъ разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ и обезпеченія противъ бѣдствій, отъ которыхъ вездѣ болѣе или менѣе страдаетъ человѣчество, въ разныхъ формахъ ассоціацій. Въ этомъ отношеніи введенная г. *Татищевымъ* система кажется намъ вполнѣ своевременной; въ ней владѣлецъ уже не является въ видѣ кредитора, требующаго платежа, а наемщики—должниковъ, обязанныхъ платить, каковъ бы ни былъ успѣхъ ихъ предпріятія, напротивъ, они дѣлаются товарищами,

которые дѣлятъ между собою успѣхъ и неудачу, радость и горе. Владѣлецъ избавляется отъ тягостнаго, часто невозможнаго надзора за многочисленными работниками, состоящими на жалованьѣ и не имѣющими никакого участія въ произведеніяхъ своего труда; напротивъ, всѣ работники участвуютъ въ общихъ выгодахъ и всѣ заинтересованы наблюдать не только другъ за другомъ, но и охранять общія поля отъ потравы и всякихъ другихъ случайностей. Наличный капиталъ помѣщика въ строеніяхъ, улучшенныхъ орудіяхъ и скотѣ употребляется въ дѣло и между тѣмъ устраняется необходимость въ денежномъ капиталѣ, котораго онъ по большей части не можетъ добыть иначе, какъ за высокіе проценты; рабочій скотъ, равно какъ обыкновенныя земледѣльческія орудія, доставляются самими работниками, слѣдовательно ихъ дѣло беречь по возможности. Земли не портятся, ибо помѣщики сохраняютъ за собой право наблюдать за хорошей обработкой, очищеніемъ полей отъ сорныхъ травъ и надлежащимъ удобреніемъ почвы. Такимъ образомъ, они остаются во главѣ земледѣльческой производительности, и, не обременяясь мелочнымъ, почти невозможнымъ надзоромъ, могутъ обратить все свое вниманіе на изученіе и введеніе улучшенныхъ методовъ земледѣлія. Хлѣбная торговля будетъ снабжаться значительными количествами доброкачественныхъ и хорошо сортированныхъ хлѣбовъ, чего никакъ нельзя ожидать, если земледѣліе будетъ исключительно въ рукахъ крестьянъ, не подчиненныхъ никакому надзору и не имѣющихъ ни познаній, ни матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для произведенія улучшенныхъ земледѣльческихъ про-

дуктовъ. Что же касается до денежныхъ выгодъ помѣщика, то ихъ нельзя и сравнивать съ тѣмъ, что получается отдачею въ наймы, ибо въ Новгородской губерніи земля отдается подъ рожь отъ 3 до 5 руб. за десятину, а при обработкѣ изъ-полу, по разсчету г. Татищева, получается съ десятины ржаной 28 р., яровой 22 р. 50 к., конечно, его земля должна быть отлично удобрена, ибо въ своемъ разсчетѣ онъ считаетъ средній урожай ржи самъ-девять, овса самъ-шесть..... Система г. Татищева существенно различается отъ обыкновенной отдачи земель изъ-полу и имѣетъ передъ нею неоспоримое преимущество: во-первыхъ, въ томъ, что помѣщикъ имѣетъ дѣло не съ однимъ лицомъ, а съ товариществомъ, составленнымъ изъ крестьянъ, которымъ земля будетъ отдаваться не малыми, а большими участками и которые, при исполненіи работъ, будутъ наблюдать другъ за другомъ; во-вторыхъ, что онъ предоставляетъ себѣ право требовать, чтобы земля была хорошо обработана и всѣ работы производились своевременно и съ должнымъ тщаніемъ; въ-третьихъ, что помѣщичьи скотные дворы не уничтожаются и продолжаютъ доставлять землѣ нужное удобреніе; въ-четвертыхъ, что употребленіе машинъ облегчаетъ и сокращаетъ осеннія и зимнія работы и, наконецъ, въ-пятыхъ, что, выдавая сѣмена, онъ облегчаетъ этимъ крестьянъ и наблюдаетъ, чтобы сѣмена были хорошо выбраны и сортированы. Въ Пензенской губерніи нѣтъ обычая унаваживать земли, и потому, если предоставить крестьянамъ распоряжаться полями по ихъ усмотрѣнію, то послѣднія будутъ истощаться болѣе и болѣе. Напротивъ того, контора г. Татищева наблюдаетъ, чтобы поля удобрялись,

предоставляя только крестьянамъ возить навозъ на нихъ съ господскаго, или съ своего собственнаго двора, смотря по тому, откуда имъ будетъ ближе и удобнѣе; она требуетъ также, чтобъ яровое поле поднималось съ осени, что имѣетъ большое вліяніе на переработку земли и хорошій урожай. Однимъ словомъ, сохраняя главный надзоръ за направленіемъ хлѣбопашества, помѣщикъ имѣетъ возможность не только не допускать его до упадка, но вводить всѣ усовершенствованія, какія найдутся возможными и полезными».

Слѣдующими чертами *Скуратовъ* характеризуетъ отношеніе крестьянъ къ артели Татищева: «Самые зажиточные и работящіе крестьяне наперерывъ стараются попасть въ артель и обнаруживаютъ замѣчательное усердіе къ успѣху общаго дѣла. Взыскательность ихъ съ нерадивыхъ такъ велика, что помѣщику приходилось ихъ удерживать; такъ напримѣръ, они приговорили было наказать розгами немногихъ членовъ артели, которымъ случалось выѣзжать на работу позже положеннаго часа, и только по настояніямъ г-на Татищева рѣшились замѣнить это наказаніе исключеніемъ изъ артели послѣ двукратнаго нарушенія установленнаго порядка работы. Одна баба выѣхала на работу съ бороною, въ которой нѣсколько зубьевъ было сломано; ее прогнали домой и принудили исполнить работу въ неурочное время».

Цитируемый нами Пиндаръ Татищевскихъ артелей видѣлъ въ нихъ «одну изъ самыхъ удачныхъ попытокъ замѣнить антагонизмъ труда и капитала,—работниковъ и владѣльцевъ тѣснымъ союзомъ этихъ двухъ источниковъ народной производительности.

Система г. Татищева есть не что иное, какъ усовершенствованная форма наемнаго труда, посредствомъ которой трудъ отдѣльныхъ личностей, всегда слабый и необезпеченный соединяется для общаго дѣйствія, представляя то совокупленіе силъ, которое извѣстный экономистъ Кари считаетъ еще болѣе могущественнымъ рычагомъ производительности, нежели самое раздѣленіе труда. Соединяя работниковъ между собою, она соединяетъ также и сословія совершеннѣйшимъ сліяніемъ выгодъ землевладѣльца съ выгодами рабочаго класса. Можетъ быть мы увлекаемся, но по крайнему нашему разумѣнію мы убѣждены, что въ настоящее время трудно даже опредѣлить достойнымъ образомъ огромное вліяніе, которое распространеніе этой системы пользованія землями можетъ имѣть на улучшеніе нравственности (sic!) нашего рабочаго класса. Придетъ время, когда исключеніе изъ артелей будетъ считаться крестьянами стыдомъ, а принятіе—за честь и отличіе. Это будетъ крестьянская аристократія не наслѣдственная, не каста, а избирательная по достоинству (aristocratie de merite). Всякій пойметъ, какъ важно для облагораживанія народа, чтобъ его трудъ имѣлъ цѣлью не одно матеріальное благосостояніе, но и возвышеніе общественнаго положенія. Образованные дворяне могутъ сдѣлаться тогда истинными руководителями народнаго труда и двигателями просвѣщенія, ибо со введеніемъ артелей устраняется тотъ антагонизмъ между работниками и хозяиномъ, который даетъ поводъ къ обману, дрязгамъ, однимъ словомъ ко всему, что дѣлаетъ хозяйство въ на-

стоящее время непріятнымъ и тягостнымъ дѣломъ» *).

По поводу артелей Татищева возникла въ свое время любопытная полемика между *Скуратовымъ* и журналомъ «Время» **). Послѣдній находилъ, что подборомъ въ артельщики «благонадежныхъ, состоятельныхъ крестьянъ» «міръ дробится, его интересы теряютъ цѣлость, пропадаетъ согласіе, является зависть и различіе». Это объективно, быть можетъ, совершенно справедливое указаніе было направлено не по адресу. Организація артелей Татищевымъ точно такъ же, какъ попытка разселенія крестьянъ Бланкеннагеля и предложеніе *Чаплина* вытекли не изъ стремленія насадить или упрочить равенство среди крестьянъ, а изъ интересовъ помѣщичьяго хозяйства, испытывавшаго неудобства отъ внезапной отмѣны традиціонныхъ крестьянско-помѣщичьихъ отношеній, въ одномъ случаѣ, и отъ ихъ сохраненія, въ другомъ.

Разселеніе крестьянъ и образованіе отдѣльныхъ, вполнѣ другъ отъ друга независимыхъ въ землепользованіи крестьянскихъ хозяйствъ, съ одной стороны, и организація крестьянскихъ земледѣльческихъ артелей для аренды помѣщичьей земли, съ другой стороны, служили одной цѣли: созданію наиболѣе удобной и выгодной для помѣщика формы эксплоатаціи его поземельной собственности. Раз-

*) Далѣе у *Скуратова* слѣдуетъ ссылка на пресловутую экономическую статью поэта *Фета* въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ которой поэтъ такими яркими красками изобразилъ недобросовѣстность крестьянъ и бѣдствія помѣщиковъ.

**) Возраженія „Времени“ приводятся въ той же брошюркѣ *Скуратова*.

ными способами, крайне индивидуалистическимъ въ одномъ случаѣ и коллективистическимъ въ другомъ, разрѣшалась одна и та же задача. И Бланкеннагель въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, и Татищевъ на слѣдующій день послѣ освобожденія, каждый на свой ладъ придумали (или, по крайней мѣрѣ, стремились придумать) особый типъ натуральной крестьянской аренды помѣщичьей земли, обезпечивавшій помѣщику въ удобной для него формѣ верховное руководство совокупнымъ крестьянско-помѣщичьимъ хозяйствомъ и наивысшій какъ валовой, такъ и чистый доходъ. Предъ этимъ тождествомъ экономическаго содержанія стушевывается формальное различіе между хозяйствомъ на отрубномъ и недѣлимомъ участкѣ и «усовершенствованной» артельной «формой наемнаго труда». Формально артели Татищева представляютъ прямое пореформенное продолженіе тѣхъ «попытокъ артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ", которыя я описалъ уже выше *), но въ то время, какъ дореформенныя попытки имѣли цѣлью дѣйствительно уравненіе крестьянскихъ хозяйствъ въ интересахъ помѣщичьяго хозяйства, артели Татищева являлись попыткой въ тѣхъ же интересахъ использовать и упрочить существующія въ крестьянской средѣ имущественныя различія, создать крестьянскую аристократію достаточныхъ и благонадежныхъ арендаторовъ. Эта цѣль, или, вѣрнѣе, это средство для достиженія конечной цѣли—полученія наивысшаго дохода отъ помѣщичьей поземельной собственно-

*) См. предыдущій этюдъ.

сти—сближаетъ Татищевскія пореформенныя артели со всѣми такими дореформенными попытками и планами, которые, какъ проекты *Бланкеннагеля-Захарова* и *Чаплина*, стремились традиціонную (общинную и подворную) связанность и зависимость крестьянскаго землепользованія съ его демократической дробимостью и чрезполосностью замѣнить индивидуалистическимъ «хуторскимъ» землепользованіемъ съ его аристократической недѣлимостью участковъ и независимостью земледѣльца отъ сосѣдей-крестьянъ во всѣхъ сельскохозяйственныхъ распорядкахъ.

Первая попытка возбужденія крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра II.

На основаніи архивныхъ данныхъ *).

Занимаясь въ архивѣ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества собираніемъ матеріаловъ по исторіи крѣпостного хозяйства, я нашелъ любопытное дѣло, на страницы котораго занесена первая, и до сихъ поръ, повидимому, остававшаяся неизвѣстной попытка постановки крестьянскаго вопроса въ царствованіи Александра II **).

---

*) Напечатано въ журналѣ „Жизнь“ за 1900 г. Черезъ два года послѣ опубликованія моей статьи указанный въ ней фактъ былъ бѣгло и чисто внѣшнимъ образомъ, безъ всякаго историческаго освѣщенія зарегистрированъ въ „Историческомъ Обзорѣ дѣятельности Комитета Министровъ“. Томъ третій, часть I. Составилъ *С. М. Середонинъ*. Спб., 1902 г., стр. 344—345.

**) Архивъ Имп. Вольн. Экон. Общ. Переплетъ № 563, подъ заглавіемъ „Сельское Хозяйство“. II. Дѣло № 3. Все дѣло состоитъ изъ слѣдующихъ документовъ: 1) черновой письма отъ 10 мая 1855 г. Вицепрезидента Общества къ Управляющему I Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи; 2) черновой всеподданнѣйшаго доклада Вицепрезидента отъ 16-го мая 1855 г.; 3) программы обслѣдованія, озаглавленной „Вопросы объ устройствѣ сельскаго управленія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ“; 4) подлиннаго письма Управляющаго дѣлами Комитета Министровъ Статсъ-Секретаря Суковкина отъ 28 іюня 1855 г. къ Президенту Общества принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому; 5) подлинной же выписки изъ журналовъ Комитета Министровъ 14-го и 28 іюня 1855 г. отъ 28 іюня 1855 года за № 745 и за подписью Статсъ-Секретаря Суковкина. На дѣлѣ рукой бывшаго секретаря И. В. Эк. Общества, приводившаго въ порядокъ (?) Архивъ Общества, *А. Н. Егунова* отмѣчено: „изъ дѣла № 508“.

10 мая 1855 г. тогдашній вице-президентъ Имп. Вольн. Экон. Общества дѣйствительный тайный совѣтникъ *князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ* препроводилъ управляющему I Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи Танѣеву для поднесенія Государю Императору докладъ объ «изысканіяхъ относительно устройства сельскаго управленія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ».

Мы считаемъ полезнымъ привести дословно содержаніе этого документа, которому принадлежитъ столь замѣчательное историческое первенство:

«Въ Императорское Вольное Экономическое Общество по временамъ поступаютъ отъ членовъ и корреспондентовъ онаго описанія помѣщичьихъ имѣній, отчеты о введенныхъ въ нихъ улучшеніяхъ, замѣчанія объ устройствѣ сельскаго управленія и хозяйства; но всѣ такого рода свѣдѣнія и разсужденія, часто содержащія въ себѣ полезныя мысли, будучи составляемы безъ опредѣленнаго, единообразнаго плана, не могутъ дать общаго полнаго понятія о порядкѣ сельскаго управленія, представляющемъ большое разнообразіе въ частностяхъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, народнымъ обычаямъ и личнымъ распоряженіямъ самихъ землевладѣльцевъ. Между тѣмъ изученіе взаимныхъ отношеній помѣщика и крестьянина и основаннаго на оныхъ устройства сельскаго помѣщичьяго управленія, которому подвѣдомственна шестая доля всего народонаселенія въ Россіи, весьма важно: всякій помѣщикъ въ своемъ имѣніи есть попечитель, судья, сборщикъ податей и распорядитель повинностей своихъ крестьянъ, и отъ благоразум-

наго устройства сельскаго управленія зависитъ степень доходности помѣстья, благосостоянія принадлежащихъ къ оному крестьянъ и, слѣдовательно, самое развитіе сельскаго хозяйства. Извѣстно, что во многихъ благоустроенныхъ помѣстьяхъ управленіе оными основано на правильныхъ началахъ экономіи и могло бы служить образцомъ для всякаго помѣщика, желающаго вести свое хозяйство раціонально. Къ сожалѣнію однакожь, многія полезныя учрежденія, введенныя въ сельскомъ управленіи просвѣщенными и опытными помѣщиками, остаются большею частью вовсе неизвѣстными. Поэтому всякій, кто посвящаетъ себя сельскохозяйственнымъ занятіямъ, въ званіи ли помѣщика или управителя, долженъ нынѣ собственнымъ, болѣе или менѣе долговременнымъ, опытомъ пріобрѣтать необходимѣйшія свѣдѣнія въ сельскомъ управленіи, нерѣдко тратя притомъ и время, и деньги на попытки въ нововведеніяхъ, которыя у другихъ уже давно увѣнчались успѣхомъ, а у него могутъ оставаться безуспѣшными только за невѣдѣніемъ или за недостаткомъ положительныхъ, практическихъ указаній къ приведенію ихъ въ исполненіе. Устранять эти неудачи, пользоваться испытанными въ сельскомъ управленіи улучшеніями, возможно будетъ тогда только, когда существующее устройство онаго въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи сдѣлается въ достаточной мѣрѣ извѣстнымъ, такъ что всякому сельскому хозяину не трудно будетъ сравнительнымъ образомъ судить въ какомъ именно отношеніи порядокъ сельскаго его управленія оказывается недостаточнымъ, какія мѣры, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, могутъ вести удобнѣе къ приведенію

его въ лучшее устройство по соображеніи тѣхъ улучшеній, коихъ удобства и выгоды какъ для помѣщичьяго, такъ и для крестьянскаго хозяйства доказаны уже на опытѣ. Въ семъ предположеніи полезно было бы приступить къ собранію отъ сельскихъ хозяевъ свѣдѣній объ устройствѣ управленія ихъ имѣніями, о распредѣленіи сельскихъ работъ, о раздѣлѣ между крестьянами участковъ земли, о раскладкѣ крестьянскихъ повинностей денежныхъ, личныхъ, натуральныхъ и рекрутскихъ, о полицейскомъ надзорѣ со стороны владѣльца за имѣніемъ и крестьянами, о крестьянскомъ судѣ и расправѣ, о производимыхъ крестьянамъ вспомоществованіяхъ деньгами, хлѣбомъ, скотомъ и прочее, о мѣрахъ къ обезпеченію ихъ продовольствія при неурожаѣ; о правилахъ, коими руководствуются сберегательныя и ссудныя кассы, если таковыя учрежденія существуютъ въ имѣніи, а также о порядкѣ счетоводства и отчетности.

Императорское Вольное Экономическое Общество, состоя около столѣтія подъ высокимъ покровительствомъ Августѣйшихъ Монарховъ имѣетъ во всѣхъ краяхъ Россіи опытныхъ корреспондентовъ между помѣщиками и сельскими хозяевами, которые могутъ сообщить желаемыя свѣдѣнія о настоящемъ бытѣ помѣщичьихъ крестьянъ и тѣмъ дать возможность основательно судить о мѣрахъ, необходимыхъ къ дальнѣйшему развитію благосостоянія сей важной части народонаселенія.

Имѣвъ честь быть 9 лѣтъ сряду предводителемъ дворянства С.-Петербургской губерніи, и владѣя многолюдными помѣстьями, я вполнѣ убѣжденъ въ общеполезности настоящаго предположенія, и на

приведеніе его въ исполненіе пріемлю долгъ испрашивать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества разрѣшенія, въ томъ уваженіи, что дѣло сіе могло бы принять успѣшнѣйшій ходъ, когда помѣщикамъ извѣстно будетъ, что означенныя свѣдѣнія собираются Обществомъ съ Высочайшаго Вашего Императорскаго соизволенія. Если на приведеніе сей мысли въ исполненіе послѣдуетъ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества разрѣшеніе, то для полученія желаемыхъ свѣдѣній удобнѣйшимъ способомъ было бы составить соотвѣтственные онымъ вопросы, которые и разослать къ губернскимъ предводителямъ дворянства, а также къ членамъ и корреспондентамъ Общества для приглашенія помѣщиковъ доставлять подробныя на тѣ вопросы объясненія; по мѣрѣ же полученія изъ разныхъ губерній достаточнаго количества отзывовъ, могъ бы составленъ быть, на основаніи оныхъ, обзоръ устройства сельскаго помѣщичьяго управленія въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, для поднесенія на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества и для напечатанія въ журналѣ Общества, уже пріобрѣтшемъ большую извѣстность въ кругу отечественныхъ сельскихъ хозяевъ».

Къ этому докладу приложена слѣдующая программа вопросовъ для собиранія свѣдѣній объ устройствѣ сельскаго управленія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ:

1) Имѣніе управляется ли самимъ владѣльцемъ или другимъ лицомъ; изъ какого званія управитель и какое жалованье получаетъ? Если имѣніе находится въ арендномъ содержаніи, то на какихъ условіяхъ?

2) Составъ управленія, сельскія должностныя лица, порядокъ

выбора и обязанности ихъ; контора вотчинная; условія съ управителемъ?

3) Основанія, принятыя въ раздѣлѣ помѣщичьей земли: на поля, управляемыя барщиною и на участки, предоставленные въ пользованіе крестьянамъ; и какимъ порядкомъ участки сіи переходятъ отъ одного тягла къ другому?

4) О барщинѣ, какимъ порядкомъ назначаются барщинные дни, уроки, опредѣляемые для работъ конныхъ и пѣшихъ, нарядъ на работы, надзоръ за ними, обычаи, при работахъ существующіе и проч. Работа вольнонаемными людьми, въ какихъ случаяхъ и въ какое время года она употребляется?

5) Въ какомъ количествѣ и на какихъ условіяхъ взимается оброкъ съ крестьянъ и дворовыхъ людей?

6) Прочія повинности и обязанности крестьянъ въ отношеніи къ помѣщикамъ, кромѣ сельскихъ работъ.

7) Дворовые люди, ихъ занятія, обязанности, содержаніе и прочее.

8) Порядокъ раскладки и сбора податей и повинностей, сдачи рекрутъ, содержанія общественныхъ запасныхъ магазиновъ, выдачи видовъ на отлучки и т. п.

9) Если въ имѣніи находятся особыя статьи дохода, отдаваемыя въ оброчное содержаніе, то на какихъ условіяхъ оныя отдаются?

10) Какой въ имѣніи устроенъ надзоръ за крестьянами, за храненіемъ лѣса и т. п., и какимъ порядкомъ производятся крестьянскій судъ и расправа?

11) Въ чемъ заключаются попеченія помѣщичьяго имѣнія о благосостояніи имѣнія и крестьянъ: на какихъ основаніяхъ и условіяхъ производятся вспомоществованія имъ деньгами, хлѣбомъ, скотомъ и проч., не заведены ли въ имѣніи сберегательныя и ссудныя кассы, какими правилами они руководствуются?

12) Учреждены ли въ имѣніи школы для обученія крестьянскихъ дѣтей и особыя мастерскія для обученія ремесламъ разнаго рода, для приготовленія сельскихъ орудій и снарядовъ?

13) Какимъ порядкомъ распоряжается управленіе по продажѣ хозяйственныхъ продуктовъ, продаются ли оныя на мѣстѣ пріѣзжимъ торговцамъ, за наличныя ли деньги или въ кредитъ и на какихъ условіяхъ, или же отправляются для сбыта на базары, ярмарки и городскіе рынки?

14) Сколько дохода можетъ приносить помѣщику крестьянское тягло, и сколько, за исключеніемъ повинностей и оброка, можетъ заработать себѣ въ годъ крестьянское семейство или тягло?

15) Счетоводство и отчетность по управленію: какими правилами въ семъ отношеніи оно руководствуется, какія заведены счетныя книги, вѣдомости, журналы, по какой формѣ, какъ производится годовая отчетность, не введена ли улучшенная хозяйственная бухгалтерія, по какимъ правиламъ и съ какимъ успѣхомъ?

Примѣчанія: I. Предоставляется на усмотрѣніе доставлять отвѣтныя свѣдѣнія по всѣмъ или нѣкоторымъ изъ предлагаемыхъ вопросовъ и даже по такимъ предметамъ, которые въ вопросахъ не упомянуты, но также касаются сельскаго управленія и имѣютъ существенное вліяніе на благосостояніе крестьянъ. II. Желательно, чтобы въ отвѣтахъ объясняемо было съ надлежащею подробностью какія полезныя послѣдствія въ отношеніи помѣщичьяго хозяйства и крестьянскаго быта оказались на опытѣ отъ установленнаго въ управленіи порядка по части сельскихъ работъ, повинностей, рекрутства, вспомогательныхъ крестьянамъ пособій, а также отъ учрежденія въ имѣніи сберегательныхъ и ссудныхъ кассъ и т. п...

Любопытно сопоставить съ этой программой ту оффиціальную программу, которая была предложена въ руководство губернскимъ комитетамъ при собираніи свѣдѣній о дворянскихъ имѣніяхъ.

1. Число душъ въ каждомъ имѣніи, по сказкамъ народной переписи.

2. Раздѣленіе крестьянъ относительно къ отправленію господскихъ повинностей, на тягла и число тяголъ или работниковъ.

3. Усадебное устройство ихъ, число усадебъ, пространство земли подъ усадьбами.

5. Распредѣленіе поземельныхъ угодій между помѣщиками и крестьянами.

6. Отношеніе общаго количества земли десятинами къ массѣ населенія по душамъ.

7. Отношеніе крестьянскаго надѣла десятинами къ массѣ населенія по тягламъ или работникамъ.

8. Цѣнность усадебъ, строеній и земли.

9. Цѣнность поземельныхъ угодій разныхъ наименованій: а) ходячая цѣна; б) наемная плата съ десятины; в) стоимость обработки; г) средній валовой доходъ съ десятины.

10. Промышленности крестьянъ: а) земледѣльческая; б) ремесленная; в) заводская и фабричная; г) извозы и пр.

11. Повинности крестьянъ: а) подати и оброки, ихъ размѣръ и способъ взиманія; б) натуральная повинность. Число рабочихъ дней,

урочныя работы, приблизительная оцѣнка рабочаго дня: мужского пѣшаго, мужского коннаго или воловьяго, женскаго; сгонные дни и уплата за нихъ.

12. Дворовые: а) приписанные къ домамъ и капиталамъ; б) причисленные къ населеннымъ имѣніямъ; в) раздѣленіе послѣднихъ на домашнюю прислугу и должностныхъ при хозяйствѣ. Число тѣхъ и другихъ по ревизіи, устройство экономическаго ихъ быта.

13. Изъ крестьянскаго населенія: писаря, конторщики, лѣсничіе, музыканты, пѣвчіе, фельдшера, ветеринары, винокуры, садовники, огородники, сахаровары, селитровары, мельники, пастухи и проч.; число ихъ и устройство экономическаго ихъ быта.

14. Число грамотныхъ крестьянъ въ имѣніи и способы распространенія грамотности, нынѣ существующіе.

15. Экономическія и благотворительныя заведенія: мірскіе капиталы, сельскіе банки, запасные магазины, богадѣльни, больницы, дѣтскіе пріюты.

16. Банковые долги и податныя недоимки на имѣніяхъ. Сумма тѣхъ и другихъ къ 1 января 1858 года *).

Смыслъ всеподданнѣйшаго доклада *кн. Долгорукова* былъ совершенно ясенъ: въ немъ осторожно, но совершенно опредѣленно ставился крестьянскій вопросъ. «Въ какомъ именно отношеніи порядокъ сельскаго управленія оказывается недостаточнымъ, какія мѣры, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, могутъ вести удобнѣе къ приведенію его въ лучшее устройство по соображенію тѣхъ улучшеній, коихъ удобства и выгоды, какъ для помѣщичьяго, такъ и для крестьянскаго хозяйства до-

*) „Программа занятій губернскихъ дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“, приложенная къ циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ отъ 21 апрѣля 1858 года. Сборникъ Правительственныхъ Распоряженій по устройству быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, т. I, изданіе 2-е, Спб. 1862 годъ.

казаны уже на опытѣ»—этотъ вопросъ неминуемо долженъ былъ разростись въ вопросъ объ общемъ положеніи «шестой доли всего народонаселенія въ Россіи», въ вопросъ объ «улучшеніи» ея «быта», т. е. въ надвигавшуюся проблему освобожденія крестьянъ.

Докладъ *кн. Долгорукова* былъ представленъ въ маѣ 1855 г., т. е. въ самый разгаръ Крымской кампаніи, еще до паденія Севастополя, черезъ два мѣсяца послѣ смерти императора Николая I. Правда, мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ занималъ тогда еще генералъ-адъютантъ Д. Г. Бибиковъ, слывшій и бывшій на самомъ дѣлѣ противникомъ крѣпостного права, но самъ новый императоръ считался еще сторонникомъ крѣпостного строя, а большинство его министровъ и иныхъ вліятельныхъ сановниковъ было несомнѣнно несклонно итти активно на встрѣчу освободительной реформѣ. Еще 28 августа 1855 г. преемникъ Бибикова Ланской издалъ свой извѣстный циркуляръ къ губернскимъ предводителямъ дворянства, въ которомъ фраза о ненарушимости правъ дворянства понималась (и не безъ основанія) въ смыслѣ неприкосновенности крѣпостного права. Такъ «новое царствованіе», по словамъ *Д. П. Хрущова*, бывшаго товарища министра государственныхъ имуществъ и автора извѣстныхъ «Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе Императора Александра II», «явилось торжественнымъ защитникомъ крѣпостного права и дворянской власти, не сказавъ ни одного слова въ пользу крестьянъ». Лишь въ мартѣ 1856 г. Александръ II произнесъ свою знаменитую рѣчь

къ московскимъ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства.

Неудивительно, поэтому, что въ первые мѣсяцы царствованія Александра II непрошенное возбужденіе крестьянскаго вопроса даже со стороны такого въ то время передъ глазами правительства авторитетнаго учрежденія, какъ Императорское Вольное Экономическое Общество, должно было показаться неумѣстнымъ и встрѣтить отпоръ.

Александръ II повелѣлъ внести докладъ *кн. Долгорукова* на разсмотрѣніе Комитета Министровъ. 14 іюня 1855 г. «выслушавъ всеподданнѣйшій докладъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника *Долгорукова*, Комитетъ Министровъ находилъ, что собираніе съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, посредствомъ губернскихъ предводителей дворянства, а также членовъ и корреспондентовъ Общества, статистическихъ свѣдѣній объ управленіи помѣщичьими имѣніями придало бы этому дѣлу оффиціальный характеръ и могло бы возбудить неосновательные толки о намѣреніяхъ правительства». На этомъ основаніи, Комитетъ Министровъ призналъ предположенія *князя Долгорукова* „неудобоисполнимыми“, какъ бы въ утѣшеніе присовокупивъ, что „испрашиваемое разрѣшеніе было бы даже и излишне, ибо подобныя свѣдѣнія собираются и нынѣ статистическими комитетами, сельско-хозяйственными обществами, а также самимъ Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, которыя и печатаются для всеобщаго свѣдѣнія въ ихъ повременныхъ изданіяхъ». Александръ II согласился съ положеніемъ Комитета Министровъ, согласно ко-

торому предположенія вице-президента Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества рѣшено было „оставить безъ послѣдствій". Такъ кончилась неудачей первая произведенная въ царствованіе Александра II попытка привести въ движеніе крестьянскій вопросъ, попытка, исходившая отъ старѣйшаго въ Россіи общественнаго учрежденія. Крестьянскій вопросъ былъ вскорѣ затѣмъ силою вещей поставленъ на ближайшую очередь и притомъ самимъ правительствомъ и сразу въ болѣе рѣшительной формѣ, чѣмъ это предполагалось въ предложеніи *кн. Долгорукова*. Но возможность исподволь и въ широкихъ размѣрахъ произвести по чрезвычайно обширной и хорошо продуманной программѣ обстоятельное изслѣдованіе помѣщичьяго хозяйства и отношеній между помѣщиками и крестьянами была упущена, и эта потеря является въ настоящее время невознаградимой. Дѣло въ томъ, что изслѣдованіе помѣщичьяго хозяйства, осуществленное черезъ предводителей дворянства и губернскіе дворянскіе комитеты, объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ было произведено слишкомъ спѣшно и слишкомъ примѣнительно къ непосредственной цѣли освобожденія. Кромѣ того, его программа отличалась меньшею ясностью и систематичностью, чѣмъ программа, приложенная къ докладу *кн. Долгорукова*, и во многихъ другихъ отношеніяхъ уступала этой послѣдней.

Въ исторіи, занимающей насъ попытки возбужденія крестьянскаго вопроса надлежитъ отмѣтить слѣдующую любопытную и знаменательную особенность. Дѣло, поднятое *княземъ Долгоруковымъ*, ни въ какой своей стадіи не было доложено ни

совѣту, ни общему собранію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, о чемъ на документахъ есть надписи, повидимому, принадлежащія тогдашнему непремѣнному секретарю и провѣренныя мною просмотромъ подлинныхъ журналовъ совѣта и общаго собранія за 1855 г. Я врядъ ли ошибусь, высказавъ предположеніе, что фактъ невнесенія предположеній *кн. Долгорукова* ни въ совѣтъ, ни въ общее собраніе объясняется двумя соображеніями: 1) опасеніемъ повредить столь серьезному дѣлу преждевременной оглаской въ то абсолютно безгласное и боявшееся гласности время; 2) опасеніемъ встрѣтить и въ совѣтѣ и въ общемъ собраніи то несочувствіе и сопротивленіе, о которое планъ *кн. Долгорукова* дѣйствительно разбился въ рѣшающей инстанціи, въ Комитетѣ Министровъ. Дѣло въ томъ, что въ то время врядъ ли большинство совѣта и общаго собранія Имп. Вольн. Экон. Общества было настроено въ пользу освобожденія крестьянъ, и сторонники освобожденія не могли разсчитывать на успѣхъ въ Обществѣ, не имѣя за собою уже заранѣе правительственнаго авторитета. Кромѣ того, именно *кн. Долгоруковъ* въ послѣдніе годы своего вицепрезидентства (онъ ушелъ въ 1856 г.), какъ я убѣдился изъ просмотра журналовъ общаго собранія, не имѣлъ въ немъ большинства.

Указаніе историка крестьянскаго вопроса *В. И. Семевскаго,* что въ царствованіе императора Николая I Вольное Экономическое Общество почти совершенно игнорировало вопросъ о крѣпостномъ правѣ, и что единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи являлось прочтеніе въ общемъ собраніи

1842 г. статьи *Дурасова* „Взглядъ на положеніе крестьянъ въ Россіи и сравненіе ихъ съ классомъ рабочаго народа въ иностранныхъ государствахъ“— это указаніе неточно *). Въ августѣ 1847 года Общество разослало своимъ членамъ при циркулярѣ печатные экземпляры журнала комитета, учрежденнаго при III отдѣленіи для систематизаціи и разсмотрѣнія свѣдѣній и мнѣній, поступившихъ въ Общество по возбужденному С. И. Мальцевымъ вопросу о среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ **). Къ журналу этого комитета, въ задачу котораго не входила формулировка собственныхъ мнѣній, были, однако, приложены самостоятельныя мнѣнія отдѣльныхъ его членовъ. Въ числѣ этихъ мнѣній было и такое, которое заключало въ себѣ одно совершенно опредѣленное предложеніе по крестьянскому вопросу. Членъ комитета *Ф. Экельнъ*, подчеркивая малоземельность помѣщичьихъ крестьянъ, вынуждающую ихъ отправляться на сторонніе заработки, предложилъ организовать переселеніе такихъ помѣщичьихъ крестьянъ на новыя земли на нижеслѣдующихъ условіяхъ: государство предоставляетъ помѣщикамъ свои земли на льготныхъ основаніяхъ (т. е. съ разсрочкой уплаты на продолжительное время, до 100 лѣтъ); помѣщики же обязуются переводить переселяемыхъ крестьянъ въ положеніе „обязанныхъ“, согласно закону 20 апрѣля 1842 г.

«Званіе обязаннаго, пишетъ *Экельнъ*, не выводя хлѣбопашца изъ обычнаго круга дѣятельности, при-

*) *Семевскій*, Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, т. II, стр. 338.

**) См. выше „Основные моменты“ и т. д.

своиваетъ ему самобытность, произволъ разумной воли, право и неприкосновенность собственности: поставленный въ такое положеніе крестьянинъ, по необходимости оцѣнитъ пользу бережливости и трезвости и вредъ безпечности; онъ перестанетъ обвинять господина въ своихъ неудачахъ и нуждахъ, никогда не оцѣняя вполнѣ оказываемыхъ ему благодѣяній. Въ отношеніи помѣщиковъ мѣра эта не менѣе благодѣтельна: они освобождаются отъ многихъ тягостныхъ обязанностей, горечь коихъ можно только вполнѣ извѣдать, управляя лично имѣніемъ своимъ. Несмотря на то, однако, исполненію тѣхъ человѣколюбивыхъ предначертаній, есть существенныя препятствія, и не въ томъ, чтобы понятіе о новомъ порядкѣ вещей не созрѣло въ общей массѣ, но эти препятствія скрываются въ самомъ стѣсненномъ положеніи и помѣщиковъ и ихъ крестьянъ. Не естественно ли предполагать, что по обращеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные помѣстные доходы должны еще болѣе уменьшиться? Если это въ сущности и не такъ, то, чтобы искоренить одно уже предубѣжденіе, съ которымъ мы свыклись, потребны вѣка. А если, оставляя въ сторону предубѣжденіе, найдутся и существенныя препятствія, то не справедливо ли мыслить, что пока эти препятствія не будутъ устранены, какъ причина,—нельзя ожидать и самихъ слѣдствій такой, впрочемъ, мѣры, которая, совершаясь постепенно, благодѣтельна въ настоящемъ и есть актъ предусмотрительной политики въ будущемъ. Не упуская изъ виду этого убѣжденія, я осмѣливаюсь предположить двѣ существенныя мѣры, чтобы вывести малоземельныя помѣстья и и ихъ владѣльцевъ изъ стѣсненнаго положенія.

1) Выгоды, сопряженныя съ выдѣломъ казенныхъ земель подъ новыя поселенія (разумѣя, что правительство признаетъ возможнымъ этотъ выдѣлъ), связать тѣсно съ обращеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные. Я разумѣю, чтобы выгодами такими пользоваться могли тѣ только владѣльцы, которые новымъ поселянамъ предоставятъ права обязанныхъ крестьянъ. Изъ сего явствуетъ, что въ опредѣлительности и въ значительности тѣхъ выгодъ будетъ заключаться побужденіе къ желаемому преобразованію въ личныхъ правахъ крестьянскаго сословія; и

2) Допустить, чтобы купцы 1-ой гильдіи могли пріобрѣтать отъ дворянъ помѣстья, состоящія на правахъ обязанныхъ хлѣбопашцевъ. Права личныя и потомственныя, присвоенныя нынѣ купечеству, не могутъ измѣняться съ пріобрѣтеніемъ помѣстій, ибо личныя отношенія обязанныхъ крестьянъ къ такимъ пріобрѣтателямъ или владѣльцамъ не выражаютъ этой необходимости. Но въ этой мѣрѣ я предполагаю ту существенную пользу, что богатое купечество приведетъ въ движеніе большіе капиталы на улучшеніе и возвышеніе земледѣльческой промышленности, на утвержденіе земледѣльческаго состоянія въ его новой самобытности, что съ сей поры самая мануфактурная промышленность пойдетъ рука объ руку съ земледѣльческою, о каковомъ сближеніи нынѣ при разстроенномъ положеніи помѣщичьихъ достояній и помышлять невозможно, ибо купецъ, имѣя въ рукахъ деньги, не рѣшается выпускать ихъ, завидуя мечтательной гордости помѣщика, безсильнаго, впрочемъ, отразить бѣдствія и одного неурожайнаго года! Мнѣ

кажется, что такія крайности могутъ легко сойтись на новыхъ правахъ обязанныхъ крестьянъ. Дворянинъ, уразумѣвшій это дѣло для себя полезнымъ, чуждъ предразсудка о важности быть владѣльцемъ крѣпостныхъ людей".

Если предложеніе *Ф. Экельна* представляло, хотя и робкую, но единственную въ литературѣ чисто практическую попытку — связать поднятый въ Обществѣ и привлекшій всеобщее вниманіе вопросъ объ аграрномъ кризисѣ съ крестьянскимъ вопросомъ, то, съ другой стороны, раздавались въ Обществѣ и такія сужденія, которыя сводились не къ «игнорированію», а къ абсолютному и принципіальному устраненію крестьянскаго вопроса изъ числа подлежащихъ вѣдѣнію Общества вопросовъ. Такъ, въ засѣданіи III отдѣленія Общества, происходившемъ 21 февраля 1845 г., по поводу препровожденныхъ совѣтомъ двухъ поступившихъ въ Общество анонимныхъ проектовъ по вопросу объ инвентаряхъ въ западныхъ губерніяхъ, Отдѣленіе постановило: «такъ какъ предметъ сей вовсе не относится до обсужденія въ III отдѣленіи Вольнаго Экономическаго Общества и принадлежитъ непосредственно къ распоряженіямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ»,—препроводить оба проекта въ «Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, о чемъ и представить совѣту Общества съ возвращеніемъ самыхъ проектовъ». Несмотря на такое принципіальное отклоненіе всякаго обсужденія крестьянскаго вопроса, Отдѣленіе не совсѣмъ послѣдовательно выслушало мнѣніе своего предсѣдателя Ѳ. А. Дурасова о пред-

ставленныхъ проектахъ *). Мнѣніе это не представляетъ для насъ особаго интереса, и мы привели весь этотъ эпизодъ лишь потому, что его слѣдуетъ считать характернымъ для отношенія большинства Вольнаго Экономическаго Общества къ крестьянскому вопросу въ Николаевскую эпоху.

При такомъ отношеніи понятно, что вице-президентъ и непремѣнный секретарь сочли необходимымъ дѣйствовать независимо не только отъ общаго собранія, но и отъ совѣта Общества.

Любопытно, что еще въ январѣ 1855 г. совѣтъ Общества отклонилъ немедленное напечатаніе въ «Трудахъ» двухъ разсмотрѣнныхъ и одобренныхъ III отдѣленіемъ программъ хозяйственно-статистическаго описанія помѣщичьихъ имѣній: одной, присланной членомъ Общества, извѣстнымъ практическимъ хозяиномъ *И. В. Сабуровымъ*, авторомъ записокъ «Пензенскаго Земледѣльца», печатавшихся въ «Отечественныхъ Запискахъ» 40-хъ гг. *), и другой, присланной профессоромъ Кіевскаго университета *С. М. Ходецкимъ* **), одобривъ къ немедленному напечатанію лишь составленный, по

*) Журналъ собранія III отдѣл. Имп. Вольнаго Экон. Общ. 21 февр. 1845, № 2. Архивъ И. В. Э. О. Изъ дѣлъ, не внесенныхъ въ опись.

**) Эта программа была напечатана значительно позже въ 1858 г. въ приложеніи къ журналу „Сельское Благоустройство".

***) Эта программа была составлена по порученію „Комиссіи, Высочайше утвержденной при Имп. университетѣ св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа: Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской" *Ходецкимъ* въ сотрудничествѣ съ *В. В. Тарновскимъ* и въ томъ же 1855 году напечатана въ III томѣ „Трудовъ" названной комиссіи (Кіевъ. Въ универс. типографіи).

предложенію непремѣннаго секретаря, преподавателемъ въ училищѣ сельскаго хозяйства Варнекомъ сводъ хозяйственныхъ вопросовъ, приспособленный, какъ указано въ журналѣ совѣта, «къ описанію не однихъ только помѣстьевъ, но и цѣлаго уѣзда или края, а также мѣстныхъ промысловъ вообще, и къ наблюденію по части климата, метеорологіи и проч.». Напечатаніе этихъ вопросовъ, по мнѣнію совѣта, представляется «тѣмъ болѣе удобнымъ, что скорѣе можно ожидать поступленія отвѣтовъ на нихъ, нежели описанія дворянскихъ имѣній, ибо,—разсуждалъ совѣтъ,—едва ли найдется много такихъ хозяевъ, которые отзовутся на приглашеніе Общества по сему предмету» *). Это послѣднее соображеніе, несомнѣнно, побудило вице-президента и непремѣннаго секретаря позаботиться о Высочайшей санкціи для обслѣдованія, вскорѣ послѣ этого ими самими предложеннаго. Быть можетъ, имѣя уже тогда въ виду свой болѣе широкій планъ, они повліяли на совѣтъ въ смыслѣ сдержаннаго отношенія къ болѣе детальнымъ программамъ *Сабурова и Ходецкаго* и къ вопросу объ ихъ немедленномъ напечатаніи, предложенномъ III отдѣленіемъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ двухъ представителяхъ Имп. Вольнаго Эконом. Общества, въ лицѣ которыхъ оно, первое въ царствованіе Александра II, возбудило крестьянскій вопросъ.

Князь *Василій Васильевичъ Долгоруковъ* (род. въ 1789 г. (?), умеръ въ 1858 г.) былъ просвѣщен-

*) Журналъ Совѣта И. В. Э. Общ. 22 января 1855. Архивъ И. В. Э. Общ., переплетъ № 153. Сводъ Варнека, однако, не былъ напечатанъ.

ный вельможа стараго типа. Онъ служилъ первоначально въ военной службѣ, былъ, какъ говорится въ одномъ изъ его некрологовъ, «въ числѣ героевъ Силистріи, Браилова» (при Александрѣ I), потомъ перешелъ въ гражданскую службу, былъ оберъ-шталмейстеромъ и губернскимъ предводителемъ дворянства С.-Петербургской губерніи *). Вице-президентомъ Имп. В. Э. О. онъ состоялъ съ 1844 по 1856 г. Вице-президенство его было ознаменовано оживленіемъ дѣятельности Общества; онъ поднялъ вопросъ объ улучшеніи издаваемыхъ Обществомъ «Трудовъ» и, какъ сказано въ адресѣ, поднесенномъ ему членами Общества послѣ его ухода, «упрочилъ будущее существованіе Общества образованіемъ неприкосновеннаго капитала на сумму 300 тыс. рублей» **). Въ обсужденіи вопроса о хлѣбныхъ цѣнахъ онъ принималъ живое участіе и выступилъ въ немъ какъ умѣренный, но твердый послѣдователь идей экономическаго либерализма. Въ противоположность хору дворянъ-землевладѣльцевъ, прославлявшихъ высокія цѣны на хлѣбъ и измышлявшихъ мѣры искусственнаго повышенія цѣнъ, онъ признавалъ высокія хлѣбныя цѣны зломъ. Въ своемъ «мнѣніи», читанномъ въ засѣданіи Совѣта И. В. Э. О. 30 мая 1845 г., онъ предвосхитилъ нѣкоторые аргументы, выдвинутые противъ высокихъ и въ пользу низкихъ цѣнъ въ извѣстномъ сборникѣ, изданномъ въ 1897 г., подъ редакціей *А. И. Чупрова и А. С. Посникова.* Здѣсь не

*) „Воспоминаніе о князѣ Василіи Васильевичѣ Долгоруковѣ". *Казака.* „Духовная Бесѣда, ежемѣсячно издаваемая при Спб. духовной семинаріи", т. VII (1859 г.), стр. 345—354.

**) Труды И. В. Эк. Общ. 1856 г., т. II.

мѣсто излагать детально взгляды *кн. Долгорукова* на аграрный кризисъ 40-хъ гг. Для нашей цѣли достаточно указать, что это былъ человѣкъ, несомнѣнно обладавшій общимъ и, въ частности, экономическимъ образованіемъ и въ экономическихъ вопросахъ державшійся либеральныхъ возрѣній. Такой человѣкъ не могъ не сочувствовать идеѣ освобожденія крестьянъ въ той или иной формѣ. Въ приложенныхъ къ I тому труда *А. Скребицкаго* «Крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II» (1862) спискахъ: 1) «проектовъ и записокъ, поступившихъ изъ Архива Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу», 2) «проектовъ и записокъ, поступившихъ къ предсѣдателямъ редакціонныхъ комиссій Я. И. Ростовцеву и В. Н. Панину» нѣтъ всеподданнѣйшаго доклада *кн. Долгорукова*, но въ первомъ изъ этихъ списковъ подъ № 71 значится принадлежащій, повидимому, тому же *Долгорукову* «проектъ объ учрежденіи въ Россіи особаго рода населенныхъ имѣній подъ названіемъ вольнонаемныхъ».

Непремѣнный секретарь Общества *Григорій Павловичъ Небольсинъ* (родился въ 1811 году, умеръ въ 1896 г.) принадлежалъ къ тому поколѣнію, всѣ болѣе или менѣе прогрессивные представители котораго были врагами крѣпостного права. Въ ихъ числѣ, несомнѣнно, былъ *Небольсинъ* *), въ 1855 г. уже извѣстный спеціалистъ по экономической стати-

*) Въ царствованіе Александра II онъ былъ товарищемъ министра финансовъ (1863—1866 г.), предсѣдательствовалъ въ Высочайше учрежденной въ 1867 г. комиссіи по пересмотру таможеннаго тарифа и потомъ до смерти былъ членомъ Государственнаго Совѣта.

стикѣ, заявившій себя солидными трудами преимущественно по статистикѣ торговли *). Ему, по всей вѣроятности, принадлежала редакція вопросовъ, свидѣтельствующая о широтѣ знаній и взглядовъ ихъ составителя. Вообще, мы имѣемъ всѣ основанія предполагать крупное фактическое участіе *Небольсина* въ планѣ изслѣдованія помѣщичьяго хозяйства, но ближайшее опредѣленіе роли двухъ участниковъ этого замѣчательнаго, хотя и неосуществленнаго плана, останется, вѣроятно, навсегда недоступнымъ **). Задуманный и проводимый келейно, онъ былъ, быть можетъ, даже забытъ тѣмъ изъ его двухъ иниціаторовъ, который дожилъ до окончательнаго осуществленія дѣла освобожденія крестьянъ по властной иниціативѣ самого правительства. Первая попытка возбужденія крестьянскаго вопроса могла даже въ памяти ея виновника *Г. П. Небольсина* быть совершенно погашена быстро наступившими широкими успѣхами той же идеи. Но въ исторіи крестьянскаго вопроса и въ исторіи Имп. Вольнаго Экономическаго Общества эта попытка тѣмъ не менѣе должна занять почетное мѣсто, какъ одно изъ доказательствъ того, что старѣйшее въ Россіи общественное учрежденіе, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, всегда «стремилось выражать истинныя потребности времени и служить общенароднымъ интересамъ», на какія бы неблагопріятныя условія это стремленіе ни наталкивалось.

*) Главный изъ нихъ: „Статистическое обозрѣніе внѣшней торговли Россіи“, 2 части. Спб. 1850 г.

**) *Небольсинъ* занималъ должность непремѣннаго секретаря съ 1850 г. Въ 1856 г. онъ одновременно съ *Долгоруковымъ* сложилъ свое званіе.

Маклеръ слугъ и рабочихъ людей.

Историческая справка съ приложеніемъ документовъ крѣпостного хозяйства *).

Въ 1782 году Екатерининскимъ «Уставомъ Благочинія» **) учреждена должность маклера слугъ и рабочихъ людей для посредничества между нанимаемыми и нанимателямивъ дѣлѣ пріисканія работы—первыми, рабочихъ—вторыми. Назначеніе маклера слугъ и рабочихъ людей (одного или болѣе, смотря по надобности) возлагается на городничаго или на городовой магистратъ.

Городничій публикуетъ о назначеніи маклера и о мѣстѣ и времени исполненія имъ своихъ обязанностей. Двери дома его должны быть «отверстыми» и надъ ними должна помѣщаться вывѣска.

О перемѣнѣ мѣстожительства слуги и рабочіе люди извѣщаютъ маклера. Договоръ или условіе о наймѣ записывается маклеромъ въ его книгѣ, которой присваивается доказательная сила. «Не запрещается чинить наемъ и пріемъ слуги, служанки и рабочаго человѣка», не объявляя маклеру, но въ

---

*) Въ основу этой исторической справки положена моя замѣтка о маклерѣ слугъ и рабочихъ людей, напечатанная въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ подъ редакціей Арсеньева и Петрушевскаго.

**) П. П. С. З. № 153797, ст. 181—190

такомъ случаѣ «наниматель и нанятый, при спорѣ или ссорѣ между ими о служеніи, работѣ или платежѣ не могутъ ожидать никакого пособія отъ Управы Благочинія и ей подчиненныхъ, и просьба о томъ да не пріемлется въ словесномъ судѣ». «Наемнаго слугу, служанку или рабочаго человѣка, не написаннаго въ маклерскую книгу слугъ и рабочихъ людей, городничій имѣетъ право выслать изъ города, равномѣрно исправникъ изъ уѣзда». О маклерѣ слугъ и рабочихъ людей упоминается еще въ Сводѣ Законовъ 1832 года *).

Высочайше утвержденнымъ 11 янв. 1837 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта **) дозволено какъ частному маклеру, такъ и маклеру слугъ и рабочихъ людей «принимать отъ нанимающихся въ услуженіе или работы людей, для засвидѣтельствованія, контракты, договоры и условія, безъ различія, къ которому бы изъ нихъ кто изъ таковыхъ людей ни обратился». Изъ мотивировки этого закона можно вывести, что въ институтѣ маклеровъ слугъ и рабочихъ людей преимущественно нуждались «большіе и торговые города, особенно лежащіе на судоходныхъ рѣкахъ, куда судорабочіе приходятъ въ чрезвычайно большомъ количествѣ».

---

*) Св. Зак. 1832 т. X, ч. I, ст. 499: „Маклеры слугъ и рабочихъ людей опредѣляются магистратомъ или Ратушей". Ст. 507: „Маклеры слугъ и рабочихъ людей удостовѣряютъ акты о наймѣ сихъ людей". т. XI, ст. 1870: „Маклеры, по различію особенныхъ занятій и мѣстъ, при которыхъ они учреждены, имѣютъ особенныя названія, а именно: биржевые маклеры, гофъ-маклеры . . . . . и маклеры слугъ и рабочихъ людей".

**) № 9853.

Для этой цѣли существовали также спеціальные «маклеры судоходныхъ расправъ» *).

Высочайше утв. 10 іюня 1839 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта **) разрѣшило публичнымъ нотаріусамъ въ Одессѣ свидѣтельствовать акты слугъ и рабочихъ людей. Изъ этого закона явствуетъ, что въ то время въ Одессѣ не было частнаго маклера, но былъ ли маклеръ слугъ и рабочихъ людей—неясно.

Приведенные законы легли въ основу ст. 846 и 847 т. X, ч. I, изд. 1857 г. По послѣдней статьѣ свидѣтельствовать контракты, заключаемые мастерами съ подмастерьями и учениками, дозволяется, наравнѣ съ маклерами городовыми и частными, и маклерамъ ремесленныхъ управъ ***) Въ Уст. Торг. изд. 1857 г. о маклерахъ слугъ и рабочихъ людей говорятъ ст. 2427 и 2446.

«Положеніе о нотаріальной части» 1864 г. уничтожило должность маклеровъ слугъ и рабочихъ людей, и потому позднѣйшія изданія Зак. Гражд. и Уст. Торг. уже не содержатъ въ себѣ соотвѣтствующихъ постановленій.

Въ 1896 г. въ своей замѣткѣ въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» я писалъ: «о фактическомъ существованіи и дѣятельности маклера слугъ и рабочихъ людей не имѣется, повидимому, никакихъ

---

*) Св. Законовъ 1832 г., т. XI, Уст. Торг., ст. 1873: „Маклеры Судоходныхъ Расправъ избираются мѣстными городскими обществами и опредѣляются пожизненно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ учреждены Судоходныя Расправы, для записки договоровъ, заключаемыхъ хозяевами судовъ и проч. съ лоцманами и работниками, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ Уставѣ Путей Сообщенія".

**) № 12431.

***) Ср. П. С. З. 1842 г., № 16101.

указаній. Слѣдуетъ думать, что учрежденіе существовало, если не исключительно, то главнымъ образомъ на бумагѣ».

Однако, потомъ мнѣ удалось напасть на документы, которые доказываютъ, что маклеръ слугъ и рабочихъ людей функціонировалъ на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, какъ регистраціонная инстанція, черезъ которую проходили какъ договоры о наймѣ на разнаго рода услуги и работы, такъ и договоры объ отдачѣ крѣпостныхъ мальчиковъ въ ремесленное ученичество. Ниже, въ приложеніяхъ, я печатаю документы, прошедшіе черезъ маклера слугъ и рабочихъ людей. Если по отношеніи къ документу I можетъ быть еще сомнѣніе въ томъ, что регистрировавшій его маклеръ былъ именно маклеромъ слугъ и рабочихъ людей (это обозначеніе полностью не фигурируетъ въ документѣ), то въ отношеніи документовъ II и III никакого сомнѣнія быть не можетъ—регистрировавшій органъ названъ pleno titulo.

Участіе маклеровъ слугъ и рабочихъ людей въ регистраціи договоровъ о крѣпостномъ ученичествѣ представляетъ особливый интересъ постольку, поскольку самая матерія этихъ документовъ имѣетъ крупное значеніе съ точки зрѣнія нашего промышленнаго развитія. Въ своихъ статьяхъ объ «Историческомъ и систематическомъ мѣстѣ русской кустарной промышленности» и объ «Исторіи русской фабрики» *М. И. Туганъ-Барановскаго* *) я указалъ уже, что промышленные навыки распространялись среди

*) Обѣ эти статьи перепечатаны въ моемъ сборникѣ. „На разныя темы“ (Спб. 1902 г.). См. стр. 434—435 и стр. 452—453 названнаго сборника.

крестьянства не только при посредствѣ помѣщичьей фабрики, но также отдачей крестьянскихъ мальчиковъ въ ученики къ городскимъ ремесленникамъ и подчеркнулъ, что этотъ способъ, быть можетъ, имѣлъ еще большее значеніе для развитія нашей такъ называемой кустарной промышленности, чѣмъ помѣщичья фабрика. Отсюда я сдѣлалъ тотъ выводъ для исторіи нашей кустарной промышленности, что въ ея развитіи крупную роль въ качествѣ исходной точки сыграло ремесло, крѣпостное и свободное *). Еще правильнѣе было бы сказать: взаимодѣйствіе свободного городского и крѣпостного вотчиннаго ремесла.

Исторія этого взаимодѣйствія, (да и вообще вся исторія русскаго ремесла) извѣстна намъ только въ обрывкахъ и подлежитъ еще изученію, которое должно быть произведено на основѣ систематическаго обслѣдованія какъ документовъ вотчинныхъ архивовъ, такъ и иныхъ первоисточниковъ.

Въ ряду источниковъ изученія крѣпостного ремесла въ его взаимодѣйствіи съ городскимъ немаловажную роль могли бы сыграть документы, проходившіе черезъ руки «маклеровъ слугъ и рабочихъ людей».

---

*) Вотъ почему гр. *П. С. Шереметевъ* совершенно неправъ утверждая, что въ нашей литературѣ никто не указывалъ на „роль помѣщичьихъ хозяйствъ“ въ развитіи нашей „мелкой кустарной промышленности“. См. его чрезвычайно интересный, основанный отчасти на впервые публикуемыхъ документахъ Шереметевскаго архива, докладъ (кустарному совѣту Московскаго Губернскаго Земства). „О русскихъ художественныхъ промыслахъ“. Москва. 1913 г. Ср. мою рецензію на докладъ гр. *Шереметева* въ „Русской Мысли“ (Октябрь 1913 г.).

ДОКУМЕНТЫ.

I *).

1788 года октября 31-го дня я нижеподписавшійся договорился съ госпожей лейбгвардіи подпоручицей Прасковьей Юрьевной Кушелевой жить Тверского намѣстничества Осташковской округи селе ея Андреянополь для содержанія имѣющейся у нея ранжереи и въ разныхъ ея селахъ садки садовъ также и надзирания огородовъ какъ то имѣть прилежное смотреніе за деревьями и парниками делать разные прививки и содержать ихъ во всякомъ храненіи на сторону никуда ничего не давать и быть въ ея мне послушаніи и содержать себя въ добромъ поведеніи данныхъ же мнѣ отъ ея учениковъ обучать безъ закрытия а за труды сіи мои получать мне отъ ея госпожи Кушелевой за каждой годъ денегъ сто рублевъ хлеба шесть четвертей, крупъ шесть четвериковъ солоду три четверика овса одну четверть конапель три четверика свинины шесть пудъ шесть барановъ съ овчинами, мяса коровьяго одинъ пудъ масла конопляного одинъ пудъ или за все оное получать мне деньгами въ чемъ обязуюсь и сей контрактъ ей госпожѣ Кушелевой далъ (слѣдуетъ, повидимому. собственноручная подпись, написанная другимъ гораздо болѣе грубымъ почеркомъ) ея Превосходительства Настасіи Николаевны Нелединьской и Мелецкой служитель Григорѣи Алекъсиевъ.

По означенаго договора впередъ получилъ денѣгъ двадцать пять рублѣи Григорей Алексиевъ.

Ноября перваго дня еще получилъ я по сему договору денегъ двадцать пять рублѣй Григорѣй Алексиевъ.

По сему конътракьту получено мною денегъ пять рублѣй ноября 17 дня Григорѣй Алексиевъ.

1788 года ноября 18 дня сей подлинной договоръ въ свидетельстве у Московскаго Городового канцлера явленъ и въ книгу подъ № 1055 записанъ Маклеръ Сергѣй Серебрениковъ. По сему конътракьту по дагору (т. е. договору *П. С.*) все спольна получилъ какъ деньги такъ весь и запасъ Григорѣи Алексиевъ Ерьшевъ.

---

*) Тверской Музей, № 990.

II. *)

1793-го года Маія 30 дня, заключенъ сей контрактъ между Г-н Маіоромъ Дмитріемъ Федосѣевичемъ Байковымъ и золотыхъ и серебрянныхъ дѣлъ мастеромъ Г-н Карломъ Іоганномъ Бергомъ въ томъ: что вышепоказанной г-нъ Байковъ отдаетъ по довѣренности госпожи гварліи подпорутчицы Прасковьи Юрьевны Кушелевой крепостного ея мальчика Ивана сынъ Иванова къ Г-нъ Карлу Іоганну Бергу съ вышеписаннаго числа впередъ на шесть лѣтъ, то есть одинъ годъ на пробу, а потомъ на пять лѣтъ въ ученіе къ серебрянныхъ дѣлъ мастерству, въ теченіе коихъ шести лѣтъ обязанъ онъ Бергъ вышепрописаннаго мальчика Ивана Иванова нужной одеждою и пищею снабжать и по прошествіи лѣтъ ученія его установленнымъ порядкомъ произвесть въ подмастеріи. Напротивъ того увѣренъ и ручается упомянутой г-нъ Байковъ, что оной мальчикъ Иванъ Ивановъ во время бытья его у г-нъ Берга будетъ вести себя вѣрно, послушно и прилежно, въ противномъ же тому случаю позволяетъ онъ г-нъ Байковъ помянутаго мальчика наказывать соразмѣрно всякаго его поступка. Для вящаго же укрепленія утвержденъ сей контрактъ, который съ обоихъ сторонъ своеручно съ приложеніемъ печати подписанъ.

Carl Iohann Berg.

1793 года 4 іюля сей контрактъ явленъ въ первой адмиралтейской части у маклерскихъ дѣлъ подлинникомъ въ книгу записанъ подъ № 226.

Маклеръ слугъ и рабочихъ людей Алексѣй Курилѣевъ.

III **)

1820-го года Октября 14 дня я нижеподписавшійся Санктпетербургскаго серебренаго цеха мастеръ Егоръ Федоровъ сынъ Помо, заключилъ сей контрактъ съ Г-мъ Титулярнымъ Совѣтникомъ и кавалеромъ Николаемъ Ильичемъ Татариновымъ, въ томъ, что взялъ я отъ него Г-на Татаринова для обученія серебреному мастерству

*) Сообщенъ мнѣ моимъ бывшимъ слушателемъ А. А. Островскимъ изъ его семейнаго архива, за что я приношу А. А. глубокую благодарность.

**) Тверской музей № 993.

крѣпостнаго дворoваго человѣка Шурина Его Г-на ротмистра Петра Оржевитинова, Ивана Егорова, написаннаго за нимъ Оржевитиновымъ по 7-й ревизіи Симбирской Губерніи Сенгилеевской округи въ селѣ Ерыклѣ, посудной работѣ а если будетъ способенъ, то и чеканной, срокомъ отъ вышеписаннаго числа впредь на пять лѣтъ, то есть будущаго 1825-го года октября по число, на всѣмъ моемъ Помо содержаніи, какъ-то: платье верхнемъ и нижнемъ, обуви, пищѣ, портомойномъ и банѣ, и во все время онаго Егорова у меня Помо житья, долженъ онъ находится во всякомъ послушаніи и повиновеніи какъ противу меня такъ и домашнихъ моихъ на основаніи ремесленнаго положенія, вести себя благонравно, кротко, не пьянствовать, не воровать и никакихъ дурныхъ поступковъ не дѣлать, а если онъ Егоровъ не будетъ вести себя какъ надлежитъ или оказывать лѣность къ обученію, то воленъ я мастеръ Помо наказывать Его Егорова по мѣрѣ преступленія. По прошествіи означенныхъ пяти лѣтъ, за обученіе, содержаніе, и для усовершенствованія Его Егорова въ мастерствѣ, выжить Ему у меня Помо еще одинъ годъ, на основаніи сего же условія; а буде Г-нъ Татариновъ или шуринъ Его Г-нъ Оржевитиновъ пожелаютъ означеннаго Егорова взять прочь прежде написаннаго и между нами постановленнаго срока, то есть: по истеченіи пяти лѣтъ, то онъ Г-нъ Татариновъ или шуринъ Его Г-нъ Оржевитиновъ должны заплатить мнѣ Помо за означеннаго человѣка Егорова за послѣдній недожитой годъ двѣсти пятьдесятъ рублей безпрекословно и безъ замѣдленія, и сей контрактъ сохранять Со обѣихъ сторонъ свято и ненарушимо, явить оный у маклерскихъ дѣлъ, и таковой же экземпляръ получить мнѣ Помо за подписаніемъ Его Г-на Татаринова, во увѣреніе чего и подписуюсь Мастеръ Серебреныхъ делъ Помо. Титулярный Совѣтникъ и кавалеръ Николай Ильинъ сынъ Татариновъ.

1820-го года Октября 23-го дня сей контрактъ въ Санктъпетербургѣ въ конторе частнаго и слугъ и рабочихъ людей маклера явленъ и подпись у маклерскихъ делъ въ книгу записано.

Московской Части Маклеръ Иванъ Шапошниковъ.

Подъ № 70-мъ.

[Писано на гербовой бумагѣ цѣною въ 1 рубль].

Два отзыва.

I. О книгѣ В. Г. Бажаева *).

Книга *Бажаева* представляетъ выдающееся явленіе въ литературѣ русской аграрной экономіи и даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе.

Прежде всего, трудъ почтеннаго агронома московскаго земства является выдающимся вкладомъ въ исторію нашего дореформеннаго сельскаго хозяйства и съ этой стороны заслуживаетъ вниманія какъ историковъ, такъ и экономистовъ. Правда, авторъ, имѣя въ виду свою основную тему, ограничиваетъ разсмотрѣніе крѣпостного помѣщичье-крестьянскаго хозяйства территоріальными предѣлами нечерноземной Россіи. Но въ дореформенное время помѣщичье хозяйство нечерноземной Россіи шло во главѣ агрономическаго движенія страны не

*) *В. Г. Бажаевъ*, „Крестьянское травопольное хозяйство въ нечерноземной полосѣ Европейской Россіи". Изданіе К. И. Тихомирова, Москва, 1900 г. Цѣна 1 р. 35 к. стр. VI + 304 + 29 (таблицы). Этотъ отзывъ первоначально былъ напечатанъ въ журналѣ „Научное Обозрѣніе" за 1901 г. (книга 8). Ср. теперь указанныя выше на стр. 251 произведенія *К. А. Вернера*, а также его статью „Кормовыя Травы" въ *Девріеновской* „полной энциклопедіи Сельскаго Хозяйства" и т. д., т. IV, Спб. 1901, стр. 657—658 и его посмертный отзывъ о книгѣ *В. Г. Бажаева* (этого отзыва я, къ сожалѣнію, не могъ достать).

только въ теоріи, но и на практикѣ, и его изученіе представляетъ поэтому особый интересъ.

Такъ, мнѣ кажется, что авторъ слишкомъ подчеркиваетъ несамостоятельный, «ученическій», какъ онъ выражается, характеръ русской агрономіи XVIII вѣка и ея главнаго органа Вольнаго Экономическаго Общества. Дѣло въ томъ, что агрономическое движеніе XVIII вѣка въ Россіи слѣдуетъ разсматривать, главнымъ образомъ, какъ процессъ прогрессивнаго развитія крѣпостного, или барщиннаго хозяйства на данной технической основѣ. Если *А. Т. Болотовъ* былъ, напримѣръ, совершенно несамостоятеленъ и теоретиченъ въ своихъ доказательствахъ выгодности гольштинской системы сравнительно съ трехпольной, то онъ вполнѣ самобытенъ и практиченъ, какъ авторъ „Наказа для деревенскаго управителя». Останавливаясь на значеніи «западнаго вліянія» на русскую агрономію XVIII вѣка, авторъ проходитъ мимо посредствующаго звена—остзейскаго крѣпостного хозяйства. Отецъ *А. Т. Болотова* бесѣдовалъ съ остзейскими помѣщиками о сельскомъ хозяйствѣ, и въ его книжномъ ящикѣ знаменитый впослѣдствіи русскій агрономъ нашелъ переводъ «Лифляндской экономіи», которая пользовалась популярностью въ русскомъ обществѣ XVIII в. и была переведена даже *Ломоносовымъ*, повидимому, для какого-то частнаго лица *). Дѣятели Вольно-Экономическаго Общества были въ значительной мѣрѣ остзейцы. Впрочемъ, начало пропаганды травосѣянія и плодосмѣннаго хозяйства въ Лифлян-

*) *Е. Щепкина.* „Старинные помѣщики на службѣ и дома". Спб., 1890 г., стр. 62. Ср. выше „Основные моменты" и т. д.

дiи относится, повидимому, къ 90-мъ гг. прошлаго столѣтiя, т. е. къ тому же времени, что и первые русскiе шаги въ этомъ направленiи. Первые лифляндскiе опыты, предпринятые по почину пастора Клапмайера, были неудачны, но, несмотря на это, *Фрибе* рекомендовалъ настойчиво травосѣяніе для Остзейскаго края и для Россiи *).

Замѣтимъ, что отъ вниманія автора ускользнула первая въ Россiи попытка введенія травосѣянія въ помѣщичье-крестьянское хозяйство, относящаяся къ концу XVIII и началу XIX в.в. и принадлежащая помѣщику Звенигородскаго уѣзда, Московской губ. Бланкеннагелю. Она описана въ указываемой и г. *Бажаевымъ*, но, вѣроятно, извѣстной ему только по заглавiю книги «Новое земледѣлiе, основанное на правилахъ тайнаго совѣтника Іоанна-Христiана Шубарта фонъ-Клеефельда» и т. д. *Андрея Рознотовскаго* (Москва, 1794 года, стран. 346 — 358), а также малоизвѣстной, или, лучше сказать, совершенно неизвѣстной брошюрѣ сенатора и академика *И. С. Захарова*: «Усадьбы или новый способъ селить крестьянъ и собирать съ нихъ помѣщичiй доходъ» (Спб. 1801 г.) и интересна, между прочимъ, тѣмъ, что представляла не только техническое улучшенiе, но также опытъ ликвидацiи какъ крѣпостного права, такъ и общиннаго землевладѣнiя и землепользованiя **).

*) См. *Фрибе*: Wie ist die Viehzucht in Liefland zu verbessern въ „Abhandlungen der liefländischen gemeinnützigen und ökonomischen Societät", 2-r Band, 2-tes Stück. Riga, 1803. О другихъ русскихъ статьяхъ *Фрибе* говоритъ г. *Бажаевъ*.

**) Брошюра *Захарова* подробно изложена выше въ этюдѣ „Изъ исторiи идеи крестьянскаго землеустройства".

Врядъ ли будетъ ошибкою сказать, что Егоръ Ивановичъ Бланкеннагель, а не Д. М. Полтарацкій, на котораго указываетъ г. *Бажаевъ*, былъ первый практическій насадитель въ Россіи травосѣянія *). И при томъ, что особенно интересно съ точки зрѣнія главной темы г. *Бажаева*, Бланкеннагель пытался сразу привить травосѣяніе къ крестьянскому хозяйству, на что, какъ указываетъ самъ г. *Бажаевъ*, нѣтъ никакихъ намековъ въ дѣятельности Полтарацкаго. Эта забота о крестьянскомъ хозяйствѣ натолкнула Бланкеннагеля и на тотъ, по существу весьма радикальный, опытъ и планъ преобразованія крестьянско-помѣщичьихъ отношеній, который такъ обстоятельно развитъ въ брошюрѣ *Захарова* и намеки на который имѣются и въ книгѣ *Рознотовскаго*. Послѣдній написалъ свое, выдержавшее 3 изданія, руководство по соглашенію съ Бланкеннагелемъ; Бланкеннагель и снабдилъ его всѣми десятью частями «книгъ фонъ-Шубартовыхъ», которыхъ еще не было тогда ни у московскихъ, ни у петербургскихъ книгопродавцевъ.

Есть основанія думать, что уже въ самомъ началѣ XIX в. въ разныхъ мѣстахъ Сѣверной Россіи помѣщиками производились опыты травосѣянія, болѣе или менѣе правильнаго. Одинъ такой опытъ извѣстенъ намъ изъ весьма глухой мѣстности, изъ Торопецкаго уѣзда, Псковской губерніи. Въ семей-

*) Это явствуетъ изъ слѣдующей хронологической справки: Бланкеннагель завелъ правильное травосѣяніе въ 1792 году; Полтарацкій только въ этомъ году купилъ свое знаменитое Авчурино (*Бажаевъ*, стр. 59).

номъ архивѣ Кушелевыхъ, хранящемся въ Тверскомъ музеѣ, есть слѣдующій приказъ помѣщика Егора Андреевича Кушелева приказчику села Егорьевскаго Іосифу Иванову: „Съ полученіемъ сего, поѣзжай ты, не объявляя сего никому, будто самъ собою въ село Богомъ данное *), осмотри все поле, каковы озимые хлѣба и пшеница? Каковы нынѣшніе яровые и посѣяна ли въ 5-мъ и 6 мъ поляхъ дятловина (т.е. клеверъ. Подчеркнуто мной П. С.) и какова прошлогодняя дятловина (подчеркнуто мной П. С.) узнай, когда яровые посѣяны и каково земля приготовлена была? Также и въ сельцѣ Михайловѣ? Узнай о всѣхъ вездѣ работахъ и распорядкахъ управительскихъ и мнѣ вѣрно донести, но такъ, что сего никто не зналъ, и о семъ чтобы никто не могъ догадаться. Я надѣюсь на твою вѣрность, что ты сіе вѣрно исполнишь. Также донеси мнѣ о хлѣбахъ въ селѣ Егорьевскомъ? И донеси мнѣ почему мука на баркѣ сюда послана не съ Суворовымъ купцомъ, а съ другимъ? 4-е іюня 1810-го года. СПБ. Е. Кушелевъ». Другихъ указаній на этотъ весьма ранній опытъ травосѣянія мнѣ не удалось найти.

В. Г. Бажаевъ, повидимому, не знаетъ, что первый рѣшительный протестъ противъ увлеченій технической раціональностью или «англійскимъ хозяйствомъ» относится къ 1806 г., когда появилась анонимная брошюра *гр. Растопчина* „Плугъ и соха“. Ему по праву принадлежатъ авторскія права на то «откровеніе» о значеніи мѣстныхъ условій, которое

*) Якшино тожъ. „Списокъ населенныхъ мѣстъ Псковской губ. по свѣдѣніямъ 1872—1877 гг.“ СПБ., 1885. № 13631 (стр. 440).

г. *Бажаевъ* приписываетъ *Н. Н. Муравьеву*. Такимъ образомъ, и увлеченіе технической раціональностью въ русскомъ крѣпостномъ хозяйствѣ, и реакція противъ этого увлеченія началась и обнаружилась раньше, чѣмъ полагаетъ нашъ авторъ. Кстати, мы не совсѣмъ понимаемъ, на какомъ основаніи г. *Бажаевъ* знаменитый, объявленный по иниціативѣ Екатерины II конкурсъ Вольнаго Экономическаго Общества въ 1766 г. (на тему о крестьянской собственности) толкуетъ лишь какъ одно изъ проявленій „похода противъ общины", тогда какъ постановка темы 1766 г. направлялась прямо противъ крѣпостного права, а общиннаго землевладѣнія касалась лишь по исторической связи его со всѣмъ крѣпостнымъ хозяйственнымъ строемъ. Если «писателями XVIII вѣка на Западѣ и въ Россіи общинные порядки разсматривались, какъ такіе же остатки феодальнаго строя, какъ барщина всякаго рода, сервитуты и повинности" (*Бажаевъ*, стр. 45), то исторически это было правильно. Въ частности, русская земельная община XVII—XIX в. складывалась, несомнѣнно, въ тѣснѣйшей связи съ общимъ крѣпостнымъ строемъ страны, какъ одно изъ его учрежденій. Недаромъ доморощенная русская сельскохозяйственная экономія XVIII и XIX в. даетъ не мало образчиковъ наставленій о земельномъ равненіи крестьянъ. Это такъ же понятно, какъ то, что реформаторы аграрныхъ крестьянско-помѣщичьихъ отношеній въ то время, да и въ эпоху освобожденія, большей частью выступали противниками и даже упразднителями общины *).

*) См. указанный выше этюдъ.

На стр. 56 г. *Бажаевъ* приводитъ въ числѣ книгъ по сельскому хозяйству: «Журналъ и земледѣліе» де Клермонтъ Тоннера, въ переводѣ Бородавкина (СПБ., 1799); такой книги не существуетъ, а въ 1799 въ Петербургѣ выходилъ на французскомъ и русскомъ языкѣ «Журналъ о земледѣліи для Всероссійской Имперіи. Сочинилъ на французскомъ языкѣ *Людовикъ де Клермонтъ Тоннеръ*, а съ онаго на русскій языкъ перевелъ *Бородавкинъ*». *Болотовскіе* журналы «Сельскій Житель» 1778 г. и «Экономическій магазинъ» (1780—1789 г., приложеніе къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» Н. И. *Новикова*), о которыхъ упоминаетъ г. *Бажаевъ* на стр. 57, повидимому, не зная ихъ содержанія, были почти исключительно сборниками техническихъ наставленій и рецептовъ по сельскому и домашнему хозяйству, а также по медицинѣ. Такой же характеръ носило не упомянутое г. *Бажаевымъ* «Санкпетербургское еженедѣльное сочиненіе, касающееся до размноженія домостроительства», первое въ Петербургѣ частное сельскохозяйственное изданіе, издателемъ котораго былъ *Авг. Вицманнъ* (выходило оно въ 1778 г.).

Вполнѣ правъ, намъ кажется, авторъ, допуская, что въ первой половинѣ XIX в. постепенно росло не только абсолютное пространство пашни, но и ея отношеніе къ кормовой площади. Мнѣ кажется даже, что это допущеніе можно смѣло распространить не только на періодъ съ 20-хъ годовъ, но и на конецъ XVIII и начало XIX в. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого могутъ служить настоятельные совѣты автора одного чисто практическаго руководства начала XIX вѣка—не увлекаться расшире-

ніемъ запашекъ. А именно, въ книгѣ «Опытный помѣщикъ или правила сельскаго домоводства въ отношеніи къ сѣвернымъ губерніямъ Россіи», вышедшей въ Петербургѣ въ 1814 г., мы читаемъ въ § 22 «О величинѣ запашекъ»: «весьма многіе ошибаются, думая увеличеніемъ запашки умножить свои выгоды и для того распространяютъ оную безъ всякой соразмѣрности. Особенно замѣтилъ я сіе ложное мнѣніе въ Лифляндіи: и отъ сего происходитъ, что многіе помѣщики, а особенно арендаторы, распространяютъ свои пашни безъ всякой мѣры, не имѣя ни довольно рукъ, чтобы хорошо обрабатывать, ни довольно навоза, чтобы ихъ достаточно удобрить» (стр. 45—46). Несомнѣнно, что это предостереженіе было навѣяно фактами экономической дѣйствительности и притомъ наблюденными не въ одной только Лифляндіи. Такъ, *Шелеховъ*, въ своемъ извѣстномъ «Народномъ руководствѣ въ сельскомъ хозяйствѣ», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1836 году, говоритъ, что въ имѣніи кн. Мещерскихъ Латышинѣ (Старицкаго уѣзда, Тверской губ. и Волоколамскаго у., Московской губ.) «въ прежніе, давніе годы одинъ дѣятельный... управитель... основывалъ главные способы урожая на распашкѣ нови, истребленіи лѣсовъ и сгонѣ крестьянъ на нѣсколько дней въ отдаленныя мѣста для подъемки и расчистки. Лѣса изводились немилосердно; оставалось очень мало строевого лѣса и вовсе не было дровяныхъ заказчиковъ; но хлѣбъ родился въ Латышинскомъ хозяйствѣ весьма изобильно» (стр. 54). Этотъ фактъ, очевидно, относится или къ концу XVIII или къ самому началу XIX вѣка, и имъ, думаемъ мы, характеризуется общее явленіе—

экстенсивный прогрессъ помѣщичьяго хозяйства сѣверной Россіи въ эту эпоху.

Никакъ нельзя согласиться съ той характеристикой крѣпостного хозяйства, которую г. *Бажаевъ* заимствуетъ у *кн. Н. Волконскаго* («Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ», Рязань, 1898 г.). Эта характеристика неправильно выдвигаетъ на первый планъ «натуральное» удовлетвореніе потребностей помѣщика, неправильно—потому, что движущимъ мотивомъ помѣщичьяго крѣпостного хозяйства въ обоихъ его формахъ (и оброчной, и барщинной) было извлеченіе денежнаго дохода. При оброчной организаціи крестьяне прямо давали деньги, при барщинной они отдавали свой земледѣльческій трудъ, создававшій рыночный продуктъ, преимущественно,—зерновой хлѣбъ. Мы совершенно не поймемъ русскаго крѣпостного хозяйства XVIII и XIX вѣка, если не будемъ помнить, что надъ нимъ господствовало стремленіе помѣщика къ наивысшему денежному доходу. Я, конечно, не отрицаю, что дореформенное помѣщичье хозяйство было денежно-натуральнымъ, хотя натуральный элементъ игралъ въ немъ, думается, меньшую роль, чѣмъ въ хозяйствѣ современнаго средняго и зажиточнаго крестьянства. Но дѣло даже не въ этомъ. Спрашивается: на что была преимущественно направлена хозяйственная мысль русскаго помѣщика XVIII и XIX вѣка? У него, такъ же какъ у современнаго крестьянина, натуральное удовлетвореніе потребностей давалось уже самымъ фактомъ хозяйствованія, особой же хозяйственной заботы требовало полученіе избыт-

ковъ сверхъ натуральнаго потребленія для превращенія ихъ въ деньги, т. е. другими словами, добываніе денегъ.

Перерабатывающая дворня, вопреки теоріи *кн. Волконскаго,* не могла играть большой роли въ натуральномъ удовлетвореніи потребностей. По существу дѣла ея роль была тѣмъ больше, чѣмъ крупнѣе былъ масштабъ всего хозяйства, чѣмъ больше спеціальностей могло быть представлено въ дворнѣ. Масштабъ мелкаго и средняго помѣщичьяго хозяйства не давалъ ему возможности быть самодовлѣющимъ «ойкосомъ»; а крупные хозяева имѣли такія широкія и разнообразныя потребности, что о преимущественномъ или исключительномъ натуральномъ удовлетвореніи ихъ не могло быть и рѣчи даже при самомъ крупномъ масштабѣ хозяйства. Въ особенности великъ былъ денежный бюджетъ у всѣхъ отсутствовавшихъ, т. е. не жившихъ въ деревнѣ, помѣщиковъ, и онъ былъ у нихъ тѣмъ больше, чѣмъ дальше они проживали отъ своего помѣстья. А мы знаемъ, что множество владѣльцевъ и барщинныхъ имѣній, отвлекаемые службой и проч., не жили въ деревнѣ и до, и послѣ отмѣны обязательной службы. Есть всѣ основанія думать, что въ сколько-нибудь крупныхъ хозяйствахъ сборы натурой съ крестьянъ имѣли для помѣщиковъ въ немалой степени значеніе источника денежнаго дохода. Эта натура превращалась въ деньги, а когда крестьянинъ не могъ ея представить, то она перелагалась на деньги. Доказательства тому можно найти въ подлинныхъ записяхъ дореформенныхъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ.

Причину устойчивости зерновой системы въ помѣщичьихъ хозяйствахъ нечерноземной Россіи до освобожденія крестьянъ слѣдуетъ видѣть не въ «натуральномъ строѣ» всего народнаго хозяйства, а въ условіяхъ транспорта, мѣшавшихъ черноземной Россіи завалить рынки сѣверной Россіи дешевымъ хлѣбомъ. Благодаря этому помѣщики нечерноземной Россіи могли съ выгодой для себя производить зерно для снабженія имъ близкихъ столичныхъ и мѣстныхъ рынковъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ Тверской, Новгородской, Калужской и Нижегородской (частью, впрочемъ, черноземной) губерніяхъ число барщинныхъ крестьянъ за XIX вѣкъ возросло и что въ Псковской губерніи оно передъ реформой составляло 77% общаго числа (Ср. выше этюдъ «Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX вѣкѣ»).

Какъ бы то ни было, историческая часть сочиненія г. *Бажаева* представляетъ весьма цѣнное изслѣдованіе технико-агрономическихъ основъ крѣпостного хозяйства нечерноземной Россіи въ XIX вѣкѣ, за которое наука должна быть весьма признательна почтенному автору.

Та часть разбираемой работы, которая посвящена современному крестьянскому травосѣянію, составляющему главный предметъ изслѣдованія г. *Бажаева*, представляетъ также выдающійся интересъ. Авторъ убѣдительно доказываетъ, что движеніе въ направленіи крестьянскаго травосѣянія началось почти одновременно въ губерніяхъ Московской, Смоленской, Тверской, Петербургской и Ярославской, что это движеніе возникло само-

стоятельно въ разныхъ мѣстностяхъ, подъ вліяніемъ общихъ для нечерноземной полосы условій (стр. 201). Первую роль среди этихъ условій играетъ чрезвычайное обостреніе кормовой нужды. Выяснивъ этотъ органическій характеръ «клевернаго движенія» въ нечерноземной Россіи, авторъ переходитъ къ соотношенію между общиннымъ устройствомъ и развитіемъ крестьянскаго травосѣянія и прослѣживаетъ эволюцію формъ крестьянскаго травопольнаго хозяйства.

Нельзя не сказать, что г. *Бажаевъ* чрезвычайно осмотрителенъ въ своихъ сужденіяхъ. Такъ, онъ приводитъ мнѣніе (изслѣдователя Кашинскаго травосѣянія, покойнаго *Гурвича*), согласно которому фактъ принадлежности подавляющаго большинства общинъ, введшихъ травосѣяніе на надѣльной землѣ, къ разряду помѣщичьихъ крестьянъ, объясняется бо́льшей жизненностью среди нихъ «общиннаго начала», и холодно, но совершенно правильно на это замѣчаетъ: «не менѣе вѣроятно предположеніе, что въ данномъ случаѣ преимущественное вліяніе оказала бо́льшая земельная обезпеченность государственныхъ крестьянъ» (стр. 213). Любопытно указаніе г. *Бажаева*, что «вопреки распространенному мнѣнію, никакого передѣла земли—ни общаго, ни частнаго, при переходѣ къ полевому общественному травосѣянію, даже и правильному не требуется. Оперируютъ при этомъ съ полями и крупными составными ихъ частями—ярусами и копами; принадлежащія-же каждому полосы остаются въ полной неприкосновенности» (стр. 214). Это, конечно, весьма облегчаетъ переходъ къ травосѣянію на надѣльныхъ земляхъ.

Этотъ переходъ есть результатъ рѣшенія всего общества, обязательнаго для отдѣльныхъ членовъ. Такимъ образомъ, принудительная обработка съ трехпольемъ смѣняется такой же принудительной обработкой съ травосѣяніемъ, на что и указываетъ г. *Бажаевъ*. Это не новое указаніе. Въ литературѣ уже было замѣчено и подчеркнуто (всего сильнѣе г. *В. В.*, книгу котораго «Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ» г. *Бажаевъ* почему то игнорируетъ), что та самая власть общины, которая задерживаетъ индивидуальныя улучшенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, способна разомъ двинуть его массовый прогрессъ. Указаніе это нельзя не признать вѣрнымъ, и оно тѣмъ болѣе имѣетъ значенія, что при общинномъ землевладѣніи наблюдается не только общественно-принудительное травосѣяніе, но и общественная покупка клеверныхъ сѣмянъ и даже общественная или артельная обработка клевернаго поля (стр. 216—217). Но эта доказываемая новѣйшими фактами живучесть и даже пластичность общины, способной являться, въ силу присвоенной ей власти, факторомъ агрономическаго прогресса, не говоритъ ничего о живучести того спеціальнаго признака общины, который справедливо считается для нея наиболѣе характернымъ. Мы говоримъ о передѣлахъ. Наоборотъ, не лишено вѣроятности предположеніе, что чѣмъ выше будетъ подыматься земельная культура общинниковъ благодаря общинному принужденію, тѣмъ больше будетъ возрастать сопротивленіе идеѣ и практикѣ передѣловъ. Весьма возможно, что власть общины, проявляющаяся въ «прогрессивной» принудительной обработкѣ, призванной упразднить

традиціонное трехполье и насадить травосѣяніе, сыграетъ въ Россіи ту роль, которую въ германскихъ странахъ сыграло принудительное разверстаніе угодій на основаніи государственнаго закона—и только. Другими словами, живучесть приспособляюшейся къ техническому прогрессу агрикультурной общины нисколько не гарантируетъ живучести общины, какъ соціальнаго института, служащаго идеѣ равнѣнія. Къ сожалѣнію, мы можемъ въ данномъ случаѣ намѣтить только проблемы и лишены совершенно всякой возможности и всякаго права—говорить о рѣшеніяхъ.

«Важно было бы прослѣдить,—говоритъ г. *Бажаевъ*,—тѣ процессы, какіе, быть можетъ, развиваются въ самой общинѣ подъ вліяніемъ развитія травопольнаго хозяйства. Такъ, напр., возможно предположить, что практика травопольнаго хозяйства содѣйствуетъ удлиненію сроковъ передѣла земли и еще болѣе увеличиваетъ разстояніе между экономически сильными дворами и дворами пошатнувшимися или окончательно упавшими, т. е., иначе говоря, оказываетъ прямое вліяніе на усиленіе и обостреніе процесса дифференціаціи. По отношенію къ вліянію на сроки передѣловъ не только еще не собрано достаточнаго матеріала, но таковой, очевидно, и накопиться пока не могъ. Не забудемъ, что крестьянское травопольное хозяйство, въ наиболѣе развитыхъ своихъ формахъ (а только о такихъ, въ данномъ случаѣ, и можетъ быть рѣчь), существуетъ еще слишкомъ недавно, чтобы успѣть оказать замѣтное вліяніе на процессъ эволюціи крестьянской общины, зависящей отъ общихъ условій развитія крестьянскаго хозяйства»

(стр. 221—222). Въ виду этого невозможно «ставить въ причинную связь тѣ измѣненія въ срокахъ передѣловъ, какія могутъ наблюдаться въ селеніяхъ, уже перешедшихъ къ травосѣянію» (тамъ же).

Авторъ обстоятельно прослѣживаетъ процессъ развитія формъ крестьянскаго травопольнаго хозяйства и констатируетъ, что онъ въ цѣломъ рядѣ губерній завершился переходомъ къ сѣвооборотамъ улучшенной зерновой системы. «Крестьянское травопольное хозяйство обнаружило на первыхъ же порахъ надлежащую эластичность и способность приспособляться къ различнымъ уклоненіямъ отъ типическаго склада крестьянскаго хозяйства» (стр. 240).

Новѣйшее крестьянское травопольное хозяйство складывается при участіи и подъ вліяніемъ земской агрономической дѣятельности, вылившейся, какъ извѣстно, въ двѣ типичныя формы: московскую и вятскую; и любопытно, что исторія земской агрономіи всецѣло подтверждаетъ, какую огромную роль въ дѣлѣ развитія хозяйства играютъ общія экономическія и культурныя условія, въ которыхъ живетъ населеніе, его культурно-экономическая зрѣлость. Такъ, въ Московской губерніи и смежныхъ съ нею, гдѣ крестьянское населеніе въ моментъ организаціи земской агрономической помощи уже само вплотную подошло къ реформированію своего хозяйства путемъ введенія травосѣянія, давно практиковавшагося въ частныхъ хозяйствахъ, земское содѣйствіе дало непосредственные и очень крупные результаты. Здѣсь «задача земства сводилась, главнымъ образомъ, къ правильной организаціи кредита въ дѣлѣ снабженія крестьянскаго

населенія сѣменами кормовыхъ травъ и къ организаціи агрономической помощи въ дѣлѣ перехода сельскихъ обществъ къ правильнымъ формамъ травопольнаго хозяйства» (стр. 242). Въ Московской губерніи уже около 10% всей площади крестьянской надѣльной земли захвачены травопольнымъ хозяйствомъ (въ Волоколамскомъ уѣздѣ надѣльная площадь селеній съ правильнымъ травосѣяніемъ составляетъ около 43% всей надѣльной земли уѣзда). Иное видимъ мы въ Вятской и Пермской губерніяхъ, гдѣ земство должно было на такъ называемыхъ «показательныхъ участкахъ», путемъ устройства бесѣдъ и распространенія брошюръ и листковъ учить населеніе тому, что такое травосѣяніе. При такихъ условіяхъ «вятское земство послѣ 10-лѣтней многосложной дѣятельности, поглотившей много силъ и средствъ, добилось того положенія, которое едва можно приравнять къ положенію, существовавшему въ самомъ началѣ земской агрономической дѣятельности въ московскомъ земствѣ» (стр. 247).

Въ послѣдней главѣ своего труда г. *Бажаевъ* стремится при помощи статистическихъ данныхъ разсмотрѣть слѣдующіе отдѣльные вопросы крестьянскаго травопольнаго хозяйства: 1) соотношеніе между развитіемъ травосѣянія частновладѣльческаго и крестьянскаго; 2) вліяніе на развитіе крестьянскаго травосѣянія различныхъ экономическихъ факторовъ; 3) вліяніе правильнаго травопольнаго хозяйства на условія крестьянскаго скотовладѣнія.

По первому вопросу авторъ приходитъ къ выводу, что между развитіемъ травосѣянія владѣльческаго и крестьянскаго существуетъ такое правиль-

ное прямое соотношеніе, какое и слѣдовало-бы a priori предположить на основаніи исторической и всесторонней зависимости крестьянскаго хозяйства отъ помѣщичьяго (стр. 267).

По второму вопросу онъ устанавливаетъ, что крестьянское общественное травосѣяніе получило наибольшее развитіе въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ размѣры селеній менѣе крупны, домохозяева лучше снабжены землей и отдѣльными угодьями, больше содержатъ скота и больше сѣютъ, и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, судя по проценту безлошадныхъ, населеніе менѣе дифференцировалось, т. е., иными словами, гдѣ характеръ мѣстности наиболѣе земледѣльческій. Но прямой причинной зависимости между развитіемъ крестьянскаго травосѣянія и всѣми указанными условіями нѣтъ. Анализъ полученныхъ данныхъ во времени показываетъ, напр., что первоначально на введеніе травосѣянія рѣшились лишь селенія съ наибольшей кормовой нуждой, т. е. съ наибольшимъ процентомъ пашни и наименьшимъ—сѣнокоса. Всѣ условія, благопріятствующія травосѣянію, имѣютъ въ дѣлѣ распространенія правильнаго травопольнаго хозяйства вполнѣ относительное значеніе и опредѣляютъ лишь послѣдовательность, въ которой различныя группы селеній переходятъ къ правильному травосѣянію. А потому, заключаетъ авторъ,—окончательное вытѣсненіе зерновой трехпольной системы травопольнымъ хозяйствомъ является лишь вопросомъ времени (стр. 285).

Наконецъ, по третьему вопросу г. *Бажаевъ* приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: во-первыхъ, правильное травопольное хозяйство оказываетъ умѣряющее вліяніе на процессъ дифференціаціи,

а во-вторыхъ, оно оказываетъ прямое положительное вліяніе на размѣры скотовладѣнія. Первый выводъ понятенъ въ данный историческій моментъ въ виду того, что развитіе травосѣянія вообще есть и средство, и симптомъ въ то же время общаго укрѣпленія крестьянскаго земледѣлія, какъ такового; второй ясенъ самъ по себѣ. Вопросъ только въ томъ, не разовьются ли въ дальнѣйшемъ прогрессивномъ ходѣ развитія крестьянскаго хозяйства новые моменты имущественнаго неравенства. Это вполнѣ возможно, тѣмъ болѣе, что, какъ признаетъ самъ г. *Бажаевъ*, «важный выводъ» объ умѣряющемъ вліяніи травосѣянія на процессъ дифференціаціи «въ виду сложности даннаго вопроса и недостаточности еще давности крестьянскаго правильнаго травопольнаго хозяйства, мы пока еще не въ правѣ признать достаточно твердо обоснованнымъ» (стр. 303).

Добросовѣстное, вполнѣ научное изслѣдованіе г. *Бажаева* еще разъ показываетъ всю сложность вопроса о нашей земельной общинѣ. Эта община—при свѣтѣ научно-безпристрастнаго разсмотрѣнія вопроса—оказывается учрежденіемъ гораздо менѣе «эгалитарнымъ» и вообще гораздо болѣе—да будетъ позволено такъ выразиться—прозаическимъ и, пожалуй, по излюбленной терминологіи, буржуазнымъ, чѣмъ это думалось пылкимъ народникамъ-уравнителямъ. И въ то же время она есть учрежденіе гораздо менѣе косное, гораздо болѣе способное къ развитію, болѣе, такъ сказать пластичное, чѣмъ это представлялось ея отрицателямъ изъ консервативнаго, либеральнаго и радикальнаго лагерей. Обманувъ положительныя ожиданія однихъ и

отрицательныя—другихъ, русская община, можетъ статься, скоро перестанетъ быть предметомъ ожесточенныхъ споровъ, и вопросъ объ общинномъ землевладѣніи вступитъ въ періодъ нѣсколько скучноватаго и произаическаго, но дѣлового и спокойнаго обсужденія. Иллюзіи и призраки исчезнутъ. Я думаю, что такія работы, какъ сочиненіе г. *Бажаева*, будутъ значительно содѣйствовать этому отрезвленію обѣихъ сторонъ.

II. О книгѣ И. И. Игнатовичъ*).

Книга г-жи *Игнатовичъ* не можетъ быть разсматриваема, какъ самостоятельное изслѣдованіе. Въ ней нѣтъ самостоятельной разработки законодательнаго матеріала. Полное Собраніе Законовъ не тронуто авторомъ; мемуарная литература не исчерпана; сравнительно мало и поверхностно использована агрономическая литература. Еще менѣе удовлетворителенъ, съ точки зрѣнія требованій, которыя можно предъявлять къ научному изслѣдованію, характеръ разработки матеріаловъ. Это ярко сказывается въ изложеніи. Такъ, доказывая, что «правительство не было обезпечено и въ безнедоимочномъ исполненіи государственныхъ повинностей помѣщичьихъ крестьянъ» (стр. 13), авторъ ссылается на сообщенія, совершенно неравноцѣнныя (одни заимствованы изъ мемуаровъ и суть не болѣе, какъ сужъ-

*) Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Изданіе второе, дополненное, Москва, 1910 г.

Предлагаемый отзывъ былъ представленъ въ Комиссію Имп. Вольнаго Экономическаго Общества и напечатанъ въ его «Трудахъ» за 1911 г. въ № 2—3.

денія современниковъ, чисто «глазомѣрныя»; другія заимствованы изъ лучшихъ произведеній дореформенной статистики, какова, напримѣръ, извѣстная «Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи» *Якова Соловьева*) и, кромѣ того, совершенно несогласимыя: одни доказываютъ общее (вышецитированное) положеніе автора, другія его опровергаютъ, и этого разногласія г-жа *Инатовичъ* не только не разъясняетъ, но даже не отмѣчаетъ, повидимому, сама его не замѣчая. Такъ, по даннымъ *Соловьева*, относящимся къ одной Смоленской губ. (къ 1 января 1851 г.), недоимка помѣщичьихъ крестьянъ была въ два съ половиной раза больше всего годового оклада, между тѣмъ, какъ по даннымъ, приводимымъ въ сочиненіи *Скребицкаго*, недоборъ по всей Россіи подушной подати съ 1848 по 1858 г. равнялся въ среднемъ 3,79% годового оклада. Эти двѣ цифры, смыслъ которыхъ прямо противоположенъ, приводятся для доказательства одного и того же положенія (стр. 13)! Авторъ совершенно не понялъ, что общія данныя, относящіяся ко всей Россіи, сами по себѣ свидѣтельствуютъ о весьма удовлетворительномъ поступленіи казенныхъ сборовъ съ крѣпостныхъ крестьянъ.

Слѣдуетъ также отмѣтить полную неясность въ употребленіи финансовыхъ терминовъ: «отказъ на ходатайства, строгія мѣры взысканія, должны были раздражать какъ дворянство, такъ и помѣщичьихъ крестьянъ, на которыхъ въ конечномъ счетѣ падали казенныя пошлины» (стр. 14, подчеркнуто мною).

Вопросъ о ссылкѣ крестьянъ въ Сибирь въ связи съ вотчинно-судебной властью помѣщиковъ

(стр. 30—32) изложенъ крайне смутно, ибо различныя юридическія стороны этого явленія совершенно не расчленены: о ссылкѣ крестьянъ по иниціативѣ помѣщиковъ авторъ трактуетъ рядомъ съ ссылкой крестьянъ, наказанныхъ по судебному приговору и не принятыхъ помѣщиками обратно въ составъ крѣпостныхъ, между тѣмъ, какъ и юридическій, и морально-бытовой смыслъ этихъ явленій — совершенно различный.

Единственной частью работы, которая могла бы притязать на самостоятельное научное значеніе,— является разработка статистическихъ приложеній къ Трудамъ редакціонныхъ комиссій. Я не раздѣляю чрезмѣрно скептическаго отношенія къ этому матеріалу и его использованію. Но всякій статистическій матеріалъ, а тѣмъ болѣе собранный и опубликованный такъ примитивно, какъ «Извлеченія изъ описаній помѣшичьихъ имѣній», требуетъ для своей разработки кропотливой предварительной критической работы, своего рода фильтрованія: только такое фильтрованіе данныхъ и педантически-точное истолкованіе каждаго понятія, положеннаго въ основу регистраціи, можетъ сдѣлать использованіе подобнаго матеріала плодотворнымъ. Такой работы г-жа *Инатовичъ* не произвела. Не это однако слѣдуетъ поставить ей въ упрекъ, ибо подобная работа весьма трудна для частнаго лица, и, кромѣ того, требуетъ спеціальной статистической подготовки, которая у г-жи *Инатовичъ* отсутствуетъ. Упрекнуть ее можно и слѣдуетъ въ другомъ. Не имѣя возможности критически разработать матеріалъ, она использовала его некритически, именно потому, что она стремилась къ недоступному ей статистиче-

скому его использованію. Свѣдѣнія, заключенныя въ «Извлеченіяхъ изъ описанія помѣщичьихъ имѣній», могли быть разработаны двояко: либо такъ, чтобы изъ отдѣльныхъ «описаній» составить по районамъ описательно-мозаичную картину экономическаго положенія крѣпостныхъ крестьянъ, либо—чисто статистически. Первая задача была гораздо болѣе доступна автору разбираемой книги, и осуществленіе ея обѣщало обильные плоды. Но г-жа *Игнатовичъ* ею пренебрегла и избрала второй путь, который безъ кропотливой фильтровки первичныхъ данныхъ не могъ дать цѣнныхъ результатовъ. На нѣкоторыхъ примѣрахъ я покажу, къ чему привела подобная некритическая обработка. Такъ, вычисляя % оброчныхъ крестьянъ г-жа *Игнатовичъ* не обращаетъ вниманія на то, что самый смыслъ понятія «тягло» былъ многообразенъ и въ оброчныхъ имѣніяхъ иногда означалъ не рабочую единицу, а земельный участокъ. Хотя это обстоятельство ей извѣстно (см. стр. 59), но при табличной разработкѣ она его забываетъ, вслѣдствіе чего по Воронежской губ. у нея получается несообразно большое число оброчныхъ тяголъ. (Въ нѣкоторыхъ оброчныхъ имѣніяхъ Воронежской губ. тягло означало опредѣленный участокъ земли и оброчное тягло въ силу этого не сопоставимо съ барщиннымъ; для полученія истиннаго % оброчныхъ «тяголъ» въ Воронежской губ. необходимо было бы продѣлать кропотливую статистическую работу). Понятіе «смѣшаннаго тягла» болѣе чѣмъ недостаточно выяснено авторомъ—этимъ терминомъ въ описаніяхъ помѣщичьихъ имѣній обнимались весьма различныя отношенія, вслѣдствіе чего сомнительно даже, имѣетъ

ли смыслъ пользоваться этой рубрикой, какъ статистической, тѣмъ болѣе, что въ подлинныхъ описаніяхъ подъ этой рубрикой отмѣчены не только «смѣшанныя тягла», но значатся и цѣлыя «смѣшанныя имѣнія», т. е. имѣнія, въ которыхъ есть и чисто барщинныя, и чисто оброчныя, и смѣшанныя тягла. Во всякомъ случаѣ многообразіе реальныхъ отношеній, объемлемыхъ этимъ терминомъ: отъ полубарщины до дополнительныхъ къ оброку работъ, оплачиваемыхъ на основаніи договора, заслуживало бы гораздо больше вниманія. Вычисляя землепользованіе помѣщиковъ и крестьянъ по даннымъ Приложеній къ Трудамъ редакціонныхъ комиссій, г-жа *Инатовичъ* не приняла совершенно во вниманіе неполноты данныхъ о лѣсѣ въ составѣ помѣщичьей земли, вслѣдствіе чего получились относительныя величины, совершенно невѣрныя. Согласно таблицѣ № 3, напримѣръ, для Костромской губ., на 1.220.041,87 дес. удобной земли у. помѣщиковъ приходилось только 335.327,68 дес. лѣсу, т. е. меньше 30%. Это нѣчто совершенно несообразное, ибо въ настоящее время въ дворянскомъ землевладѣніи Костромской губ. % лѣсной площади составляетъ 88,4, а въ купеческомъ, т. е. бывшемъ дворянскомъ, даже 93,4; даже въ крестьянскихъ купчихъ земляхъ лѣсъ составляетъ 68,5 (Ежегодникъ Костромского Губернскаго Земства 1910 г. стр. 291). Между тѣмъ на основаніи такихъ цифръ г-жа *Инатовичъ* въ своей таблицѣ показываетъ для момента собиранія свѣдѣній отношеніе удобной безъ лѣса земли въ пользованіи помѣщиковъ и крестьянъ Костромской губ. равнымъ 1:1, что совершенно несообразно и прямо немыслимо при господствѣ

оброчной системы въ этой губ. Для Орловской губ. лѣсная площадь помѣщиковъ показана въ таблицѣ г-жи *Инатовичъ* — 20.794,64, хотя въ 1881 г. она составляла 470.888 дес. (Цифра эта взята мною изъ Энц. Слов. *Арсеньева* и *Петрушевскаго*). То обстоятельство, что г-жа *Инатовичъ* вводитъ подобныя данныя въ свои таблицы, показываетъ, что она не дала себѣ отчета въ тѣхъ реальныхъ явленіяхъ, для выраженія которыхъ служатъ цифры, сгруппированныя въ ея таблицахъ. Съ подобными пріемами не слѣдовало бы приступать къ столь сырому и отрывочному, страшно трудно поддающемуся обработкѣ, матеріалу, какой представляютъ статистическія Приложенія къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій. Между тѣмъ при помощи такихъ пріемовъ авторъ строитъ широкіе и важные историческіе выводы (стр. 68)! Выводы эти не только висятъ въ воздухѣ: они представляютъ собою явное недоразумѣніе.

Несмотря на указанные мною недостатки, я не могу не признать, что г-жа *Инатовичъ* изучила разнообразный матеріалъ и что въ качествѣ оріентирующаго въ вопросѣ популярно-историческаго очерка, въ которомъ собрано много любопытныхъ данныхъ, ея книга представляетъ извѣстную цѣну, а потому, въ ряду представленныхъ нашей комиссіи сочиненій, заслуживаетъ поощренія.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

РЕЛИГІЯ И ФИЛОСОФІЯ.

А. БЕРГСОНЪ. Время и свобода воли. (Essai sur les données immédiates de conscience). Съ приложеніемъ трактата того же автора **„Введеніе въ метафизику“**. Перев. *С. Гессена* и *М. Грюнвальдъ*. Стр. 238. Цѣна **1 р. 50 к.**

Анри Бергсонъ занимаетъ въ философской литературѣ нашихъ дней совершенно исключительное мѣсто по идейному значенію и литературной цѣнности своихъ произведеній.

В. ДЖЕМСЪ. Многообразіе религіознаго опыта. Перев. *В. Г. Малахіевой-Мировичъ* и *М. В. Шикъ*. Подъ ред. *С. В. Лурье*. Стр. 518. Цѣна **2 р. 50 к.**

Классическій трудъ Джемса по своему значенію долженъ быть поставленъ рядомъ съ „Рѣчами о религіи“ Шлейермахера.

Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРЪ. Рѣчи о религіи. Къ образованнымъ людямъ, ее презирающимъ. Монологи. Перев. съ нѣмецк. *С. Л. Франка*. Съ двумя портретами автора и вступительной статьей переводчика. Томъ въ 450 стр. Цѣна **2 р. 50 к.**

„Рѣчи о религіи“ составили эпоху въ развитіи философіи религіи. Къ „Рѣчамъ о религіи“ присоединены „Монологи“—замѣчательный образецъ философской лирики въ прозѣ.

ЭД. ЦЕЛЛЕРЪ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *С. Л. Франка*. Стр. 256. Цѣна **1 р. 80 к.** Послѣ долгаго промежутка, въ теченіе котораго „маленькій Целлеръ“ былъ недоступенъ русскому читателю, появляется новый переводъ этого превосходнаго сжатаго руководства знаменитаго историка философіи.

ИСТОРІЯ и ПОЛИТИКА.

В. Я. БОГУЧАРСКІЙ. Изъ исторіи политической борьбы въ 70—80 гг. XIX в Партія „Народной Воли", ея происхожденіе, судьбы и гибель. Стр. 472. Цѣна 3 рубля.

Авторъ въ документальномъ изложеніи развертываетъ передъ читателями событія и отношенія политической борьбы въ Россіи въ концѣ XIX вѣка.

А. С. ИЗГОЕВЪ. Русское общество и революція. Стр. 273. Ц. 1 р.

Сборникъ статей, характеризующихъ политическое положеніе „обновленной" Россіи. Статьи „Замаскированное самоубійство" и „Политическая провокація" посящены террору и провокаціи.

А. А. КОРНИЛОВЪ. Общественное движеніе при Александрѣ II. 1855—1881 гг. Историческіе очерки. Стр. 260. Цѣна 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 50 к. (Осталось ограниченное число экземпляровъ).

Въ сжатыхъ очеркахъ авторъ рисуетъ время Александра II, обращая преимущественное вниманіе на политическія событія и общественныя теченія этой достопамятной эпохи.

Д-ръ З. ФРЕНКЕЛЬ. Холера и наши города. Стр. 36. Цѣна 15 к.

Д. Н. ЕГОРОВЪ (редакторъ). Русская Литература по Всеобщей Исторіи. Вып. I (Декабрь 1911—Декабрь 1912 г.). Библіографическій обзоръ. Стр. 55 Цѣна 60 коп.

ЛИТЕРАТУРА и ЭСТЕТИКА.

ЛЮБОВЬ ГУРЕВИЧЪ. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. Пушкинъ и Гоголь, Толстой, Лѣсковъ, Чеховъ, Альбовъ, Л. Андреевъ, Брюсовъ, Бунинъ и другіе современники. Стр. 321. Цѣна 1 р. 75 к.

КОНСТ. ЭРБЕРГЪ. Цѣль творчества. Опыты по теоріи творчества и эстетикѣ. Содержаніе: **Цѣль творчества.** (Часть I. Человѣкъ-творецъ. Часть II. Творческій процессъ въ наукѣ и искусствѣ. Часть III. Пресуществленіе).—**Красота и свобода.**—**Цвѣты и кристаллы.**—**Искусство-ежатый.**—**Тишина.**—**О воздушныхъ мостахъ критики.**—**Путь и цѣль въ искуествѣ.**—**Дитя и геній.** Стр. 253. Цѣна 1 р. 75 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Г. ГЕРКНЕРЪ. Рабочій вопросъ. Авторизованный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *В. Ф. Гефдинга.*

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

А. БЕРГСОНЪ. Творческая эволюція. Авторизованный переводъ В. А. Флеровой.

Частныя лица, выписывающія книги изъ книгоиздательства непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій — при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. домъ.

Издательство В. П. Рябушинскаго

Москва, Кудринская-Садовая, домъ 6, кв. 6. Тел. № 144-11.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.
СБОРНИКИ.

ВЕЛИКАЯ РОССІЯ.

Сборникъ статей по военнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Книга первая.

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ редакціи.—Предисловіе.—***. Міросозерцаніе народа и духъ арміи.—**Кн. Г. Н. Трубецкой.** Россія, какъ великая держава.—**Брутъ.** Казенное возсозданіе флота.—**Я.** На новый путь.—**Л. М. Болховитиновъ.** Россія на дальнемъ Востокѣ.—**Л. М. Болховитиновъ.** Колонизаторы Дальняго Востока.—**Н. Л. Кржижановскій.** Развитіе и роль подводнаго флота при современныхъ условіяхъ войны.

VIII+302 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ВЕЛИКАЯ РОССІЯ.

Сборникъ статей по военнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Книга вторая.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе.—**W.** Воздушный флотъ—**Л. М. Болховитиновъ.** Священный долгъ.—**С. А. Котляревскій.** Русская внѣшняя политика и національныя задачи.—**Бобровъ.** Возстановленіе силы.—**Л. Н. Яснопольскій.** Финансы Россіи и ихъ подготовленность къ войнѣ.—**Записка** о мѣрахъ, необходимыхъ для ускоренія и удешевленія кораблестроенія, представленная въ комиссію инженеръ-генерала Рерберга членами Госуд. Думы **А. Ф. Бобянскимъ, Н. Н. Львовымъ, М. В. Челноковымъ** и **А. А. Федоровымъ.**—**П. Б. Струве.** Экономическая проблема „Великой Россіи".—*** Основы подготовки командного состава арміи.—**Уралецъ.** Почему казаки обѣднѣли?—**П. А. Т.** Желѣзнодорожный вопросъ въ Персіи и Великій Индійскій путь.—**Брутъ.** Слѣпые.—**Кн. Г. Н. Трубецкой.** Нѣкоторые итоги русской внѣшней политики.

368 стр.+1 карта. Цѣна 2 руб.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ и РАБОТЫ по ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ и ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ЗНАНІЯМЪ,

издаваемыя подъ редакціей **П. Б. Струве.**

Выпускъ первый.

В. К. Дмитріевъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ПОТРЕБЛЕНІИ АЛКОГОЛЯ ВЪ РОССІИ.

Съ предисловіемъ П. Б. Струве и 4-мя діаграммами.
XII+283 стр. Цѣна 3 рубля.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе редактора „Изслѣдованій и работъ“.—**Введеніе.—Часть первая: Критическій разборъ данныхъ русской алкогольной статистики.** Гл. 1. Общій обзоръ источниковъ алкогольной статистики. Гл. 2. Данныя акцизнаго періода и нѣкоторыя данныя изъ болѣе ранняго періода. Гл. 3. Данныя „переходнаго“ періода.—**Часть вторая: Потребленіе спиртныхъ напитковъ въ связи съ нѣкоторыми другими явленіями народной жизни.** Гл. 1. Непосредственное вліяніе повышенія акциза на душевое потребленіе алкоголя. Гл. 2. Вліяніе на потребленіе алкоголя числа питейныхъ заведеній. Гл. 3. Потребленіе спиртныхъ напитковъ и урожаи. Гл. 4. Потребленіе спиртныхъ напитковъ и періодическія колебанія промышленности (неземледѣльческой). Гл. 5. Вліяніе на общее потребленіе алкоголя перехода отъ спорадическаго къ привычно-регулярному потребленію. Гл. 6. Значеніе психическаго настроенія народныхъ массъ. Гл. 7. Роль физіологическаго оскудѣнія рабочаго организма (подъ вліяніемъ переутомленія). Гл. 8. Причины систематическаго паденія „средняго уровня“ потребленія съ начала 1887 г. Гл. 9. Данныя о душевомъ потребленіи чая и сахара, какъ вспомогательный матеріалъ для уясненія нѣкоторыхъ вопросовъ алкогольной статистики. Гл. 10. Сохраняютъ ли полученные въ предыдущихъ главахъ выводы силу и при господствѣ казенной продажи вина? Заключеніе.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Л. Н. Яснопольскій.

ОЧЕРКИ РУССКАГО БЮДЖЕТНАГО ПРАВА.

I. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ
СОСТАВЛЕНІЕ НАШИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ РОСПИСЕЙ
И БЮДЖЕТНАЯ РЕФОРМА ТАТАРИНОВА.

Стр. XVI+298+99. Цѣна 3 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе.—Гл. 1. Документы нашего бюджетнаго дѣла въ XVII столѣтіи.—Гл. 2. Русское бюджетное дѣло въ эпоху Петра Великаго.—Гл. 3. Разложеніе бюджетнаго дѣла при преемникахъ Петра и его возстановленіе при Екатеринѣ II.—Гл. 4. Время Павла I.—Бюджетное законодательство Сперанскаго и практика нашего бюджетнаго дѣла въ царствованіе Александра I.—Гл. 5. Николаевская эпоха.—Гл. 6. Бюджетная реформа. Основныя начала ея. Публикованіе росписей.—Гл. 7. Начало работъ Спеціальной Комиссіи. Разборъ Комитетовъ казенныхъ и общественныхъ.—Гл. 8. Дальнѣйшая работа Спеціальной Комиссіи. Бюджетная реформа въ Гос. Совѣтѣ.—Заключеніе.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

П. Б. Струве.

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ
ПО ТЕОРІИ и ИСТОРІИ ХОЗЯЙСТВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Введеніе. О нѣкоторыхъ основныхъ философскихъ мотивахъ въ развитіи экономическаго мышленія. Отд. I. Хозяйство и общество. Отд. II. Цѣна-цѣнность.

Стр. XXXV+358. Цѣна 3 р. 50 к.

Готовятся къ печати выпуски ЧЕТВЕРТЫЙ и ПЯТЫЙ той же серіи:

П. Б. Струве.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛІОТЕКА И. К. П.

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КРИТИКА НѢКОТОРЫХЪ ОСНОВНЫХЪ ПРОБЛЕМЪ
и
ПОЛОЖЕНІЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Глава I. Проблема производства и проблема вмѣненія. Глава II. Проблема т. н. „распредѣленія". Глава III. Политическая экономія и бухгалтерія. Глава IV. Цѣна и доходы. Глава V. Доходъ и капиталъ. Глава VI. Заключеніе. Экскурсы и указатели къ обѣимъ частямъ.

Л. Н. Яснопольскій.

ОЧЕРКИ РУССКАГО БЮДЖЕТНАГО ПРАВА.

II. Развитіе нашего бюджетнаго законодательства послѣ реформы 1862 г. и бюджетное право Государственной Думы.

СОДЕРЖАНІЕ: Гл. 1. Бюджетная централизація и децентрализація.—Гл. 2. Развитіе единства бюджета.—Гл. 3. Порядокъ разсмотрѣнія бюджета.—Гл. 4. Объединеніе бюджетнаго періода—Гл. 5. Борьба съ сверхсмѣтными кредитами въ нашемъ бюджетѣ.—Гл. 6. Бюджетная отчетность. Попытки кодификаціи бюджетнаго законодательства.—Гл. 7. Переходъ къ конституціонному строю. Проекты переходной эпохи.—Гл. 8. Бюджетное право Гос. Думы, и законодательныхъ актовъ 1905—1906 гг.—Гл. 9. Бюджетная практика Гос. Думы, Гос. Совѣта и Совѣта Министровъ. Заключеніе.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ. ПЕРЕВОДНЫЕ ТРУДЫ.

Людвигъ БЕРНГАРДЪ,

ПРОФЕССОРЪ БЕРЛИНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

БОРЬБА ПОЛЯКОВЪ ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ ВЪ ПРУССІИ.

(DIE POLENFRAGE.

DAS POLNISCHE GEMEINWESEN IM PREUSSISCHEN STAAT).

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ АВТОРА ПЕРЕВЕЛЪ СЪ 2-ГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

А. С. ИЗГОЕВЪ.

Съ предисловіемъ П. Б. СТРУВЕ

и вступительной статьей А. С. ИЗГОЕВА.

XIV+584 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: **Книга первая: Организація поляковъ въ Пруссіи.** 1. Господство польской „эмиграціи“ (1831—1862). 2. Господство польской фракціи въ Берлинѣ (1864 — 1893). 3. Нынѣшняя организація польскаго населенія въ Пруссіи. **Книга вторая: Польская финансовая система.** 1. Центральное управленіе польскаго Союза товариществъ 2. Союзный Банкъ. 3. Сѣть польскихъ товариществъ. 4. Кредитная политика поляковъ. **Книга третья: Борьба за землю.** 1. Выработка методовъ борьбы. 2. Мѣры противодѣйствія со стороны нѣмцевъ. Заключеніе. Польскій рабочій вопросъ.

Брукъ АДАМСЪ.

НОВАЯ ДЕРЖАВА.

Авторизованный переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія

Г. А. Койранскаго.

Предисловіе профессора **И. Х. Озерова.**.

LV+212 стр. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Изъ предисловія И. Х. Озерова: „на 14-мъ собраніи американской экономической ассоціаціи Брукъ Адамсъ прочелъ интересный докладъ „О расширеніи иностранной торговли Соединенныхъ Штатовъ". Авторъ сдѣлалъ здѣсь попытку изобразить человѣческую исторію, какъ постоянное перемѣщеніе энергіи съ востока на западъ; еще за 1200 лѣтъ до Рождества Христова Ниневія держала въ своихъ рукахъ супрематію, затѣмъ, она переходила къ грекамъ, римлянамъ, къ Испаніи, Голландіи, Англіи, и въ настоящее время послѣдняя уступаетъ свое мѣсто Соединеннымъ Штатамъ. Каждая нація уступала свое міровое первенство другой только въ кровавомъ бою...

Предлагаемая вниманію публики книга Брукса Адамса является, въ сущности, развитіемъ этой идеи.

Въ книгѣ разсѣяно много вѣрныхъ замѣчаній, книга любопытна по своей концепціи, она поучительна для насъ, она дѣйствуетъ на читателей возбуждающимъ образомъ, заставляя оглядываться на окружающую жизнь и переоцѣнивать ее съ иной точки зрѣнія, въ то же время она открываетъ широкіе горизонты.

Нельзя не пожелать широкаго распространенія этой книгѣ въ нашемъ обществѣ, быть можетъ, она посодѣйствуетъ болѣе углубленному отношенію у насъ къ экономическимъ проблемамъ, заставитъ подумать и у насъ надъ пересозданіемъ характера нашего населенія, реорганизаціей школы, надъ необходимостью привить широкимъ кругамъ сознанія нравственнаго долга работать, и т. д.

Только вступивъ на такой путь, и мы двинемся впередъ, иначе мы должны будемъ сойти съ міровой сцены.

Издательство В. П. Рябушинскаго высылаетъ свои изданія всѣмъ, выписывающимъ непосредственно изъ склада (Москва, Кудринская-Садовая, д. № 6, кв. № 6), принимая почтовые расходы на свой счетъ.

Книгопродавцы пользуются уступкой въ 30%, при условіи непосредственнаго обращенія въ складъ изданій.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга:

ПЕТРЪ СТРУВЕ.

НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ.

(1893—1901 гг.).

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

Содержаніе: 1) Моимъ критикамъ. 2) Наши утописты. 3) Г. Чичеринъ и его обращеніе къ прошлому. 4) „Мужики“ Чехова. 5) „Мужики“ Чехова и г. Михайловскій. 6) Замѣчательная книга („Памфлеты“ П. Л. Курье). 7) Miscellanea. 8) Философія идеальнаго добра или апологія реальнаго зла? 9) Памяти Владиміра Соловьева. 10) Романтика противъ казенщины (о В. В. Розановѣ). 11) Новая книга по русской исторіи и литературѣ. 12) Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Оболенскаго „Новый расколъ въ нашей интеллигенціи“. 13) Марксъ о Гёте. 14) Ф. Лассаль. 15) Еще о Лассалѣ. 16) Замѣтки о Гауптманѣ и Нитцше. 17) Противъ ортодоксальной нетерпимости—pro domo sua. 18) Памяти Н. В. Шелгунова. 19) Австрійское крестьянство и его бытописатель. 20) Соціально-экономическая подкладка нѣмецкаго вопроса въ Австріи. 21) Международный конгрессъ по вопросамъ законодательной охраны рабочихъ. 22) „Экономическіе этюды“ Н. В. Водовозова. 23) Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности. 24) Научная исторія русской крупной промышленности (о книгѣ М. И. Туганъ-Барановскаго). 25) Изъ лѣтнихъ наблюденій. 26) Свобода и историческая необходимость. 27) Къ вопросу о морали. 28) Право и права. 29) Въ чемъ же истинный національнизмъ?

Томъ въ 555 страницъ.

Цѣна 3 рубля.

Складъ въ книгоиздательствѣ О. Н. Поповой, С.-Петербургъ, Невскій, 54.

Петръ Струве.

PATRIOTICA.

Политика, культура, религія, соціализмъ.

Сборникъ статей за пять лѣтъ (1905—1910 г.).

Въ числѣ статей, между прочимъ, напечатаны: „Великая Россія“, „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія“, „Интеллигенція и революція“, „Интеллигенція и народное хозяйство“, „Интеллигенція и національное лицо“, „Герценъ“, „Левъ Толстой“ и „17 октября 1909 г.“ (сравнительная характеристика П. А. Столыпина и А. И. Гучкова). Стр. 619.

Цѣна 3 р.

Изданіе Д. Е. Жуковскаго.

Складъ изданія въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 линія, д. 28.

Изданія М. и С. Сабашниковыхъ.

Москва, Тверской бульваръ, 6.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Велецкій, С. Земская статистика. Съ пред. А. И. Чупрова. 3 тома. Ц. 7 р.

Дроздовъ, В. Около земли. Очерки по землеустройству Цѣна 40 к.

Нитти, Ф. Основныя начала финансовой науки. Перев. И. Шрейдера съ дополн. А. Свирщевскаго, пред. проф. А. И. Чупрова. Ц. 3 р.

Прокоповичъ, С. Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства. Цѣна 2 р.

Прокоповичъ, С. Кооперативное движеніе въ Россіи, его теорія и практика. Ц. 2 р. 60 к.

Тотоміанцъ, В. Ѳ. Кооперація въ русской деревнѣ. Ц. 2 р. 60 к.

Чупровъ, А. А. Очерки по теоріи статистики. Ц. 2 р. 50 к.

Чупровъ, А. И. Рѣчи и статьи. 3 тома. Ц. 7 р. 50 к.

Чупровъ, А. И. Крестьянскій вопросъ. Ц. 1 р. 20 к.

Чупровъ, А. И. Мелкій кредитъ и кооперація. Ц. 1 р.

Чупровъ, А. И. Изъ прошлаго русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Ц. 2 р.

Чупровъ, А. И. Курсъ Политической экономіи. Ц. 1 р. 20 к.

Чупровъ, А. И. Исторія Политической экономіи. Ц. 80 к.

Шмоллеръ, Г. Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ. Перев. Е. Котляревской. Ц. 50 к.

Изданія М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.

Москва, Тверской бульваръ, 6.

ФИЛОСОФІЯ и ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

Аристотель. Политика. 3 р.
Беджготъ, В. Государственный строй Англіи. 1 р. 60 к.
Боржо, Ш. Учрежденіе и пересмотръ конституцій. 1 р.
Вундтъ, В. О наивномъ и критическомъ реализмѣ. 2 р.
Еллинекъ, Г. Права меньшинства. 20 к.
Зиммель, Г. Соціальная дифференціація. 1 р.
Зиммель, Г. Религія. 40 к.

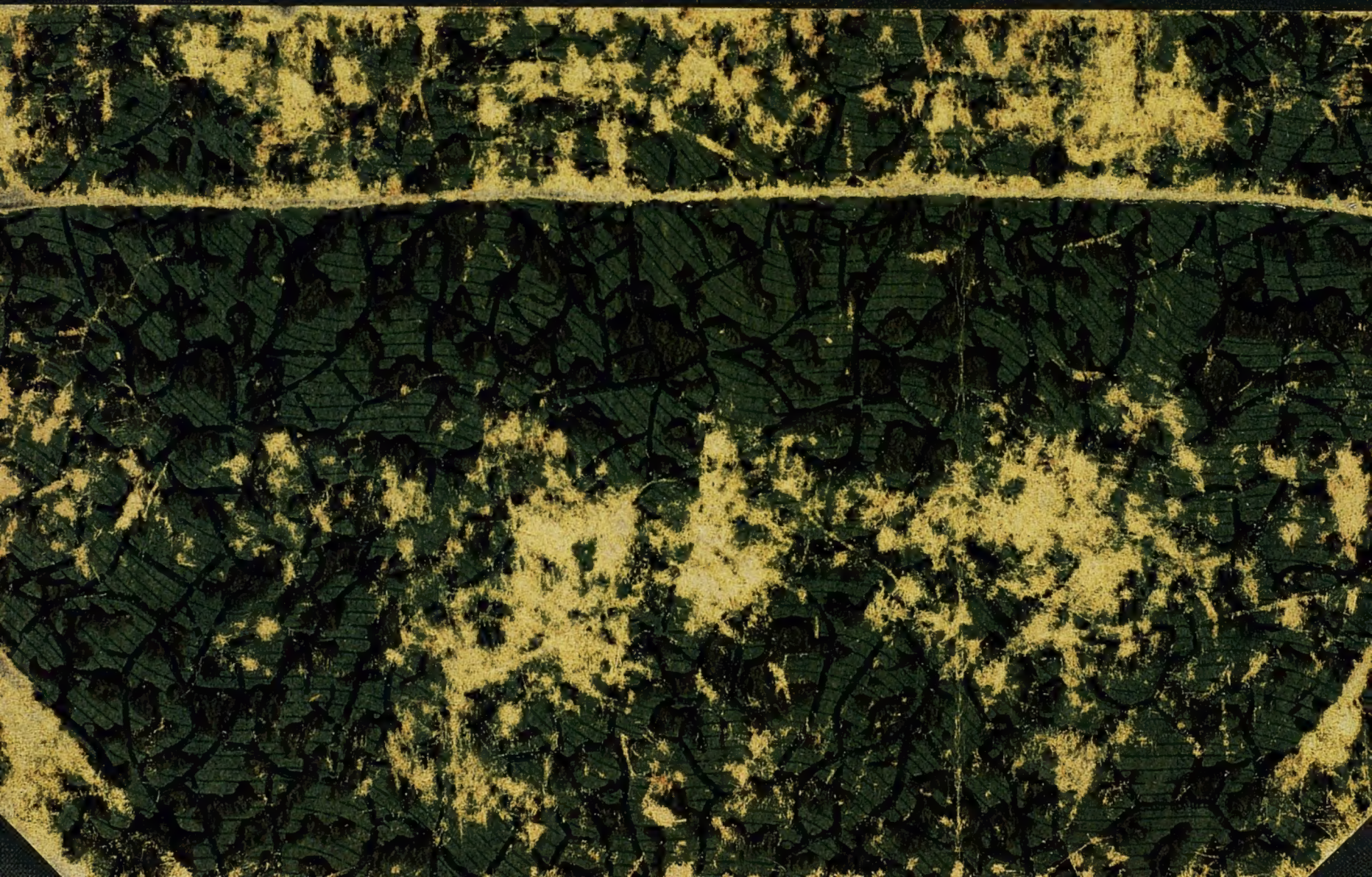
ИСТОРІЯ.

Бековъ, Г. Городск. строй и гор. жизнь средневѣк. Германіи. 1 р. 25 к.
Белохъ, Ю. Исторія Греціи, въ 2-хъ т. 3 р.
Богучарскій, В. Активное народничество семидесятыхъ годовъ. 2 р.
Ешевскій, С. Собраніе соч. по русской исторіи. 2 р.
Корниловъ, А. Курсъ исторіи Россіи XIX в. Ч. I. 1 р. 25 к. Ч. II. 1 р. 25 к.
Лависсъ, Э. Очерки по исторіи Пруссіи. 1 р.
Ланглуа, Ш. Инквизиція. 45 к.
Огарева-Тучкова, Н. А. Воспоминанія 1848—1870 гг. 1 р. 50 к.

ПАМЯТНИКИ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Овидій. Баллады—посланія. Пер. Ѳ. Зѣлинскаго. 2 р. 25 к.
Лукрецій. О природѣ вещей. Пер. И. Рачинскаго 2 р. 25 к.
Асвагоша. Жизнь Будды. Пер. К. Бальмонта. 2 р. 25 к.

СТРАНЫ, ВѢКА и НАРОДЫ.

Бёмеръ. Іезуиты. 1 р. 25 к.
Диль, Ш. По Греціи. 1 р. 25 к.
П. де Сенъ-Викторъ. Боги и люди. 1 р. 25 к.

Подробные каталоги высылаются по требованію безплатно.